

**ФЕДОР
АПРАКСИН**

1661-1728

**СПОДВИЖНИКИ
И СЛАВОУЧИТЫ**

ФЕДОР АПРАКСИН

Иван Фирсов

С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

РОМАН

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва
2000

УДК 82-311.6(02)
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44я5
А 76

Оформление серии
В. И. Харламова

ISBN 5-271-00402-3
ISBN 5-17-002022-8

© Фирсов И. И., 2000

© Состав, художественное оформление, «Издательство Астрель», 2000

*Из энциклопедического словаря.
Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 2. СПб., 1890*

Апраксин Федор Матвеевич (1661–17128) – граф, генерал-адмирал русского флота, знаменитый сподвижник Петра I, родился в 1661 г.

С 1682 г. был стольником Петра I, принимал участие во всех играх и занятиях с потешными. В 1692 г. был назначен воеводой в Архангельске.

В 1695 г., при составлении Преображенского и Семеновского полков, оставаясь архангельским воеводою, получил чин поручика, а в 1696 г., при взятии Азова, награжден чином полковника. В 1697 г. ему был поручен главный надзор за судостроением в Воронеже, а в 1700 г. Апраксин был назначен начальником Адмиралтейского приказа с званием адмиралтейца и азовским губернатором. С 1705 г. управлял Оружейным и Монетным дворами в Москве. В 1708–1709 гг. успешно руководил отражением нападения шведов на Кронштадт и Петербург. В память этого события Петр I повелел выбить медаль с изображением на одной стороне грудного портрета Апраксина с надписью: «Царского Величества Адмирал Ф. М. Апраксин», а на другой – изображение флота, построившегося в линию, с надписью: «Храня сие, не спит; лучше смерть, а не неверность, 1708 г.». В 1710 г. за взятие крепости Выборг был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. В 1713 г. Апраксин, начальствуя над галерным флотом, состоявшим из 200 судов, взял города Гельсингфорс и Борго, а в 1714 г. во время знаменитого Гангутского сражения также был во главе галерной эскадры.

По возвращении в Санкт-Петербург Апраксина в числе других вельмож подвергли следствию за разные злоупотребления и беспорядки, оказавшиеся во вверенном ему морском ведомстве. Несмотря на безукоризненную честность и бескорыстие, он был приговорен к уплате денежного штрафа. Но Петр I, желая вознаградить Апракси-

на за понесенную им вследствие штрафа денежную потерю, в 1716 г. подарил ему все поместья, оставшиеся после смерти вдовствующей сестры графа, царицы Марфы Матвеевны.

В 1715–1719 гг. Апраксин исполнял многие поручения, в том числе руководил рядом морских и десантных операций на Балтике. В 1721 г. при торжестве по случаю заключения Ништадтского мира он получил от Петра I дозволение поднимать кейзер-флаг. В 1723 г. Апраксин принял начальство над флотом, состоявшим из 24 линейных кораблей и 5 фрегатов. Последний поход адмирала был к Ревелю – для прикрытия города от англичан (вследствие дипломатического разрыва России с Англией).

Ф. М. Апраксин скончался в 1728 г. в возрасте 67 лет. Оставшееся после него имущество, согласно воле покойного, было распределено таким образом: дом в Санкт-Петербурге императору Петру II, а остальное движимое и недвижимое имущество меньшому брату, графу Андрею Матвеевичу. Прах Ф. М. Апраксина покоится в московском Златоустовском монастыре. По отзывам современников, Федор Матвеевич был гостеприимен, исполнен пламенного желания добра всем и каждому. Несмотря на постоянное расположение к себе государя, покойный не только не имел завистников, но и пользовался всеобщим уважением.

Иван Фирсов

С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

РОМАН

*Памяти брата Володи
и всех, кто погиб в сорок первом.*

Автор

Часть первая БЕЗОТЦОВЩИНА

Псковский городской дворянин из захудалых помещиков Афанасий Ордин-Нащокин приглянулся царю Алексею Михайловичу в первые же годы его правления. Второй по счету царь из рода Романовых правил не только «заведенным порядком и государевой волей», как было прежде. Алексей Михайлович сразу стал присматривать среди окружения людей умных, прозорливых. Однако промеж родовитого московского боярства таких лиц в то время было не сыскать днем с огнем.

Наделенный недюжинным умом, псковитянин с детства штудировал математику, знал латинский, немецкий, польский. Поневоле с юных лет сталкивался он с иноземцами-купцами, дельцами, посольскими людьми. Проявил себя еще при Михаиле Романове, улаживая пограничные ссоры со Шведией, ездил в Молдавию.

Скоро призвал его на службу и новый царь.

Первый и довольно долгий военный раздор Алексей Михайлович по воцарении затеял с поляками из-за Правобережной Малороссии.

Не прерывая войны с Польшей, он сделал попытку вернуть утерянные земли на берегах Балтики. Но за двумя зайцами не угонишься...

Летом 1656 года из Полоцка отправилось царское войско

на стругах вниз по Западной Двине. Крепость Двинск сдалась после первого приступа. Через две недели отряд боярина Стрешнева без особого сопротивления занял Кукейнос. Войска вскоре начали осаду Риги, главной цитадели на пути к морю.

В Кукейносе же царь посадил воеводой Ордина-Нащокина:

— Осмотрись помаленьку и начинай сторожевые суда ладить, к морю пойдем, к Варяжскому. Нам бы только Ригу полонить.

Прежде всего Нащокину пришлось наводить порядок в Кукейносе. Горожане присягнули безропотно на верность московскому царю, а вошедшие в город казаки по привычке начали грабить мирное население. Трудно приходилось воеводе, но справедливость для него была превыше всего. «Лучше бы я на себе раны видел, — писал он царю, — только бы невинные люди такой крови не терпели; лучше бы согласился я быть в заточении обратном, только бы не жить здесь и не видеть над людьми таких злых бед».

Жизнь в городе налаживалась, и Нащокин спешно начал строить флотилию судов. Десятки морских галер покачивались через полгода на волнах Западной Двины. Воевода между тем управлял вскоре всей Ливонией, не забывая и своей заветной цели — Балтийского моря. Для этого надо было победить шведов. И галеры стояли наготове, ожидая приказа. Но царь осенью, не добившись успеха, снял осаду Риги, а потом решил просить замирения со шведами.

— Ни к чему это, государь, — смело возражал ему Нащокин, — надобно мириться с поляками. Вместе с Посполитой, Данией и Бранденбургом одолеть бы шведов и завладеть бы морем.

Царь не соглашался, поляки, мол, Малороссию не признают за нами.

Для Нащокина намного важнее казалось установить общение и торговлю с Европой.

— Покуда Бог с ней, с Малороссией, — увещевал он царя Алексея, — ихние казаки то и дело изменяют нам, как тот же Богдан Хмельницкий. Так стоят ли они того, чтобы стоять за них, променяв на Балтийский берег?

Царь понимал, что море нужно, и писал Нащокину грамоту на переговоры: «Промышляй всякими мерами, чтобы говорить у шведов в нашу сторону в Ниенштанце и под Нар-

вой корабельные пристани, на реке Неве город Орешек, да на реке Двине город Кукейнос». Но в союз с Польшей вступать наотрез отказался.

А среди шведов простаков не оказалось. Видели они, что русский царь повязан войной с Речью Посполитой, да и силы у него понемногу тают... В конце концов пришлось покинуть русским войскам отвоеванные отчие места. Кровью обливалось сердце при виде полыхающих у берегов Западной Двины десятков судов сторожевой флотилии. Поневоле выпало уничтожить сотворенное своими руками. И на этот раз ворота к морю, а значит в Европу, оказались наглухо закрытыми...

Царь продолжал воевать с Речью Посполитой, и конца войны не было видно, хотя оба соперника еле дышали.

Тринадцать лет бились русские и поляки за право опекать Правобережную Украину и Белоруссию. «Москва и Польша, казалось, готовы были выпить у друг друга последние капли крови». Грозный общий враг — турецкий султан — наконец-то их отрезвил.

Почетному миру с Польшей зимой 1667 года Москва обязана дипломатическому искусству Ордина-Нащокина, у которого «о государевом деле сердце болело». Алексей Михайлович пожаловал его в бояре и определил начальником Посольского приказа. Московские бояре, околопрестольная братия, приняли в штыки худородного дворянина из провинции. Превосходил он думных бояр умом, образованностью и широтой взглядов на жизнь. С молодых лет Афанасий приглядывался к иноземным заведениям, сравнивал с московскими и давно решил многое делать «с примеру сторонних чужих земель».

В новой должности довелось Афанасию опять взяться за морское дело.

Одной из важных функций Посольского приказа считал он развитие торговых связей с ближними и дальними странами. Имея в виду будущую торговлю, снарядил посольства в Испанию, Францию, Венецию, Голландию, Бухару, Хиву и даже в далекую неведомую Индию.

— Русские люди, великий государь, в торговле слабы, — докладывал Нащокин царю, — друг дружки не держатся, иноземцам во всем уступают.

Царь невесело согласился:

– Что поделаешь, Афанасий, такие мы уродились.

– Исправлять сие потребно, государь. Сочинил я, к примеру, устав новоторговый, всяк купец должен быть добрым хозяином. На пользу государству купецкие дела направлять надобно.

Алексей Михайлович добродушно поглядывал на собеседника: «Многие бояре косятся на Афанасия, а он-то печется о деле».

– Што еще у тебя?

– Нынче, государь, по твоему повелению завели мы торговлю с Персидскою компаниею, и жалована тобою им грамота, по которой призваны мы оберегать торговый путь по Волге и морю Хвалынскому. На то потребно суда ладить.

– Помню, Афанасий, ты на Двине споро суда ладил. Издавна у нас в Дединове доброе строение велось, тебе и ведать сим делом.

– Слушаюсь, государь, и повинуюсь.

– Да расспроси умельцев дединовских, нет ли среди них оных мастеров, которые в Нижнем ладили корабль «Фредерик». А других мастеров голанских выписать через Сведена, ты ведаешь оного.

– Сие, государь, мудро тобой сказано. В Кукейносе у меня морские суда ладили плотники дединовские, они сгодятся. Ныне же корабль поболее сооружать станем. Мастеровых умельцев голанских да матроз с шкипером призывать на службу неминуемо...

Не прошло и недели, 19 июня 1667 года состоялся царский указ:

«Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великие и Малые и Белые России самодержец, указал для посылки из Астрахани на Хвалынское море делать корабли в Коломенском уезде в селе Дединове, и то корабельное дело ведать в приказе Новгородские Чети, боярину Офонасью Ловрентьевичу Ордину-Нащокину, да думным дьякам Герасиму Дохтурову, да Лукьяну Голосову, да дьяку Ефиму Юрьеву».

Сельцо Дединово, в четыре сотни дворов, неподалеку от Коломны, вниз по Оке, по левому ее берегу протянулось верст на пять. Издавна промышляли здесь рыбой, извозом хлеба,

соли, пеньки. С верховья и с низу Волги переваливали грузы на пути в Москву. Отсюда и пошло то неизменное на века строение лодок, стругов, что прозывались иногда «коломенками». Облюбовал это насиженное судодельцами место и Ордин-Нащокин. По душе пришлась ему и незатейливая верфь в Дединове, и умельцы корабельные – плотники. По прежнему опыту на Двине Афанасий ведал, с чего начинать.

Летнее время было дорого, уходили дни быстро, безвозвратно, как вода утекала в Оке.

– Наперво, государь, определиться надобно с корабельщицкими мастеровыми для строения судов. Ты указывал полковника Буковена, то сделано, а Сведена в посылку отправляем в Голландию, других мастеровых да корабельных людей нанимать.

Алексей Михайлович согласно кивнул головой: «Молодец Афанасий, в долгий ящик не откладывает дело».

– Другое, государь, – без спешки, но напористо продолжал Нащокин, – без промедления посылать людей надобно для сыска корабельного леса, оный корень всего дела.

Царь уважал в молодом боярине хватку и деловитость.

– Заготовь указ, Афанасий.

– Указ сподобен, государь великий.

Из указа царя Алексея Михайловича: «Лета 1667 г., июля в 15 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Белой России самодержца, указу подъячему Савину Яковлеву. Ехати ему в Вяземский уезд на Угру-реку, а из Вязьмы ехать ему в Коломенский уезд в Дединово и в иные места для того: в нынешнем во 1667 году, указал великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, послал в те места иноземцев полковника Корнилиуса фон-Буковена да мастеровых людей Ламберта Гелта с товарищи, 4 чел., для досмотра всякого лесу на судовое дело, те леса переписать и тутошних волостных жителей расспросить, в котором месте тот лес от Угры и от Оки-реки? и сколько верст будет Угрою и Окою реками до Волги-реки? и в стругах ли, или плотами гнать, и не будет ли где тому лесу водою на мелях до Волги какого задержания и государеву судовому делу мотчанья? и взять ему у тех людей сказки за руками. А переписав все подлинно, ехать ему с теми иноземца-

ми к Москве и, приехав, явитца, и роспись и сказки подать в приказе Новгородские четверти, боярину Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину». Днями после указа выехал подъячий Савин Яковлев искать сосновые боры, да не простые, а где сосны растут корабельные. В окружении елок, зажатые деревьями, тянутся вверх без сучка, без задоринки...

Поплыли в Дединово водою на стругах да плотами корабельные сосны. Хороши они на мачты, на брусья для шпангоутов¹ и других конструкций корпуса корабля. Для обшивки же корпуса потребны доски, а их-то оказалось маловато, наперечет... Отыскивали доски не грубо тесанные топорами из дерев, а ровные, пильные. В Дмитровской волости отыскали десяток дубовых досок, в Калуге два десятка сосновых. Выручило Дединово, здесь в заготовке лежало почти две сотни пильных досок.

Главным распорядителем на верфи Ордин-Нащокин поставил сметливого и расторопного дворянина Якова Полуектова. Разбитной Яков оказался к месту, всюду поспевал, покрикивал, но дело начало двигаться. К осени обозначились контуры, скелет корпуса судна, торчали ребра-шпангоуты.

На верфи появились иноземцы, подъехали из Голландии нанятые корабельные мастера, привезли инструмент, работа пошла веселей. Ордин-Нащокин хлопотал об изготовлении в Туле и Кашире железных поделок, «для отпусков на Хвалынское море корабли да железа самого доброго».

Рядом с кораблем заложили яхту и два небольших бота. Зимой работы на верфи прекратились, корпуса накрыли рогожей, в сараях плотники заготавливали впрок «члены» для корпусов, обшивали досками днище. Полуектов доносил царю в феврале 1668 года: «...мне, холопу твоему, велено, государь, корабли делать наспех, чтоб к весне были готовы. И у меня, холопа твоего, корабль и яхту делают, а у корабля, государь, дно и стороны основаны, и кривые деревья все прибиты, и на верх на корабль брусья растутаются».

Приближалась весна, корабль готовили к спуску на воду. Ордин-Нащокин отправлялся в дальнейшее путешествие по Ев-

¹ Шпангоут — поперечное ребро корпуса судна, придающее последнему поперечную прочность.

ропе, а царь поторапливал Полуектова, «что бы корабельное дело не стояло»; к осени надлежит отправить фрегат¹ в Астрахань.

Перед Пасхой вызвал Алексей Михайлович стольника Матвея Апраксина. Верой и правдой служили Апраксины царям. Дед Матвея стольником был у Федора Иоанновича, отец воеводой в Севске.

— Ныне в Дединове корабль ладят, ты ведаешь? — начал издадека царь.

— Тебе забота по сему поводу. Пойдешь на струге Волгой до Астрахани. Проведаешь, как путь водяной до Хвалынского моря. В самой Астрахани присмотри, где тому судну пристать, где анбары — товаров для — возвести. Воеводе все укажешь. Возвернешься, донесешь. Людей возьми дворовых, кормовые да проезжие деньги в Большом приказе получишь.

Подсохли дороги, и Апраксин уехал в Дединово снаряжать струг в дальний путь. Перед отъездом в его доме царила суета. Носились по комнатам три сына-малолетки, жена собирала мужа в дорогу, то и дело заглядывала в светелку к младшей дочери Марфиньке. Матвей Васильевич любил возиться с детьми.

— Собирай-ка, Настасья, старших пострелов Петюньку и Федорку, возьми их с собой на Оку, пуцай водяную утеху познают, да и тебе забот поменьше.

В Дединове, у пристани, поскрипывая причальными канатами, покачивался громадный корабль. Невдалеке пилили на козлах бревна на доски, тесали бревна, ошкуривали строганные стволы сосен.

— Щеглы будем ладить вскорости, — кивнув на длинные, десять — двенадцать сажень, гладкие бревна, пояснил Апраксину сбежавший по сходням Полуектов. В бороде и волосах его торчали стружки, ладони были перемазаны смолой. С Апраксиным он не раз встречался в московских приказах.

— Чего для сии щеглы? — недоумевал Апраксин.

— Долгое дело. На них парусину натягивают, в парусы ветер дует, корабль по морю плывет. Разумеешь?

¹ Фрегат — трехмачтовый военный корабль, как правило, с двумя батарейными палубами, до 50 пушек.

Апраксин оглянулся. Сыновей как ветром сдуло. Они успели забраться по сходням на корабль и помахивали ему сверху руками.

— Ну погодите, я с вас портки спущу да задницы надеру! — крикнул Апраксин, а Полуектов, не переставая улыбаться, придержал его за рукав:

— Не ерепенься, пушай мальцы порезвятся. Ежели водяная утеха им по нутру, не отваживай. Когда еще придется сию диковину зреть...

Всю неделю, пока готовили струг, мальчишки с утра до вечера пропадали на пристани. Полуектов между делами сам водил их по фрегату, лазил по палубам, показывал закоулки, рассказывал, что к чему...

В конце лета на Москве-реке провожали струг Матвея Апраксина. Загрузили припасы ружейные и провизии поболее — путь дальний, на Волге всякое случалось, пошаливали ватаги беглых людей, шайки разбойников, не гнушались грабить и казаки. Полсотни стражников и дворовых людей томились в ожидании стольника. Поцеловал Матвей на прощание детей, обнял жену, перекрестился.

— Ну, Господи, благослови, не кручинься, Настасья, не я первый, по осени вернусь...

Заплакала жена, не раз уходил в поход муженек, Бог миловал, а нынче вот водным путем, впервой...

Зычно крикнул кормщик, вспорхнула стая галок с векового вяза, отвалил струг от пристани, блеснули на солнце длинные весла, зачавкали по воде...

Спустя время в такт размеренным всплескам донеслась песня:

Снаряжался православный царь Михайло
во дорожку, как во дальнюю дорожку в Астраханску.
Снарядился он со воинством,
все с полками со стрелецкими,
Распростился он с царицею,
Благословил он малых детушек...

Быстро летят погожие недели. Кончилось лето, зарядила осенняя непогода. Вернулись из Астрахани торговые люди, удивленно пожимали плечами:

— Стольник Апраксин Матвей отъехал давненько из Астрахани, пора ему быть...

После Покрова в усадьбе Апраксиных объявился один из многих служивых людей стольника. В лохмотьях, иссеченный рубцами, привез страшную весть.

— Отъехали мы из Саратова верст семьдесят, расположились привалом на ночь, костры зажгли. Пополуночи налетела калмыцкая орда, посекали всех, добычу искали, да што с нас взять. Один я уцелел...

Заголосили, завывали бабы, полсотни вдов в Москве враз появилось, не одна сотня сирот, для них пришла безрадостная и тягостная пора безотцовщины.

В усадьбу Апраксиных наведася Артамон Матвеев, крестный детей Матвея, стольник. Вместе правили службу царя, часто по делам сотрудничали. Погладил детей по головкам, трех мал-мала сыновей, любимую крестницу младшую Марфиньку, утешал вдову.

— Не кручинься, горем не изводи себя. Государь вам жалует денег. Я всегда к тебе привечен, твои дети будто мои. Доглядывать их вместе будем. Подрастут, на царскую службу определим.

Ранней весной по санному пути в Дединово прибыл долгожданный капитан из Голландии Давид Бутлер. С ним приехали нанятые им его земляки, корабельные люди. Кормщики и дозорщики над снастями, парусники и пушкари. Корабль стоял в гавани, вокруг него всю зиму обколачивали лед, чтобы не потревожить борта.

Корабль Бутлеру понравился, похвалил Полуектову дединовских и коломенских плотников.

— Судно сработано по-доброму.

— Што верно, то верно, струг на славу получился, — согласился стоявший рядом кормщик Иван Савельев из Астрахани. По уговору с Апраксиным воевода прислал опытного морехода для проводки судна по Волге.

— Как прозвание сему фрегату? — спросил Бутлер.

Полуектов, улыбаясь, почесал затылок:

— Корабль, он и есть корабль.

— Знамо, имя ему положено, — подтвердил Савельев, — да и пушки задерживаются, а нам в путь борзо, по вешней водиче поспеть надобно.

Пока Бутлер обживал корабль, определял по местам свой экипаж, в Москве его земляк, проторговавшийся купец Дермаген, нашептал в Посольском приказе, что он-де не тот, за кого себя выдает.

— Нет у него патента капитанского.

При этом купец умолчал, что вымогал за молчание у Бутлера взятку в 500 рублей, но получил отказ. Но и сам Бутлер оказался не безгрешен. За короткий срок прикарманил тысячу рублей. В Москве Бутлер покался, деньги вычли из его жалованья. Дьяки в Посольском приказе ухмылялись:

— Знамо, ныне не токмо на Руси хапают, в Голландии тож...

Перед отправкой в Астрахань Бутлера «допустили к целованию царской руки». Алексей Михайлович знал всю подноготную.

— Што же ты без патента капитаном назвался?

— Великий государь, в том повинен, что паса не имею, но шхипером хаживал по Индиям и по другим морям корабли водил прилежно. В том клянусь Богом, и все мои кормщики ведают...

Лед на реке уже сошел, раздумывать некогда, доверился царь:

— Верю твоей клятве, капитанствуй, но за судно головой отвечаешь.

— Живота не пожалею, приведу в Астрахань и далее, как прикажешь. — Бутлер низко поклонился, но не уходил.

— Што не идешь?

— Государь, каждое судно и по делу, и по документу на море должно иметь название — имя свое.

Царь впервые слышал об этом. Но раз надо, значит, так и будет. Глянул на свою державу.

— Сей первый корабль, так пусть знак державный в своем имени несет. Быть ему по прозванию «Орел».

Затрапезно, по-обыденному, без колоколов, без пушечной пальбы отправился в первое и последнее плавание из Подмосьья в Астрахань, к далекому Хвалынскому морю, первенец «Орел». Вели его иноземцы, кроме одного астраханского кормщика Ивана Савельева. А один из зачинателей его строения не успел к проводам...

Ордин-Нащокин появился в царских палатах, когда

«Орел» подходил к Астраханскому рейду. Приехал боярин из Варшавы, где в очередной раз совещался с польскими комиссарами.

— Государь, нам потребно ныне на Малороссию опираться, — как и раньше горячо доказывал он свое видение интересов Москвы, пытался склонить царя на свою сторону. — Ежели нам поступиться, в крепкий союз сомкнуться с Посполитами и выступить против шведов, тогда сядем на Варяжском море, в Европу ворота отворим.

— Тому не бывать, — хмурился Алексей Михайлович, — выкинь из ума сии помыслы. Собаке недостойно есть и одного куска хлеба православного. Благо, што поляки владеют правым берегом Днепра.

Нелегко было с одного наскока сбить Афанасия с его устоев.

— Малороссия от нас не уйдет, государь. С Речью Посполитой возьмем мы под крыло все племена славянские в Европе. От берегов Адриатики до Немецкого моря соединимся, славою великой твое имя покроем.

С чем другим, быть может, согласился бы царь, но отдать хоть частицу Малороссии не мог. Знал Нащокин, кто давно поддерживает в царе эти идеи — московский стольник Артамон Матвеев. На этот раз проявился строптивый нрав начальника двух приказов: Посольского и Малороссийского.

— За службу твоему государеву делу никто так не возненавижен, как я. Видно, не надобен я, не надобны такие важные государственные дела. У великих дел пристойно быть лишь ближним боярам: и роды великие, и друзей много, и жить умеют...

Многое прощал своему своенравному и запальчивому собеседнику царь. И на этот раз отпустил без упреков.

— Иди с миром, не уклоняйся ни направо, ни налево, Господь с тобою.

Вскоре Малороссийский приказ перешел под начало Матвеева, а на следующий год Нащокину выпало испытание. Царь направил его с посольством в Польшу, а перед этим отстранил от управления Посольским приказом. И раньше Нащокин нередко решал посольские дела, не спрашивая царя, «не дожидаясь во всем государева указа». Выполнять и на этот раз чуждые ему идеи отказался.

— В такой посольской службе быть мне невозможно, — объявил он царю, сказался больным и тут же удалился в монастырь, постригся в монахи...

Артамон Матвеев с той поры пошел в гору. Стал окольничим. Не было бы счастья, да у царя случилась беда, скончалась супруга Мария Ильинична из рода Милославских. А у Матвеева жила воспитанница, дочь его друга Кирилла Нарышкина, Наталья. Увидев ее однажды, царь женился на ней в январе 1671 года.

Спустя год с небольшим на свет появился еще один царевич, Петр Алексеевич, а еще через год — царевна Наталья Алексеевна.

Артамон Матвеевич стал думным боярином, возвысился до первого министра при царе. Своего сына Андрея Матвеев с малых лет обучал арифметике, латинскому и греческому, знакомил с историей и географией. Царь назначил смышленного восьмилетнего Андрея комнатным стольником к малолетнему Петру.

Но все в этом мире бренно.
Судьба играет человеком.
Она изменчива всегда.
То вознесет его высоко,
то бросит в бездну без стыда.

В январе 1676 года Алексея Михайловича в одночасье не стало. Похоронили его поспешно, на другой день после кончины. За гробом «несли в креслах нового государя, болезненно-го четырнадцатилетнего Федора Алексеевича». Для младшего сына Алексея Михайловича, трехлетнего Петра, потянулись годы безотцовщины... Останься рядом с ним умудренный и образованный Артамон Матвеев, многое в жизни младшего царевича сложилось бы по-другому.

Но близость к трону всегда чревата и непредсказуема для человека в любом государстве, особенно во времена перемены владельцев его.

У Артамона Матвеева злокозненных недругов оказалось достаточно. Раньше они перешептывались в дворцовых переходах, в светелках царевны Софьи, но с оглядкой. Судили, рядили в усадьбах бояр Милославских, родственников первой жены Алексея, строили планы, замыслили козни.

— Перво-наперво, — шипели Милославские, — надобно Федора оградить от нарышкинского отродья, в палаты их не пускать, а придет срок, так отвадить и упечь куда подалее мудреца Артамона.

Пригожий лицом, совсем мальчик, болезненный ногами, Федор сердцем был добр. Начитан, хорошо знал латинский, свободно читал на польском, сочинял стихи. Свою мачеху, Наталью Кирилловну, он сразу успокоил:

— Живи, как и прежде при покойном батюшке, в тех же хоромах, всеми благами с детками пользуйся.

Одно дело — как сказал Федор Алексеевич, другое — как жизнь повела. Не ведает царь, что делает псарь. Царица-вдова с сыном и дочерью сразу отошли в тень дворцовой жизни. А в уши царя то и дело нашептывали Милославские:

— Не любил тебя никогда Матвеев, одну мачеху жалует. Ее сынка на престол вместо тебя метит посадить. Сам к власти порывается. Упеки ты его куда подалее от Москвы.

Капля камень точит. Через полгода Федор Алексеевич решился показать царскую волю, вызвал Матвеева.

— Ты, боярин, верно престолу служишь. В Сибири у нас нынче много своеволия, для казны убытки большие. Поезжай-ка воеводою в Верхотурье...

Боярин Матвеев виду не подал, знал, кто козни строит, но царскую волю потребно исполнять. С огорчением расставался четырехлетний царевич Петр с полюбившимся ему стольником Андреем Матвеевым.

Едва боярин с семьей выехал из столицы, Федору посыпались на него новые наветы.

Царский лекарь Берлов вдруг «вспомнил», что Матвеев «во время тяжелой болезни государя хотел отравить его», шушукался по-иноземному со своим дьяком Спафарием, призывал нечистых, заклинание посылал на Федора.

— Што с ним соделать-то? — спрашивал нехотя Федор.

— Заслать его подалее куда с глаз, хоть в Белозерск али в Пустозерск.

Не хотелось Федору вязываться, но Милославские не отставали.

— Не мешало бы заодно и Ивана Нарышкина отвадить от Москвы.

— Чем он провинился?

- Поклеп на тебя возводит.
- Что для того надобно?
- Указ, государь, подпиши.

Матвеева с полпути завернули с семьей в ссылку в Пустозерск, Ивана Нарышкина отослали в дальнюю вотчину...

Для Натальи Кирилловны наступили грустные времена, а Милославские не унимались, заглядывали вперед:

- Женить бы надобно Федора, будет у него сын и наследник, Петра отвадим вовсе от престола.

Но невесту для царя подыскивали не Милославские, а новые приближенные царя, постельничий Иван Языков и стольник Алексей Лихачев.

Иван Языков приходился свойственником семье Апраксиных. Царь Федор при его содействии пожаловал трех братьев, Петра, Федора и Андрея, своими комнатными стольниками. В это же время обвенчался с Агафьей Грушецкой, средней руки дворянкой, но брак оказался недолговечным. Первые же роды стали роковыми, царица скончалась, а спустя три дня умер и новорожденный.

Иван Языков приехал к Апраксиным, собрал трех братьев.

- Готовьте к смотринам Марфиньку. Семнадцать годков ей, другого случая не будет. Государь ее как-то в церкви зрел, по душе она ему прилась...

Так неожиданно Апраксины породнились с царским домом. Марфа же добрым нравом сразу расположила к себе Федора Алексеевича.

Все эти годы точила ее тоскливая мысль о несправедливости судьбы по отношению к Артамон Матвееву. Едва миновал медовый месяц, несмотря на молодость, набралась смелости, обратилась к Федору Алексеевичу, просила не за родных, без корысти и расчета:

- Крестный мой любимый, Артамон Сергеич, в заточении до сей поры, не провинился он ничем перед тобой, то Милославские навет сотворили.

Иван Языков подтвердил, что вины нет за Матвеевым.

- Оговорил его Иван Матвеевич с присными по злобе, умный да знающий человек. Надобно вызволить его из заточения.

- Злоба плохой советчик. Будь по-твоему, – согласился Федор, – присмотри ему для начала где поближе вотчину. Не враз токмо, чтоб Милославские не переполошились...

Только бы и радоваться счастливой жизни в царских хорах Марфе, да Господь веку не дал Федору, ссудил ему жисть вдвое меньше своего отца.

В четыре часа пополудни 27 апреля 1682 года три раза ударил Большой кремлевский колокол «Вестник». Замолкла толпа у лавок на Красной площади, затихли торговцы на Лубянке, в Охотном ряду. Всюду крестились, всхлипывали бабы.

- Знать, Богу душу отдал царь-государь, добрая душа-то была у него, никого не обидел, отмучился, сердешный, сколь недель-то болезным был...

В стрелецких слободах тоже крестились, но хмурились:

- Душа-то у государя была добрая, токмо доброта эта нам боком вышла. Полковники да полуполковники стыд позабыли, воруют кругом жалованье, лихоимствуют, нет на них управы...

В Кремль потянулись со всех сторон служилые люди – проститься с государем. Стольники и стряпчие, дворяне и дьяки, старосты сотен гостиных, суконных и просто жильцы.

Поклонившись праху почившего, целовали руки у обоих царевичей, Ивана и Петра. Глядя на «скорбного умом» постарше Ивана и десятилетнего Петра, у многих было на уме: «Кто же сядет на царство?» Об этом же совещались в Передней палате патриарх Иоаким с духовенством и Боярская дума.

Судили, рядили и приговорили спросить согласия у Земского собора. Крикнули собрать всех чинов и народ у церкви Нерукотворного Спаса. На Красное крыльцо вышли именитые бояре, а патриарх, глядя на притихшую толпу, заговорил:

- Царь Федор Алексеевич волею Божиею скончался, остались два его брата Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, но преемника покойный царь себе не назначил. – Митрополит перевел дыхание, царил мертвое молчание. Стая грачей на деревьях и та примолкла. – Спрашиваю вас, православные русские люди, скажите по чистой совести, кому из двух царевичей быть царем? Кого вы скажете, ото и будет.

Сбросив оцепенение, заговорила толпа на площади, раздались первые выкрики:

– Быть царем Петру Алексеевичу!

Вторая, поддержала толпа:

– Быть по сему! Хотим Петра Алексеевича!

Только где-то в задних рядах раздался одинокий возглас:

– Царевича Ивана Алексеевича хотим!

Но его тут же приглушили со всех сторон:

– Петра-а! – и в задних рядах затихли...

Сам патриарх Иоаким держал сторону Петра, понимал, что болезненный и хилый Иван хоть и старше возрастом, но умом «скорбен». А за ним Милославские – род старинный, привыкший властвовать – хитрые, изворотливые люди. Нарышкины же все на ладони – простодушные, отважные.

Патриарх повернулся к боярам, вскинул посох к взбужденной толпе:

– Стало быть, народ порешил Петра Алексеевича на царство. Тому и совершиться.

Тут же в палатах объявили думным боярам о приговоре собора. Иоаким благословил Петра на царство, как и положено, московские жители, солдатские полки, бояре, духовенство присягнули новому десятилетнему царю. Тут же определили на службу и стольников покойного царя. Петра и Федора Апраксиных назначили в стольники к Петру, младшего, Андрея, приставили к царевичу Ивану.

Старший Апраксин, Петр, ухмыльнулся:

– Вот нас и разлучили по разным хоромам.

– Вам-то вольготней при государе будет, – шмыгал носом Андрей.

– Оно верно, – согласился степенный Федор, – токмо править-то, видно, царице Наталье Кирилловне выпадет, а при ней умной головы не видать.

У Милославских умных голов хватало. Первенствовала двадцатипятилетняя царевна Софья. Природа обделила ее красотой, но Бог умом не обидел. Время замужества миновало, а царевне без мужа прямая дорожка в монастырь... Другое дело правительницей стать, а честолюбия ей было не занимать. Потому и время не упускала. У кого власть, тому и всласть.

На другой день хоронили царя Федора. В последний путь его из женщин провожали, как и принято было, только вдовствующие царицы Марфа Матвеевна и Наталья Кирилловна.

Отпевали в Архангельском соборе. Марфа Матвеевна слегка тронула за локоть Наталью Кирилловну:

– Никак Софья пожаловала.

От входа, не глядя на собравшихся, твердой походкой пошла к гробу царевна Софья. По всем канонам в день похорон царевнам воспрещалось быть на народе.

Выходка падчерицы возмутила Наталью Кирилловну. Взяв за руку Петра, подошла к гробу, простилась с покойным, и они вышли из собора, не дождавшись конца отпевания.

Софья в душе ликовала, а выйдя из собора, обратилась к народу:

– Царица пренебрегла литургией. Враги братца моего Федора отравой извели, а Ивана от царства отпихнули. Куда теперь нам, сырым, податься? Разве в чужую землю?

Ядовитое семя было брошено. Народ начал недоумевать. Взволнованная Наталья Кирилловна советовалась с братом, что-то недоброе затевалось у Милославских.

На другой день царица вызвала Федора Апраксина. Давно она заметила стройного, русоголового, чуть застенчивого и приветливого царского стольника. Не раз забавлялся он с Петром. Слыхала она и про нелегкую судьбу братьев, без отца выросли.

– Федя, тебе наказ мой первый. Скажи без промедления в Кострому. Там в Луховской вотчине боярин Матвеев Артамон Сергеевич. Он еще ни о чем не ведает, а ты ему передай на словах, как есть. Быть ему поскорей на Москве. Худо здесь.

Спустя два дня забродили стрельцы, в Кремле объявились их выборные. Принесли челобитные и жалобы. На площади кричали, размахивая бердышами:

– Извели нас полковники неправдами и безденежьем! Выдайте нам тех воров! Ужо мы с ними посчитаемся!

Испуганная царица Наталья, по совету близких, отдала на суд стрельцов шестнадцать полковников. В одночасье схватили их стрельцы, у Разрядной избы держали на правеже, ча-сами били палками, пока полковники не выкладывали деньги по стрелецким счетам.

Кипение страстей не враз начинается. Главное, вовремя запалить недовольство, а там ветер раздует огонек – и запалит пожар...

У Милославских собрались единомышленники — князь Василий Голицын, воевода Иван Хованский.

— Из Твери вести долетели, — начал разговор хозяин Иван Михайлович Милославский, — в путь-дорожку собрался Артамон Матвеев. Прослышал о переменах в Кремле, на подмогу едет.

— Откуда сие? — спросил Голицын.

— Стольник Ивана-царевича проговорился. Его братец оттоль возвратился, Наталья кликнула Матвеева.

— Стреляный воробей, такого не проведешь, — покачал головой Голицын.

— Нипочем он нынче стрельцам-удальцам, сладят с этим волком, — как всегда, хвастал «тараруй» Хованский.

Милославский криво усмехнулся:

— Твоими пьяными головами надобно верховодить с умом. Наталья вона пожаловала своего сына, сосунка Ивана, в бояре, да еще в оружничьи. К пищалам приставить похотела.

Голицын хитро прищурился:

— Добрый повод стрельцов закипятить. К тому же нарышкинского сподвижника Юрья Долгорукого стрельцы не уважают...

— Какое там, — в тон ему хрипло проговорил Хованский, — стрельцы только случая ждут порешить его. Я-то ведаю.

— На той закваске и надобно сыр-бор затеять, — жестко подвел черту Милославский. — Весь корень нарышкинский по возможности иссечь. Кричать стрельцам в Кремле следует по списку, наперво означим Артамошку да Иванушку Нарышкина.

Иван Михайлович старался обо всем загодя позаботиться:

— Да не позабыть, где надобно, бочоночек зелья хмельного стрельцам выставить, для затравки духа...

В середине мая по стрелецким слободам проносились верховые с криками:

— Дремите, стрельцы! А в Кремле Нарышкины царевича Ивана кончают. Скоро Артамошка Матвеев до вас доберется, в бараний рог свернет.

Слухом земля полнится. Покатился он по стрелецким слободам, выплеснулся на посады. Затрезвонили колокола наба-

том по церквушкам. Хватали стрельцы бердыши, копья, кто сабельку накидывал через плечо, бежали, иные уж под хмельком, в Кремль, за ними тянулись посадские. Нападающие всегда одолевают. В палатах Нарышкиных проваландались, когда спохватились, запирали кремлевские ворота было уже поздно. Запрудили стрельцы площадь вокруг Красного крыльца, стучали в затворенные двери, приставляли лестницы, лезли к окнам, ревели в сотни глоток:

— Царевича Ивана убили! Петра кончают!

В палатах собрались растерянные Нарышкины, Долгорукие, Матвеев, пришел патриарх. Иоаким первым нарушил молчание:

— Царица Наталья, возьми царя и царевича, выдь на крыльцо, утихомиряются злыдни. И мы пошли, бояре, на крыльцо. — Наклонив голову, патриарх направился к выходу.

Побледневшая царица взяла за руки Петра и Ивана, пошла следом за ним. Толпа не скоро угомонилась.

Петра и Ивана приподняли, поставили на перила.

— Гля, царевич-то Иван цел! Да и Петр невредим!

Несколько растерянно поглядывали друг на друга стрельцы в первых рядах. Зато в последних шипели:

— Ишь, прикрылись, токмо и ждут псов своих на нас наравить! Все одно изведут Ивана!

Хованский посылал верных пятидесятников:

— Бегите на черный ход, в сени Грановитой палаты, скиньте с крыльца Матвеева да Нарышкиных.

Тем временем из толпы закричали:

— Царевич-то жив, да извести его хотят Нарышкины. Сами за шапку царскую хватаются! Выдайте нам Матвеева-лиходея да Ивашку Нарышкина!

Побледнел Артамон Матвеев, но не робкого десятка был человек, сошел с крыльца.

— Пошто, стрельцы, шумите? Или позабыли свои еройские дела при Алексее Михайловиче? Как Ливонию воевали, ляхов побиили, татарву отгоняли?

Толпа опять примолкла, только позади напирала:

— Ты нам зубы не заговаривай!

Как будто и не слышал злобных криков, степенно продолжал боярин:

— А што беды ваши, они ведомы царю, он во всем разберется, по-справедливому с вами разочтется. Утихомирьтесь да с Богом домой идите.

Добродушно ухмыльнувшись, Матвеев начал подниматься на крыльцо, а в это время вниз по ступенькам скатился прыткий Михаил Долгорукий.

— Чего с ним, быдлом, ласы точить, — проговорил зло Матвееву.

Насупились стрельцы, уже намеревались разойтись, а тут подняли головы.

— Слыхали, стрельцы, боярин Матвеев велел вам по домам идти? А я с вами ужо разберусь, за ваше непочтение и смутьянство розог вам не миновать, — задорно выкрикивал молодой князь, не замечая угрюмых лиц.

— Заводчикам не поздоровится, плетью не обойдется!

Едва тлевшие угольки вздулись пламенем.

— Стрельцы! Чего рассупонились?! Решай его!

Толпа почти сомкнулась, Долгорукий попятился было по ступенькам, но крепкие руки вцепились в него намертво. Поволокли по крыльцу, сбросили вниз на копы, изрубили бердышами. Крепко пьянит вид крови, горячит и без того хмельные головы.

— Кончай Матвеева, прихвостня Нарышкиных!

Как раз выломались посланные Хованским из сеней Грановитой палаты, оттолкнули царицу с детьми, схватили боярина, сбросили вниз, а там растерзали. Началась кровавая расправа.

Сильные руки стольников Апраксиных подхватили Петра и Ивана, помогли царице Наталье укрыться в дальних покоях.

Три дня бушевали бунтарские страсти, бесновалась толпа, подогреваемая сторонниками Софьи. Растерзали обоих Долгоруких, Нарышкиных, Ромодановских, Языкова и других.

Как и задумала Софья, на трон посадили царствовать Ивана и Петра, а правительницей при малолетних царях объявили Софью. Многих бояр сослали по дальним местам.

Стрельцам Софья дала поблажку, выплатила жалованье и сверх того наградила каждого десятью рублями. Начальником Стрелецкого приказа правительница назначила князя Ивана Хованского, но просчиталась. Бунт стрельцов вско-

лыхнул старообрядцев-раскольников. Многие стрельцы, да и сам Хованский, стояли за старую веру. Раскольники, поддерживаемые стрельцами, взбунтовались.

Не имея опоры в столице, Софья выехала сначала в Коломенское, а потом в Троицкий монастырь. Туда по царскому указу начали стягиваться воины дворянского ополчения. Хованский замыслил, используя смуту раскольников и поддержку стрельцов, захватить власть. Но Софья перехитрила князя-«тараруя». Она выманила из Москвы отца и сына Хованских, их схватили в селе Воздвиженском, коротко судили и тут же казнили.

Дворянская рать со всех сторон двинулись на Москву. Испуганные стрельцы трусили, явились с повинной к Софье.

— Отвечать бы вам своими головами, — раздраженно говорила правительница своим недавним пособникам. — Да помилосердствуем. Впредь вам в круги не собираться, да столб ваш снесем на Красной площади, а заводчиков по дальним уездам разошлем.

В Москве первым делом Софья назначила нового начальника Стрелецкого приказа — думного дьяка Шакловитого, своего нового фаворита.

— Быть тебе, Федя, у стрельцов начальником, — сказала ему Софья, — возьми их в ежовые рукавицы, чтоб нам милость без оглядки могло.

По вековым неписаным законам новый правитель, придя к власти, первым делом окружал себя верными людьми. Так поступила и Софья, во главе всех главных приказов поставила своих приближенных — Милославских, Голицына, Толстых. В то же время после событий 1682 года правительница прилагала все усилия, чтобы окончательно отодвинуть в тень царицу-вдову, мать Петра. Опальная Наталья Кирилловна «жила тем, что давало от рук царевны Софьи». Печалилась царица, но не падала духом, видела одну заботу — уберечь сына. Не забылось недавнее прошлое, еще вспоминали старики времена Годунова.

«Вот так-то отдалил царь Борис царевича Дмитрия, а потом и порешили дите», — не раз в тишине раздумий вздрагивала мать Петра.

Постылая затворническая жизнь в Кремле тяготила, и вместе с детьми при первой возможности она уезжала то в Коломенское, то в Воробьево, то в Преображенское.

Преображенское село особенно притягивало. Еще при муже не раз бывала она здесь – Алексей Михайлович брал с собой часто молодую жену на соколиную охоту, свое любимое занятие. Сотни людей держал он здесь для своего развлечения...

Пришлось по душе Преображенское и Петру. Здесь он всегда был окружен малолетками-сверстниками, сыновьями сокольничих и дворовых конюхов, проживавших в селе. Саньки, Гаврилки, Федосейки, Васьки, Лукьяны – много имен осталось в памяти Петра. Каждый раз, когда он наезжал в село, затевались разные игры, особенно увлекали всех потешные сражения. Раньше «сражались» деревянными сабельками, а теперь взялись за «огневое» зелье. Понастроили земляных укреплений с рвами и деревянными стенами и башенками. По неволе в детские забавы втягивался и «великовозрастный» Федор Апраксин, «дядько», как ласково звал его Петр. Наталья Кирилловна тоже как-то прислонилась душой к отзывчивому, доброму и толковому стольнику.

Нелегко «тянуть лямку» жизни вдовой женщине, хотя бы и царице. В печке одна и головешка гаснет. На себя глядя, только всплачешься. К тому же недавно стрельцы зарубили двух братьев, отец и еще один брат отправлены в ссылку. И за детей сердце болело. Едва не каждый день звала к себе стольника:

– Ты, Феденька, не спускай глаз с Петруши, сам знаешь, какой он непоседа. Боязно за него, как бы люди лихие тем не попользовались.

– Будь покойна, матушка государыня. Все путем образуется. Мы нынче с утра по-спокойному строим хаживать станем с потешными.

Действительно, с утра на лугу, напротив деревянной стенки крепости, два иноземца офицера муштровали две роты – преображенцев и семеновцев – потешных из ближних сел Преображенского и Семеновского.

– Смир-р-на! – кричали они. – Мушкет на плеч!

Потешные косились на правый фланг, где маячил над строем, выпучив глаза, бомбардир Петр. Он старался марши-

ровать по-солдатски, заслуживая похвалу офицеров... Занимались, как обычно, усердно, до седьмого пота.

Перед обедом Петр поманил Апраксина:

– Федор, штой-то с зельем? Завтра штурмовать крепость, а у нас пороху кот наплакал? Запрягай возок, скачи в Пушкарский приказ, привези бочонок.

– Петр Лексеич, дьяки сызнава откажут, давай грамотку. – Не хотелось Апраксину ехать к сонным рожам, выпрашивать припасы.

Поначалу, когда Апраксин определен был стольником к Петру, он величал его не иначе как «государь», как заведено было при прежнем царе, Федоре Алексеевиче, когда он с братьями у него стольничал. Но Петр его сразу же стал ругать:

– Не смей более меня величать государем. Мы с тобой сродственники, по моему брату Федору покойному. К тому же ты и в самом деле мой дядько. Обзывай меня запросто – Петро.

Апраксин слушал, смущенно улыбаясь, недоуменно пожимал плечами: «Как так можно с царем-то?» В конце концов оба приноровились к «Петру Алексеевичу».

Петр ругнулся (пятнадцатый годок пошел), сплюнул.

– Пойдем, сочиню цидулю, пушай посмеют. Ежели што, разыщи князя Бориса Голицына, он подсобит.

На этот раз дьяки были покладисты, отпустили зелье.

На другой день с раннего утра вокруг крепостных орудий суетился генерал Зоммер из Немецкой слободы. Проверял, как заряжают каждую пушку – порох, пыж, горох.

Потом рассыпались цепи атакующих, ползком подбирались к глубоким рвам, чертыхались: ночью прошел дождь, все вымазались в грязи. Петр первый вскочил, сиганул через ров с криком «ура!».

С крепостной стены сверкнуло пламя, из черного облачка со свистом полетел град горошин. Они больно били по рукам, по шее, по лицам. Глаза прикрывали ладонями.

В дождь и непогоду потешные сидели по избам. Петра не оставлял в покое Никита Зотов, приучал к Библии, которую Петр знал почти назубок.

Апраксин давно поднаторел в грамоте, еще в детстве с братом Петром бегали в соседний с домом Разрядный приказ,

обучались письму, цифири складывали, приглядывались к латыни.

— Петр Алексеич, поусердствовали бы с письмом, — выговаривал Федор, — больно буковки у тебя разлапистые.

Петр сердито вскидывался:

— Зато у тебя гладкие строчки, вот и будешь за меня указы писать.

— Всего не напишешься, самому, чай, править державой-то.

Грамота и цифири надоедали, Петр принимался точить вещицы на токарном станочке, который привезли из Оружейной палаты. Часто подходил к большому глобусу, вращал его, разглядывал лик Земли.

— Никита, я чай, голубой водицы-то поболее на шаре, чем сухой землицы?

— Верно, государь, — оживился Зотов. Он всегда радовался любознательным вопросам подопечного. — Знамо, еще Господь Бог первого создал воду, потому ее и поболее.

— А где же она, водица? — не отставал Петр. — Разве Москва-река, да Яуза, да пруды в Измайлове?

Никита лукаво усмехался, вынимал откуда-то разрисованные картинки, раскладывал их.

— Позабыл, государь, про страны иноземные? Они-то на морях стоят. Да и у нас на море Белом суды плавают.

В разговор вмешался Апраксин:

— Твой батюшка, царство ему небесное, отправлял громадину корабль из Дединова в дальние моря. Сам зрил ту посудину.

Петр загорелся:

— Так-то сам и зрил?

— Не токмо зенками, но и с братом Петькой на той посудине шастали по чердакам.

— Какие еще чердаки?

— Такие крыши устроены, — смутился Апраксин, — поверх, значит, всего, шток людишки проживали.

Петр задумался, что-то вспоминая.

— Ты, Федор, притащи-ка мне из Оружейной кораблика два морских, я помню, ими баловал еще в Кремле.

Все начинается всегда вроде бы ненароком. Через две недели в Преображенском, на берегу Яузы, стучали топоры. Де-

диновские плотники мастерили струг для Петра. Плавали на нем по Яузе. При попутном ветре полоскался на мачте небольшой прямоугольный парус. Плоскодонный струг разворачивался неуклюже и, едва успев обогнуть излучину Яузы, притыкался к берегу. Петр чертыхался, потешные брались за весла, шлепали не спеша вдоль крепостных стен. На струге пристрастилась ходить одна и та же ватага: Якимка Воронин, Алексашка Меншиков, Федосей Склеяев, Гаврилка Верещатин, Санька Кикин... К концу лета дединовские умельцы смастерили шняк, небольшую килеватую лодку с одной мачтой. Судно спустили на пруд в Измайлове. Частенько царь собирал ту же ватагу и плавали от берега к берегу. Мать узнала, всполошилась, бегала по берегу, всплескивая руками, причитала: «Долго ли до беды!» Дергала за рукав Апраксина:

— Федя, рази такое лихо мочно Петруше? Сей же час его на бережок высаживай.

Апраксин добродушно улыбался:

— Матушка государыня, пруд не море, государю сие по душе, пушай тешится. Чаю, он сам-то плавать да купаться горазд.

— Не грехи-ка, Федор, и ты туда же, — не успокаивалась Наталья Кирилловна, — полезай-ка следом за Петрушей, побереги его.

Приходилось подзывать шняку, кого-нибудь высаживать на берег, самому лезть в лодку.

Следующим летом многое изменилось в жизни Апраксина и его подопечного. Переменился совсем размеренный и устоявшийся веками уклад придворного житья-бытья в царских чертогах. Поначалу потянуло к новой, неизведанной стороне жизни Петра и все его ближнее окружение, а дальше водоворот событий увлек следом и всю Русь, но ее ждали впереди нехоженые фарватеры.

Страсть как любил пятнадцатилетний царь, кроме прочего, шастать по разным подворьям, амбарам, высматривать разные поделки, устройства. В последнее время, кроме Апраксина, брал с собой Франца Тиммермана из Немецкой слободы, знатока разных приспособлений. Он первым объяснил не-

давно хитроумную новинку – астролябию. Как-то июньским полднем забрели в усадьбу Никиты Ивановича Романова в Измайлове, двоюродного брата деда Петра, Михаила Романова. В свое время тот прослыл любителем всяких европейских диковинок. На льяном дворе заглянули в дальний амбар. Среди хлама в дальнем углу, около стены, лежала на боку лодка. Петр раскидал рухлядь, поднялась пыль.

– Гляди-ка, лодья, откуда она здесь? Федя, крикни мужиков.

Подтащили лодку к выходу, смахнули пыль. Видно, давно валялась она в сарае, потемнела от времени.

Франц обошел лодку кругом, заглянул под один борт, присел на корточки около кормы. Петр цепко следил за ним, нетерпеливо спросил:

– Что это?

– Сие, государь, видимо, бот аглицкий. Состоит на больших кораблях, служит для разъездов, имеет превосходство над здешними лодками, ходит не только по ветру, но и против него.

– Каким образом?

– Для того надобно ему машту соорудить, парусину из холста шить. – Франц провел рукой по днищу. – Судно, как видно, долгое время здесь без присмотра находилось.

Апраксин вдруг хмыкнул:

– Видал я подобный бот в Дединове.

Петр быстро повернулся, кинул взгляд на слушавшего Франца:

– Не путаешь?

– Слава Богу, память не отшибло. Там еще один такой был.

Тиммерман пожал плечами:

– Может, и так, государь, я в Дединове не бывал.

– Франц, что тебе потребно для поправки лодьи?

Голландец добродушно улыбнулся. Он не раз слышал в Немецкой слободе на Кукуе о любознательности молодого царя. Лефорт вечерами в аустерии рассказывал о его настырной пытливости.

– Исправить судно мне не под силу, не хватит уменья. Я мало занимаюсь плотницким делом, а тут надобен корабель-

ный мастер. – Франц пожевал губами. – Но я найду такого мастера, есть у меня на примете мой старинный земляк.

Петр умоляюще посмотрел на собеседника. Здесь нахрапом не возьмешь.

– Послушай, Франц, бери мою повозку и с Апраксиным поезжай, разыщи этого умельца.

В Немецкой слободе плотника не оказалось. Разыскали его у водяной мельницы, ремонтировал колесо. Франц объяснил, в чем дело, и они втроем поехали в Измайлово. По пути Апраксин долго присматривался к попутчику, узнал, что зовут его Карстен Брант; потом решился, спросил вежливо:

– Случаем, вы не бывали в Дединове?

– О, я жил там почти полгода, но откуда вы так предполагаете?

Апраксин ухмыльнулся довольный, вздохнул, будто освободился от мучительных поисков в памяти:

– Приходилось мне там бывать мальцом с тятенькой, годков двадцать тому.

В Измайлове, на берегу Яузы, нетерпеливо рассказывал Петр. Тиммерман с поклоном подвел Брандта.

– Кристиан Брандт, – представился тот Петру.

– Стало быть, Карстен? – весело проговорил Петр.

Разговорились, оказалось, что голландский мастер – старый моряк. Пригласил его в Россию еще отец Петра Алексей Михайлович.

Не спеша осмотрев ботик, он облокотился о борт, раскурил маленькую трубочку. На Петра повеяло терпким дымком. Он раздул ноздри, слегка закашлялся.

Брандт провел ладонью по шероховатому планширю¹, взглянул на Тиммермана:

– Подобные боты, помнится мне, мы ладили в Дединове.

– Ты служил на «Орле»? – вскинулся Петр.

– Верно так, государь. По указу вашего батюшки, царство ему небесное, великого государя Алексея Михайловича в Астрахань плавали.

Петр присел на бревно, кивнул Карстену: «Садись рядом».

¹ П л а н ш и р, п л а н ш и р ь – верхний продольный брус по борту.

— А каким образом ты попал в Москву и что за корабль был «Орел»?

Брандт раскрутил трубочку, попыхтел молча.

— Давненько это было, государь. — Он чисто выговаривал русские слова. Видимо, основательно пообщился на русских землях. — В Московии обретался тогда наш негоциант Иван Сведен. Царь Алексей Михайлович просил его нанять в Голландии шкиперов, матроз, пушкарей на корабль «Орел». По этому поводу и встретил меня в Амстердаме капитан Давид Бутлер. — Брандт оживился, расправил плечи. — Молод я тогда был, холост, констапелем на королевском флоте кончил контракт. Давид знал меня по службе, заманил в Московию, обещал хороший заработок. Нас тогда чертова дюжина набралась. Кормщики, парусники, пушкари. В Дединове я за корабельного плотника трудился.

— А что, «Орел» против ветра выхаживал? — спросил как бы невзначай Петр.

— Паруса на судне токмо для того и служат, — пожал плечами Брандт. — Каждый парусник идет против ветра. Только по-разному — один ходко, другой валко.

Царь кинул взгляд на смущенного Тиммермана:

— А что, и по Волге такие лодьи шастают?

— И по Волге, и по морю из Астрахани царские купеческие бриги в Баку и Персию с товарами отправляются. Рыбачьих парусных карбасов на взморье всегда полно.

Рассказ Брандта все больше завлекал, бередил любопытство Петра.

— Чего для выделявали тот корабль в Дединове?

— Великие надежды возлагал царь ваш батюшка на «Орел». Хотел отправить послов в Персию и Индию. Торговлю завести с теми странами. Да жаль, все порушилось.

— Что же помехой стало?

— В ту пору смутьяны в наших краях объявились. Атаман казачий Стенька Разин пришел в Астрахань, захватил и «Орел». Царских слуг в то время не миловали. Наши товарищи смогли на шнявах уйти в Персию, а мы с капитаном Бутлером не успели и потом еле ноги унесли от разбойников. Целый год, почитай, добирались до Москвы... — Брандт выколол трубочку, поднялся, подошел к корме ботика, ласково по-

трогал полукружье транцевой доски. — Сей бот остался с тех времен. Даже узорчатые кромки по бортам и на корме сбереглись, только краска вся полиняла.

Брандт замолк, встал и, улыбаясь, кивнул на Апраксина:

— А ваш слуга, государь, также те времена помнит. Ему довелось «Орел» видывать, и меня он вроде не забыл.

Апраксин густо покраснел, а Петр захохотал:

— Сие не слуга мой, а дядько, почитай, родственный. А што с «Орлом» знался, то к добру, нам в помощь.

Царь встал вслед за Брандтом:

— Так когда, Карстен, начнем ладить ботик?

Брандт благодушно улыбнулся:

— Завтра поутру и начнем. Инструмент я принесу. Однако потребуются, государь, доски сухие, гвозди, канаты, веревье. Для мачты, или, как ее прозывают у нас в Московии, щеглы, потребно отыскать сухое, без сучков, еловое дерево.

Петр все слушал, загибая пальцы.

— Федя, припоминай, мне напомним.

— Потом для парусов штука крепкой холстины понадобится, два десятка аршин. — Брандт хитро прищурился. — Еще кое-что. Всего сейчас не скажешь, не видно, темнеть начало. Пора вам, государь, к вечерней трапезе, да и нам с Францем не помешает подкрепиться.

После ужина Петр распорядился: Апраксину утром ехать в приказы.

— В приказах все раздобудь, телегу-другую снаряди, сразу все и забереши, что сумеешь заполучить.

В Москву Апраксин наведывался не часто, но каждый приезд старался заскочить домой, повидаться с матерью. Сестра Марфа жила в кремлевских палатах, старший брат Петр часто разъезжал по воеводствам, но сейчас оказался дома. К ужину подоспел и младший брат, Андрей.

— Схоронились вы с Петром Алексеичем в Преображенском, вовсе от царских палат отбились, — пошутил Петр.

— Не больно в приказах-то жалуют Петра Алексеича, — нахмурился Федор, — каждый подьячий рыло воротит, как спознает, откуда я.

Андрей глянул на братьев: «Видать, не все им ведомо, што в Кремле деется». Как-то сызмала повелось, что братья жили дружно, делились сокровенным, не таились.

— Нынче Софья вовсе верховодит в Кремле. На все службы Ивана Алексеича берет для виду, а так все указы подписывает своим именем, как государыня всяя Руси.

— По какому же праву? — удивился Петр.

— Указ, стало быть, вышел от нее. Сама себе хозяйка.

Вокруг стола суетилась мать. Домна Богдановна давно не видела сыновей всех вместе.

Первым делом помянули отца, потом выпили за здоровье матери. Подождав, пока мать отлучилась, Андрей продолжал вполголоса рассказывать дворцовые новости:

— Слух прошел, будто Софья к царскому венцу подбирается, венчаться на царство замыслила.

— Слыхал и я о том краем уха, — откликнулся Петр, — токмо не сбудется сие. Стрельцы-то уже не те, ей не подсобят. Шакловитый, слышь, пытал о том урядников, те и ухом не повели.

За столом появилась мать, и Андрей перевел разговор:

— А Петр Алексеич все озорует с потешными, в Софьиных покоях и то пушки слышны из Преображения?

— Как сказать, — ухмыльнулся Федор. — Помаленьку набирает силу войско, куда роты на четыре наберется, а там, глядишь, и батальоны зашагают.

— По каким делам в Москве-то?

— Утеху водную государь затевает, лодью будем проворить с парусом.

— Подишь ты! — удивился Петр и в шутку продолжал: — Не такую ли посудину, как мы в Дединове видели, когда с тятенькой ездили?

— погоди, ежели ему втемяшится, не отступится и подобную сотворит. А ты, Андрей, скажи-ка, Иван Алексеич не скоро ли отцом станет? Больно долго Прасковья Федоровна не радуется продолжением рода.

Молчавшая до сих пор мать всплеснула руками:

— Пошто так-то возможно про государей лясы точить? Бога побойтесь да лихих доносчиков, не ровен час. Ты, Федорка, лучше о себе помысли. Скоро ли надумываешь невесту в дом привести?

Полные щеки сына порозовели.

— Чаю, матушка, долго ждать придется. Остерегаюсь я того соблазна, глядя на распутство и бесчестие вокруг. Не зря люди сказывают — женишься раз, а плачешься век.

Братья засмеялись, а Петр добавил:

— Баба да бес — один в них вес...

Хотя Апраксины и посудачили о злокознях Софьи, однако стольник Ивана Алексеича знал далеко не всю подноготную замыслов правительницы и ее приспешников.

Как раз в эти дни князь Василий Голицын в раздражении сказал Софье то, что она и сама давно надумала:

— Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью с братьями, теперь бы нам воля была...

И Шакловитый в выражениях не стеснялся:

— Штоб тебе государыней быть, надобно хоть сейчас Наталью известить.

Софья засомневалась:

— А ну как сын вступится за нее?

— А пошто ему спускать? — грубо продолжил Шакловитый. — Зачем? И его порешим заодно.

Софья нерешительно раздумывала:

— Да и патриарх на меня посягает, и князь Борис Голицын.

Стрелецкий начальник и тут не отступал:

— Для чего бы и князя Бориса не принять с дороги. А Нарышкиных всех подчистую. Известно тебе, каков род их, и Наталья в Смоленске в лаптях ходила.

— Жаль мне их, — вздыхала притворно Софья. — И без того их Бог убил.

В Первопрестольной шли пересуды, в кремлевских палатах выжидали благоприятный момент, а в Преображенском Федор Апраксин втянулся поневоле в новую затею Петра.

В сарае на берегу Яузы старый Брандт копошился около лодки, что-то строгал, подбивал молотком деревяшки, конопатил. Петр следил за каждым его движением, старался не просто помогать, а что-то делать сам. Эту черту царя сразу заметил Брандт.

– Вот, государь, надобно такую дощечку отстругать, – показывал он на ветхую часть у транца¹.

Петр сразу же примерял, искал доску, хватал рубанок, бежал к верстаку. По пути подмигивал Склаеву и Меншикову:

– Что расселись? Спознайте, привезли ли для щеглы еловые бревна.

Выслушав Апраксина, довольно мотнул головой:

– Ты, Федор, подсоби с холстиной, а Алексашка с Федосейкой притащат еловое дерево. Карстен укажет, щеглу будем ладить.

Апраксин дотошно расспросил Карстена о парусах. Отвлекаясь от работы, Брандт с охотой пояснил что к чему, чертил сначала на песке, потом на бумаге.

– Парус размером и формой должен подходить боту. Наш бот предназначен для малой воды – речек или озер, для небольших прогулок, и парус у него будет такой.

Но заняться устройством паруса Апраксину помешали. Отвлекая запыхавшаяся девка из прислуги царицы:

– Матушка государыня вас кличут, который час вас разыскивают.

Вдовая царица встретила, как всегда, с добродушной улыбкой:

– Ну, Федорушка, поведай, какие вести слышал у Кремля да в посадах?

– По-разному бают, матушка государыня. Князь Василий нынче в поход отправляется на крымские земли. Софья, слышь, стрельцов ублажает, на государя усмехается, озорничает, мол, царь Иван в благости.

– Ну, ну, сие мне вестимо. – Царица почти каждый день через верных людей знала не только о московской жизни, но и о разговорах в кремлевских палатах. Царица вздохнула, видимо, размышляя о чем-то своем, затаенном, но, вспомнив, зачем вызвала Апраксина, озабочилась: – Петрушенька нынче затеял утеху водную, так ты, Федор, присматривай за ним. Не отпускай, пожалуйста, ни на шаг. Гляди в оба, не ровен час, беды бы не случилось.

– Будь покойна, матушка государыня. С Петра Алексеича я нынче глаз не спущу. Да он и сам за себя постоит.

¹ Транец – кормовая вертикальная доска на шлюпке.

– Ну, слава Богу, а ты все ж присматривай.

Спустя неделю в тихое, безветренное июльское утро 1688 года на берегу Яузы копошились вокруг ботика, готовили лодку к спуску на воду. Последние указания давал Карстен Брандт. Степенно присматривались к незнакомому делу Франц Тиммерман, плотники, ватага потешных.

Здесь же расхаживал на берегу и недавний приятель Петра, франтоватый офицер из полка Гордона Франц Лефорт. Он с любопытством посматривал на ботик, качал головой, цокал языком, но советов на этот раз не подавал.

Петр, слегка волнуясь, посмотрел на Брандта, тот добродушно прищурился:

– Можно начинать, с Богом, государь.

Плотники, потешные, босиком, подвернув штанины, обхватили ботик с обеих бортов, Апраксин подпер вместе с Петром корму, приподняли ее, и Федор крикнул:

– Взяли!

Разом, с гиканьем, все подхватили лодку, и она, заскрипев, двинулась медленно по песку. Притормозив у кромки воды, лодка скользнула в воду, закачалась. Рябью встревожилась тихая заводь.

Брандт за веревку развернул ботик носом к берегу и, закрепив ее за березу, разогнул спину.

– Так-то надежно, заместо якоря. Теперь по обычаю – судно на воде, вино в животе.

Все засмеялись. Петр подмигнул Апраксину: сбегай, мол. Пока Апраксин готовил угощение, Брандт отвязал лодку, по-манил Петра.

Царь смаху перелез через борт, но лодка не трогалась с места, приткнувшись к мели.

Брант раскатал свернутый парус.

– Сие, государь, парусина, поднимается на машт. – Брандт похлопал по мачте. – Когда ветер дует, лодка плывет.

Карстен взял уложенные вдоль борта два весла.

– Сегодня ветра нет, будем гребать. Сначала надо сойти с мели, оттолкнуться багром или веслом.

Брандт приладил весла, махнул на берег. Там потешные Склаев и Верещагин отдали веревку и оттолкнули ботик от берега.

Петр уверенно взялся за весла, сделал несколько гребков вниз по течению, но в это время под березой появился Апраксин, и за ним слуги тащили кули с закуской и выпивкой...

Ловко развернув корму на излучине Яузы, Карстен направил лодку вверх по течению, где на берегу уже стелили скалтерти, расставляли штофы с вином...

На следующее утро, спозаранок Петр вместе с Апраксиным и потешными первыми появились у ботика. Все расселись по банкам, осматривали, ощупывали борта, днище, заглядывали под банки, в носовой и кормовой люки. Появился Брандт, и его сразу засыпали вопросами. Пришлось старому моряку вспоминать молодые годы, когда он юнгой служил на кораблях. Видя горящие глаза юнцов, неподдельный интерес у небольшой, но дружной ватажки, подумал про себя: «Сколько лет в Московии проживаю, а не думал, что есть у русских такое любопытство к морскому делу».

Между тем знойное солнце поднялось высоко, припекало, на березках не шевелилась ни одна веточка. Прошлись вверх по Яузе на веслах, на ладонях запузырились мозоли.

— Со временем все пообвыкнется, — успокаивал Брандт. — Настоящий моряк должен иметь крепкую хватку.

Уже вечерело, когда заколыхались верхушки деревьев. Первым заметил Брандт и, подняв голову, кивнул на березы:

— Быть может, повезет, пойдем под парусом.

Но не все рвались испытать диковинное действие, кто-то горел от нетерпения, а кто-то с опаской, нерешительно чесал затылок.

Петр сам отобрал троих — Апраксина, Меншикова и Склева. Разувшись, подвернув, как и вчера, штанины выше колен, они стали вдоль бортов ботика.

Разобрав снасти, Карстен пояснил каждому обязанности на лодке, проговорил:

— Можно, государь, отталкивать бот.

Едва лодка закачалась на чистой воде, прозвучал твердый голос Карстена:

— Поднять парус!

Крепко зажав шкоты в левой руке, Брандт отработанным приемом переложил руль, парус, и ботик, увалив нос под ветер, медленно двинулся вперед, вверх по течению Яузы. В лодке все молча переглянулись, бросили взгляд на медленно уплывающие за корму берега Яузы. Там стояли потешные, сбежавшаяся дворня.

Первым пришел в себя Петр. Взглянув на улыбающегося Брандта, погладил вздувшийся парус, засмеялся:

— Эко чудо-пузо, Карстен!

— В нем великая сила, государь, парус двигает вперед всю Европу.

Петр недоумевающе посмотрел на голландца.

— Парусные корабли торгуют по всему миру товарами. Поэтому процветают нации.

Но блаженное настроение быстро прервалось. Не пройдя и трех десятков сажений, пока они переговаривались, ботик ткнулся носом в берег. Петр растеряно глянул на Карстена. Тот ухмыльнулся и спокойно погладил бородку.

— Надобно вылезать и сталкивать, государь.

Апраксин первым спрыгнул в воду, за ним Петр и Меншиков. Ноги вязли в иле. Но усилия увенчались успехом, и лодка сразу заколыхалась на чистой воде. Петр, сверкая пятками, полез через борт, обдирая живот, следом за ним Меншиков.

Брандт крикнул:

— Не все сразу лезьте, по одному.

Апраксин придерживал ботик за корму, пока неуклюже забирались в лодку Петр и Меншиков, и впрыгнул последним. Ботик опять медленно увалился, и теперь поплыли вниз по течению, вновь развернулись против ветра, но едва набрали скорость, как лодка опять ткнулась в отмель. Ветер между тем затих, парус сник. Петр нетерпеливо, с досадой обернулся к Брандту:

— Опять за весла браться?

— На море, государь, всяко случается, в штиль разбирают весла, если судно приспособлено, двигаться-то надобно.

Пришлось свертывать парус, налечь на весла.

Солнышко давно скрылось за кронами деревьев, на берегу роилось комарье, потешные расчесывали до крови вспотевшие спины.

¹ Б а н к а — доска для поперечного крепления шлюпки, служит сиденьем для гребцов.

— Парус простор, ветер любит, государь, — сказал, отмахиваясь от комаров, Брандт. — Чем больше, тем лучше, чем крепче, тем веселей. А в Яузе токмо лягушкам полоскаться.

Едва Брандт замолк, Петр уже распорядился:

— Удружи, Федор, разыщи телеги, мужиков кликни, тащите ботик на Просяной пруд. За ночь управитесь.

Апраксин давно привык к причудам царя. Ранним утром в Измайлове та же ватага потешных снаряжала ботик к плаванью.

Петр благодарно посмотрел на невыспавшегося Апраксина:

— Молодец, ступай отсыпайся.

Вечером, не доходя до Просяного пруда, Апраксин заметил на берегу костер. Ботик стоял без паруса, приткнувшись к берегу. На откосе у костра расположились потешные во главе с царем.

— Слышь-ка, Федор, — первым заговорщицки начал Петр, — рассказывают Алексашка да Федосейка, недалеко от Троицкого озера плещется, будто море по величине.

— Что же с того, государь? — Иногда Апраксин в присутствии людей обращался к царю по титулу.

— А то, што завтра собирайся в путь-дорожку. Рассказывают, на том озере лодьи есть рыбацкие, раздолье для утех.

— А как же матушка?

Петр заговорщицки подмигнул, отвел Апраксина в сторону, заговорил вполголоса:

— Сколь раз в Троицкий на богомолье-то ездил. Так и нынче отпущуся. Токмо ты нишкни.

Апраксин недовольно поморщился:

— Рази такое мочно? Матушке-то неправду рассказывать?

— Сие дело святое, — ухмыльнулся Петр, — а мы и в самом деле святым угодникам помолимся...

«Эхма, — подумал, вздохнув, Апраксин, — все беззгрешны, а токмо без присмотру страстям-то и перехлестнуться не долго. Одно слово — безотцовщина».

С утра в Преображенском поднялась суматоха.

— Государь, слышь-ты, на богомолье собрался в Троицкий монастырь, — услышал Апраксин, проходя по царскому двору.

Веселый Петр схватил его за плечи, встряхнул:

— Сего же дня отъезжаем. Матушка благословила. — Царь оглянулся. — Ты не проговоришь. Я-то пообещался и твоего братца взять для надежности. Езжай борзо за Петром.

Спустя два дня ранним утром из ворот Троице-Сергиева монастыря выехала кавалькада верхоконных. Впереди стремя в стремя с Петром скакал воевода Переславля-Залесского Михаил Собакин. Следом, чуть поотстав, неслись стольники, братья Апраксины.

Пятый десяток верст отмахали путники. Все они, кроме воеводы, впервые ехали этим проселком к Плещееву озеру.

— Вскорости и озерко, вон за тем перелеском, — взмахнув плетью, пояснил воевода на немой вопрос царя.

Дорога к Переславлю тянулась по холмам и ложбинам, вилась змейкой меж зеленых купц вперемежку с раздольными полями. Въехали на последнюю горку. Конь Петра первым вынес его на вершину и, повинуясь всаднику, остановился будто вкопанный. За ним застыла вся кавалькада.

Направо, внизу в дымке, едва виднелись на склоне постройки Переславля. Поблескивали в лучах солнца золоченые маковки соборов и церквей. Налево под горой раскинулась зеркальная гладь громадного озера, окаймленного золотисто-песчаным ожерельем побережья. Резвились, мелькая вдали над водной гладью, изредка вскрикивая, белокрылые чайки. Из далекого марева вдруг донесся, переливаясь, колокольный звон.

Петр толкнул брата коленом, зевая, проговорил:

— Никак, к заутрене звонят.

— Што ты, спросонья? Окстись, Петруха, благовест, чай, обедню звонят. — Федор потянулся, позевывая вслед за братом, кивнул на озеро: — А место райское!

Зашелестел шальной ветерок в прибрежных рощах. Порыв ветра обдал запыленные лица всадников.

— К озеру! — коротко, с хрипотцой, кивнул Петр воеводе.

Царь тронул коня, и кавалькада, спускаясь с холма, последовала за ним. Слева по ходу, то скрываясь за перелеском и густым кустарником, то вновь появляясь при подъеме на при-

горки, расплывалась вширь гладь озера. Из-за вершушек со-сен впереди показалась островерхая колокольня Горицкого монастыря. Слева открылось ржаное поле, уходящее вниз к селу Веськову, лежащему у самого уреза воды.

Царь что-то сказал воеводе, тот согласно мотнул бородой, и они повернули коней к озеру напрямик через ржаное поле, где едва виднелась заросшая тропка.

— Гуськом, след в след, — крикнул царь Апраксиным, и все верхоконные вытянулись цепочкой.

На середине склона одинокая пожилая крестьянка жала серпом рожь. Заслонившись от солнца рукой, она что-то недовольно крикнула царю, тот, ухмыльнувшись, махнул рукой и поехал дальше.

Когда Апраксины проезжали мимо женщины, до них до-неслось:

— Греховодники! Хлебушко-то мнете! Креста на вас нет!

Федор покраснел, развел руками: «Подневольные мы», а брату бросил коротко назад:

— Правда бабья-то!

Не доезжая околицы села, царь и воевода повернули вдоль берега влево, к опушке леса.

В густом кустарнике у самого уреза воды царь ловко со-скочил с коня, бросил поводья воеводе, скинул кафтан, сапо-ги, вошел по колено в воду. Подъехали остальные, спеши-лись, разминаясь после долгого пути.

Петр нагнулся, загреб пригоршней воду, плеснул в лицо. По зеркальной глади пошли круги. Оглянулся: кругом сон-ная тишина — ни души. Подозвал Собакина:

— Сказывал ты, рыбачат тут?

— В сельце есть малость, поболее артель в Залесском. Не-мало людей пробавляется, слобода там рыбная, государь, под-ле Трубежа.

— Стало быть, людишки есть?

— Дюжины, поди, четыре, не менее, — потер лоб воевода. — Рыбкой Переславль кормится, мужики в окрест торгуют. Святых отцов в Троице-Сергиеве потчуют, в Москву отря-жают.

Царь перебил его :

— Вели пригнать сюда лодьи три-четыре немедля.

— Дозволь, государь, — замылся Собакин, — в Никитском монастыре настоятель к обеду ждет, как прикажешь?

— Как сказал, святые отцы подождут. Мы здесь посне-даем, а заодно и окунемся, вон жарница-то палит. — Петр по-манил Федора Апраксина: — Покуда займись, Федор, стряп-ней.

Апраксин ускакал с воеводой в село. Оттуда уже спешил навстречу староста. Узнав, в чем дело, побледнел, затрясся:

— Как же так, сам государь великий в наше-то захолустье. Апраксин его успокоил:

— Тащи котел, пшено, ежели сыщется, говядинки, хле-бушка.

— Все, батюшка, отыщем.

Искупались, разожгли костер, сварили щи, кашу. Явился воевода с бородатым, но моложавым головой рыбной слободы Кузьмой Еремеевым. Соскочив с коня, тот бухнулся в ноги ца-рю. Собакин доложил, что следом плывут три лодки с Трубе-жа. Едва успели поесть каши, как издалека послышались не-торопливые всплески...

Чуть задремавший в тени под березой Петр быстро вско-чил, широко расставив ноги. Рядом выросла фигура Федора Апраксина. Из-за мыска вытянулась цепочка лодок.

— Гляди, Петр Алексеич, величиной с ботик наш, поди, — проговорил Федор, — кажись, и машт есть.

Петр поманил голову:

— Где твои люди сподобили сии лодки?

— Их здесь, на Трубеже, государь, — поклонился Кузьма, — слободские плотники наши переславские испокон веков ла-дят. Щеглу-то помогли умельцы с Беломорья.

Тем временем лодки подошли, рыбаки спрыгнули в воду, зашуршал песок под днищем. Царь, подвернув штаны, залез в воду, обошел лодку вокруг, похлопал ладонью по борту, по-качал мачту.

— А ну, — глянул на стоящего рядом Меншикова, потом на Кузьму, — попытаем!

Петр поманил Апраксиных:

— Лезай в одну лодку ты, Федор, бери Федосейку. Пойдете следом за нами. Ты, Петруха, в другую, в подмогу на весла Якимку.

Не успел царь перевалиться через борт, как за ним рванулся Меншиков. Лодка сильно накренилась, закачалась.

— Куда прешь, черт, все следом! — закричал чуть побледневший Петр. — С другого борта надобно. Это тебе не на Яузе.

Ухмыльнувшись в бороду, Кузьма зашел с носа и неторопливо развернул лодку. Налег широкой грудью на корму, лодка закрипела, медленно пошла вперед и через мгновение заковылялась на чистой воде. Толкнув еще раз, Кузьма через кормовую доску ловко взобрался в лодку.

— Так-то вот, государь, сподручнее, через корму лодку не раскачаешь, да и опаски поменее. — Еремеев полез на нос к матче, оглянулся на корму.

Петр согласно кивнул: мол, все правильно, учи неучей.

Все три лодки, чавкая веслами, отошли от берега. Апраксин следил, как, проворно перебравшись на переднюю банку, голова приладил весла, крикнул:

— Разбирайте весла! За нами следом!

Апраксин сел рядом с кормщиком:

— Как звать-то?

— Антипом кличут, государь. — Рыбак покосился на шелковую косоворотку Федора.

— Зови меня сударь. — Федор кивнул Склеяву: — Берись за весла, Федосейка, не отставать же нам от государя.

Мерно всплескивая веслами, лодки одна за другой отошли от берега.

Апраксин положил ладонь на кормило, короткое широкое весло, которым правил кормщик:

— Позволь-ка я править испробую.

Кормщик молча ухмыльнулся, подвинулся в сторону. Спустя полчаса, где-то на середине озера, на передней лодке перестали грести. Вспотевший Склеяв бросил весла, глянул на красные ладони.

— Федор Матвеев, как бы волдыри не вскочили.

— А ты тряпкой обмотай весла-то.

Апраксин подошел вплотную к передней лодке. Следом подошла и третья, с Петром, стали борт о борт.

В знойной тишине, двигаясь по инерции, едва слышно шуршала бортами лодка. Петр встрепенулся, сбросил дремоту, оглянулся. Берег маячил где-то вдалеке, маленькие смеш-

ные фигурки бегали по нему, размахивая руками. Раздув ноздри, он глубоко втянул воздух, посмотрел на Апраксина:

— Чудно, Федор. Такой благодати еще не взвидел.

— Озерко пахнет, — прищурившись на солнце, нараспев проговорил Кузьма.

Все молчали, словно замороженные. Глянув на московских гостей, Кузьма улыбнулся:

— Дозволь спросить, государь. — Петр кивнул. — Впервой на озерке или как? — с затаенной хитрецей прищурился Еремеев.

— Впервой, все мы впервой. — Петр тряхнул плечами, зажмурился от яркого солнца.

Внезапно вода вздрогнула, заиграла яркими бликами, пошла легкая рябь.

— Полуденник, ветерок-от. — Кузьма повернулся у царю, взмахнул рукой в сторону Велькова: — С летника идет.

Петр посмотрел на воду, выставил ладонь на ветерок, нетерпеливо передернул плечами:

— А што, может, с парусом попытаем?

Еремеев оглянулся, прищурился, поскреб затылок:

— То можно.

Молча вытащил лежавшую на днище длинную перекладину с притянутым к ней парусом, разложил на лодке, разобрал снасти. Не спеша отвязал от мачты подъемную снасть, поманил Меншикова:

— Гляди, как парусину крепят до щеглы.

Кузьма оттолкнул лодку Апраксина:

— Отстаньте подальше, следом за нами гребите сколь поспеете. — Кормщик кинул взгляд на парусину и крикнул: — Пошел парус! Подымай!

Меншиков торопливо потянул за веревку, перекладина бойко поползла вверх по матче, расправляя холстину.

— Теперича Еремейка в раж войдет, — ухмыльнулся Антип, — горазд свой ум выставлять.

— На то он и голова, — строго заметил Апраксин. — Федосейка, берись-ка за весла.

Кормщик привык в своей ватаге высказываться не спрашиваясь:

— Нам за ними ни в жисть не угнаться, надобно к бережку бы иттить.

«Ишь ты, рыбацкая закваска, — усмехнулся Апраксин, — лезет со своим не спросясь».

— Когда придет надобность, и к берегу пристанем. — Апраксин развернул лодку по направлению к далеко ушедшему паруснику. — Ты сам-то с парусом в ладах?

Кормщик сердито вскинулся:

— Какой рыбак с парусиной не совладеет? Неча ему в море-то хаживать, на берегу невод разве тянуть, если с удой промышлять.

— На море-то бывал сам?

— Как не бывать, в Архангельском не одно лето отхаживал за рыбкой смолоду.

Апраксин подвернул лодку, парусник, видимо, набрал хороший ход и пошел к противоположному берегу.

— Брось весла, Федосейка, передохни. Нам в самом деле за ними не угнаться.

«А ведь государь-то взаправду сим ремеслом завлекся, надобно как-никак и мне спознать сие дело».

— А коим образом с парусиной-то лодка супротив ветра выхаживает?

Антип почесал бороду, карие глаза его засверкали.

— Дело сие великое, сударь, токмо враз и на пальцах не пояснишь. Мудрость рыбацкого хождения не враз дается. Надобно с парусом жить в ласке и взаимности. Ежели придется нам с тобой хаживать с парусиной, тогда доскажу.

Антип заслонился ладонью от заходящего солнца.

— Кажись, Еремей к берегу правит, и нам бы пора.

Апраксин оглянулся, за кормой неподалеку держалась лодка с братом. Апраксин помахал ему рукой:

— Ворочаем к бережку!

На воду легли тени от макушек высоченных сосен прибрежного бора. На берегу трещал костер, вокруг суетились потешные, пахло ухой и кашей. Солнце не спеша катилось к далеким холмам, босые щиколотки приятно холодила сырая травка.

У костра сидел Петр, разговаривал о чем-то с Кузьмой и, видимо, следил, как лодки подходили к берегу.

Не успел Апраксин размяться, он махнул им рукой и крикнул воеводе:

— Пора бы и поснедать. Вели потешным, тащите ложки, посуду, какая есть, соль прихватите. Алексашка, штоф не забудь!

Приятный запах ухи, наваристой, с бараниной каши приятно щекотал ноздри.

После первой чарки все смачно жевали, вода нагнала аппетит.

— Кузьма баит, Федор, — прервал молчание Петр, — что и дело ихово, рыбацкое, сродни морехоцкому.

— Позволь, государь, продолжить. Не все сразу деется. — Кузьма разгладил бороду. — Деды наши да прадеды в сих местах вековали, рыбкой кормились, промысел чинили. Лоды великие тут не надобны — мелководье у нашенских берегов. Да и рыбку заморишь, разбежится с испугу. Ладим, стало быть, малые лоды, дощаниками на поморье зовутся. Опять же зимовье — на бережку им быть сподручней. Ледок-от расшибет хоть и великую лодью. Того дела для место сподобили лоды излаживать — подель по-нашенски — у Трубежаречки. Там же и конопатим, и смолой их обвариваем. Весла да снасти разные подельываем. Вот так-то, — закончил Кузьма.

Сумерки незаметно заполняли лес, костер высвечивал раскрасневшиеся лица.

— А машт отколя? — Петр вытянул затекшие ноги. — А парусы?

Еремеев кивнул на Антипа:

— Есть и тут умельцы! Вона Антипка который год хаживает в Архангельский, на Соловках монахам кочи морские излаживал.

Петр с любопытством посмотрел на кормщика, а Кузьма продолжал:

— Рыбники наши слободские много лет добывают на Белом море пропитание себе да женкам, да деткам. На Соловках да в Архангельском и с щеглой познались, и с парусом. Иноземных там кораблей страсть. А с парусом лодка ходка, на веслах не утонишься.

Еще долго рассказывал Кузьма, все слушали, казан с кашей давно опустел.

— С Волги, из Нижне-Новгорода, умелец в слободе прижился, по корабельному делу кумекает. Стар больно, а дело

знает. Баит, при отце своем ладил корабль для заморских походов к персианам. За кузнеца и плотника добре ладит. Так-то, государь, — закончил Еремеев.

— Любое то дело для вас, погляжу я, — протянул задумчиво Петр, глядя в костер.

— В ем жисть наша, государь.

Все невольно притихли, слушая рассказ Еремеева, слышно было, как потрескивают в костре головешки.

Петр встал, потянулся и неожиданно озадачил голову:

— Завтра поутру быть тебе на Трубеже с лодьями, под парусом пойдем. Да, — царь поднял голову, — приведи умельцев-корабельщиков, о коих рассказывал.

Голова молча поклонился. Петр обратился к Собакину:

— Теперь передохнуть бы надо. Федор, Петро, Алексашка, собирайтесь. Потешных пристрой где там на подворье.

Подвели лошадей, и сопровождаемые воеводой всадники скрылись за поворотом.

Игумен Никитского монастыря отец Дионисий, еще накануне с вечера предупрежденный Собакиным, приготовил две самые лучшие горницы в своих палатах. И когда царь подъехал к монастырским воротам, они были уж открыты. Игумен с рыжим келарем низким поклоном встретил их, пригласил откусать. Спустя полчаса сидели они в трапезной за длинным, грубо сколоченным столом. Игумен поднес громадный потир с монастырским медом. Меншиков молча взял, отпил, поставил перед Петром. Стол был уставлен разной рыбной снедью, но проголодавшийся Петр повел носом:

— Мне бы чего мясного.

— Изволь, государь, говядину, — протянул ему блюдо игумен, — пост, слава Богу, миновал.

— Подобру все, ладно, — задумчиво ответил Петр.

Игумен мягко предложил назавтра отправить службу, поклониться святым угодникам.

Петр досадливо поморщился, другие думы его одолевали, но сказал:

— Добро бы нам заутреню не пропустить, Федор, ты взбуди меня, Алексашка, пес, как есть проспит, — перевел разговор. — А что, монастырь ваш, святой отец, не бедствует?

— Монастырь наш невелик, государь, но знатен, пять ве-

ков бодрствуем со времен Александра Ярославича, — неторопливо рассказывал игумен о нехитром монастырском хозяйстве. — Позволь, государь, полюбопытствовать, надолго ли в наши края?

— Все-то ведать желаете, — усмехнулся царь. — Охоту имею на водную усладу вашу, на озерко полюбоваться.

— Дело доброе. — Дионисий поправил свечу. — От предков идет, да позабыто теперь многое, а то и поневоле.

— Пошто так? — Петр удивленно поднял брови.

— Кой-то лета, государь, люд да земли наши древние от межуособиц страдают, мнут друг дружку на радость недругам, а през в сих местах Русь становилась.

Игумен покосился на уронившего голову Меншикова. Петр шлепнул его по затылку, толкнул задремавшего Федора. Тот вздрогнул, посмотрел на сидевшего рядом брата.

— От озерка нашенского, государь, до матушки-Волги рукой подать. Рыбаки наши туда рыбку везут, — нараспев закончил Дионисий, глядя на задумавшегося царя.

Из раскрытого оконца потянуло прохладой соснового бора, за монастырской стеной вековые стволы слегка поскрипывали, будто переговаривались о былом.

— Да-а, — Петр откинул голову, — постигать многое еще надобно, однако разумею, — повернулся к Федору, — подле маменькиного подола сидя, многое не проведаешь, а должно про все знать.

Кивнув на полусонного Меншикова, Дионисий произнес:

— Коли искус есть, о том позволь после поведать. — Игумен привстал. — А нынче время позднее, государь, почивать бы пора, чай, не побрезгуешь обителью нашей?

Алексашка примостился на полушубке у дверей царской горницы. Апраксины расположились в дальней опрятной келье, на деревянных лежанках.

— Слышь, Петр, — ворочаясь, сказал Федор, — чудное дело затеял государь, да, видать, оно крепко в его башке засело.

— Пожалуй, так, — зевнул Петр, — токмо не усматриваю в том никакой улады, блажь наша чередой на Петра Лексеича...

Но водная утеха, видно, глубоко захватила царя.

Поутру, нетерпеливо отстояв литургию в церкви и покло-

нившись святым — все набожной матушке-царице утешение будет, — он заторопился к Трубежу.

У самого уреза, на левом берегу речки, там, где Трубеж впадает в озеро, стояли десятка четыре рыбацких лодок. Вокруг них хлопотали рыбаки. Еремеев приводил в порядок самую большую лодку — карбас. Из нее уже выгрузили сети, очистили от рыбьей чешуи, успели вымыть днище. Когда подошел Петр, артельщики сноровисто ставили мачту, потом тут же приладили рейку с парусом. В стороне стояли потешные, с любопытством глядя на ловкую работу. Вместе с рыбаками орудовали только Скляев, Воронин, Кикин. Следя за их быстрыми руками, Петр пошутил:

— Быть вам верховодами утехы водяной. — И, помолчав, задумчиво добавил. — Токмо сие, видать, не в одночасье творится, а потому постигать многое надобно. — Поманил Апраксиных: — Садитесь в лодку с парусом, за мной двигайтесь.

Стоявший рядом Еремеев, поклонившись, остановил жестом Апраксиных.

— Дозволь, государь. — Петр нетерпеливо кивнул. — В артели нашей порядок испокон блюдут. Твои товарищи пойдут с Антипом, но дозволь мне по делу распорядиться.

Петр насмешливо глянул на Еремеева, перевел взгляд на Апраксиных:

— Валяй.

Еремеев крикнул Антипа, не спеша что-то растолковывал ему, показывая на озеро. Закончив, так же неторопливо, вразвалку подошел к царю, поклонился:

— Все справлено, государь, мочно отчаливать.

Утро выдалось прохладнее вчерашнего, с устья Трубежа тянуло ветерком. Меншиков первым забрался в карбас, хотел дернуть за снасти, поднять парус, но Кузьма схватил его за руку:

— Погоди. Ежели парус враз поднять, не отчалив от пристани, карбас поворотит, на меляку сядем. А если, не дай Бог, подует буйный ветер, то и беды не оберешься.

Кузьма взял руль и кивнул рыбакам:

— Прогоньте-ка нас от пристани!

Антип с дюжиной артельщиков стали по борту карбаса, разогнали его и толкнули напоследок в корму. Карбас вышел

на середину речки и, подхваченный течением, медленно направился к устью Трубежа.

— Ну, — зыркнул голова на Меншикова, — теперича рот не разевай! Подымай враз, — махнул рукой, — давай!

Парус не поднялся еще до половины мачты, а карбас, повинувшись неведомой силе, чуть увалился и медленно стал набирать ход. Спустя несколько минут он уже миновал устье и заскользил по чуть рябоватой поверхности озера, оставляя за кормой пенистый бурун.

— Поживи с наше да пожуй с нами каши, — ухмыляясь, проговорил под нос Антип, подходя к лодке, в которой уже сидели Апраксины и Скляев.

— Нынче велено мне вас выхаживать на озерке, — сказал он, впрыгнув в лодку, — стало быть, ремеслу обучать. Перво дело — парус и мачт.

Антип выбросил на пристань парус с рейками, расстелил холстину, пояснил, что к чему: какие снасти крепят парус к мачте, какие управляют им. Скляев вылез на пристань, стал ощупывать каждую веревку, разглаживать складки паруса. Федор слушал внимательно, а Петр зевал, поглядывая на столпившихся вдали девок.

Прикрепив рейку к мачте, Антип распорядился:

— Значит, ты, Федосейка, с парусом управляться станешь, вы, сударь, — он кивнул Федору, — со мной рядышком, а вы, ваше степенство, — сказал с усмешкой, чуть поклонившись Петру, — за сидельца, стало быть, посередке.

Осмотревшись по сторонам, Антип глянул вперед, вниз по течению, багром протянул лодку и кормилом направил ее на стремнину.

Подхваченная течением, лодка медленно двинулась к устью Трубежа.

Скляев схватился за снасть, хотел поднимать парус.

— Погодь! — крикнул Антип. — Вишь, ветер-то с озерка тянул, нам в морду. Надобно наперед нам в озерко выбраться, а то и на веслах отойти от бережка. Поглядим!

Но весла не понадобились. Стремнина вытолкнула лодку далеко от берега. Бросив взгляд на шевелившиеся верхушки вязов на берегу, на вспененную поверхность озера, Антип резко переложил кормило.

— Подымай парус!

Скляев ловко потянул за веревку, и перекладина с четырехугольным парусом поползла вверх.

— Эх его! — вдруг вскрикнул с досадой Антип. Снасть левого нижнего конца паруса отвязалась, и он хлестал поверху. — Держи-ка, сударь, кормило покрепче, — попросил он Федора, — держи прямо, по сторонам не вихляй, а я с парусом управлюсь.

Схватив багор, он ловко поддел трепетавший на ветру конец паруса, притянул его, схватил снасть и закрепил на лодке. Словно почуввав властную руку, парус перестал хлестать, расправился и, раздувшись, сразу потянул лодку вперед. Федор глянул на кормило. Из-под широкой лопасти за кормой забулькал пенный след, вытягиваясь змеей.

— Так-то, за парусом потребен глаз да глаз, — взявшись за кормило, проговорил Антип, — чуть проворонишь, и беда набежит. Нынче мой недосмотр.

В эти немногие минуты, пока Федор держал в руках кормило, он ощутил прилив какого-то неизъяснимого чувства, ощущения слитности с лодкой, взаимодействия с ней, будто это живое существо. Не понимая в деталях всех действий Антипа, Федор невольно проникся уважением к этому невзрачному на вид, небольшого роста, жилистому, подвижному мужику.

Антип между тем, поглядывая из-под паруса, направил лодку к видневшемуся вдали карбасу.

— Позволь-ка — вдруг попросил Федор, — кормилом мне побаловать.

— Балуют с девками, сударь, — ответил насмешливо Антип, — с лодьей не шуткуют. Ежели по делу, хватайте кормило покуда со мной вместях.

Федор положил свою ладонь на кормило, рядом с жилистой ладонью кормщика.

— Вишь, ветер-то лодью тянет, покуда с кормы али сбоку. Ежели сбоку, то норовит лодью свалить в сторону, а нам потребно во-он куда. — Антип кивнул на приближающийся карбас. — Стало быть, ежели лодью уводить почнет, кормилом ее подправить надобно. Но не шибко, дабы ветер не упустить и шток парусину не перехлестнуло.

«Видать, дело морехоцкое хлопотное, но с интересом», — подумал Федор и, глянув вниз, невольно усмехнулся. Под парусом, растянувшись на плоском днище, похрапывал братец. Антип пригнулся, поглядывая из-под паруса, и попросил:

— Держи-ка кормило, сударь, прямо.

Перемахнув к мачте, он быстро отвязал нижние концы паруса и обмотал его вокруг мачты.

Лодка, заметно сбавляя ход, подошла к карбасу.

Увидев Апраксина за кормилом, Петр обрадовался:

— Это ты, гляди, Федор, эдак и меня обставишь.

— Стараемся, государь, хлеб зря не жевать.

Царь засмеялся, кивнув на сонную физиономию Петра:

— Братец-то твой и хлеб жует, и здоровье бережет.

Еремеев в это время позвал Антипа:

— Нынче мы с тобой разойдемся и почнем враз тягаться на перегонки.

— Штой-то, чего для? — недоумевал Антип.

— Не твою ума дело, — ответил вполголоса Кузьма, скосив глаз на переговаривающегося царя. — Как махну тряпичей, подымай, стало быть, парус, и во-он туда, до той косы пробежимся. Тебе-то за мной не угнаться. Но ты делай, как велют, для потехи, стало быть.

Карбас и лодка разошлись, и голова крикнул:

— Начинай!

Антип, прищурившись, поглядел на парус и, чуть подвернув кормило, легко понесся вперед. На карбасе замешкались. Царь переложил кормило слишком резко, карбас развернуло, и он встал. Было слышно, как, крикнув, Еремеев полез к мачте, перемахнул парус на другой борт и сам взялся за кормило. Спустя полчаса карбас нагнал лодку, и Петр помахал Апраксину. «А все же мы тебя поначалу обставили», — ухмыльнулся довольный Федор.

Потом гонялись еще в обратном направлении, к устью Трубежа. Поглядывая на пристань, Федор крикнул на карбас:

— Поснедать бы надо!

— А ты сухариком закуси! — крикнул Петр.

Антип вытащил из закоулка холщовую котомку, развязал ее, вынул ржаной сухарь, протянул Федору:

– Угощайтесь сухариками.

Федор запустил руку. Антип кинул мешок Петру и Скляеву, достал откуда-то тряпицу, в ней оказалась вяленая рыбешка.

– Откуда сие? – удивился Федор.

– На озерке всякое может стрястись: то ли мга какая найдется, то ли буря разыграется, занесет куда на десяток верст. Надобно впрок завсегда хлебушко ли, рыбку вяленую в припас иметь.

Карбас между тем двинулся вперед, к дальнему берегу озера, к Воськову, и Антип направил лодку вслед за ним. Еще не раз ложились оба судна на параллельные галсы, стараясь обогнать друг друга. Солнце пекло, но встречный ветер приятно освежал лицо и грудь. Сначала Еремеев, а вслед за ним и все остальные скинули рубахи. Оголенные до пояса мужские тела как-то сглаживали своим естеством разницу в сословном положении.

Глядя на мускулистую и жилистую фигуру Антипа, Федор поглядывал на свое гладкое, чуть дрябловатое тело, переводил взгляд на дебелую грудь Петра. «Все люди все равны, в чем пришли, в том и уйдем, но Антипка хотя и смерд, а нас с братцем за пояс заткнет. Да и Федосейка, сразу видать по стати, черной работы не чурается».

Словно угадывая мысли Федора, с карбаса на повороте Петр крикнул:

– Телеса-то не по годам жирком заплыли.

Непривычно было видеть его долговязую фигуру обнаженной до пояса, а мускулистый торс выдавал недюжинную силу.

В это время ветер внезапно стих, паруса разом обмякли, и карбас и лодку едва заметным течением дрейфовало от берега. Вокруг стало непривычно тихо, лишь слышались крики чаек, сновавших всюду над озером в поисках пищи. Утомленные и размокшие жарой, люди примолкли, укрылись под парусами. Федор потрогал опаленную переносицу:

– Слыш-ка, Петруха, никак, нос облазит?

– Будет тебе все выставляться, – засмеялся брат, – посиживал бы в холодке.

На карбасе тоже переговаривались:

– Слышь, голова, – потянулся до хруста царь, – а чтой-то поясницу ломит?

Петр, морщась, боком сполз с кормового сиденья и примостился на днище.

– То, государь, с непривычья, пообвыкнется, коли «утеху» не оставишь. – Лукаво улыбаясь, Кузьма зачерпнул ладню воду, смочил шею, волосы.

Глядя на Петра, Апраксин вытянул затекшие ноги, с наслаждением пошевелил пальцами и прикрыл глаза в дремоте...

На пристани царь сразу дал понять, что новые страсти охватили его неудержимо и надолго. Истомленного ожиданием воеводу Собакина сразу засыпал вопросами:

– Сколь в Переславле плотницких, кузнецких умельцев, есть кузня?

Собакин утвердительно кивнул:

– Имеется, государь, три кузни да в Воськове четвертая.

– Где тот умелец, што лоды проворит?

– Здешя, государь. – Собакин оглядел стоявших поодаль рыбаков, крикнул: – Фролка! Подь сюды.

Семена босыми ногами, подошел кряжистый мужик, низко поклонился. Прошлой осенью вернулся Фрол Синев из Соловецкого монастыря, три лета промышлял с ватагой в Студеном море на стругах да карбасах.

– У монахов там подель на Соловках, государь великий, – бойко рассказывал Фрол, – ладят там суда, снаряжают; после промысла почин судам разный производят, конопатят, смолят.

– Сам этим делом владеешь? – Петр по-доброму смотрел на артельщика.

– Всем помалу, государь великий, у архангелогородцев перенял на Соломбале, что видел. Умельцев там немало, ремесла свои в тайне не держат. – Погладил бороду. – Не один я здесь, государь великий, вон Пронька Скобеев тож по конопатному делу, смольщик добрый, справный.

– Добро. – Петр глянул на Апраксина. – Вели, Федор, список дать немедля всех умельцев тутошних по плотницкому делу, кузнецов. – Кивнул на Фролку: – Да наиначе всех по корабельному ремеслу. А что, Фролка, будем суда ладить?

– На Соловки собираться? – От неожиданности Фрол смутился.

– Нет, брат, не угадал. Здесь, – царь ткнул пальцем в озеро, – на Плещеевом будем суда ладить.

Фрол недоуменно глянул на царя, шутит, что ли.

– Нонича и приступим, как кумекаешь, сподобим? – в упор спросил Петр.

Еще не пришедший в себя Фрол покачал головой:

– Дозволь, государь великий?

Царь кивнул.

– Мужики бают – не берись лапти плести, не надравши лыка. Из чего ладить-то, лен надобен, досья, да чтоб сухи были.

– Ну, то не твоего ума, все будет, а сейчас пошел.

На съезжей царь говорил воеводе как о деле решенном:

– Суда будем у тебя на озере ладить, воевода, место присмотри. Того для перепиши всех умельцев по этому делу, подобных Фролке. Тот список выдашь Федору Апраксину. Размысли, откуда мужиков приписать, плотницких людей особливо сыскать. И где пильные досья брать.

Собакин почесал голову:

– Дозволь, государь великий. Надобно десятины лесные сперва нарезать. Досья-то тесать придется али на козлах, меленок-то пильных в округе нет.

– Худо, – нахмурился Петр, – а ты поразмысли, поутру доложишь.

Апраксин слушал царя, улыбаясь про себя. Давно уразумел, что в том разгорается пламень новой затеи – водяной. Да уж больно круто берет, все враз... А впрочем, комнатный стольник за семь лет привык ко всяким чудачествам. Одно знал Федор твердо – царь хотя и молод, но затеи свои всегда до ума доводит.

В монастырь отправился пешком. В охотку было пройтись, размяться после многочасья сидения на карачках в лодках. С непривычки ныла спина. В слободе у многих изб, что протянулись вдоль берега, стояли мужики, низко кланяясь. Из-за палисадов виднелись бабы платки.

Весело поглядывая по сторонам, Петр с Федором и Меншиковым размашисто шагал впереди. Отстав на несколько

шагов, отдуваясь и пыля сапогами, шли и вполголоса переговаривались Петр Апраксин и воевода.

– Государь-то вроде и устали не ведает. – Воевода вздохнул и вытер пот.

Апраксин улыбнулся:

– Сие завсегда. Потехи с войском в Преображенском денно и ночно, от зари до зари гоняет, и все, как кочет, токмо поспевай за ним.

В монастыре царя ждал гонец из Преображенского от князя Ромодановского. Князь просил царя спешно приехать, успокоить мать.

Поужинав, Петр велел Меншикову собирать что нужно в дорогу, чтобы выехать утром, а Федору Апраксину сказал:

– Ты, Федор, останешься в Переславле, с воеводой вершить дела, а мы возвратимся на той неделе, на постое здесь будем. – Кивнул Дионисию: – Чаю, свидимся, доскажешь речи свои.

Тот поклонился и вышел.

Проводив Петра, Апраксин с воеводой, не заходя на съезжую, направились к устью Трубежа. Вместе с Еремеевым обошли помост для постройки рыбацких лодок.

– Ежели государь задумал ладить карбасы, так лучшего места не сыскать, – высказался Еремеев, – тута и затишок, и приглубая заводь для спуска, а рядышком и сарай для припасов какие изладить.

– Сколь плотников в Переславле? – спросил Апраксин.

– Плотник-то каждый мужик, избу-то многие рубят, токмо для делания судов искус надобен.

– Так ты посмотри таковых.

– Присмотреть-то недолго, да как мужику-то семью кормить, ежели он ни рыбкой, ни пашней заниматься не будет?

– То не твоя забота, государь сполна работным людям жалует деньгу. Поспешай, завтра на съезжую приди и сказывай мне толковых людишек.

Осмотрели с воеводой сосновые делянки.

– Для строения судов надобны дерева без сучьев, – предупредил Апраксин.

Поутру на Казанскую Собакин и Апраксин ехали вдоль озера встречать царскую свиту. Вода у берега уже чуть позеле-

нела, салатным бархатом вилась узкая каемка. Накануне вечером прискакал Федосей Склеяев.

— Государь нынче в Троицком ночует, с обозом. Завтра здесь будет.

— Велик ли обоз? — спросил Апраксин.

— Цельная рота, почитай. Мастеровые едут, иноземцы Тиммерман, Брандт и Корт. Железо полосовое везут, пеньку, смолу, холстину.

Апраксин слушал, покачивая головой: «Стало быть, государь по задуманному стелет».

Седьмое лето ходит Федор комнатным стольником у молодого царя. Начиная, когда тому еще не минул десятый годок. Страшное то было время, лихолетье, лилась кровь боярская ручьями, терзали и кончали людей, близких царю, подчас на его глазах. Страдали и невинные. Очумевшие, полупьяные стрельцы жаждали расправиться с братом царицы Иваном Кирилловичем, а по ошибке в полутемных палатах зарубили стольника Федора Салтыкова. С той ужасной поры что-то переломилось в веселом, добродушном царевиче. Так же вроде бы играл и забавлялся с однолетками, выглядел прежним непоседой и шалуном, но изредка какая-то тень набегала на его не по годам умное лицо, заволакивались темные глаза какой-то невысказанной болью и печалью...

У Федора безотцовщина с малых лет, сравнительно тихая и размеренная детская жизнь в семье скромного достатка выработали неприхотливость и непритязательность. Унаследовав от матери неторопливость в действиях, он старался делать все осмотрительно и надежно. Пришлись к месту эти свойства характера при общении с малолетним царем. За минувшие годы не раз неприметно влиял Федор на поступки своего несколько своенравного повелителя. Где-то в шутку подскажет, как-то осторожно одернет. Всюду сопровождал царя: и на богомолье, и на многочисленных литургиях, которые считалось большим грехом пропустить.

Увлекался и сам комнатный стольник разными затеями Петра. Привлекало царя токарное дело, и Федор набил руку в этом ремесле. Начались потехи с войском, и тут стольник поневоле осваивал азы солдатской науки. Строили на пруду струги, и здесь пришлось попотеть, чтобы не отстать от входившего в воз-

раст Петра Алексеевича. А уж после того, как парус заполоскался перед взором царя, жизнь потекла совсем по другому руслу...

Пришпорив коня на взгорке, воевода кивнул на желтые листья березы:

— Солнышко-то, Федор Матвеевич, чай, на зиму пошло?

— Оно, глядишь, жарыща-то все поменьше будет.

На горке у массивной каменной часовни всадники остановились, не слезая с коней.

— Баю, сия часовня повелением Ивана Грозного сооружена, — проговорил воевода. — На сем месте будто царица бременем разрешилась при следовании из Александровской слободы.

— Знатное место для встречи государя, — ухмыльнулся Апраксин, и словно в ответ ему запылели проселок за придорожными соснами: показалась царская свита. Сразу же тронулись дальше. Петр ехал посередине, справа Апраксин, слева воевода.

— Обозы поотстали малость, небось к Сергиеву не дошли. Как управился, Федор?

— Все путем, государь. Недостаток в струменте, пил раздва, и обчелся.

— Пилы везем, другие припасы. Все, воевода, подобру надобно поместить для сбережения.

Легкий ветерок потянул снизу озерным привкусом. Сквозь сосновую кущу просвечивала голубизной зеркальная гладь.

В устье Трубежа Петр первым делом повел Брандта на пристань. Вспрыгнул на карбас, погладил борта, провел рукой по вантам, полез на корму, выпрямился, окинул взглядом озеро:

— А что, Брандт, чем не море?

— Озеро славное, государь, но море поболее намного.

Карбас Брандту понравился.

— Но мы станем сооружать несколько другое. Знатней этого судно. — Брандт попытал трубой.

— Для начала, государь, — посоветовал Брандт, — будем мастерить яхту небольшую, как получится. Потом можно построить другую, в две мачты с палубой. — Карстен знал, что Петру захочется большего. — А там уж будем думать о фрегате.

Петр загорелся:

– Что есть фрегат?
– О, это красивый корабль, наподобие «Орла». Три мачты, две палубы с пушками.
– Сколько пушек?
– Много пушек. Полсотни. Но нам хватит и десяти.
– Почему?
Брандт усмехнулся:
– Для этого озера достаточно, здесь нет неприятеля.
На том и порешили.

На поляне уже орудовали плотники, сооружали козлы для распиловки бревен. Через два дня Апраксин принимал первую возку леса с делянки, загодя выбранной Еремеевым.

Рано утром пришел Петр, долго смотрел, как ладно пилами плотники сновали: вверх-вниз, вверх-вниз, и готовая доска набок отваливалась. Не вытерпел, скинул кафтан, сам полез на козлы. В тот же миг Меншиков всех потешных загнал на козлы, сам с царем в пару встал.

Работа пошла веселее, Еремеев подошел к Апраксину:

– Дозволь молвить.

Тот кивнул.

– Не все ладно. Досья трудно достаются, не ровен час, дождь хлынет, все попортит. Навес надобно ладить, туда досья перекладывать.

– Добро, делай. Людишками воевода распорядится.

На другой день из залесья потянул легкий ветерок, и вся неделя оказалась ветреной... Теперь работы на поделу царь чередовал с плаванием на лодке под парусами. После полудня он обычно брал Апраксина, Меншикова и Еремеева.

Неделю спустя Петр освоил азы парусного дела, ловко орудовал со снастями при перемене галса и заходе ветра. Апраксин старался не отставать. Рыбный голова с явной охотой пояснял тонкости управления лодкой под парусами.

С каждым днем возрастала ретивость царя, а Федор дивился его покорности в общении с Еремеевым. Частенько Кузьма кричал и прикрикивал на него. Петр лишь лукаво щурил глаз на старосту, подергивал губами, а глазами улыбался.

Иногда внезапно налетал шальной ветер, кренил карбас, вода захлестывала борт. Кузьма перехватывал, потравливал снасти.

– Озеро да ветер шуткуют не спросясь, – говорил он, – раз оплошаешь, жизни можешь лишиться. Кто на море не бывал, тот горя не видал.

Другой бы поотстал, а Петр после таких случаев еще настырнее стремился на озеро. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней – хочешь не хочешь, каждый раз тянулся за ним Федор. Сам не заметил, как втянулся в это дело...

В затишье работали на верфи, строили яхту. Царь ловко орудовал топором, у Федора получалось не совсем складно. Петр не подтрунивал, но тех, кто отлынивал, подгонял.

– Пошто рты разинули? – покрикивал он на зевавших мужиков и потешных, вскидывался на Склаева: – Гляди, Федосейка, с тебя спрос, до плети недалече. – Плкнув на ладони, Петр со звоном вонзил топор, полетела сколотая щепка...

Близилась осень. В один из дней с утра небо заволокло, запасмурило, к полудню заморосило. Дождь шумел всю ночь, не перестал и днем. На поделу работы не смолкали, а карбас сиротливо покачивался без паруса у рыбацкой пристани. После обеда Петр остался в монастырской трапезной. Накануне прискакал, вторично, гонец из Преображенского от матушки: в беспокойстве сильном велела царица беспрерывно возвращаться не мешкая.

Еще утром Апраксин передал игумену желание царя – свидеться перед отъездом, старые книги послушать.

Неслышно, но быстро, запыхавшись, словно боясь опоздать, вошел Дионисий. Поклонился, вопросительно посмотрел на царя.

– Уговор наш не забыл? – Петр добрыми глазами кивнул в угол на ларь, где стопкой лежали книги. – В прошлый раз недосуг было, припозднились, нонича послушаем.

– С радостью превеликою, государь.

Апраксин с интересом следил, как Дионисий перебрал книги, надел очки, уселся в торце стола. Положив ладони на стопку книг, посмотрел в открытое оконце, прислушиваясь к мерному шелесту дождя, и словно продолжил прерванный рассказ:

– Русичи, государь, аще во времена Олега да Игоря хаживали по рекам да морям. Славяне и торговлей процветали, себя в обиду не давали. Незвезданного не страшились. Олегов щит на вратах Царьграда красовался...

Монотонно звучал чуть дребезжащий голос игумена. Долго он перелистывал древние книги, отвечал на вопросы Петра, а в конце концов сказал:

— Ты, государь, я чаю, намерен на озерке про парусы глаголат. — Поверх очков обвел всех торжественным взглядом. — Так они есть нашенские, от Олега Вещего заведены были. Не где-нибудь, как бахари иные блажат, а на Руси...

Петр передернул плечами, глянул на Апраксина:

— Вишь ты, мы-то неучи какие. — Кивнул игумену: — Ну, давай дальше!

Дионисий отложил сафьяновую книгу.

— Разные вороги, государь, яко волки, грызли Русь, куски полакомее рвали клыками, да оные у них же и выкрашивались. Вон шведы, тевтонцы льстились добычей легкой. — Игумен вздохнул, оживился. — Ведомо тебе, государь, князь наш удельный Александр, сын Ярославич, третьим княжил в Переславле. Зван был Новым городом на подмогу. Шведы морем в ту пору Неву воевать пришли...

Дионисий немного помолчал и продолжал:

— Сеча великая была... Однако Александр с малой дружиной побил зело шведов. За ту битву князя Александра нарекли Невским...

В слюдяное оконце мерно барабанили капли усиливающегося дождя.

Петр откинулся на высокую спинку деревянного стула, задумчиво смотрел на узловатые руки игумена, лежавшие на книге.

— А пошто далее предки-то Неву не уберегли?

— А то есмь, государь, смута великая стряслась на Руси. Шведы же полонили и Орешек, и Иван-город, и другое... Государь наш Иван Васильевич воевал Ливонию. На море Балтийском суда завел, торговлю морским путем учинил. После того родитель твой, государь Алексей Михайлович, царство ему небесное, думу тайл о том же, сподобил корабль «Орел» с пушками, пути морские отыскивал. — Дионисий развел руками, посмотрел на Петра, перевел взгляд на Апраксина. — Видать, время не вышло...

За оконцем совсем потемнело. Дождь все лил, ярче в наступивших сумерках замерцала лампада у божницы.

— Погоди, придет срок! — твердо проговорил Петр, упрямо сжав губы.

Старшие Апраксины по воле государя втягивались в его военные и иные заботы, а младший брат Андрей в это время томился в покоях болезненного, а попросту говоря, слабоумного от природы второго государя, Ивана Алексеевича. Монотонная и скучная жизнь немного развеяна была три года назад с появлением в царских покоях законной супруги царя Прасковьи Федоровны из старинного боярского рода Салтыковых.

Царь Иван, собственно, и не подумывал о семейном счастье, но за него все решила старшая сестрица.

В ту пору казалось, что все идет своим налаженным порядком. Софья — правительница по закону при малолетних царях, чего тревожиться. Но царевну терзали сомнения. Время шло, цари подрастали, и дальнейшее Софье рисовалось туманным и неопределенным. От ее участи зависела судьба ее приближенных.

Умный и проницательный князь Василий Голицын искал выход.

— Наиглавное, Софьюшка, обезопаситься нам от Нарышкиных, а с Иваном наша правда перетянется.

— О том и я забочусь, но подступиться с какой стороны?

— С бабьей, государыня, — рассмеялся князь.

Частенько с глазу на глаз он, чтобы польстить своей любовнице, величал ее царским титулом.

— Надобно Ивана нам женить.

— Што нам с того-то? Еще хуже наживем с какой-нито царицей.

Василий Голицын смотрел дальше:

— Царица-то принесет приплод. Глядишь, царевич народится. Иван-то старший царь. Стало быть, у него младенец объявится, наследником законным станет.

Софья начинала понимать и просияла:

— А при том младенце мы и дальше править почнем.

— Верно, моя милая, тогда впору станется и о царском венце тебе поразмыслить.

Сказано — сделано. Устроили смотрины для Ивана Алексеевича. Пригласилась ему двадцатилетняя, кровь с моло-

ком, Прасковья Салтыкова. Все бы хорошо, но на четвертый год супружества жизнь текла без ожидаемой радости продолжения царского рода...

Нет-нет да и поговаривали в народе: «Царь-то Иван непловитый али царица непригодная».

Об этом вдруг подумали и братья Апраксины, по первозимью встретившись наконец-то в стенах родного дома. Разговор опять затеяла Домна Богдановна:

— У всех соседей отроки-то оженлись давно. Долго ли вам непутевыми быть? Пора бы ожениться.

Старший, Петр, посмотрел на братьев смеющимися глазами:

— Воля ваша, матушка, я невесту выбрал, берите кума, идите сватать.

Мать всплеснула руками, заохала, братья засмеялись.

— Кто такая? Да когда же ты успел?

— Пострел всегда успел, — смеялся Петр. — Дьякова дочка Степанида, у Земляного города проживает.

У матери первый вопрос о приданом:

— Много ли за нее дают?

Петр согнал улыбку:

— Я, матушка, не на деньгах оженюсь.

— Верно братец сказывает, — поддержал Федор, — засылай сватов, матушка...

О таком же деле судачили князь Борис Голицын со своим сотрапезником Львом Нарышкиным.

Разговор начал Борис издалека:

— Слышь-ка, Лев Кириллович, князь Василий губу дует.

— Пошто?

— Помнишь, мы летом заходили с Петром Алексеевичем в Посольский приказ, по столам бумаги смотрели, дьяков поспрашивали.

— Ну и што с того?

Борис Голицын скривил губы:

— Не по душе, видно, Софье, что Петр Алексеич к делам государственным приникать начинает.

— Знамо, прибрали все к рукам, так мыслят, что сие навечно.

— О том и я толкую, расклад нынче же не в нашу пользу.

— О чем толкуешь?

— Царь-то Иван женат, слух прошел, Прасковья его забрюхатела. Глядишь, сына принесет, тогда заказан для Петра Алексеича престол. Софья-то своего не отдаст по-хорошему.

— К чему клонишь?

— Петра женить надобно, да особо не мешкать.

Нарышкин хитро прищурился, размышляя:

— В самом деле, когда у Петруши сынок объявится, у Софьи козырей не станет.

Голицын обычно не ограничивался отвлеченными тирадами:

— Повести об этом всем Наталью, что к чему, да пускай не канителится, дело-то первостатейное.

Наталья Кирилловна, оказывается, и сама об этом подумывала.

— Петруше нынче-то семнадцатый годик пошел, — сразу согласилась она с братом. — Женится, остепенится, поди, отойдет от своих потех, а главное, Софья приумолкнет.

Лев Кириллович настроился решительно:

— Без мешкоты присмотри невесту, да штоб и приглядна была, и родовита.

Наталья Кирилловна ушла в заботы, выспрашивала, высматривала.

Наконец остановилась на Евдокии Лопухиной, писаной красавице, но захудалого дворянского рода. Дело было спешное, братья одобрили выбор царицы: «Где лучше сыщешь, время не терпит». Устроила царица и предварительные смотрины в Новодевичьем монастыре, куда под видом богомолья привезли Лопухины будущую царицу. Смотрины прошли благополучно, и только тогда мать заговорила с сыном:

— Петрушенька, я чаю, ты все в заботах, а пора бы тебе остепениться, о будущем подумать.

— Ни к чему, маменька, дай Бог успеть сотворить дела настоящие, вона сколь у меня теперь солдатского войска. О нем хлопот не оберешься, зима на носу.

— О другом я, сынок, жениться тебе пора пришла.

Петр вдруг закашлялся, засмеялся:

— К чему жениться рано так, маменька? Девочек-то кругом пруд пруди.

Густая краска залила лицо царицы: «Петруша-то по-срамному говорит, не стесняется».

— Тебе говорю не о всяких грешных делах, а о семейном устройстве, — настойчиво продолжала мать. — Вона братец твой Иван Алексеевич отцом скоро станет. — Голос матери внезапно задрожал. — Да и мне, сынок, внучат нянчить охота.

— Рази так, — усмехнулся Петр, — а я и не ведал. — Он согнал улыбку. Склонил голову. — Ну, ежели вы, маменька, такое порешили, быть по сему, не противлюсь я.

Наталя Кирилловна облегченно вздохнула:

— Ну вот, сынок, и ладно. Ты что о невесте не спросишь?

Петр опять рассмеялся:

— Коли вы выбрали, знать, недурна. Как звать ее?

— Красавица, Петрушенька, Евдокия Лопухина, дочь окольничего Федора Абрамовича.

— Дуня, стало быть, — покрутил головой Петр, — не слышал про Лопухиных. Лицом-то красива, а головой как?

— Добрая кума живет без ума. У бабы, сынок, волос долог, да ум короток. Так уж мы, бабы, устроены. Стерпится, слюбится.

Свадьбу справляли не по-царски, скромно. Венчали молодых в небольшой, недавно отстроенной дворцовой церкви Апостолов Петра и Павла. Литургию брачных таинств совершал царский духовник протопоп Меркурий.

Апраксины были на свадьбе шаферами, за свадебным столом невдалеке от царя «по правую руку» сидели.

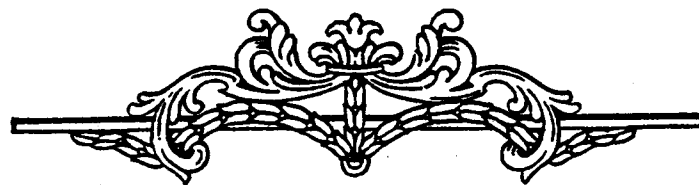
Первый день Петр безотлучно был рядом с невестой. На другой день во время застолья Федор подошел к царю, низко поклонился, поздравил, вздохнул, а про себя подумал: «Вот и кончилась, Петр Алексеич, твоя безотцовщина».

— Ты-то долго в бобылях ходить будешь? — с озорством спросил царь.

— А мы с братом зареклись не связывать себя брачными узами.

— Ой ли, стерпите, мужики?

— За терпение Бог дает спасение, государь.

Часть вторая МОРЕ НЕ ОЗЕРО

з века величественная и непреходящая ценность российских жителей — лес. Сосновые боры и березняки, дубравы и перелески разнообразят бескрайние просторы страны. Сосна тянется к сосне, березка к березке, в дубравах не сыщешь ельника, в березняке не приживется дуб.

Природа мудро регулирует развитие живого и неживого на благо жизни, но не зло. Разве если случайная молния сжигает вдруг зеленого друга человека. На долгие годы остается тогда лишь мертвенная чернота обугленных головешек на израненной поверхности земли...

После кончины царя Алексея Михайловича обозначились в борьбе за престол две стороны, два клана. Суть каждого из коих олицетворяли две женщины, две противоположные натуры: обремененная злой волей Софья и преисполненная добродетели Наталя Кирилловна... Но куда Софьины злокозны брали верх, тем более что события отвлекали ее главного соперника, молодого государя, совсем в другую сторону...

За долгие годы комнатный стольник Федор Апраксин, изо дня в день живя заботами царя, проникался поневоле его интересами, его помыслами о путях становления державы, а повседневно разделял с ним воинские забавы на суше и на воде...

Снег еще не сошел, лишь темнели обочины. В лесу белым-

бело, и, окольцованные черными проталинами, еще дремали опушенные февральским снежком сосны. Неделя не минула после Благовещения, как Апраксина вдруг ошарашил Петр:

— Сбирайся, Федор, завтра поскачем на Трубеж, проведем, как там суды стоят.

Апраксин недоуменно развел руками, спросил не без лукавства:

— Что, прелести бабьи наскучили, государь?

— Будя, — засмеялся Петр, — всему меру знать надобно, и то весь медовый месяц никуда не отъезжал.

В Переславле вместе с Меншиковым по знакомой дорожке сперва поехали на верфь. Не доезжая, остановились около прикрытой сверху досками лодки. Царь протиснулся в щель между рядами досок, похлопал днище. Апраксин послал какого-то подвернувшегося мужика за Еремеевым.

Когда царь выбрался из-под навеса, рядом с Апраксиным, скинув шапки, стояли Еремеев и Склеяев. Издали, запыхавшись, спешил Брандт.

Петр поздоровался и размашисто зашагал к верфи. С краю стояла почти готовая яхта. Два конопатчика деревянными молотками били по железным пластинам, загоняя в пазы между досками просаленную паклю. Петр взял у одного из работающих молоток и железную пластину:

— А ну дай. — Кивнул Склеяев: — Становись рядом, показывай.

Федосей сноровисто перехватил чекмарь и лебеду у второго конопатчика, ловко подворачивая, вгонял в стык досок неподатливую пеньку. За ним, скинув кафтан, двинулся, конопатя верхний паз, Петр. Пройдя весь паз от кормы к носу, Петр отдал инструмент конопатчику, повернулся к Брандту:

— Ну, старик, похвались, что изладил за зиму.

Брандт слегка поклонился, вытянул руку с трубкой:

— Яхта на той неделе будет готова к спуску.

Петр полез в яхту, а за ним Апраксин, Брандт, Еремеев.

— Ого-го, — присвистнул царь, — вот это лодья, да сюда четверть роты потешных посадить можно!

Удивленный размерами яхты, довольный, царь лазил по всему судну, с кормы до носа, дотошно расспрашивая Еремеева и Брандта об устройстве, поделках.

— Видишь, Федор, сколь премудрости в судах, — сказал, вылезая из яхты.

— Всего и не упомнишь зараз, государь.

— А ты припоминай, придет время, сгодится.

Неподалеку, на помосте, протянут был длинный, сажений в тридцать, брус, киль заложеного фрегата. Рядом лежал дубовый кривуль, сажени в три длиной. Из него старик, мастер Корт, вытесывал форштевень.

Увидев царя, воткнул в бревно топор, устало взглянул, поклонился.

— Што, Переславль не Москва, скука здесь? — спросил, ухмыляясь, царь.

— Для жизни надо трудиться, государь. В мои годы покой и тишина не помеха.

— То верно, — согласился царь, — в твоей Голландии небось все по-иному устроено?

— Всюду суета, государь, и там и здесь, но земля отцов не забывается.

Апраксин прислушался: «Старик не из робких. Простой плотник, а цену себе знает...»

Петр до вечера не покидал верфь. Воевода привез еду, обедали вместе с плотниками. Ночевали, как и прежде, в монастыре. Едва улеглись, за стенами загрохотало. Все выскочили на крыльцо.

— Трубеж проснулся, — пояснил Дионисий, — время пришло ледоходу.

Утром весь город сбежался к устью Трубежа. Лдины, теснимые с верховьев реки, клиньями громоздились друг на друга, ломали прибрежный припай, крушили непотревоженный озерный панцирь. Неделю спустя прибрежная часть устья Трубежа отливала чернью чистой воды, контрастируя с еще не тронутой ледяной твердью, плотно укрывшей озеро дальше, до горизонта. На верфи начали готовиться к спуску яхты на воду, нашлась работа и для Апраксина, царь никому покоя не давал..

— Займись, Федор, канатами для яхты. В Переславле их не сыскать. Я отписал в Москву. Но ты ведаешь, дьяки там заволоkitят.

Апраксин долго судил-рядил с воеводой, как быть, пока не выручил Еремеев:

— Есть у меня знакомый купчина в Ярославле, канатами промышляет.

Снарядили телегу, через неделю привези канаты, но опять появилась забота у Федора, достать холст для парусов.

— Сию диковинку, Петр Алексеич, токмо в лабазах московских сыскать возможно, — доложил он недовольному задержкой Петру.

Неделю назад отзвенели пасхальные перезвоны переславских монастырей и церквей. Снег сошел, пробилась кое-где первая травка. Лед на озере почти растаял. Только в самом дальнем углу серый массив льда напоминал о зиме. На верфи готовились к торжеству — спуску на воду яхты. Гладко оструганные и просмоленные борта судна блестели на солнце. На верфи все прибрали, подмели. Дворовые люди воеводы сутились с посудой. Расставили под навесом столы, скамейки. Для плотников выставили бочонок с водкой, разложили на холстах незатейливую снедь — хлеб, пироги, лук, репу, соленья. Все строители — веськовские мужики, мастеровые, потешные — в этот день не работали, пришли одетые по-праздничному. Чуть поодаль, на пригорке, столпились рыбаки из слободы. За ними выглядывали любопытные бабы с гомонившими ребятишками. На верфи соорудили налож с иконой и раскурили кадило, священник Сорокосвятской церкви осматривал, все ли готово для сошествия молебна.

Заправлял спуском яхты Брандт. Не спеша проверил, густо ли смазан салом уходящий под воду помост, убраны ли подпорные стойки, кроме двух пар, в носу и на корме.

Петр с Апраксиным стояли рядом с яхтой, следили за всем происходящим. Брандт неторопливо подошел к ним.

— Надобно, государь, двух человек на яхту: одного на нос, смотреть за причальным канатом, второму, как судно сойдет на воду, поднять на корме флаг российский.

Петр посмотрел на Апраксина:

— На канат станет Федосейка, а ты, Федор, бери флаг наш, полезай на корму, где чердак, — Петр кивнул на кормовую надстройку, — и подымай его, когда укажет Карстен.

Карстен взял флаг, красное полотнище с белыми квадратами, по приставной лестнице забрался на яхту, следом от-

правился Апраксин. На корме Брандт прикрепил флаг к веревке специального флагштока.

— Вот так подымешь флаг, когда корма коснется воды, а руль держи прямо. — Брандт поводил вправо-влево румпель¹.

Спустившись на помост, Карстен достал из-под днища кувалду на длинной рукоятке.

— Этим молотом, государь, как я крикну, бейте последний упорный клин. — Брандт еще раз окинул взглядом стапель. — А теперь, пожалуй, можно начинать церемонию.

Священник сказал что-то дьякону, тот нараспев стал читать молитву, а сам он, покачивая кадилом, начал окроплять борт святой водой.

Тем временем Брандт убрал передние упоры, и яхта осталась на салазках, сдерживаемая лишь двумя подпорками в кормовой части, неподалеку от уреза воды...

Брандт поднял руку, осмотрелся еще раз и махнул платком:

— Пошла яхта!

Ловким движением Петр выбил клин, упали подпоры, яхта мгновение-другое задержалась, будто раздумывая, и медленно двинулась к воде. Салазки, все убыстряя бег, скользили по направляющим брусам, задымились смазанные салом полозья. Раздвигая кормой толщу воды, яхта плюхнулась в озеро. Затрезвонили колокола церкви. С пригорка выстрелила старая пушечка, на корме Апраксин вздернул на флагштоке царский штандарт. Загудела примолкшая было толпа на берегу, потом началось праздничное веселье...

А в аккурат накануне спуска яхты из Москвы явился голец от Ромодановского, передал царю матушкино повеление быть на панихиде по Федору Алексеевичу. Утром царь уезжал, но оставил Апраксина в Переславле:

— Не мешкай яхту доделывать, мачты до сих пор не готовы, снасти не прилажены. Холстину я привезу, парусы здесь ушьем. Фрегат куда повремените ладить. Наиглавное, яхту привести в ажур.

Проводив царя, Апраксин сразу попросил Карстена:

¹ Румпель — одноплечный рычаг, насаженный на головку руля, которым перекачивается руль.

— Ты, Брандт, сведущ во всех хитростях корабельного строения, пожалуй, просвети и меня. Государь-то строго спрашивает. Но, не зная дела, как буду я доглядывать за работами?

Карстен слушал, согласно кивал головой, а про себя подумал: «Впервой за столькие годы встречаю царского стольника, приверженного к строению судов. Разве Ордин-Нащокин тоже привержен был».

— Дело сие познается долгие годы. Пожалуй, и жизни человеческой не хватит, чтобы постигнуть все таинства искусного строения судов. — Старый мастер запыхтел трубкой. — Но мы начнем не откладывая, дабы хоть толику успеть.

К удивлению Апраксина, голландец пошел не на верфь, не к яхте, покачивающейся у пристани, а в сторону, где под навесом лежали бревна, брусья, дубовые кривули и немного досок.

— Для доброго судового строения надобен особый лес. Для шпангоутов и корпуса судна один сорт, для обшивки и палубы — другой. Во всех случаях дерево должно быть без сучьев.

Присев на бревно, Карстен начал рассказывать, как и где лучше выбирать корабельную сосну, дубовые деревья, для каких деталей годится еловая древесина.

Две недели Апраксин ходил, не отставая ни на шаг от Брандта, слушал, как мастер показывает и спрашивает с плотников, попутно объясняя ему азы постройки судов, начиная с закладки. Прежде чем приступать к делу, надо знать, какое судно, воинское или купеческое, где оно будет плавать.

— Одно дело судно для озера или речки, тут много мелководья, особых бурь не бывает. К примеру, на Плещеевом озере судно должно иметь плоское днище. Но царь захотел строить яхту, как для моря, и мы соорудили ее килеватой, с круглыми скулами. — Карстен чертил на песке прутиком поперечный разрез яхты, показывая и объясняя...

Дни летели незаметно, вот-вот должен был приехать царь, но тут нагрянула беда.

После отъезда царя занемог земляк Брандта, старик Корт, которому давно пошел седьмой десяток. Жил он вместе с Брандтом в избе, срубленной неподалеку от Горицкого монастыря, на Птичьем подворье. Работал он, как всегда, с рве-

нием. На весеннем солнышке, видимо, жарко стало. Скинул кафтан. Остался в одной рубашке. Прохватило его холодным сквозняком, тянувшим через всю подель, простудился, начал кашлять. Апраксин приставил к нему Федосея Склеява. Как-то подружились они с Кортом. Нравились старику в Федосее природная смекалка, горение в работе, любознательность во всем. Частенько допоздна задерживались они на подели, пока солнце не пряталось в темнеющий на горизонте лес...

Последние дни Корт совсем сдал. В ночь на Вознесение он хрипел, метался по постели, а поутру затих навсегда.

А наутро прискакал царь. Узнав о кончине старого мастера, отправился на похороны, захотел проститься с Кортом. Хотя он и был иноземец и другого вероисповедания, собрались все жители рыбной слободы, многие веськовцы, все мастеровые и потешные. Царь поцеловал Корта в лоб и первый бросил горсть земли в могилу. Похоронили его на кладбище Горицкого монастыря, чуть в стороне, у ограды...

Несколько дней после похорон Корта ушло на изготовление парусов из привезенной холстины. Прямо на верфи, под призором Брандта, бабы кроили и шивали полотнища холста. Тут же объяснял он потешным, как обращаться с парусами.

Но одно дело слушать объяснения Брандта на берегу, поглаживая, ощупывая податливую холстину. Совсем другое случилось, когда подняли паруса на мачту и пошли на яхте по озеру. Ее начало мотать из стороны в сторону, и Карстену пришлось, подобрав паруса, направить судно к пристани и обучать «молодых» матросов, не отходя от причала. Петр покрякивал на преображенцев, раздавал оплеухи то Меншикову, то Склеяву, не раз в сердцах бранил Апраксина:

— Ты, Федор, у нас вроде старшего на яхте, так блюди порядок и с нерадивых спрашивай.

Апраксин не переносил спешки в серьезных делах:

— Корабельное мастерство, государь, люди веками постигают, иногда и жизни не хватает, тут борзо неуместно.

— Ты-то сие откуда прознал?

Апраксин хитро сощурился, посмотрел на Брандта:

— Сведущие мореходские люди толкуют...

В эти знойные дни наступило затишье, и Брандт успокаивал Петра:

– Все одно, государь, от пристани не отойдем, ветер-то по-
утих.

Наконец с севера потянуло прохладой, на озере появилась
рябь, задул слабый ветер.

Чуть свет Петр поднял на ноги всю ватагу, и с восходом
солнца яхта отвалила от пристани. На этот первый раз коман-
довал Карстен Брандт, но Петр сразу предупредил Апраксина:

– Приглядывайся, Федор, в другой раз ты будешь началь-
ствовать.

Так и выпало Апраксину стать первым капитаном кораб-
ля на Переславской флотилии.

Почти две недели подряд, пока не стих ветер, яхта с утра
до вечера под парусами сновала из края в край озера...

Обветрились и загорели новоиспеченные мореходы. Мат-
росы из потешных набили мозоли на ладонях, но хватко дер-
жали снасти парусов, старались лихо выполнять команды. Не
всегда, правда, все ладилось, когда и путали с непривычки.
Иной раз найдет внезапно шквал, накренил яхту, боязно,
вдруг перевернется? Отбегали от борта, жались к мачтам.

Петр смеялся, покрикивал, раздавал пинки...

Озерная потеха так завлекла, что забылись иные царские
обязанности.

Как-то вечером первый спохватился Апраксин. После
ужина, чуть захмелевший, рыгнув, повернулся к Петру:

– Государь, тово, панихида-то вчера была, кажись, зав-
тра-то Духов день вроде...

Петр сверкнул глазами по затылку сидевшего рядом Мен-
шикова:

– Тебе, пес, даве в Москве наказал – напомнить о братце
Федоре, царство ему небесное. – Петр перекрестился. – Толь-
ко тебе жрать да хмельным баловаться. Что теперича мамень-
ке сказать, ась? – Глянул невесело на Апраксина. – Ну, да
семь бед. Федор, вели лошадей готовить, к ночи и тронемся.
Да она, кажись, и кончилась, – проговорил Петр, глядя в от-
крытое оконце на зардевшееся на востоке небо.

По многолетней, с раннего детства укоренившейся при-
вычке Петр пристрастил строго отправлять все церковные

литургии. Каждый месяц набиралось, как правило, несколько
православных праздников, сюда добавлялись многочисленные
панихиды по усопшим, тезоименитства здравствующих и про-
чие молебны. Издавна ритм жизни кремлевских правителей
заполняли многочисленные литургии. Но кроме дани уваже-
ния к богослужебным канонам Православной Церкви, эти це-
ремонии представляли возможность царствующим особам по-
стоянно быть на виду у народа и поддерживать свой авторитет.

С тех пор как Петр увлекся хождением под парусами и
строением судов на Плещеевом озере, он стал пропускать цер-
ковные праздники. Софья, наоборот, использовала каждую
возможность показаться людям вместе с царем Иваном, а ино-
гда и одна ходила с крестным ходом по Москве. Случалось,
что за один день она успевала два раза бывать на людных бо-
гослужениях.

– Вишь ты, правительница-государыня нынче отстоя-
ла литургию в Успении, а ввечеру бдила всенощную в церкви
Тихона в Белом городе, – передавали стрелецкие бабы друг
другу.

– Радеет, стало быть, она о Божьем образе...

Софьины прислужники постарались растрезвонить, что
панихиду по Федору Алексеевичу перенесли по причине опоз-
дания царя Петра.

– Не чтит младший царь память старшего братца, с ино-
земцами снюхался, не к добру это...

– Петруша, гляди, Софья-то каждый раз про нас молву ху-
дую по Москве рада распустить, – тревожилась Наталья Ки-
рилловна после панихиды, – нам во вред.

– Сам гляжу, сестрица больно выставляться почала на на-
роде, да и к стрельцам опять прислоняется. Парсуну свою изо-
бразила со скипетром и державой, будто царица на престоле.

– Так ты уж, Петрушенька, покуда повремени со своим
озерком-то, как бы Софья какую беду не накликала...

Федор Апраксин сразу заметил перемену в царе. Видимо,
прирос он к новому делу на Трубеже, а в Преображенском не
находил пока подходящего занятия, смурной ходил. Надумал
поехать в Коломенское, а пока устроил смотр своим потеш-
ным батальонам – Преображенскому и Семеновскому. Начал-
ся потешный бой. Во время потехи, как всегда со стрельбой,

рота преображенцев Петра Апраксина наступала на укрепление семеновцев Федора Апраксина. Используя две лодки на Яузе, Федор незаметно переправил своих солдат на них и удалил в тыл преображенцам.

— Молодец, Федор, побил старшего братца, не забыл, чему на Трубеже руку набивал.

«А пошто нам ждать Плещеева озера?» — вдруг подумал Федор.

— Дозволь, Петр Алексеич. Нам бы в охотку здесь, в Преображенском, какую лодью, карбас ли изладить. Отсель и до Москвы-реки добраться недалече.

— И верно, — обрадовался царь, — прикажи-ка, Федор, вызволить из Переславля Брандта да наших умельцев потешных. Досья-то вона в Преображенском на лесопильне под рукой, сам ты этим делом владеешь, потому головой будешь.

Спустя неделю в Преображенском заложили «потешный корабль». Дело сразу наладилось. Апраксин ведал всеми работами, доставал материалы, обеспечивал инструментом.

В конце июня праздновали именины царя. В Кремле, в новой Столовой палате Петр жаловал сибирского и касимовского царевичей, бояр, окольничих и угощал «кубками ренского», а по второму заходу — стольников, полковников, стряпчих, дьяков, других гостей водкой. Объявили о производстве в чины. Петра Апраксина пожаловали в окольничьи. Федор поздравил брата и сказал:

— А я и не забигаюсь, ты у нас старшой, так тебе первому и по праву.

— Погодь, — добродушно ответил старший брат, — ты меня еще обскачешь, у тебя голова мудрее. Государь тебя не обидит, ты всегда при нем и при деле.

Но от дела приходилось постепенно отказываться, сопровождать царя на придворные и церковные церемонии. После возвращения с Плещеева озера он не пропускал ни одной службы и спуска Софье не давал.

В день празднования Казанской иконы Божьей Матери приключился скандал. По ритуалу, в крестном ходе участвовали цари со свитой. Их жены и родственники ограничивались присутствием на литургии в церкви. Софья же давно не придерживалась этого обычая.

В Успенском соборе после окончания литургии начался крестный ход. Увидев, что Софья берет икону, которую должен нести царь, Петр, не поворачивая головы, шепнул Федору Апраксину:

— Передай через кого Софье, чтоб в крестный ход не становилась, а икону отдала, не бабье это дело.

Покрасневший от напряжения Апраксин подошел сзади к свите царевны, но Софья и так слыхала в тишине громкий шепот Петра. Не оглядываясь, до хруста сжала пальцы, вцепившись в икону, и двинулась к выходу...

Петр вышел следом, покинул крестный ход и тут же уехал в Коломенское.

Софья после этого продолжала как ни в чем не бывало участвовать в церковных церемониях, но нарастание напряженности чувствовалось в отношениях царевны и Петра. Оно усилилось при возвращении из Крымского похода войска под началом Василия Голицына. Софья решила возвысить своего фаворита, хотя тот лавров на ратном поле не стяжал. Петр демонстративно не присутствовал на всех церемониях встречи и чествования войска. Когда же дело дошло до наград, он отказался подписать манифест о жаловании участников похода.

После долгих просьб царя Ивана Петр указ так и подписал, но князя Василия Голицына в Преображенском не принял.

Возмущенная Софья в тот же день, после всенощной в Новодевичьем монастыре, раздраженно намекая на царицу Наталью, поджигала сопровождавших ее стрельцов:

— И так беда была, да Бог сохранил, а ныне одна сторона ихова беду зачинает. Годны ли мы им? Буде годны, вы за нас стойте, а будя не годны, мы оставим государство.

Дальше — больше. Стрелецкий десятник Стрижев открыто подбивал товарищей:

— Придут к власти Нарышкины, изведут нас, стрельцов!

Слухи дошли до Преображенского. А тут как раз в Измайлово приехал на именины царевны Евдокии Федоровны Шакловитый. Царь в присутствии Ромодановского и Стрешнева в упор спросил начальника Стрелецкого приказа:

— Твои стрельцы хулу на меня возводят, Стрижев не таясь подбивает на смуту служивых. Выдай мне его.

Шакловитый знал подлинно расклад сил, поэтому не боялся спросить:

— Чего для, государь?

Царь вспыхнул, удивляясь наглости окольничего. «Около Софьиного подола, паскуда, вовсе стыд потерял».

— То мне знать, а не тебе, прислужнику, исполняй, што велено.

Шакловитый, скрывая раздражение, опустил глаза. «Волчонок-то здесь силу имеет».

— Того для, государь, надобен также указ старшего царя Ивана Алексеевича.

«Нашел зацепку», — зло подумал Петр и хлопнул в ладоши. На пороге появились братья Апраксины.

— Нынче придержите Федьку на съезжей.

Шакловитый схватился за саблю, но старший Апраксин крепко перехватил его руку. На пороге бесшумно выросли два дюжих преображенца.

— Сабельку-то у окольничего возьмите, да под крепким запором его держать.

Шакловитого увели, а Ромодановский хмурился:

— Зря ты его так, Петр Алексеич. За ним теперь стрельцы могут взбаламутиться. Рановато с ними в распри вступать.

Тихон Стрешнев согласно кивнул, поддакнул:

— Постращал Федьку, и будет. Подержи его до вечера и отпусти с Богом.

В Кремле Шакловитый все рассказал Софье и закончил жестко:

— Более ждать несподручно. Надобно логово Нарышкиных обложить стрельцами да и кончать их разом.

— Стрельцы все ли за нами пойдут? — все еще сомневалась Софья. — Созрел ли плод? Повременить бы, Феденька.

Конец колебаниям царевны пришел в тот же день. Принесли подметное письмо: царь Петр-де со своими потешными ночью надумывает захватить Кремль, решить жизни царя Ивана да всех его сестер.

Шакловитый настроился бесповоротно:

— Кремль сию же ночь на запоры возьмем, караулы в сотню стрельцов призовем. Сотни три в засаду отведем на Лубянку.

— Мотри, Феденька, тебе видней.

В отношении стрельцов Софья сомневалась не зря. Нашлись и среди них совестливые люди и разумные головы. В самом надежном «царевнином» Стремянном полку, у пятисотенного Лариона Елизарьева вечером собрались верные царю стрельцы.

— Софья затеяла худое, — объявил Елизарьев товарищам-единомышленникам. — Федька баит, постращать царя Петра хотят в Преображенском. Но я так разумею, кровью дело-то пахнет. — Елизарьев испытующе оглядел стрельцов.

Они отозвались единодушно:

— Надо быть повестить в Преображенском, не было бы беды.

Ларион рассуждал так же:

— Стало быть, как стемнеет, ты, Мельнов, и ты, Ладогин, без суеты, будто я вас дозором послал, езжайте проулками к Мясницким воротам, а там наметом в Преображенское да самого Петра Алексеича повестите.

Последнее время Апраксины, как и другие стольники, дома не ночевали. Преображенское томилось тревожным ожиданием, предчувствием недобрых вестей. На ночь Петр распорядился вокруг села и потешных крепостей выставить дозоры.

После полуночи раздался стук в дверь, первым вскочил царь, за ним Меншиков. Из темноты донесся хриплый голос:

— Государь, стрельцы из Кремля прискакали, худые вести.

Меншиков успел зажечь свечу, из проема высунулись две бороды, повалились в ноги, перебивая друг друга, завопили:

— Великий государь, смертоубийство Софья замышляет супротив тебя!

Никто не успел опомниться, а уж по коридору гулко зашлепали по половицам босые пятки царя. Видимо, на какое-то мгновение озарились в его полусонном сознании страшные сцены кровавых стрелецких страстей в прошлую расправу с его близкими на Красном крыльце...

Меншиков, схватив в охапку одежду, кинулся следом.

Спустя час из Сокольничьей рощи выскочила кавалькада из двух десятков всадников и понеслась к Троице-Сергиеву монастырю...

Той же ночью следом из Преображенского выехали царицы Наталья и Евдокия, князя Борис Голицын, Ромоданов-

ский, боярин Тихон Стрешнев. Маршем, не мешкая, выступили к Троице преображенцы и семеновцы и, главное, полк стрельцов, стоявший в Преображенском, под командой полковника Лаврентия Сухарева, дружка Бориса Голицына.

О ночных событиях в Преображенском Софья узнала утром. Виду не показала, но почувствовала колебание почвы под ногами. Такого прежде не бывало. На следующий день Петр прислал ей запрос: зачем, мол, стрельцов собирала в Кремле? Царевне пришлось невразумительно оправдываться.

Между тем Троице-Сергиев монастырь за несколько дней из тихой обители иноков превратился в шумную, переполненную людьми и войсками крепость. Наглухо закрытые ворота, жерла орудий и дула пищалей в бойницах, сторожевые посты на дальних подступах говорили приезжим о серьезных намерениях новых постояльцев обители.

Наблюдая за царем, Федор искал в нем признаки душевной слабости, проглянувшей у него в ту памятную ночь бегства из Преображенского. Но уже на следующее утро Петра будто подменили. Всюду слышался его зычный, уверенный басок, распекавший за нерадивость в дальней келье Бориса Голицына или подбадривавший мать и жену.

Апраксиным заботы прибавилось. Всю неделю то скакали в Москву, отвозили письма в Кремль верным боярам, то устраивали лагерь для войска под стенами монастыря. Неожиданно прибежал вездесущий Меншиков, попросту, как и раньше, в спешке кинул два слова:

— Федор, тебя Петр Алексеич кличет.

Апраксин пожал плечами. Только что они с царем обходили палаточный лагерь стрельцов Сухарева полка.

— Чтой-то? — спросил по дороге Меншикова.

Тот веселым говорком ответил:

— Нынче Собакин из Переславля объявился. Не забыл воеводу? Дружину с собой приволок, государь доволен.

В келье Петр в хорошем настроении мирно беседовал с переславским воеводой.

— Михайло привел нам подмогу, — довольным тоном проговорил царь, похлопывая Собакина по плечу. — А я вспомнил про Карстена, как он там с карбасом управляет? Поезжай немедленно в Преображенское, разузнай, что к чему. Распоря-

дись там, дабы Брандту ни в чем недостатку не было, надо бы по осени спустить карбас на воду.

В Преображенском, на берегу Яузы, возле остова карбаса расхаживал Брандт. Увидев Апраксина, обрадовался, ни о чем не расспрашивал.

— Отъехал государь с вами внезапно, ни о чем не сказал, — пожал плечами мастер, — но мы-то все мастерим как следует.

Он повел Апраксина вдоль торчащих шпангоутов. Плотники приколачивали первую доску у днища.

— Передайте государю, через месяц, пожалуй, управимся...

В Троицком Федор не задержался. Из монастыря в Москву он повез указы Петра к стрелецким полковникам — явиться в Троицу с сотниками. Одним из первых на сторону Петра переметнулся преданнейший Софье полковник Иван Цыклер. Один за другим потянулись в Троицу именитые бояре, покинул Москву патриарх Иоаким. На призывы Софьи примириться Петр не отвечал, и царевна сама поехала к нему для объяснения. Но и тут царевну-правительницу ждал удар — царь запретил ей появляться в Троице и повелел вернуться в Москву.

К Петру перешли иноземные полки Гордона, а оставшиеся стрельцы заставили Софью выдать царю ее верного прищепника Федора Шакловитого.

Там, в Троице, состоялся первый розыск, скорый суд царя Петра и скорый приговор. На плахе кончили жизнь Шакловитый и два его подручных.

Накануне казни Петр сел за письмо брату Ивану.

«Братец государь царь Иоанн Алексеевич, — начал письмо, — с невестушкой, а с суженою супругою, и с рождением своим в милости Божией здравствуйте. Известно тебе, государю, чиню, купно же и соизволения твоего прошу о сем, что милостию Божиею вручен нам двум особам скипер правления прародительского нашего Российского царствия, якоже о сем свидетельствует матери наши восточные церкви соборное действо, так же и братием нашим, акресным государем, о государствовании нашем известно, а о третьей особе, чтоб с нами быть в равенствованном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государст-

вом нашим учела владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государю, известно. А ныне злодеи наши Фетка Шакловитой с товарищи, не удоволься милостию нашею, преступя обещание свое, умышляя с ыными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винулись. А теперь, государь братец, настоеит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей ц. С.А. с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем; на то б и твоя б, государя моего брата, воля склонилоса, потому что учела она в дела вступать и в титулах писаться собою без нашего изволения, к тому же еще и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчатца. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас. Тебе же, государю братцу, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением для лутшие пользы нашей и для народного успокоения, не обысаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А как, государь братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере. А я тебя, государя брата, яко отца почитать готов.

Брат ваш царь *Петр* здравия вашего желаю и челом бью».

Письмо отправлял с Апраксиным

— Отдашь в руки братцу Ивану. Рассмотрю в Москве, што на посадах бают, как стрельцы в Кремле без Шакловитого службу правят.

По дороге в Москву то и дело приходилось осаживать коня. Дорогу запрудили телегами, колымагами, тарантасами. В Троицкий монастырь спешили бояре, окольничие, просто дворяне. Все поняли, что силу набирает Петр, и каждый спешил показаться ему на глаза. Авось пожалует вотчинкой или еще чем за преданность. А то и так сгодится впрок.

Столица жила, как и прежде, размеренно, степенно. Дни стояли тихие, погожие, дымили печи, ночью кое-где подмораживало. На Мясницкой, как обычно, торговали лавки, толпились бабы, приценивались, выбирали что посвежее, подешевле.

Кремлевские ворота были распахнуты, у Никольской башни в сторонке сидели два стрельца, о чем-то переговаривались, на Апраксина не обратили внимания.

Первым делом Федор разыскал брата:

— Доложи, срочное письмо от Петра Алексеича.

— Давай письмо-то.

— Ни-ни. Велено из рук в руки...

Ждать пришлось недолго. Иван допустил к руке, передал письмо боярину. На добродушном лице с низко надвинутой на глаза шапкой блуждала рассеянная, довольно бессмысленная улыбка.

— Как братец мой поживает?

— В добром здравии, великий государь, — низко поклонился Апраксин, выдерживая этикет...

Пока в царских покоях совещались, перечитывали письмо младшего царя, Андрей угощал брата, расспрашивал:

— Теперича в Троицком-то весь суд вершится. Как там Федька-то, жив еще?

— На том свете. Вчера же отсекали ему голову на плахе при всем честном народе. Таково же и заводчикам его, Никитке Чермному да Кузьке Петрову. — Федор передернул плечами. — Петр Алексеич поначалу хотел их бить кнутом, языки вырезать да ноздри рвать... Патриарх уговорил казнить, штоб, мол, другим урок был.

Вечером Апраксина известили, что ответного письма не будет, а царь Иван Алексеевич согласен с предложениями брата Петра Алексеевича, отдает все на его волю и желает ему в том деле полного благополучия... Подробно царю Петру все доложит через день боярин Прозоровский.

В Троицком монастыре с нетерпением ждали Федора Апраксина. Наступал ответственный момент, в Кремле к власти пришли новые правители. Держава, подобно кораблю, не может длительное время существовать и двигаться вперед без кормчего и надежной команды. Капитан, наметив цель плавания, определяет курс и отдает распоряжения. Экипаж повинуется, от его выучки и слаженности в работе зависит безопасность и успешность плавания.

Пока Апраксин выяснял обстановку в окружении старшего царя, в стане младшего царя делили приказы. Вершили эти дела сам Петр и Лев Нарышкин.

– Тебе быть главою Посольского приказа, а стало, и оберегателем всего правительства, – сразу определил Петр. – Тихона Стрешнева поставим на Конюшенный, а Ивашку Троекурова на Стрелецкий. Там верный человек надобен и твердая рука.

Троекурова царь сразу же отправил в Москву.

– Поезжай, пошерсти Стрелецкий приказ по всем закоулкам, дабы семя Шакловитого да Милославских где не проросло.

Иван Троекуров степенно поклонился:

– Все изыщу, государь, и выведу ту нечисть.

Почти четыре десятка лет состоял он при царских особах. Кем только не служил престолу. Начал стольником. Был воеводой в Киеве и Смоленске, брал под начало приказы – Иноземный и Рейтарский, Судный и Поместный...

– То не все, Иван Борисов, – продолжал Петр, – передашь брату моему любезному Ивану Алексеевичу, чтоб Софью из Кремля выселить. Определить ей почетную прислугу и все довольствие. Но житье будет у нее под стражей безотлучное, и ни с кем не якшаться без нашего ведома.

Троекуров понимающе склонил голову, но спросил:

– А ежели она не похочет?

– Передай братцу, допрежь того, пока Софья не съедет, ноги моей в Кремле не будет. Да ты сам все то и исполнять будешь. А я покуда займусь марсовыми делами с преображенцами.

Раньше, во время потешных боев в Преображенском, он редко общался с иноземными офицерами. Два-три человека командовали ротами, мастер Зоммер мастерил ему гранаты. Теперь, в монастыре, он впервые столкнулся с иноземным генералом Патриком Гордоном, его подчиненным Францем Лефортом. Оба пришлись ему по нраву. Первый знанием военного дела, второй – бесшабашностью, компанейским, веселым характером.

Отослав Троекурова в Москву, Петр собрал полковников, стольников и ближних:

– Нынче стрельцов в Москву, а с преображенцами и семейцами пойдем в Александрову слободу. Учиним там марсовые занятия с солдатским полком Гордона. Приспевает нам пора забаву к делу употреблять. Войско, оно не для потехи,

державе служить должно, быть опорой ей, а по надобности и ворогов крушить.

Вечером Апраксины укладывались в дорогу.

– Государь-то с Гордоном вовсе не расстается, – проворчал Петр, – солдатскому ремеслу у него учиться.

– Старик дело знает, потому и Петр Алексеич с прошлого года к нему тянется, – пояснил Федор, – прежде в Преображенском Никита Зотов, Бухвостов да парочка иноземцев наставниками у него были.

– Ладно Гордон, так этот развеселый Лефорт еще прилип к государю, будто лист банный, – продолжал ворчать Петр.

– С кем поведешься, от того и наберешься. Зелье-то тянет к себе и душу, и тело. Гляди, недолго и государю пристраститься к дурману, – то ли размышляя, то ли осуждая, произнес Федор.

– Лефорт-то в годах, ему в привычку, а он и радешенек, что напарник к нему накликался. Связался черт с младенцем, – крикнул Петр.

В Александровской слободе каждый день проводились военные маневры под командой Гордона. Солдаты строились в каре, бросались в атаку, перестраивались на ходу. Завершались экзерциции стрельбой из пицалей. На Лукьяновой пустоши свою выучку показывала конница. Гордон сам водил в атаку эскадроны и, увлекшись, в горячке свалился с лошади. Но утром как ни в чем не бывало седовласый генерал вновь гарцевал на коне.

Почти неделю солдаты иноземного полка и потешные батальоны царя разыгрывали учебные бои у Александрова. Потом зарядили дожди, и войска вернулись к Троицкому монастырю. Там ждала весть из Москвы. Софья удалась из Кремля и поселилась в Новодевичьем монастыре.

На въезде в столицу, вдоль дороги, на версту вытянулись цепью коленопреклоненные стрельцы. Заложив руки за спину, они понуро склонили головы. Перед каждым из них был пень с воткнутым топором.

Хмурое лицо Петра постепенно прояснилось. Поглядывая сверху на бывших смутьянов, он бросил Троекурову:

– Вели передать, пускай службу правят государеву. Повинную голову меч не сечет.

Перемена власти на самой верхушке государства, как водится испокон веков, неизбежно изгоняет с насиженных мест многих влиятельных сановников. На смену им приходят люди обычно из близкого окружения нового властелина. Одних привлекают свежие идеи и возможность проявить себя на поприще служения отечеству, другие жаждут свести счеты со своими прежними недругами, третьи мечтают приобрести определенные материальные блага.

За счет, конечно, казны и мздоимства. Особым рвением в этом отношении отличались дорвавшиеся наконец до власти зачудалые родственники царицы Евдокии.

На первых порах стяжателям жилось вольготно. Старший царь Иван Алексеевич ни во что не вмешивался по причине слабого здоровья. Второй царь, его брат Петр, пока отмахивался от властных обязанностей, а царица Наталья Кирилловна по нраву своему и способностям к власти была неохоча, потому что «будучи принцесса доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и ни искусная в делах и ума легкого».

Перед отъездом из Троице-Сергиева монастыря Наталья Кирилловна увещевала сына:

— Теперича ты, Петруша, с братцем Иваном по делу станешь править на царстве. Во все время, особливо поначалу, за тебя простой народ молиться беспрестанно будет и судить тебя по твоим поступкам. Так ты уж не сплосай, почитай наперво церковь нашу и все положенные службы не упускай.

Петр терпеливо выслушал матушку, без обычной улыбки.

— Постараюсь, матушка, соблюдать все, что по чину, с братцем Иваном мы всегда в согласии были.

По пути в Кремль царь заехал в Преображенское. На воде покачивался, сверкая смолой и краской, недавно спущенный на воду карбас. На борту подгоняли мачту, примеряли ванты. Брандт обрадовался царю, два месяца не виделись. Наконец-то появился человек, который больше всех понимает в строении кораблей.

— А что, Карстен, нынче пойдем под парусами? — начал разговор Петр.

В глазах Брандта мелькнула добродушная усмешка:

— По осени, государь, токмо бы нам наладить мачту, да внутри сделать карбас, да весла изготовить, да их приладить. А там парусы шить. Работы много. Дай Бог к весне управиться потихоньку.

— Ну, ну, я и не тороплю, нынче не к спеху. Весной, так весной. — Петр поманил Апраксина: — Ты днями сюда наезжай, починай управляться. Твоя забота здесь главная.

Первые недели царь безотлучно жил в царских палатах, каждый день виделся с Иваном, вместе они отправляли все церковные службы.

Федор и раньше тяготился своей обязанностью стольника сопровождать царя на все богослужения, хотя никогда и не высказывал этого вслух. Теперь он обрадовался новому поручению и все дни проводил в Преображенском. К началу заморозков карбас был в полной готовности, за исключением парусов. После Покрова на верфи появился Петр. Вместе с Апраксиным и Тиммерманом зашли на карбас. Брандт приладил новые, блестящие от краски весла. От воды тянуло холодом. Медленно опускались и таяли в воде редкие, пушистые, будто одуванчики, снежинки.

Прошлись немного на веслах, Петр похвалил Апраксина:

— Молодец, Федор, по-доброму стараешься, весной в поход пойдем по Москве. Начинайте-ка с Тиммерманом еще какой струг излаживать. А там и ботик наш прихватим.

Тиммерман отвечал кратко, по-деловому:

— Теперь можно, государь, стапель под навесом освободился, дерево впрок заготовлено, плотников в достатке.

Петр подставил ладонь, снежинки таяли, капельки воды холодили руку.

— Недалече, как реку прихватит ледком, карбас уберечь надобно.

Апраксин уже все продумал. Показал на небольшую заводь.

— Сюда приткнем его, на бережок выволокем наполовину, рогожей прикроем, по корме бревнами огородим.

Из Преображенского Петр заехал за братом, и они вместе поехали на богомолье в Саввин-Сторожевский монастырь.

Впервые Петр встречал зиму, не тревожась за судьбу мате-

ри, за свое будущее. Правда, и государевы обязанности не то-ропились исполнять, кроме участия в необходимых ритуалах по случаю православных праздников. А они следовали один за другим. Юрьев день сменил первый Никола, потом пришло Рождество, за ним потянулись святки, а дальше Крещение... Если раньше эти дни особых застолий не собирали, то теперь Петр то и дело навещал после литургий Льва Нарышкина, Троекурова, Шереметева, отмечая каждый приезд возлиянием хмельного. Все чаще заглядывал к новым знакомым в Немецкую слободу. Обычным явлением становились ежедневные обеды у Гордона с распитием «фряжских» вин, нередко Петр гостил у своего нового друга Лефорта. Иногда сопровождал его Федор Апраксин и тогда поневоле, стараясь не отставать от компании, приобщался к длительным пьяным застольям, которые кончались зачастую в предрассветных сумерках. Обильными возлияниями отмечено было и знаменательное событие в жизни Петра – рождение сына.

Февральским утром, после торжественного молебна в Успенском соборе, царь принимал поздравления в Передней палате дворца. «Угощал думных и ближних людей кубками фряжских питей, а московское дворянство, стрелецких полковников, дьяков и гостей водкой». Среди приглашенных гостей в кремлевском дворце был и Гордон. Петр поднес ему кубок водки.

Наблюдая за царем, Федор Апраксин заметил, что тот вроде бы не испытывает большой радости по случаю рождения наследника. На половину Евдокии он не заглядывал, новорожденного не видел. «А что ему в отцовстве-то, – размышлял Апраксин, – сам-то едва из отроков вылупил, восемнадцати годков еще не исполнилось, какой из него отец. Тем паче что матушка и оженала, не спросясь его, без смотрин и без выбору».

Вечером, когда гости разъехались, захмелевший Петр заскучал. Выпил с Апраксиным пару стаканов «ренского» и неожиданно сказал:

– Поезжай, Федор, на Кукуй, привези-ка мне Гордона. Да и сам с ним приезжай.

Спустя час-другой пиршество продолжилось и затянулось до утра. Подуставший Федор, увидев уже солнечные блики в

цветных стеклышках маленького оконца, потушил свечи и хотел потихоньку уехать.

– Погоди, – остановил его Петр, – мы еще не закончили празднество. Нынче мы опохмелимся, передохнем и двинемся к нашему верному дядьке. – Царь подозвал Меншикова: – Пошли кого к Льву Кирилловичу, пушай нас ждет к обеду.

В загородной вотчине Льва Нарышкина, Филах, приезд гостей обрадовались. Еще сутки баламутила веселая компания.

Не успели вернуться в Москву, царского младенца крестили в Чудовом монастыре. Как тут обойтись без гостей, «фряжского» вина и водки. Вплотную примкнула к дням крещения и масленица. Какая же масленица без хмельного. А тут еще царь распорядился устроить фейерверк с пушечной пальбой. Петр Апраксин состоял при пушках, едва не оглох.

– Поначалу палили дважды из каждой пушки, – рассказывал он Федору, – потом залпом грянули холостыми из всей полусотни стволов. Все бы ничего, да жаль одного дворянина. Ракетка-то не разорвалась, грохнула его, сердешного, по темени. Хоть и шапка на голове была, а повалился замертво.

Давно отзвенела капель, всюду чернели проталины, прилетели первые грачи. В Преображенском начали обкалывать лед вокруг карбаса. Под навесом звенели топоры, визжали пилы. На стапеле к длинному брусу плотники примеряли первые шпангоуты новой яхты. Рядом высился большой, почти готовый плоскодонный струг.

На Благовещение прискакал верхом Петр в сопровождении Льва Кирилловича, Меншикова и Лефорта. Апраксин знал с вечера о приезде царя, но, увидев его, удивился. Впервые Петр появился на людях в иноземной обнове. В зеленом камзоле нараспашку, в коротких штанах с чулками, башмаках с пряжками. «А шляпу-то и шпагу ты, никак, у Лефорта позаимствовал, – подумал Федор. – Стало быть, наперекор патриаршему завету все спроворил».

Во время Великого поста скончался скоропостижно патриарх Иоаким. Он ревниво охранял старинные устои московской жизни. В своем завещании просил обоих государей запретить православным подданным всякое общение с иноверцами и еретиками, не ставить их начальниками в полках, мо-

лил не перенимать иноземных обычаев и одежд... В завещании Иоаким все толково обосновал, ссылаясь на иноземные страны, где держатся своих порядков и нравов в одеждах и поступках, а чужих обычаев не приемлют и иным верам свободы не дают.

Апраксин незаметно вздохнул: «Жаль ведь расставаться с привычным, вековым, а, видать, не миновать. Круто берет Петр Алексеевич».

Соскочив с лошади, чуть подергивая губой с темным пушком, царь зашагал к строящейся яхте.

— Чего глаз палишь, — бросил на ходу улыбающемуся Апраксину, — приглядывайся, недалеко и тебе такую же обновку заказывать у портного. Привыкли корпеть спустя рукава.

Осмотрев струг, похвалил плотников, отругал, что еще не готовы паруса.

— Государь, из приказа только на прошлой неделе привезли холстину, — оправдывался Тиммерман.

— А ты пошто проглядел? — накинулся на Апраксина, но тут же замолчал, видимо, вспомнил, что Федор две недели подряд сопровождал во всех кутежах.

Подосадовав на себя, Петр вдруг улыбнулся, скинул камзол, выхватил у ближайшего плотника топор и начал тесать бревно. Минуту спустя Федор и Меншиков работали топорами с другого конца лесины. Привычный Тиммерман пошел к стапелю, где остановившиеся плотники глазели на царя.

— Давай, давай, — зашикал он на них, — бери пример с государя, а ты, Брандт, их подгоняй, нечего попусту глазеть.

Лев Кириллович, держа в руках камзол, посмеивался в усы, а Лефорт, смущенно улыбаясь, переминался с ноги на ногу.

Закончив тесать, Петр протянул топор плотнику, вытер пот со лба, накинул поднесенный Меншиковым камзол.

— Готовь струг к спуску на воду, — отдавал он последние указания Апраксину, усаживаясь в седло, — как лед сойдет, перегонишь карбас, струг, ботик к пристани у Кремля. Из Дединова еще струги поспеют. После Пасхи почнем плавать по Москве-реке.

В последнюю апрельскую Светлую неделю Петр вместе с братом впервые по-православному христосовался с служилы-

ми, придворными, тяглыми чинами, жаловал к руке не только дворян.

Апраксины, Петр и Федор, только что вышли из верхней Столовой палаты, где царь принимал гостей, на весеннее солнышко — подышать свежим воздухом. Стража из стрельцов выстроилась длинным коридором до Спасских ворот, наводя порядок среди посетителей Кремля. Пятидесятники строго смотрели, чтобы какой воришка или, не дай Бог, юродивый не затесался в очередь.

— Сие государь по-мудрому поступает, — вполголоса сказал Петр, — а то было народ баить почал, што царь-то обычаи православные на чужую веру променял.

— Чураться ежели вовсе простых смердов, к добру не приведет. Им-то, подневольным, тож иногда и полюбоваться на царя великий праздник. Вона Мишка Долгоруков, — Федор перекрестился, — попомнишь, со стрельцами-то хорохорился и плохо кончил.

После Святой недели, в Фомино воскресенье, в полдень оба берега Москвы-реки, Зарядье и Замоскворечье сплошь усеял пестрый, разноликий народ. От кремлевской пристани отплыл целый караван судов. Первым тронулся в путь царский карбас, обитый красным сукном и устланный коврами. За ним шел ботик с Апраксиным и другими стольниками, следом двигались в кильватере пять нарядных стругов. Летописец дворцовых разрядов отметил это событие примечательной записью: «...водяным путем, Москвою-рекою, в судах, а к тому его государскому шествию изготовлено было плавное судно особым образом, на корабельное подобие, с парусами и с канаты, и убито было червчатым сукны. И изволил он, великий государь, иттить в том судне. А за ним, великим государем, бояре и окольничие, и думные и ближние люди, да стольники и стряпчие шли в стругах. А около судна, в котором изволил великий государь иттить, шли в малых стругах и в лодках потешные с ружьем, с пицали и с корабины и из ружьев стреляли. И изволил он, великий государь в то село приттить во втором часу ночи».

Караван благополучно добрался до Коломенского, где началось празднество...

Не успели вернуться из путешествия в Коломенское, царь затеял военные игры в Преображенском.

— Следующим месяцем произведем генеральное сражение, а к тому готовиться будем, — задумал Петр.

Три недели с небольшими перерывами пешие марши сменялись атаками конницы. Пехота штурмовала редуты, пушки стреляли деревянными ядрами.

«Генеральное сражение» замышлялось Петром побоевому.

— Неча нам токмо деревяшками бросаться, — задорно сказал царь, — надобно и пороховыми гранатами стрельцов да солдат потчевать, пушай порох нюхают...

Но порох нюхать пришлось не только рядовым. В первом же сражении при штурме крепости в Семеновском в ход пошли ручные гранаты — глиняные горшки, начиненные порохом. Петр, обнажив шпагу, вырвался вперед атакующей цепи, за ним побежали Гордон, Меншиков, Апраксин...

В пылу сражения из-за стены кто-то бросил гранату под ноги Петру. Сверкнувшее пламя обожгло лицо царя, опалило брови и волосы. Разлетевшиеся осколки черепицы ударили по шее Гордона, Федору поцарапало нос и висок, досталось и другим.

Начали искать виновника, но Петр остановил:

— Буде, я сам на рожон полез, с меня и спрос. Покуда отбой барабаны пускай бьют...

Меншиков повез Петра к лекарю, а Федор отправился домой.

— Эк тебя разукрасило, — вытирала мать лицо сыну, — дай-ка подорожника приложу, отлежись дома-то.

Вечером появился младший брат:

— Государь ныне объявил, никаких марсовых боев, покамест лето, не учинять. Захар Гульст рассказывает, государю на поправку недели три уйдет.

За ужином разговорились, Федор устало потянулся, зевнул:

— Слава Богу, не было бы счастья, нынче хотя отоспимся. Не по душе мне эти игры по сухопутью. То ли дело на воде. Вона в Коломенское плыли, — Федор разомлел, — кругом благодать, ветер-то легонько парус раздувает, кормщик знай кормилом правит. Солнышко-то печет, а на водиче прохлада. Стрельцы из пищалей постреливают, ворон пугают.

Андрей расхохотался:

— Так-то и дурак обрадуется. А ты попробуй-ка воинскую забаву на воде. Ну-ка твою посудину прострелят, утопнешь враз. Тут, брат, одной царапиной не откупишься.

— Тому искусству Нептунову, стало быть, тож обучаться надобно, — встрепенулся Федор. — Вона на Плещеевом озере мы с Петром Алексеичем затею почали, судно с пушками ладить.

— Ну, то когда еще будет, — засомневался брат, — бабушка сие надвое сказывала.

О марсовых потехах царь вспомнил осенью. В окрестностях Преображенского Стремянный стрелецкий полк сражался против пехоты Семеновского полка и конницы московского дворянства. Поодаль атаковали друг друга два стрелецких полка. Били барабаны штурм, грохотали пушки, в азарте боя стрельцы и потешные яростно колотили друг друга прикладами и кулаками. Кого-то обожгло порохом, кому-то переломали руки или ноги, раненых везли не одну дюжину. Перепало и Гордону, деревянное ядро повредило ногу, лицо опалило порохом. Целую неделю просидел дома и не разделил веселого застолья участников сражения после перемирия.

До наступления зимы участники сражений приводили себя в порядок, залечивали раны. Однако царю не сиделось на месте, редкий день не заглядывал на стапель в Преображенском. Яхта получилась между тем добротной и изящной. На масленицу Апраксин проверил снаряжение, успели даже порох к пушкам подвести.

— Старики бают, нонче ранняя весна грядет, — сообщил он Петру, а у того загорелись глаза.

— Подбирай команду, лед сойдет, и айда в Коломенское.

Весна в самом деле наступила раньше обычного. В конце марта в половодье яхта покачивалась на Яузе, а в первых числах апреля Петр сам открыл навигацию на Москве-реке привычным рейсом до Коломенского и обратно. Как и год назад, в Фомино воскресенье несколько судов отплыли по знакомому маршруту. Посадские люди начинали привыкать к царским причудам.

— Глянь-ка, нынче государь-то опять водой поплыл, тешатся на лодьях-то. Кому что, по интересу.

Бородатые бояре ворчали. На стругах продувало ветром, покачивало, на излучинах струги кренились. Шальная речная волна обдавала веером холодных брызг.

— Неймется ему. Посиживал бы в Думе, за порядком смотрел, указы отправлял...

Но царь не унимался, поход опять всколыхнул все в памяти.

— Подумываю я, Федор, пора бы на Плещеево озеро вернуться. Нет здесь простора, река она и есть о двух берегах. Добро половодье не прошло, а так рукой подать до другого. Да и плывешь токмо по ниточке, ни вправо ни влево, перекаты...

Время шло, вроде бы царь не заводил тот разговор по весне, а Федор не напоминал. Но оказалось, царь ничего не забыл...

Прошел яблочный Спас, накануне Успенья на подворье Апраксиных неожиданно появился Меншиков.

За последние год-два этот сметливый проныра вошел в доверие к Апраксину, особенно после памятной осени, когда разгорелась война с Софьей. Приворожил он Федора Апраксина беспредельной собачей преданностью царю, способностью интуитивно предугадывать малейшие его желания и капризы и мгновенно их исполнять.

Распахнулась дверь, в светелку, как кот, прыгнул Меншиков.

— Здорово, Федор Матвеевич, как живется-можется?

«Вот сукин сын, — с превеликим трудом открывая веки, подумал Апраксин, — сей же день поутру виделись у Лефорта, ни о чем не спрашивал».

— Ну, чего тебе?

— Мне-то нипочем, — притворно равнодушно ответил Меншиков, — государь велел тебе кликнуть Брандта да Якимку Воронина да с ними к нему поспешать. Тиммерман уже у него высиживает.

— Што так?

Меншиков пожал плечами, хитро прищурился:

— Видать, опять ехать комарье кормить на Плещеево озеро.

«Еще забота, — закричал Апраксин, — стало, не позабыл государь».

В Преображенском в своей светелке Петр крутил ногой маленький станок, точил какую-то култышку. Не останавливаясь, кивнул, не глядя, головой — садись.

Окончив точить подсвечник, повернулся к Апраксину:

— Помнишь, Федор, отец Дионисий нам писание вычитывал о русичах на море Варяжском да Понте Эвксинском?

— Как не помнить, мудрые там мысли.

— И я о том же размышляю некоторое время. — Петр помолчал, оглядел пришедших.

— Вчерась на Кукуе Лефорт и Гордон с голландцами спорили. В Европе-то который год сеча продолжается Людовика супротив Вильяма Оранского. Голанцы, слышь, одолевают француза на море и тем замыслы их опровергли. — Петр нахмурился. — А в нашей-то державе срам один. Ни флота, ни мореходов нема.

Закончившееся недавно кипение страстей вокруг трона на Руси не было каким-то особенным русским явлением. Испокон веков велась неистовая борьба за право владения престолом почти во всех странах просвещенной Европы.

В этих схватках подчас решающую роль приобретало могущество соперников на море. Так случилось год назад, когда голландский принц Вильгельм Оранский, используя благоприятную обстановку, своим флотом обеспечил высадку войск в Англии и в конечном итоге воцарился на английском престоле. Пятьсот транспортов под прикрытием пятидесяти кораблей сделали успешный бросок через Ла-Манш. Голландским флотом командовал, как ни странно, бывший маршал Франции, гугенот, бежавший от Людовика IV, Шомберг.

В свою очередь не оставался в долгу и французский флот. Спустя год с небольшим эскадра адмирала Турвилля из семидесяти вымпелов взяла верх над союзной англо-голландской эскадрой, имевшей только шестьдесят кораблей. Успехи на море упрочили положение короля Джеймса II в Ирландии, но не надолго. Французы не воспрепятствовали высадке войск Вильгельма Оранского в Ирландии, армия Джеймса II вскоре потерпела поражение при Бойне, и король бежал во Францию.

Война между Людовиком IV и Вильгельмом Оранским продолжалась с переменным успехом на море и на суше, а отзвуки ее с большим опозданием долетали до Москвы.

Когда вести о военных событиях достигали Немецкой слободы, ее обитатели разделялись на две партии. Голландцы, датчане, англичане, немцы держали сторону Вильгельма. Их было явное большинство. Малочисленных сторонников французского короля представляли шотландец Петрик Гордон и швейцарец Франц Лефорт со своим окружением. Каждая партия радовалась успехам и огорчалась поражениям своих кумиров. Спорили друг с другом ожесточенно.

Петр, успевший пристраститься к курению, дымил трубкой, поглядывал, прислушивался, размышлял.

Свои мысли высказывал часто Апраксину.

— Мыслю, слушая перебранку на Кукуе, об отечестве нашем. На Руси куда ни двинешься, везде в степь упруешься, воды не видать. Деда наши и прадеды не зря к морю стремились. Торговлю пытали в Астрахани, Нарове. — Дернулись усики над губой царя.

«Эко, куда забрел, — почесал затылок Апраксин, — предков вспомнил».

— Поспешать надобно, — продолжал Петр, — верстать упущенное.

Начали издалека, с указания Тиммерману.

— Ты, Франц, отпиши своим в Голландию: надобны нам добрые умельцы корабельщики, на первый случай двое. Деньгу хорошую посули. Тебе, Федор Матвеевич, кумекать, где ладить в Переславле житье наше.

Апраксин недоуменно поднял брови.

— Не день-неделю, а месячишко-другой и поболее там обитать станем. Поразмысли по-хозяйски. Для челяди присмотри, где расположиться. — Перевел взгляд на Воронина. — Ну, Якимка, собирай потешных, с Апраксиным поезжай. Карстен, как фрегат доделаешь, другой фрегат закладывай, пушек десятков на два.

— Дело нужное, государь, — в тон царю высказался Тиммерман, — незадача только — маленько работников.

— На то, Франц, воеводам нижегородским, костромским, архангельским, ярославским отпишем немедля, сыщем лю-

дишек, к ремеслу корабельному годных, — плотников, кузнецов, протчих, да пришлем их в Переславль.

На следующий день зарядил дождь надолго. К озеру Апраксин со спутниками добрался лишь через неделю вечером. Приехали прямо на воеводский двор. Вместе с ними из Москвы ехал воеводский сын Михайло Собакин. Два года назад, в разгар лета, Федосей Склаев через Апраксина упросил царя приписать воеводского сына к потешным. Федор долго к нему присматривался, сродни ему была его застенчивая, прямая натура. Вначале он каждый день приходил на верфь, усаживался где-нибудь в стороне под кустиком, наблюдал, как его одноклассники постигают плотницкое и другое искусство. У них тоже не все получалось сразу, и поэтому он как-то пришел с топором и попросил Кузьму Еремеева:

— Дозволь и мне спытать досье-то тесать...

По ходу работы стал общаться с потешными, подружился с Верещагиным и Склаевым.

Воеводы в этот раз дома не оказалось, во Владимир по делам помытчиков уехал. Михаил радушно принимал всю ватагу на правах хозяина.

Места хватило всем, разместились на просторном воеводском подворье. Поздно ночью, когда все уже спали, вернулся Собакин. Жена встретила его внизу:

— Нынче гости пожаловали из Москвы, с ними Мишутка. По делам государевым, — зевнула, перекрестила рот, — опять эту мороку разводить будут на Трубеже.

— Слышал, слышал без тебя, — пробурчал Собакин, явно недовольный словоохотливостью жены, проговорил: — Поутру бы пораньше послать за Еремеевым.

Утром под предводительством Апраксина осматривали окрестности Переславля.

— Перво-наперво государь велел определить место для дворца. Акромя надлежит выбрать, где быть хоромам царицы и царевича, челяди разной, конюшням.

Полдня исходили берегом от Трубежа за Горицкий монастырь, наконец за Веськовым поднялись на высокую гору, пологий склон которой был покрыт небольшими курганами.

Уставший порядком Федор первым взобрался на гору, присел на пенек.

Вокруг шумел лиственный березняк, подальше начинался сосновый бор. С крутого отрога на похлужом спуске виднелся глубокий овраг. Апраксин вытер мокрые залысины, встал, надевая шапку, подошел к спуску.

— Лучшего места для дворца не сыщешь, — высказался он. — Каково мыслишь, воевода?

— Пожалуй, так. — Собакин потербил бороду, лукаво прищурился: — Далековато от городища, не набегаетесь.

Бранд поддержал Апраксина:

— Рядом с дворцом и стапель для судов. Наклон добрый для спуска на воду. Место от ветра укрытое. К тому же здесь и речка добрая по оврагу течет.

— На том и затвердим. Государь, пожалуй, одобрит, — закончил разговор Апраксин. — Теперича почнем десятников приискивать. Днями сюда Роман Карцев пожалует, стряпчий. Он по части сооружений мастак.

В Переславле началась суета, канитель. Где заготовливать лес строевой, сосну, ель, где приискать камень, в каких монастырях изготовить кирпич, откуда везти глину, известь...

На Плещеевом озере строили для царя дворец, а в окрестностях Преображенского и Семеновского он затеял потешную битву двух «полководцев», «генералиссимуса» князя Федора Ромодановского и его неприятеля, «генералиссимуса» же, царского спальника Ивана Бутурлина.

Армия Ромодановского состояла из Преображенского и Семеновского полков, двух полков выборных солдат с конным отрядом рейтар и гусар, у Бутурлина было столько же стрелецких полков и конницы. Первая армия именовалась «нашей», вторая — «неприятелем».

Три дня с перерывами десятки людей сражались друг с другом. В пылу атак конница с размаху вклинивалась в пехотные порядки, обнажалась, ломались шпаги, применялись разные хитрости для обмана неприятеля, брали в плен. Рывали пушки, посвистывали деревянные ядра. Стонали раненые и увечные. Раны случались и смертельные.

Был у Федора Апраксина добрый товарищ, однолесток, спальник царя князь Иван Долгорукий. Отчаянная голова и открытая душа.

В разгар осени в Переславль с нарочным Федору Апраксину доставили письмо царя. «Федор Матвеевич, — делился своим горем Петр с Апраксиным. — Против сего пятого на десять числа в ночи, в шестом часу князь Иван Дмитриевич от тяжкие своея раны, паче же изволением Божиим, переселился в вечные кровы, по чину Адамову одежде и всем нам по времени быть. Посем здравствуй. Писавый *Петрус*».

До этого царь писал несколько раз только матушке-царице, единожды брату царю Ивану Алексеевичу. После этих двух самых близких людей третьим своим лицом, кому царь поверял свои сокровенные переживания в разлуке, оказался Федор Апраксин. Он и останется таковым до последних дней жизни царя всея Руси.

Получив весточку от царя, Федор в тот же день сходил к устью Трубежа, поставил свечку в церкви Сорока Мучеников по усопшему князю. Забрел к отцу Дионисию.

— Разделим печаль государеву, коли он тебе ее поверил. В субботу отслужим панихиду в нашей церкви по скончавшемуся, — не раздумывая, решил игумен.

Глубокой осенью, в слякоть, примчался Петр. Приехал не один, с потешными и мастерами-иноземцами. Вместе с Апраксиным сразу поехали в Веськово. Вбежал он на гору, похвалил Апраксина:

— Место доброе подобрал.

Каменщики закладывали в ямы для фундамента огромные камни. Апраксин повел царя вниз к строящейся пристани:

— Суда мы нынче перевели из Трубежа сюда, пристань ладим.

Петр подошел к фрегату, уткнувшемуся носом в приглубый берег.

Небольшие волны лениво подбивали корму фрегата, словно подталкивая ее выше на берег. Смерзшиеся снасти припорошило снежком, ажурной вязью белели на темном фоне надстройки и мачты.

Принесли лестницу. Петр полез на борт фрегата, за ним цепочкой Апраксин, Брандт, Еремеев. Петр спрыгнул на палубу, поманил стоявших в стороне иноземных мастеров.

— Мэтью, Клас! Айда на фрегат.

Больше часа лазили гости по фрегату. Выбравшись на палубу, Петр закурил трубку, спросил у Класа:

— Как сладили фрегат?

Клас улыбнулся:

— Для такого озера корабль неплох, для моря другие пропорции надобны.

Брандт немного покраснел, о чем-то заговорил с Класом по-голландски.

— Будя вам спорить, — добродушно сказал Петр, — ты, Карстен, все спроворил наилучшим манером. Пушечные станки на загляденье отдал. Токмо где пушки, Федор?

— Другой раз в Пушечный приказ отправлял Кикина, не отказывают, но и не досылают. Обещали из Тулы.

Петр нахмурился:

— Дьяки глядят на потеху, словно на забаву, погоди, взыщу, и забот им добавится. Нынче, Федор, ты верно верфь определил для постройки, раздольно тут. Почнем нынче же закладывать еще два корабля поболее фрегата. Первый, пушек десятка на три, ты будешь ладить, Клас. Другой, помнее, возмешь на себя ты, Мэтью. Ну а ты, Карстен, молодчага, свое с избытком изладил. Помогай им обживаться.

Апраксина царь оставил пока на озере. Вечером в монастыре делился планами.

— К зиме виднее станет, как дело пойдет. Будущим летом задумку мою на озерке морскую битву сподобить, вроде сухопутного боя.

Апраксин сомнительно покачал головой.

— Людишек-то, морских воев, у нас ни одного. На суше едва управляемся с боем, да и ни к чему без толку потеху одну затевать.

Петр сбросил улыбку, помрачнел:

— Ты, Федор, под нос смотришь. Починать треба, все одно не миновать. По ходу науку познавать станем. Лиха беда начало.

Царь уехал, а на Апраксина навалились заботы. Всюду надо было поспеть. Хорошо, Клас и Мэтью дело знали и к Апраксину обращались редко. Спустя неделю на Веськовской верфи уже стучали топоры, закладывали сразу, бок о бок, два корабля.

В разгар зимы опять приехал царь, начал собственноручно строить большой бот.

— Попытаю, хотца самому лодью строить, наподобие ботики московского. Своими руками все изладить.

Работа на верфи пошла веселее. Из Москвы, Ярославля, Костромы все присылали без задержки. В селе начала работать кузня, ковали якоря.

Зимними вечерами в своей избе Петр собирал потешных, приглашал Брандта, Класа, Мэтью, те показывали, как вяжут морские узлы, рассказывали полезные морские байки. После царь угощал всех брагой.

В конце февраля из Москвы пришел длинный обоз. На счетверенных санях дюжина лошадей тянула яхту, на других сечах волокли три струга.

— Штоб на воде не скучали, было бы кому с кем воевать, — пояснил царь свои задумки Апраксину.

Осенью Федор сомневался в царской затее. Когда начали строить корабль в Веськове, посматривал на то искоса; но теперь стало видать: все состоится. «Вот леший, — незлобиво думал он о царе, — забредет ему что в голову, не отступится. Мало ему переломали косточек под Семеновским...»

Отлучка царя из столицы затянулась, будто и не было для него важнее дел, чем постройка кораблей. В Переславль приехали Лев Нарышкин и Борис Голицын.

— Государь, уж которую неделю в Москве посол персидский дожидается грамоты вручить. Обиду может затаить, пренебрежение, мол. А нам с шахом в добром мире быть, он сосед наш.

Персидского бека встречали пышно, его сопровождали две тысячи стрельцов.

Петр вернулся в Переславль и поселился в новом дворце. Через месяц спускали на воду корабли, открывали навигацию.

Один из самых больших кораблей Петр назвал «Анной», командовать им назначил Апраксина.

— Принимай под начало покамест самый большой корабль российский, вскорости соперник у тебя появится, грозный «Марс», — пошутил он.

«Тебе-то потеха меня с бабским именем повязывать, а мне

срамно. Ишь возвеличивает свою Монсиху, в корабельном святом имени упоминает».

Первомайским утром торжественно спускали на воду тридцатипушечный «Марс». Служили молебен, крестный ход начали на суше, продолжили в лодках на воде, освятили корабль. Над озером плыл колокольный перезвон. Грели корабельные пушки, им отзывались с берега орудия Бутырского полка, которые привел на озеро Патрик Гордон.

Отгремела пушечная канонада, примолкли колокола в церквях, на кораблях зазвучали торжественные застольные тосты. Начались празднества, открывшие первую и последнюю кампанию на озере.

Вечером разгулявшийся «шкипер» Петр распорядился, обратиться к новоиспеченному «адмиралу» Лефорту.

— Поднимай, Франц, сигнал, пойдем плавать с караваном по озеру.

— Какой же сигнал, герр Питер? — тарачил глаза сильно подвыпивший швейцарец.

— Что же ты за адмирал, ежели сигналов не знаешь? — отшутился Петр и поманил Апраксина. — Созывай, Федор, всех капитанов. Консилию держать станем.

Флотилия снялась с якорей, когда солнце зависло над синюющими вдали холмами. Один за другим, кое-как поставив паруса, покачиваясь, потянулись вразброд десятков судов. Ушли за несколько верст к дальнему концу озера, бросили якоря, продолжали застолье до утра. Следующий день отсыпались, потом опять загуляли. Когда надумали возвращаться, ветер переменялся на противный, отстаивались на якорях, запили поневоле. На обратном пути долго, неумело лавировали, выбираясь против ветра. Суда кренились, иногда опасно. Одна яхта села на мель, зачерпнула воду, легла на борт и погрузилась в озеро. Хорошо, что было мелко; из воды выглядывал лишь борт, омываемый волнами. Команда успела попрыгать в воду. Царь ругался. Апраксин его успокаивал:

— Дело новое, государь, ни тебе матроз, окромя потешных и рыбаков, ни шкиперов. Разве Карстен, так и тот занедужил.

На берегу Петр подозвал Яким Воронина:

— Собирай всю ватагу, Еремеева кликни, подымайте яхту, судно-то новое.

Петр уехал, Апраксин не торопил потешных, но те старались, работали день и ночь, на третий день поставили яхту на ровный киль, откачали воду, подвели к устью Трубежа.

— Отпиши государю, обрадуй его, — сказал Апраксин Воронину, — а я захвачу письмо, поясню все, как было.

На следующий день Апраксин увозил письмо в Москву. «Пишут ученики твои, — сочинял сержант, — из Переславля Залесского, корабельного дела мостильщико, щегольного дела мастерства Яким Воронин с товарищи 16 ч челом бьют за твое мастерское учение. По твоему учительскому приказу нам, ученикам, что которую яхту опрокинуло в воде, и тое яхту мая, в день 9 взяли и воду из нее вылили; а чердак у нее сломало, у юмферов железо переломало, и ее взвели к мосту; и она зело качка, на одну сторону клонится. А другую яхту взвели тут же к мосту небольшими людьми и парусом, и, взведши, поставили на якорь. И по сие число шла она хорошо. И что по твоему учительскому приказу от посланного к корабельному делу государя своего генералиссимуса Федора Юрьевича, который что делал корабль, и ты тот корабль делал бы по его государскому приказу, и, сделав, поехал к Москве, и тот корабль взимал я, Якимко, со учениками своими по твоему учительскому приказу; и по твоему учению тот корабль взняли на три ворота в 6 часов и с обедом; а до самого моста довели с великим нутужением; и после того, того же дня под другой корабль блоки подволокли. Писавый Яким Воронин челом бьет со всеми твоими учениками. Мая 9 дня 7200 года. Переславль Залесский».

Вместе с Петром уехал и Брандт. Второй месяц тот болел, царь забрал его с собой, повез к врачам на Кукуй. Оказалось поздно. В июне Немецкая слобода прощалась со старым корабельным мастером. Петр не выдержал, смахнул слезу. Сопели рядом, всхлипывая, Лефорт, Апраксин. На поминках царь отошел в сторону, кивнул Тиммерману:

— Будешь заместо Карстена верховодить на верфи, помогать Федору по делу корабельного строения. — Петр перевел взгляд на Апраксина: — Поезжай в Переславль, готовь хоромы

для царского поезда. Надумал показать Нептунову потеху брату Ивану Алексеевичу, матушке, супруге нашей. — Тут Петр почему-то поморщился, а Федор подумал: «Тебе бы небось Монсиху привезти, похвастать, ан на-кось». — Сестрицу твою, Марфу Матвеевну, пригласим, — продолжал царь. — Гляди, со всеми царицами, царевнами да детками дюжины две наберется. Пущай поглядят наши дела воинские на воде, авось и они приохотятся.

В августе Апраксин разрывался на части. Готовили корабли, прихорашивали, устилали коврами каюты, сооружали трапы, чтобы женщинам было удобно взойти. Первым прибыл Иван Алексеевич с семейством, с царицей Прасковьей Федоровной, через неделю Петр привез обеих цариц — мать и жену. Все восторгались видом озера, березовой рощей вокруг дворца, поглядывали на величавые белокрылые паруса кораблей. Все было вновь и в диковинку. Петр каждый день пропадал то на «Марсе», то на «Анне», гонял потешных, рыбаков, сам лазил на мачту, но всех подробностей не знал, хмурился.

— Брандт, царство ему небесное, все-то знал, покажет, пояснит, прикрикнет. Теперича некого спросить.

Тиммерман от таких высказываний смущался, разводил руками. По части кораблестроения он перенял от мастера многое, но моряком никогда не был.

— Мореходное дело, государь, премудрое, враз не познаешь, многие годы потребны.

— Ведаю, ведаю, — бурчал Петр, закрепляя какой-нибудь шкот¹, — который раз веревку перевязываю, а все не так. Федор! — кричал он на корму Апраксину.

Неторопливо, вразвалочку подходил Апраксин, брал в руки шкот, терпеливо показывал царю.

— Вспомни, Петр Лексеич, как нам Карстен пояснял, — ходовой-то кончик под себя пропускать, а ты сверху его накладываешь...

Скоро на флотилии начали делить чины. Лефорт немного припоздал, и, когда появился на Плещеевом озере, там важно рассказывал по палубе «Марса» новоиспеченный «адмирал»,

¹ Шкот — снасть, которой растягивают нижние углы парусов.

как, впрочем, и «генералиссимус» грузный Федор Ромодановский, впервые в жизни вступивший на палубу корабля. Пришлось царю размещать своих «адмиралов» по разным кораблям.

В середине августа с барабанным боем, под звуки трубы на берег озера прибыл Бутырский полк Гордона. Вся компания сотрапезников наконец-то собралась вместе. Пока полковники обучали солдат посадке на корабли, приятели отводили душу в попойках на «Марсе».

Для именитых гостей царь устроил представление на озере. Началось оно, как и в мае, крестным ходом под колокольный звон, священнослужители повторили майскую литургию. Потом корабли начали сражение на воде. Женщины сидели в креслах около дворца. На корабли ехать отказались решительно, как и Иван Алексеевич. Корабельные орудия палили холостыми, им отвечали пушкеры Бутырского полка. Все озеро заволочло дымом, серые клубы поднимались по отрогам Гремячей горы.

— И когда Петруша успел таковые премудрости усвоить, — удивлялась Наталья Кирилловна, а в душе радовалась за сына. «Знать, болтают злые языки, что он одними попойками в Немецкой слободе пробавляется. Воинское дело, видать, всерьез его задело, не для потехи токмо». Ей вторила и Марфа Матвеевна, вдова-царица:

— Уж как государь таковое ремесло спознал, не каждому такое дается. И мой братец Феденька от него, видимо, многое перенимает, старается, поди.

— И я гляжу, добрый помощник у Петруши на водной-то утехе, — похвалила и Наталья Кирилловна Федора, — теперь и на сердце моем поспокойнее станет. Верный он ему товарищ в этих делах.

Евдокия не ввязывалась в разговор, чаще помалкивала. Как-то не сложились у нее отношения со свекровью. Но в душе она тоже радовалась. «Дай-то Бог, чтобы Петрушенька поболее этой усадле предавался, все подальше от этой немки треклятой».

Пребывание царского семейства на Плещеевом озере по неволе завершилось торжеством. В конце августа праздновали именины Натальи Кирилловны, большой обед закатил на этот раз Лев Нарышкин, тоже мастер питейного дела.

Накануне отъезда с семьей царь устроил обильное угощение для «шкиперов и матросов». Первую чарку он поднял за них:

— Здравие русских воев морских!

Когда выпили, разговорились, Федор Апраксин, сидевший подле царя, шепнул ему:

— Рановато еще, Петр Алексеич, величать так-то.

Петр недовольно вытянул губу, задрывал ногой:

— Што не так я выказал?

— Все по делу, Петр Алексеич, токмо вои-то наши моря еще не нюхали.

Петр засмеялся:

— И я об этом думал, а как их величать-то?

— К морю их надобно, да и корабликам здесь тесновато. Отец Дионисий баит, к Архангельскому городку на Беломорье податься пора приспела.

На другой день небо затянуло серой мглой, закрапал дождь.

— Приведи все на судах в божеский вид. В этом году сюда вряд ли наедем. Все снасти и такелаж посымай, порох и припасы в магазины укрой. Ну, ты сам ведаешь, что к чему, не впервой.

Покидая Переславль, Петр давал последние указания Апраксину, а сам пребывал в сомнении. В разгар лета, глядя на толчею больших судов, решил, что настало время расставаться с озером: «Федор-то прав; но здесь-то все под рукой. И столица, и Нептуновы потехи. Однако озерко-то не море...»

После отъезда Петра несколько недель прошло в хлопотах по обустройству судов на зиму.

Перед Покровом появился неожиданно Склеяев:

— Государь повелел впрок заготовить дерева и досья для строения двух кораблей.

Апраксин про себя чертыхнулся: «Штой-то не похоже на Петра Алексеича, семь пятниц на неделе. То баил повременить, теперь сызнова пуще прежнего потеху продолжать. Однако ему виднее».

Спешно валили сосны, везли на пильню, готовили доски, тесали брусья, складывали под навес. Глубокая осень выдалась без дождей, успели управиться.

Из Переславля Апраксин выехал по слякоти, спешил доложить царю о проделанном, но увидеться с ним пришлось только месяц спустя.

Во все времена иноземные послы снабжали своих повелителей сведениями о положении в стране пребывания. Особо ценились вести о царствующих особах и их приближенных. Послы старались уловить каждую новость в жизни царя, его семьи, его сиюминутные намерения и дальние планы, узнать о предстоящих торжествах и увеселениях, забавах, любовных интригах. Важное место в сообщениях уделялось состоянию здоровья царствующих особ.

В Москве иноземные резиденты и комиссары для добывания таких сведений не брезговали услугами самых разных лиц: вельмож и дьяков, придворных в Кремле, слуг именитых людей, стрелецких полковников и торговых людей из Охотного ряда. Кто-то проговаривался в хмелю. Часто делились новостями за соответствующую мзду. Львиная доля нужных сведений черпалась из среды офицеров-наемников. Десятки капитанов и полковников почти каждый день собирались компаниями, проводя время в застольях частых вечеринок Немецкой слободы. Главным и авторитетным источником придворных новостей на Кукуе считался слабый на язык Франц Лефорт. Другим значимым, но менее разговорчивым информатором слыл Патрик Гордон.

Иноземные послы объединялись по своим интересам и симпатиям: голландцы с датчанами и шведами, цесарцы с поляками. В конце ноября у шведского комиссара Кохена собрались за бокалом вина голландский резидент Ярган Келлер и датский комиссар Бутман. Накануне вечером их встревожила оброненная Лефортом в кругу друзей фраза на реплику одного из них:

— Наш лучший друг царь Петр в последнее время редко появляется в кругу своих почитателей. — Лефорт загадочно ухмыльнулся. — Государь немного устал от потешных игр. Каждому здоровому человеку нужно отдохновение, тем паче когда ему неможется...

Первым вспомнил о намеке всезнающего швейцарца Кохен. Он всегда проявлял повышенный интерес к дворцовым новостям. Тем более что в Стокгольме внимательно следили за первыми шагами молодого царя.

— Мне сообщили, что доктор Гульст второй день не покидает Преображенское. То и дело аптекари доставляют ему новые лекарства. Кажется, царь Петр серьезно мучается животом...

Комиссар Бутман утвердительно кивнул головой:

— Сказывают, что царь слег в постель, и дело пока довольно неопределенно.

— Генерал Гордон который день посещает Преображенское, — продолжал разговор Ярган Келлер, — он, как всегда, неразговорчив, но его сын Теодор подтвердил, что царь серьезно болен.

В далекой Гааге ценили доброжелательное отношение царя к Генеральным штатам и их королю Вильгельму. Голландский резидент, причмокивая, отхлебнул из бокала вина.

— В подобной ситуации начинают поднимать голову не дружки молодого царя. Воспрянули некоторые старцы-бояре, в Стрелецкой слободе закопошились сторонники царевны Софьи...

Выбором старшего сына Домна Богдановна осталась довольна. Единственная дочь дьяка Посольского приказа Степанида оказалась и пригожей, и с приданым. Петр сразу после свадьбы переселился в просторный, с большим подворьем дом жены.

Теперь мать все чаще задумывалась о среднем сыне. «Уж больно он девок сторонится, будто неприкаянный, на гульбища не хаживал и раньше, в церкви от девок шарахается, как ему невесту сыскать?»

Помощь матери неожиданно оказала дочь Марфа. С тех пор как овдовела, жила она в Кремле, в царских покоях. Дружила с Прасковьей Федоровной, женой царя Ивана.

Частенько они с Марфой, удалившись в дальние покои, горевали, одна вдовая, другая бесплодная...

Два года назад, когда Прасковья «очреватела» и родила девочку, Марфа радовалась от души, ходила за младенцем...

Мать Марфы иногда заглядывала к дочери, отвлекала ее новостями, пересудами, иногда две вдовы украдкой утирали слезы...

Однажды мать проговорила о своих страхах в отношении Федора, и тут Марфа, помолчав, вдруг сказала:

— Есть у меня на примете девица, под стать будет Федору.

— Кто такая?

— У Прасковьи спальником Федор Хрущов, у него в избе племянница, сирота. Матушка ейная-то скончалась давно, а батюшка в прошлом походе Крымском головушку сложил. Девица лет осьмнадцати, без особого приданого, но собою хороша, скромна и хозяйшка, — без умолку выговаривала Марфа.

— Звать-то как? — перебила мать

— Пелагеюшка, маменька.

— Поглядеть бы ее.

— Так пойдем же, нынче она у Прасковьи с девочкой нянчится.

Матери девица пришлась по нраву.

— Как их свести-то?

— И то я подумала, — нашлась дочь. — Федька-то дома нынче, а завтра мы в Казанский к заутрене пойдем. Становись, маманя, подле меня, я место огорожу. А Пелагеюшка за мной стоять будет. Федьку за спиной поставь, — загорелась Марфа.

Все получилось, как задумала дочь. Федор нечаянно задел соседку, худенькую, ниже ростом девицу, в скромном сарафане, с русской косой. Быть может, покачнулся в душном притворе, только они вдруг встретились взглядом, и оба покраснели.

На другой день во двор Апраксиных заглянула спальная девка:

— Царица Марфа Матвеевна к себе призывает к обеду.

Мать взяла с собою обоих сыновей. За столом Федор неожиданно увидел незнакомку из церкви. Марфа переглянулась с матерью...

В тот же день Федор заговорил с Пелагеей, девушка ему пришлась по душе. А мать только этого и ждала...

Прасковья все решила со стольником Хрущевым, он дал согласие на брак.

Домна собрала братьев.

— Чего для канителиться? — солидно высказался Петр. — Завтра помолвиться, а на Николу и венчаться.

— В уме ли ты? — вскинулся Федор.

— Покуда государь-то прихворал, все к месту. Знаю я его, взбеленится, не дай Бог. А там опять же пост Великий, не до свадьбы.

Все свершилось в две недели. Венчались в церкви на Кулишках, свадьбу сыграли у Хрущовых, поселилась Пелагея у Апраксиных. Так решила Домна.

Через неделю после свадьбы на двор прискакал Меншиков, пялил глаза на Пелагею.

— Петр Лексеич соскучился по тебе, — отдавал перегаром Данилыч.

— Как государь-то оклемался? — спросил по пути в Преображенское Федор.

— Первую неделю только с постели поднялся. Ему хотца озорничать, но покуда коленками слаб.

Сильно похудевший царь встретил его в кресле, не вставая. Сияясь улыбнуться, он кивнул Апраксину на стул. С бледного лица начисто исчез плещеевский загар, еще месяц назад так прочно, казалось, задубивший его кожу.

— Хилый, Федор, человеке телесами перед недугом, — через силу улыбаясь, проговорил он, незаметно вздохнув. — За грехи, быть может, Господь наказывает. — Царь выпрямился, в глазах появился прежний задористый блеск. — А ты, я слышал, оженился, ну и дурак, — засмеялся, — а баил нет. После Крещения поезжай-ка на Плещеево озеро. Прихвати с собой Якимку Воронина, Склеява, Кикина. Из дерев и досьев для судов отберите наилучшие. Суда таки там ладить не станем, я свою «Фортуну» до ума доведу и на воде испробую...

Слушая чуть с хрипотцой, но твердый голос царя, Федор в душе порадовался: «Слава Богу, раз о Нептуновой потехе заговорил, значит, дело на поправку идет».

— Припасов-то у нас в Переславле не густо, Петр Алексеич.

— Верно. На то стряпчему кормового дворца Роману Карцеву укажем без промедления. Ты к нему загляни через неделю, проверь, чтоб не запамятовал.

После Рождества в Переславль потянулись обозы. Везли обычное съестное для царского стола: сотни пудов пшеницы, масла коровьего, мяса свиного, меду-сырца, десятки пудов

икры зернистой, осетрины, белорыбицы, грибов-целиков, прочей снеди...

Едва Апраксин в Переславле успел осмотреться, растормошить всех, отобрать потребные сосновые и дубовые доски, заготовить пеньку, смолу, как на Гремячей горе появился неожиданно царь. Он прискакал поздним вечером, в первый день Великого поста, в чистый понедельник. С ходу поднял всех на ноги, зажгли фонарь, отправились смотреть в сарай строящуюся «Фортуну». Почти обшитый досками бот с прошлой весны стоял в забытьи.

— Распорядись, Федор, завтра поутру быть здесь Якимке с потешными, Класу и Мэтью. Пора завершать канитель с этой посудиною, чтоб к полудню поспеть.

Апраксин, ухмыльнувшись, подумал: «Коли по-прежнему почал выговаривать, стало, хандра от него вовсе отлетела».

Три недели потешные с голландскими мастерами заканчивали обшивку «Фортуны», стягивали шпангоуты поверху планширем, крепили доски вдоль бортов и поперек банки, подкрепляли форштевень и ахтерштевень железными кницями. Сам Петр взялся изготовить руль. Тесал перо руля из дубовой заготовки, крепил его к вертикальному брусу — баллеру. Почти неделю подгонял петли, навешивал руль к ахтерштевню. Апраксин был у него за подмастерья, помогал и присматривался...

— Кормило, оно, брат, всюду одинаково действует, што у бота, што у фрегата, — рассуждал Петр, — должно быть надежно устроенным и прочным. Как ему, чаю, судьбина корабля каждый миг подвластна.

— Я тоже так разумею, — ответил Апраксин. — Шкипер и кормило — единое целое на судне, и без оногo товарища немисливо в море хаживать.

— Хвала тебе, Федор, — улыбнулся Петр, — видать, и ты возгорелся Нептуновым делом...

Едва успели навесить руль, из Москвы прискакал гонец к Петру, сообщил, что мать захворала.

— Я отъеду, а ты все налаживай, — сказал Петр Апраксину. — Вот снаряжай «Анну» и «Марса», как лед сойдет, опробуй на воде, такелаж и парусы особо проверь, пушечное зелье погружай. Привезу Лефорта, почнем марсовые потехи на во-

де. Он у нас адмирал, а ты будешь супротивником его, посмотрим, кто кого, — хитро прищурился царь.

В первых числах мая спускали на воду «Фортуну». Как повелось, с пушечной пальбой, освящением, обильным застольем. Потом начались сражения на воде. На «Марсе» распоряжался Лефорт. Петр, молча ухмыляясь, расхаживал по палубе. Правда, когда «Марсу» грозила неприятность сесть на мель, царь сам становился к рулю и отдавал команды на паруса. Лефорт пыжился, старался вовсю, но Апраксин, командуя «Анной», его то и дело опережал. В маневрах успевал всегда выйти на ветер и занять удобную позицию для обстрела противника. Правда, пушки стреляли холостыми, но грохот пальбы раззадоривал противников, а царь входил в раж, сам становился к пушкам...

Несколько раз «Марс» и «Анна» сходились в абордажном бою. Трещали бушприты, рвались ванты, орали во все глотки готовые сцепиться экипажи. Потешные и солдаты прыгали на палубу «неприятелей», и успех дела решался в рукопашной схватке. Все было впервые, и часто неопытные вояки, перебегая с борта на борт, не удерживались и летели за борт, в воду. Бой продолжался, вылавливали не умеющих плавать неудачников. Петр, заметив, как они пугливо барахтаются в озере и со страху кричат, сказал Апраксину:

— Гляди, впредь надобно корабельных людишек обучать плавать и воды не бояться.

— Оно верно, — согласился Апраксин. Сам он только прошлой осенью наконец-то одолел все страхи и вместе с Ворониным, Скляевым и Кикиным научился плавать. — Сие уметьство для морских воев потребно. Токмо на Яузе их не приучишь.

Сшибки на озере прекратились неожиданно, как и начались. Во время одной из схваток при свежем ветре увлеченный погоней Лефорт приказал поставить все паруса, и «Марс» на полном ходу выскочил на песчаную косу. От внезапной остановки сломалась и повисла за бортом на снастях грот-мачта. Два дня карбасы и рыбацкие лодки стаскивали корабль с мели. Распоряжался сам Петр, но опытный голова плещеевских рыбаков Еремеев не отходил от царя, то и дело подсказывал верные приемы.

— На море всяко случается, государь, — успокаивал Еремеев царя. — На Двинском устье иноземные опытные мореходы

по сколько раз сажают свои кораблики купеческие на перекатах и костляках.

Сначала «Марс» разгрузили от пушек, всего лишнего, потом убрали все мачты и перевезли на берег.

Когда снятый с мели корабль отбуксировали наконец-то к пристани, царь, вытерев со лба пот, устало улыбнулся Апраксину:

— Все, Федя, пошабашили на Плещеевом озерке. Собирай ватагу, определяй суда на стоянку. Которые яхты и суда помнее — вытаскивай на берег. — Царь поманил Апраксина и вполголоса продолжал: — Этим летом переберемся к Беломорью, как и ты того желал. Завершай дела в Переславле и айда в Москву. Поедешь в Вологду и там суда будешь ладить для людешек. В Архангельский городок пойдем из Вологды водою, по Двине. Свиты поболее сотни наберется.

— Матушку-то как оставишь? — осторожно спросил Апраксин.

— Оговорено с ней, благословила матушка. О том ведает и архирей Холмогорский Афанасий, с ним уговор, идти нам морем на Соловки, он все обстроит. Ты там никому ни гугу, ни шкни.

В тот же день Апраксин вызвал старосту вологодских плотников. Невысокий, коренастый степенный мужик в выцветшей косоворотке с топором за кушаком неспеша поклонился, коснувшись корявыми пальцами земли:

— Звали, ваше степенство?

За два года Апраксину пришлось по душе на вид неуклюжие, молчаливые, но бойкие в работе вологодские умельцы. Они обходили в корабельном и плотницком деле ярославских, костромских, нижегородских.

— Сбирай пожитки, — не торопясь начал Апраксин, поглядывая на артельщика. — Назавтра поутру снарядим подводы — и айда к себе на Вологду. Чаю, по бабам-то соскучились?

Мужик восторженно, сбросил дремотную завесу с лица, растянул рот в улыбке, еще не веря услышанному: «Неужто вправду?»

— Говорено так. Слухай далее. Ехать тебе без мешкоты, воевода вас дожидается. Почнете струги для государева шествия ладить, да споро.

В прошлом году Апраксин с царем ездил на Кубенское озеро, дважды ночевали в Вологде. Петра заинтересовали тогда судостроительные верфи, где сооружали суда для отправки купеческих товаров на Двину к Архангельскому городку. Федор вспомнил тамошних плотников:

– На ваших поделях акромя тебя-то есть умельцы?

Мужик хитро прищурился:

– Неужто купцы-то своих мастеровых отпустят, кто им струги-то для торговлишки станет ладить? – Мужик почесал бороду. – Вона Оська у Парамонова, во всей Вологде первая статья плотник, башковитый.

– Ты воеводе поведай, мол, Федор Апраксин того Оську велел приставить к государеву делу. Как его кличут?

– Стало быть, Оська Щека.

– Так и передай воеводе, Оську Щеку главным артельщиком приставить к стругам государевым.

Спустя неделю Апраксин приехал в Вологду и сразу направился на пристань. С краю, ошвартованные борт о борт, стояли три новеньких струга. Поодаль, на берегу, высились на стапелях почти готовые корпуса еще четырех судов. Всюду копошились люди, звенели топоры, глухо постукивали конопатчики особыми молотками – мушкарями, вгоняя в пазы обшивки пеньку.

Апраксин удивленно оглянулся на воеводу:

– За две недели сладили струги.

Воевода Петр Львов, засмеявшись, пояснил:

– Довелось купчин пошерстить, по сходной цене выторговал у них струги, которые к Архангельскому готовили. Погодят авось. – Воевода кивнул на крайний, самый большой струг с нарядной надстройкой на корме, которую почему-то прозывали обыденно – чердак. – Наиглавный артельщик наш, мастеровой Оська Щека, все у него в руках горит, нынче ладит струг для государя.

Львов оглянулся, поманил стоявшего за спиной приказчика:

– Кликни-ка Оську.

Через минуту-другую по сходням, не глядя под ноги, сбегал, стряхивая с бороды стружку, среднего роста, кряжистый мужик. Вытерев рукавом холщовой распушенной рубахи пот с высокого загорелого лба, поклонился воеводе.

– Ну как, Оська, к сроку поспеем?

– Ежели погода будет, чему не поспеть, сладим, – просто, без подобострастия ответил плотник, искоса посматривая на стоящего рядом с воеводой незнакомца. А тот вдруг спросил:

– Давно суда ладишь?

– Сызмальства, от деда своего и тятки перенял ремесло.

– Грамоту разумеешь?

Осип простодушно замотал головой:

– Псалтырь с грехом пополам осиливаю, цифирь разумею мало-мало.

– А как же суда ладишь? – не отставал Апраксин.

Плотник смущенно пожал плечами.

– Как положено, по своим меркам, – лукаво улыбнулся. – С Божьей помощью кумеаем, покуда никто не обижался.

Апраксин закашлялся, а воевода кивком отпустил Щеку...

Дождавшись спуска стругов на воду и убедившись, что дело идет к концу, Апраксин возвратился в Москву. Петр удивился:

– Неужто так семь стругов сладили?

– Семь не семь, государь, а пяток судов готовы, два концевых заканчивают.

– Добро, ты передохни, – заговорщически подмигнул Петр, – через недельку тронемся.

Хороши летом зорьки. Федор раньше любил спать на сеновале, теперь все изменилось, да и не тянуло. Спеленала его новая, обжигающая страсть. Пелагея отдалась ему сразу, еще тогда, в первую ночку, а потом пошло-поехало...

Прежде, как только появлялся в доме, жена пугливо опускала глаза, краснела. А теперь каждый раз озорно улыбалась, жадно ловила его взгляд.

Время пролетело, как в сказке. Почти каждый день Федор брал Пелагею, и они уходили далеко к излучине реки, в глухое, поросшее кустарником место. Там иногда плескались в прохладной воде такие же, как они, молодые...

С Пелагеей прощались, как всегда, в ее светелке.

– Гляди, Феденька, – шептала она, глядя в глаза, – ныне ты в далекий край отъезжаешь, не болтай там...

— Зоренька ты моя милая, разве поменяю тебя на кого? — в поцелуе сжал тонкие губы жены.

Уезжал Федор со спокойной душой. Мать и Пелагея провожали его, крепко обнявшись, сошлись характерами.

Преображенское покидали душным рассветом за два дня до Ивана Купалы. Петр взял с собой Лефорта, Апраксина; поехали налегке в карете, свита с обозом двинулась следом.

Год назад ровесница Москвы древняя Вологда первой из северных городов удостоилась чести посещения отпрыском царствующего дома Романовых. Тогда царь был здесь мимо-летно, проездом, наскоком. Теперь все проходило чин чинном. Трезвонили колокола десятков церквей и церквушек, золотые купола сверкали под лучами полуденного солнца. Враз опустели усадьбы и палисадники, поглазеть на царскую персону сбежалось добрых полгорода. К удивлению жителей, на полпути к кремлю царь выпрыгнул из массивной кареты и продолжил путь пешком. С усмешкой кивал кланяющимся людям, разглядывал добротные купеческие дома, лавки и лавазы, расспрашивал воеводу Петра Львова. Ему не терпелось поскорее увидеть готовые плавающие суда, о которых по пути из Москвы рассказывал Апраксин, верфи, где строили вологодские купцы карбасы, струги, дощаники. Торжественная встреча и обильный обед в архиерейских палатах кремля затянулись. Нетерпеливый Петр поблагодарил архиерея и, взяв с собой воеводу и Апраксина, направился к пристани. У причала, вытянувшись цепочкой, сверкая белизной свежеструганных досок, покачивались на воде семь новеньких карбасов. В нос ударил приятный, знакомый запах сосны, сдобренный смоляным ароматом. Тут и там мелькали потные обнаженные спины плотников. Стучали топоры, шуршали рубанки, мастеровые что-то подгоняли, подстругивали, подтесывали. Как обычно, после спуска на воду в судах обнаруживались недоделки: то пропускала воду обшивка, то не подходили мачты, заедало кормило.

Первым в ряду красовался нарядный царский карбас. Его нос завершался изящно вырезанной из дерева фигуркой лебедя с распластанными крыльями, которую ловко остругивал кряжистый мужик с русой бородой.

— Он самый, Оська-умелец, — проговорил Апраксин.

Петр кивнул воеводе, а тот крикнул стоявшему поодаль приказчику.

Дернув плотника за портки, приказчик повел глазами в сторону свиты и что-то проговорил.

Бросив топор, на ходу надевая рубаху, Щека сбежал по сходням, грохнулся на колени, замер в поклоне.

— Встань, подойди! — поманил его царь.

Не разгибаясь, Щека поднялся и сделал шаг вперед.

— Звать-то как? — добродушно спросил Петр.

— Осип Щека мы, стало быть, — ответил, оправившись от смущения, плотник.

— Карбасы ты ладишь?

— Мы, государь великий.

— Недалече отсель, государь, — вполголоса пояснил воевода, мотнув бородой вдоль берега.

Петр коротко кивнул плотнику:

— Веди, показывай — и, развернувшись, зашагал вдоль пристани.

Щека проворно забежал вперед, засеменял к видневшимся вдаль стапелям.

На крайнем стапеле заканчивали дощаник, на других только заложили новые карбасы и струги. Петр остановился около одного из них, где плотники подгоняли к килю нижнюю часть форштевня. Видимо, у них что-то не ладилось, и Щека, подбежав, выхватил топор у одного из плотников и быстро начал тесать дубовый кривуль.

Неожиданно Петр скинул кафтан на руки воеводе, подбежал к стапелю и, тоже выхватив топор у одного из плотников и о чем-то спросив Щеку, стал помогать ему тесать с другой стороны бруса.

Все, и свита, и плотники, ошалело смотрели на царя, а Апраксин ухмыльнулся и подумал: «Не вытерпела-таки душа, потянуло».

Наконец-то, подогнав брус по месту, плотники закрепили его у киля.

Петр, не выпуская из рук топора, пошел к свите. Смешливо окинув взглядом грузных Ромодановского и Голицына, щеголя Лефорта, проговорил:

— Распорядись-ка, Федор Юрьевич, пушай на суда припа-

сы грузят, которые придут, и по другим делам озаботиться для пути-дороги. А я, грешным делом, денек-другой здесь подучусь ремеслу. Вологодские умельцы, видать, плещеевским не уступят.

Царь повернулся к Апраксину:

— А ты, Федор, и ты, Алексашка, со мной будете, да и потешных всех определим в подмастерья, пуцай ума-разума набираются.

Два дня с утра до вечера Апраксин не отходил от Петра ни на шаг. Тесали шпангоуты, прилаживали их к килю. Вдалеке вокруг торчали из кустов головы любопытных вологжан.

Из Вологды караван карбасов тронулся на вечерней заре. Шли сначала на веслах, дул противный низовой ветер. Апраксина царь взял на свой карбас. Ночевали где-то на перекатах Сухоны, пока мужики тянули карбасы волоком через обмелевшие места. Следующую остановку сделали в устье Сухоны. Бросили якоря напротив Великого Устюга. На борт царского карбаса сразу поднялся воевода Андрей Измайлов. Всячески упрашивал царя посетить город.

— Ночевать будем на карбасах. Распорядись все припасы доставить сюда, — ответил Петр.

С якорей снялись ни свет ни заря, и сразу карбасы подхватила полноводная Северная Двина. Караван заметно прибавил скорость, судовой ход, фарватер расширился в несколько раз. Поставили паруса. Кормщик повеселел, поглядывая по сторонам. То и дело их обгоняли длинные составные плоты. На них купцы везли под навесами на продажу в Архангельский зерно. Апраксин не отходил от царя, прислушивался к его разговору с кормщиком.

— На плотях, государь, купцы везут токмо хлебное зерно да соль. А так, что подороже, воск, да кожи, да ворвань салото, на стругах и дощаниках.

Приглядываясь к простому народу — гребцам, кормщикам, плотникам, хлеборобам, Апраксин заметил их отличие от московского люда. «Пожалуй, здесь меньше всяких бездельников и ярыг, а людишки вольнее себя чувствуют, спину поменее гнут, и в обличье гордыня проглядывает».

Когда они с царем отошли от кормщика, он проговорил:

— Людишки-то тутотшные, Петр Алексеич, вольготней живут, нежели в наших местах.

— Оно так и должно, — дернул верхней губой царь. — Здешний люд под крепостью живет. Наши-то дворяне семь шкур дерут с холопов. «А ты восьмую», — беззлобно подумал Апраксин.

Чем ниже по течению, тем раскидистей берега, сплошь укрытые сосновыми борами. В темную июльскую ночь тянуло оттуда терпким запахом хвои. Тугой парус увлекал карбас все быстрее к устью.

— Никак, Двина-то поболее вширь, чем Плещее озеро по длине, — прервал тишину Апраксин, окинув взглядом уходящие вдаль берега.

— Покуда-то нет, — не соглашался Петр, — поглядим далее...

У устья Пинеги караван встретил архангельский воевода Андрей Матвеев. Царь обнялся со своим бывшим стольником, а Федор расцеловал старинного, еще со времен стрелецкой смуты, товарища. Помнил Апраксин, как пьяная толпа растерзала у Красного крыльца отца Андрея, мудрого советника царицы Артамона Матвеева. Больше двух лет не виделись приятели.

Царь ушел с воеводой в свою каюту, и там они долго беседовали с глазу на глаз. Потом было застолье. Матвеев торопился сойти на берег, чтобы скакать во всю прыть в Холмогоры и встретить там царя как положено.

Двина между тем раскинула свои берега еще шире, разделилась на несколько рукавов — полоев. Рукава — Холмогорка, Курополка, Матигорка, Быстрокурка, Ровдогорка, Богоявленка — рассекли сушу на гряды островов. Один из них — Куростров — расположился напротив Холмогор. На склонах острова утром, в пятницу, 28 июля 1693 года столпились жители деревни Мишанинской. Среди них, прикрываясь мозолистой ладонью от слепящего солнца, со своими земляками с любопытством наблюдал восшествие к Холмогорам великого государя потомственный рыбак Лука Леонтьевич Ломоносов, предок Михайлы Ломоносова. Они видели толику пышной встречи царя-батюшки. Двинский же летописец довольно красочно и подроб-

но описал эту картину. «А 28 числа в пяток в начале 3-го часа дня в соборе и по приходским церквям к литургии благовестили, а праздновали того дня Смоленской Пресвятой Богородице. Великий государь, судами своими объявился от Курострова в исходе 6-го часа дне. В соборе приказал преосвященный архиепископ благовестить в большой колокол до пришествия государского, и игуменам, присутствующим на Холмогорах, и всем приходским священникам указал архиерей на встречу великого государя быть в соборную церковь с лучшим облачением. Великий государь царь... Петр Алексеевич... прииде к Холмогорскому городу на семи стругах, а великого государя струг преди всех шол. И как приблизился к городу, выстрел был из всех пушек и мелкого оружия от обоих полков; также и с государских судов из большого оружия. Пушек стояло на обрубе выкачено тринадцать. Полки оба (стрелецкие под начальством Гордонова зятя полковника Сниниса) полным строем стояли на площади от Богоявленских ворот до пристани государевой. Как великий государь к пристани приходил, и тогда другой выстрел был из всего оружия и из судов государевых; а струг государев к пристани пристал в начале 11-го часа дня. Егда великий государь на пристань выступил, тогда третий выстрел был, и, вышед, великий государь изволил шествовать к карете в город Богоявленскими вороты. А бояра, и стольники, и все чиновные люди за великим государем шли пеши. Внегда великий государь объявился из Спасских ворот, тогда в соборе звон был вовсю. Егда же великий государь шествовал на городок к соборной церкви, тогда преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, из соборной церкви встретили великого государя изыде со святыми иконами и со всем освещенным чином в облачении малом. Вначале певчие в лучших стихарях пели стихиру «Днесь благодать». Великий государь, вышед из кареты, поклонение творил святым иконам и архиерею. Архиерей великого государя крестом благословил и святою водою кропил и поздравлял великого государя во благополучном путешествии. Певчие архиерейские великому государю пели входное и многое лета. По ектении архиерей возглас «слыши ны Боже». И по возгласе по чину «Честнейшую» и отпуск говорил со крестом сам архиерей. По отпуске великий государь у архиерея в руке крест целовал и бояре и прочие пришедшие

с государем... И великий государь по прошению архиерейскому изволил из церкви шествовать в дом, и во время шествия звон был вовсю. Певчие, перед государем идучи, пели ирмосы греческого согласия «Веселися Иерусалиме» и «Бог Господь и явился нам». И того дня великий государь у преосвященного архиепископа хлеба кушал в крестовой и с бояры его царского величества и все чиновные люди хлеба ели».

Угощал архиерей с размахом, стол ломился от яств, сплошь стояли штофы с водкой, вином, кувшины с брагой. Апраксин сидел рядом с Матвеевым. Вспоминали прошлые годы, когда были спальниками у царевичей, Федор у Федора Алексеевича, Андрей у Петра Алексеевича, не позабыли и печальное лихолетье в пору стрелецкого бунта...

— Архиерей-то хлебосольный, видать, — добродушно осклабился Апраксин, — и хмельного не чурается, не стать нашему митрополиту.

Матвей засмеялся:

— Редкой души человек наш пастырь. Наполовину светской жизнью обретается. Да и, пожалуй, в наших поморских землях иначе не обойтись.

— Что так? — недоуменно спросил Апраксин.

— Видишь ли, Федя, не один годок надобно среди двинского люда потолкаться, дабы его натуру дюжую спознать. Особого склада обитатели на севере. Я и сам только-только разумею их почал.

Андрей чокнулся с Апраксиным, отпил из бокала вина и продолжал:

— На обличье-то поморцы бирюками кажутся. А на деле — трудолюбцы. Душевные людишки.

На другой день, в субботу, царя со свитой принимал воевода, гости опохмелялись. Во время застолья Матвеев доложил о готовности в Архангельском яхты «Святой Петр».

— Как тобой указано было, государь, яхта ждет тебя, дабы следовать в Соловецкий монастырь.

— Любо сне нам, — развеселился царь. — А сколь пушек на яхте?

— Дюжина, государь.

В полдень царский караван отплыл в Архангельский. Город встречал царя колокольным звоном, ружейной и пушеч-

ной пальбой. Но ни трезвон, ни залпы не поразили царя так, как зрелище настоящего морского порта.

У громадного причала ошвартовался добрый десяток европейских купеческих судов из Англии, Голландии, Дании. Два-три корабля отстаивались на рейде, на якорях, ожидая, когда освободится место у причала. Лес мачт бригов¹, шхун², бригаантин³, с подобранными парусами, опутанных вязью снастей таке-лажа, заполнил всю прилегающую акваторию. Завороженный Петр оглянулся. Чуть позади на палубе собрались Ромодановский, Голицын, Стрешнев, другие спутники. Они недоуменно переглядывались, удивленно озираясь по сторонам.

— Слышь-ка, Федя, — кивнув на лес мачт, сказал царь стоявшему рядом Апраксину, — краса дивная, будто небылица. Рази сравнишь с Плещеевым озерком?

Апраксина, видимо, тоже пленила панорама увиденного, но рассудил он по-своему:

— Озерко наше славное, Петр Алексеич, но токмо оно-то не море.

Петр прищурился:

— Сие ты верно подметил. Отсель прямой путь к Европе. Они-то, иноземцы, своего не упускают, вишь, густо облепили городок, будто пчелки.

Крайним у пристани возвышался двухпалубный тридцатипушечный фрегат. На корме лениво шевелилось громадное полотнище полосатого красно-сине-белого флага.

— Чей корабль? — отрывисто спросил царь у Матвеева.

— Голландский фрегат, государь, — пояснил воевода, — из Нидерландских штатов. По указу своего короля оберегает купцов от французских каперов.

Царский карбас как раз поравнялся с кормой фрегата, и в этот момент одна за другой сверкнули огнем три носовые пушки голландского корабля.

— Фрегат салютует тебе, государь, — проговорил Матвеев.

¹ Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами, имеющее гафель на гроте.

² Шхуна — парусное судно с двумя и более мачтами и преимущественно косыми парусами.

³ Бригантина — бриг малого размера.

Петр крикнул Меншикову:

— Алексашка, борзо пали из фальконета трижды!

За пристанью, у отдельного причала, сверкая свежими крашенными бортами, ожидала яхта «Святой Петр».

На яхте царя, видимо, заждались. Едва он ступил на борт, громыхнули подряд три пушки. На грот-стенге¹ взвился царский штандарт с черным орлом посередине. Петр прошел по верхней палубе, тронул планшир фальшборта — краска еще не просохла. От распаренных на солнце свежеструганных сосновых досок пахло смолой. В капитанской каюте блеснул лаком стол, привинченный к полу, в углу приткнулся диванчик, покрытый ковром, за голубой шторой уютно смотрелась постель капитана.

— Гляди, Федор, не в пример нашим плещеевским яхтам, все по-иному, ладно спроворено.

Федор ухмыльнулся:

— Там, государь, была потеха, а здесь, на этом судне, в море не на один день, чаю, плыть можно.

— Кто строил яхту? — спросил Петр у Матвеева.

— Купцы Строгановы для себя на Соломбале ладили, пришлось десяток тыщ им уплатить.

— За нами не пропадет. — Петр засмеялся. — Теперича на Беломорье мой корабль здравствует, шкипером почну сего для служить. А што, воевода, команда-то есть на яхте?

Матвеев закашлялся:

— Не совсем ладно, государь, получилось. Одного подшкипера сыскал доброго, Прошку Деверя из архангелогородских поморов, он за лоцмана всех иноземцев проводит на Двинское устье. Касаемо матроз, туго, государь, нанял покамест пяток рыба-рей-двинцев. И то упираются. Путина у них на носу, за большие деньги и то не желают.

Петр глянул на Апраксина:

— Сей же день, Федор, определи всю нашу ватагу потешных на яхту. За старшего станет Воронин. Остальных самолично распиши по мачтам и парусам. Склеява и Верецагина у кормила назначь.

Когда вышли на палубу, царь, опершись о фальшборт, посмотрел на стоявший рядом голландский фрегат.

¹ Стенга — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты (составная часть мачты).

— С капитаном фрегата знаком? — вдруг спросил он Матвеева.

— Как же, голландец Голголсен, государь. — Воевода осклабился. — Все иноземцы политесу обучены, прежде всех чинов спешат познаться с воеводою. — Матвеев замолчал, что-то вспоминая, и продолжал: — Поскольку корабль-то военный, он запрехъ отстаивался у Мудьюга, покуда моего дозволения не получил плыть к городу.

— Што есть Мудьюг? — спросил Петр.

— Остров нашенский на Беломорье, передок Двинского устья, застава там стрелецкая и таможня.

Матвеев обстоятельно рассказал о порядке встречи иноземных судов. Петр слушал внимательно, все было в новинку: и места, и люди, и события. Выслушав воеводу, вспомнил о своем:

— Веди-ка на фрегат.

Царь ушел, а Апраксин послал на карбасы за потешными. Собрал их на палубе яхты, начал наводить порядок.

— Стало быть, государь велел определить экипаж нашей яхты. — Апраксин сердито засопел. — Санька, кончай лясы точить с Федосейкой. Гаврилка, не разевай хлебало. Слушайте, другой раз повторять не стану, а надо, таки и плетью вытяну. Здеся вам не потеха на озерке, а морская служба починается.

Потешные примолкли. Таким Апраксина они раньше не видели.

— На озерке-то с одного берега кликнешь, на другом аукнется. Ан Беломорье-то — пучина безбрежная. Помнишь, Якимка, яхта затопла? То-то, легла на бок, мы ее и вытащили; на море-то, братец, ежели потопло, то навек в пучине схоронится. С людьми ли, без них. Как случится. Потому ухо держи востро...

Петр возвратился навеселе к полуночи, светлыми северными сумерками, и удивился. На палубе сновали потешные, тянули снасти, перелопачивали паруса, возились у якоря. Снизу, из кубрика, поднялся Апраксин. Усталое лицо его сияло:

— Ну, слава Богу, Петр Лексеич, понемногу порядок определяется.

— Молодец, Федя, обустройства будем на яхте, я тоже свою постелю сюда перетащу.

Потешные остались на яхте, а царь с Апраксиным ушли ночевать на небольшой парусной лодке рыбаков, шняве, на Моисеев остров, где для царя выстроили просторную светлицу-дворец.

На следующий день пришелся праздник Иордани. Словно оправдывая знаменательную дату, природа постаралась. С самого утра зарядил дождь, вскоре хляби разверзлись, хлынул ливень и зарядил до самой ночи.

В Архангельском архиерей служил молебен, но Петр на этот раз службу пропустил. Весь день он провел на острове, делился первыми впечатлениями об увиденном и услышанном с Апраксиным.

— Ходил вечер с Матвеевым на фрегат голландский. Славный малый оказался его капитан Голголсен. Обстоятельно все показал. Лазали по закоулкам. Поглядел и крюйт-камеру. Матросы ихние ловкачи, сноровисто управляют с парусами, не чета нашим. — Петр огорченно вздохнул и продолжал: — После принимал меня с почестями в своей изрядно благой каюте. На угощение не скупился, по натуре бесхитростный. Все нахваливал свою Голландию по части корабельного строения. Оказалось, у них, почитай, десяток тыщ купецких судов и военных корабликов. Бродят по всему свету.

Глаза царя возбужденно сверкали, он налил вина себе и Апраксину, молча выпил.

— Не из простого любопытства по морям рыскают. Торговлишку ладят, богатство себе и королю своему добывают. Понял я, что народ ихний в большем достатке проживает, нежели у нас на Руси. Потому с выгодой и к нам иховы купцы наладились.

— Он-то сам-то по какому делу в Архангельском? — спросил Апраксин?

— То мне Матвеев загодя растолковал, — продолжал пояснять Петр. — Вишь, ныне в Европе-то схватка Людовика с Вильгельмом. Одну сторону и другую разные государства держат. С Францией заодно Испания. С Англией — Голландия и Дания. На море неприятели друг у друга перехватывают товар, рушат торговлю. Иные страны, подобно Англии и Голландии, только ею и держатся. Выгоду терять им не хотца, потому и наряжают для обороны военные кораблики.

Собеседники сидели допоздна. Давно кончился дождь, очистившееся небо в вечерних сумерках блеснуло ярким, по-северному особенным отсветом.

— Мыслю я, — перевел разговор Апраксин, — Матвеев-то гораздо обучен, знает по-голландски, латински, с немцами свободно якшается.

— Верно говоришь, — согласился Петр, — я и то думаю, Андрей в другом месте большую пользу державе добудет.

Когда уже ложились спать, Петр вспомнил главное:

— Голголсен сказывал, на неделе он с дюжиной купцов отчаливает в обратный путь. Кумекал я вчерась, Соловки-то от нас не уйдут, а поглядеть на иностранцев в море страсть как хочца. Одно слово, невидаль, а дело нужное.

— К чему ты это, Петр Алексеич?

— К тому, што Соловки погодят, а мы вместе с ихним караваном пройдемся по Белому морю, сноровку иностранную поглядим. Нам только на пользу.

Утром на Моисеев остров приехал архиепископ.

— Не гневись, владыко, — наклонив голову для благословения, виновато проговорил Петр, — вчерась занедужил, к тому же непогода зарядила.

— Господь прощает больных, — потупив глаза, проговорил Афанасий.

Не откладывая, царь начал разговор напрямую:

— Даве ты благоволил с нами на Соловки плыть, так в том надобности нет.

Архиепископ удивленно вскинул брови, а Петр пояснил:

— Вчерась спознал я, идут на море иностранные купцы на днях под конвоем голландского фрегата. Так нам охота полюбоваться сим зрелищем. В Москве такого не взвидишь, да и ваше Беломорье до окияна обозрим. Заодно поглядим сноровку иностранных мореходов.

Афанасий отнесся к новости с пониманием:

— Дело доброе, государь, надумал. Нам-то в привычку, а тебе, глядишь, на пользу пойдет, держава-то наша без водицы жаждой томится.

У Петра отлегло: «По моему разумению Афанасий мыслит».

Проводив архиепископа, он первым делом наказал Ромодановскому:

— Ты, Федор Юрьевич, останешься здесь, с Тишкой. Другие со мной на яхте пойдут. Пуцай ума-разума набираются. На Плещеевом озере хаживали, тешились. Нынче к Студеному морю тропку проложим.

Тут же подозвал Матвеева и Апраксина:

— Сыщи борзо, Андрей, кого из иностранцев, подшхипером хочу взять в подмогу на поход. Он же и за боцмана будет управляться. — Петр повернулся к Апраксину: — Ты, Федор, подымай потешных, челядь, займись яхтой, проверь оснастку. Припасы, грузы, харч, ренского поболее возьми, в море-то не менее недели будем.

— Ежели непогода, море разыграет и две недели не отпустит, — вставил Матвеев.

На другой день на пристань потянулись подводы с провизией, разными припасами, дровами для печки — готовить пищу. Афанасий прислал своего брата, тот привез свежий хлеб, рыбу.

Поздно вечером вернулся царь от Голголсена:

— Я, Федор, поначалу пойду с Голголсеном на фрегате. Погляжу на голландцев, они-то мореходы бывалые, не грех у них поучиться. Ты останешься на яхте за старшего. Матвеев подшхипера нанял, тож голландец, Енсен. Видал его, шустрый малый. — Царь на минуту задумался. — Ты к нему присматривайся, припоминай, все сгодится...

Караван с конвойным фрегатом покинул Архангельский порт на рассвете в первый четверг августа. День выдался ясный, но безветренный. Поднятые паруса обмякли, безжизненно свисали с рей. Суда несло течением вниз по реке, руля они слушались плохо. Яхта шла головной в караване. Кормщик Прохор проводил суда до лоцмана. Перекладывая штурвал, он нет-нет да и поглядывал за корму на идущий следом фрегат.

— Пока безветрие, отстояться бы надо на якоре, — посоветовал он стоявшему рядом Апраксину. — Стремнина-то подбивает руль, судно рыскает, не ровен час, на меляку кто выскочит, хлопот не оберешься.

— Мы-то не одни, — рассудил Апраксин, — все надлежит по команде производить.

В подтверждение сказанного с фрегата один за другим

прогремели три пушечных выстрела. Апраксин засеменял в какую-то, а через минуту вышел и крикнул Енсену:

— Фрегат дает сигнал становиться на якорь!

— Гут, — ответил Енсен, побежал на нос к откидному люку в кубрик, крикнул потешных и подошел к Прохору.

— Ты, лоцман, места знаешь отменно, скажешь мне, когда якорь отдавать.

Часа через два над рейдом Березовского устья с купеческих судов донеслись звуки флейты и скрипок. Видимо, матросы, за долгие месяцы плавания соскучившиеся по отчим местам, родными мелодиями успокаивали свою тоску.

На другой день утром Прохор, окинув взглядом небо, вспененное тянувшимися с юга перистыми полосками облаков, проговорил:

— В вечер шелоник задует.

Енсен переспросил:

— Что есть шелоник?

— С Двины, стало, с теплых мест потянет ветер. Так-то ветер прозвище поимел от предков наших из Новгорода Велико-го, где речка Шелонь течет.

После обеда от фрегата отвалила лодка с Петром и Голголсеном. Царь радушно угощал на яхте гостеприимного капитана, однако через час-полтора командир фрегата, выглянув в оконце, заспешил:

— Надо, государь, ловить ветер, он как раз заходит к весту, нам попутный.

По сигнальной пушке с фрегата суда один за другим снимались с якорей. Солнце начало западать к далекому горизонту, когда караван, подгоняемый попутным ветром, вытянувшись стройной цепочкой, резво направился к Мудьюгу.

Яхта «Святой Петр», освободившись от якоря, чуть уваливаясь под ветер, слегка накренившись, набрала ход и вышла в голову колонны кораблей. По палубе сновал Енсен. Ругаясь попеременно по-русски и голландски, он подгонял потешных, сам показывал, хватался за снасти. Вот он повис на фале — веревке для подъема кливера, самого первого косого паруса перед фок-мачтой. Однако сил явно не хватало. Подбежали Скляев, Верещагин, Воронин. Наконец-то кливер поднялся до места, уткнувшись верхним углом к блоку. Яхта ус-

тоялась на галсе и прибавила ходу. Далеко за кормой в дымке исчез остров Линский, впереди справа по борту едва просматривались очертания Мудьюга.

Апраксин, после того как снялись с якоря, ходил тенью за Петром. Все больше заражала и его, царского спальника и стольника, страстная увлеченность венценосца морским делом. За долгие годы непрерывного общения с Петром многие его привычки и увлечения, заботы и дела исподволь становились близкими и Федору и формировали его характер.

Любознательность царя и его тяга к новинкам постоянно будоражили дремотное сознание Федора, заставляли поневоле проникать в суть устремлений Петра, пополнять ум крупицами знаний. Но не все прививалось безболезненно.

«Безотцовщина» накладывала свои шрамы на жизненный уклад царя. Как и всякий русский, Федор не чурался застолья ни у себя в доме, ни тем более в кругу приближенных царя. Изначальными наставниками царя по части приобщения к «зеленому змию» стали в свое время Борис Голицын и Лев Нарышкин. Первый был человек «умный и образованный, но пил непристанно». Второй — свойственник царя, «человек недалекий и пьяный». Особенно тревожило Апраксина последние два-три года близкое знакомство царя с выпивохой Лефортом и частые визиты на Кукуй, а порой и беспробудное пьянство царя в его компании. Не раз он пытался урезонить Петра, но тот в ответ смеялся, иногда грубо обрывал.

Вырвавшись из-под опеки матери, нынче он каждый день поддавался соблазнам «зеленого змия», напивался иногда «до чертиков». В портовом городке Архангельском такой образ жизни считался обыденным, и, как ни странно, даже архиепископ Афанасий частенько не отказывался составить царю компанию в Бахусовом веселье. Волей-неволей понемногу затягивала эта пагубная страсть и Апраксина. Вот и сегодня не успели проводить Голголсена, как Петр затащил Федора в каюту и продолжал с ним веселье, пока не ударила сигнальная пушка с фрегата...

Цепко следил Федор за каждым движением Петра у штурвала. Прислушивался к пояснениям кормщика Прохора Девера.

— Двинским берегом, — кивнул Прохор за борт, — полдня

будем плыть. Вона справа Мудьюжский остров. Стражники на нем, таможня, наш брат лощман обитает.

На Мудьюге виднелось несколько добротных избушек у подножья холмистой гряды, заросшей плотным низкорослым ельником.

Прибавив парусов, слева, мористее, яхту начал обходить фрегат.

— Нынче за Мудьюгом иноземцы без лощмана следуют, в открытое море выходим, — поглядывая на фрегат, пояснил Прохор.

Петр тронул Прохора за плечо:

— Дай-ка мне кормило.

Прохор кивнул на компас:

— Держать по метке потребно на северок, чуток к западу, по метке.

Как только Петр взялся за штурвал, Апраксин почувствовал, что яхта стала заметно рыскать, то вправо, то влево. Прохор положил руку на штурвал:

— Волна нам попутная, государь, подбивает корму и по кормилу-то. Однако волна по струнке не следует. Кидает яхту туда-сюда. Потому кормщик должен норов волны упреждать и перекладывать кормило чуток загодя, одерживая судно.

Апраксин заметил, как, поясняя, Прохор незаметно, но твердо и уверенно подправлял перекладку штурвала. Петр с непривычки вращал штурвал резко, рывками, пытаясь задать движению яхты верный курс. Но разгульная волна, ударяя в руль, сбивала судно с курса. Спустя час-другой царь все-таки освоил сказанное Прохором, и яхту перестало водить из стороны в сторону...

С наступлением сумерек ветер посвежел, на судах зажглись сигнальные фонари, и, судя по их раскачиванию, в море начало штормить.

Первые ощущения от качки оказались неприятными, но, глядя на бодрого Петра у штурвала, Федор не показывал вида. То и дело, каждый час, царь посылал Алексашку принести то соленый огурец, то кусок телятины.

По-иному первая встряска на море отозвалась на спутниках царя. Сначала не выдержал боярин Юрий Салтыков. Апраксин различил его жалкую согбенную фигуру с мертвенно-бледным

лицом, когда он, едва ли не ползком, вылез на верхнюю палубу. С трясущимися руками и облеванной бородой он, шатаясь, опустился на палубу, закрыл глаза и, прислонившись к фальш-борту спиной, застонал. Прохор принес кувшин с водой, плеснул ему на лицо. Тяжко вздохнув, Салтыков открыл глаза.

— Блевать надобно, боярин, — посоветовал Прохор, — открой пасть пошире, пальцы засунь подальше в глотку и там пошевели. Срыгнешь — и легче станет. Только рыгай не на палубу, а ближе к борту.

Один за другим на палубу выбирались Нарышкин, Троекуров, Стрешнев. Свежий ветер понемногу привел в чувство раскисших сановников. Глядя на них, Прохор посоветовал Петру:

— Надобно указать им, государь, наверху блевать, ветер-то образумит враз, да и каюта будет незагаженной.

Петр подозвал неунывающего Апраксина. Качка ему оказалась нипочем.

— Накажи, Федор, потешным, пущай наших бояр обхаживают, люди-то страдают.

Давно в полумраке исчез за кормой мыс Керец, крутой, обрывистый, поросший сосняком на двинской стороне. Прямо по курсу полуночное зарево высвечивало полукружье беспрерывной линии горизонта. Апраксин прошел на корму. В полумиле¹, растянувшись изломанной лентой, двигались купеческие суда, переваливаясь с борта на борт, в такт усиливающейся качке.

Рассвет застал караван у Терского, противоположного берега горла Белого моря. За ночь ветер посвежел, суда раскидало. Прохор, подойдя к правому борту, приметил:

— Волна-то океанская идет, со Студеного моря.

С фрегата выпалила пушка, и он повернул на норд-ост, параллельно открывшемуся Терскому берегу. К полудню шли курсом ближе к берегу, здесь оказался затишок и волна была не такой крутой. Угрюмые скалы отвесно уходили в воду. Глядя на них, Прохор продолжал рассказывать:

— Места здесь приглубые, однако каменья торчат, ежели вода спадает.

— Как спадает? — в один голос спросили Петр и Апраксин.

¹ Морская миля — длина одной минуты меридиана равна 1852 метрам.

Прохор, недоуменно ухмыльнувшись, пожал плечами:

— Стало быть, государь, на Беломорье за два раза на день и в ночь водица в море то отливает, то прибывает. По-нашенски такое дело ливом прозывается.

— Отчего вдруг такое? — напирал на кормщика любопытный Петр.

— Бают, — почесывая затылок, Прохор кивнул на поднявшийся из-за горизонта диск луны, — что-то мудреное с месяцем повязано. Вот нынче рассветает, море-то спадает, к полудню воды прибует. Вечером сызна убует, а в полночь подымется.

— И какой мерой гуляет вода? — не отставал Петр, поняв, что такая природа моря не может обходить стороной морское дело.

— В сих местах, у Терского берега, сажени на две, а в устье Двинском — полсажени. Однако в ту пору, когда лив починается, Двина поверху вспять поворачивается. Самое время на дощаниках с устья к Городу подниматься.

Чем дальше к северу, тем выше громоздились скалистые берега, постепенно исчезала и без того редкая поросль короткоствольного ельника, в ложбинах речушек все выше поднимались лысые сопки. На третий день плавания каменистые берега вдруг раздвинулись. Издалека, с сопки, по широкой лощине, пенясь на порогах и валунах, к морю каскадами стремглав сбегала речка. Справа на высокой сопке белела шапка снега.

— Поной-река! — объявил Прохор и перевел взгляд на север. — Отсюда море Студеное плещется, а далее окиян.

Ночью заметно похолодало. Все, кто был в силах, вышли на палубу, поеживались в кафтанах, натягивали поглубже шапки. Прохор накинул на царя короткий зипун.

На востоке яркой полосой алел небосвод, красно-медное светило медленно выходило из-за обозначенного темной кромкой горизонта моря.

Апраксин взглянул за борт. Вода за ночь изменила белесый отсвет на свинцовый с чернью, мрачноватый. Ветер зашел к северу, и теперь суда продвигались вперед медленнее, часто меняя галсы¹. Волна стала длиннее, но гораздо выше, яхту то и дело забрызгивало набегающей волной, и пассажиры поспешили убраться в каюты. Небо внезапно потемнело,

¹ Г а л с — курс судна относительно ветра.

появившаяся невесть откуда угрюмая туча закрыла полнебосвода, и на палубу посыпалась снежная крупа.

Прикрывая лицо, Прохор проговорил:

— Рановато нонче чичега объявилась, птицы-то, чаю, еще к теплу не подались.

Так же внезапно снежная завеса оборвалась, и опять выглянуло солнце. Под берегом вырисовывались острова.

— Три острова, государь, — проговорил Прохор и тут же посоветовал: — Далее, государь, нашей посудине плыть несподручно. Иноземцы-то с товарами, в грузу, им волна нипочем, а нас-то, гляди, валит в бок круто. Далее горше станет, волна с окияна пойдет поболее.

Петр переглянулся с Апраксиным. Осторожный Федор еще накануне вечером советовал дальше в Студеное море не ходить:

— Волна-то разыгрывает, Петр Алексеич, да и люди наши в одежке легкой, не по-зимнему одеты.

Спустя полчаса «Святой Петр» дважды пальнул из пушки и направился к фрегату. Там подобрали паруса и легли в дрейф. Не доходя кабельтова, яхта отвернула и начала дрейфовать. В рупор Петр и Голголсен прокричали взаимные приветствия и пожелания «попутного ветра».

Обратный путь занял два дня. Впервые Петр самостоятельно вел свой корабль по морю. К полудню распогодилось, море курчавилось белесыми барашками, умеренный ветер зашел к западу, на безоблачном небосводе засияло солнце.

Первый выход в открытое море, встреча с океаном запали в памяти царя на всю жизнь. Спустя три десятилетия он вспомнил об этом: «Итак, в 1693 году был у Города, и от Города ходили по морю до Поноя с английскими и голландскими купеческими кораблями и одним голландским конвоем, которым командовал капитан Голголсен; а мы были на своей яхте, именуемой «Святой Петр».

Апраксин удивлялся — когда царь отдыхает? Круглые сутки он или стоял у штурвала, или ходил от мачты к мачте с Еисеном, расспрашивал, лазил по вантам на салинги¹, рабо-

¹ С а л и н г — площадка на мачте. Используется для наблюдений и работы со снастями.

тал со шкотами, разворачивал реи с парусами. Каждый раз при перемене галса Прохор предварительно докладывал ему и пояснял, что к чему.

На одном из длительных галсов притомленный царь крикнул Меншикову:

– Алексашка, тащи стул!

Снял кафтан, устроился на наветренном борту, где ослепительно сияло солнце, и задремал. Рядом прикорнул и порядком уставший Апраксин. Но забытие длилось недолго.

– Слышь-ка, Федя, даве перед отплытием Матвеев мне сказывал, в городе ожидают прибытия купеческих судов, то ли гамбургских, то ли бременских, строенных по-особенному. – Петр сладко потянулся и повернулся к Апраксину. – Так я надумал тех корабликов дожидаться, полюбоваться на их устройство.

«Вот еще незадача, – подумал разомлевший Апраксин, – а я-то думал, скоро собираться в обратный путь». – Но царю ответил в тон:

– Раз есть такая потреба, государь, тому и быть.

События минувшей недели всколыхнули прежде благостное душевное состояние Апраксина. С тех пор как за кормой яхты, постепенно исчезая в дымке, сначала скрылись очертания Архангельского, а потом и вовсе пропал берег, странное, необъяснимо-томительное чувство поселилось в его душе. Неотступно следуя за царем, вслушиваясь в его реплики, перехватывая его восхищенные взгляды на вздутые паруса, идущие следом корабли, он, невольно для себя, проникался тем же интересом, заражался постепенно той же непонятной тягой ко всему новому, что открывалось в общении с морем. Какие-то мимолетные, схожие ощущения испытывал он и прежде на Плещеевом озере. Но те тревожнения, в самом деле, теперь, при встрече с морем, казались детской забавой...

Утомленный бессонной ночью, Апраксин хотел задремать, но царь опять окликнул:

– Порешил я, Федя, забрать отсюда Андрейку, пущай едет в Белокаменную, к дядьке Льву, в Посольский приказ. Ныне у него дельных помощников, окромя Украинцева, нет. – Петр лукаво посмотрел на Апраксина и неожиданно закончил: – А вместо Матвеева ты сядешь тут на воеводство.

С Апраксина слетели остатки дремоты, он встряхнулся и невольно приподнялся, вопросительно глядя на Петра, а тот засмеялся:

– А што тебе забота? То ли на Москве, то ли здесь жить. Женку сюда перевезешь, заживешь по-семейному. Детками обзаведешься. – Сognaв улыбку, закончил: – Дело решенное, Федор, кроме тебя в дальней земле поморской некому быть. По делу, задумку имею соорудить здесь верфь, суда почнем строить. А ты по этой части у меня самый знающий, да и человек ты нашей компании, ныне не каждому поверять сокровенное возможно...

Впервые из всех царей Петр ступил на морской берег Руси, мало того, по зову сердца отправился в морские просторы испытать судьбу.

Летопись двинская кратко заметила: «И был на Терской стороне, далее Поноя реки, до трех островов, и оттоле возвратился и приды к Архангельскому 10-го числа, сего же месяца, во всяком благополучии и здравии и стал яхтою своею, ниже Англинского мосту».

В Архангельском первые дни царь занимался с Виниусом разбором бумаг из Москвы, писал матери Наталье Кирилловне, на третий день позвал Апраксина:

– Поедем в палаты к Матвееву, он дожидается нас. Будешь всюду подле меня, слухай все и запоминай. Тебе править.

Первым делом разбирали жалобы иноземцев на Матвеева.

– Сказывай про доносы иноземцев, покажь, чем обелишь себя.

На массивном, грубо сколоченном дубовом столе воеводы лежала толстенная раскрытая книга.

– Сие, Петр Алексеич, список с челобитной московских купцов родителю твоему, царство ему небесное, Алексею Михайловичу.

Петр кивнул:

– Читай.

– Купцы жаловались государю на англичан и всех немцев, что беспошлинно скупают за бесценок в уездах, в деревнях хлеб, пеньку, лен, рыбу да нашим же в розницу продают.

Петр перебил:

— Читай челобитие.

— «Эти немцы, — начал Матвеев, — не одних нас без промысла учинили, они все Московское государство оголодили; покупая на Москве и в городах мясо, всякий харч и хлеб, вывозят в свои земли... и мы товаренки свои от Архангельского городка возим назад, а некоторые одолавшие людюшки, плача, отдают свои товары за бесценок. Да немцы же смыслили лукавством своим, откупать ворвань сало, чтобы государева торговые люди и все поморские промышленники этого сала мимо их другим людям никому не продавали, а себе берут за полцены, в треть и четверть цены и оттого Колмогорцы и все Приморье обнищали и разбрелись врозь и твоя государева вотчина город Архангельский и Колмогорский уезд и все Поморье пустеет...

Милостивый государь, пожалей нас, холопей и сирот твоих, воззри на нас бедных и не дай нам от иноверцев быть в вечной нищете и скудности».

Петр слушал, не перебивая, полускрыв глаза. Апраксин проникся еще большим уважением к Матвееву: «Молодчага, в корень смотрит».

Когда воевода закончил, царь спросил:

— По челобитью тогда что порешили али нет?

— Слава Богу, великий государь взял тогда сторону купцов наших. Коммерц-советники в Городе нашем по справедливости и по закону торг правят. А иноземцам, вишь, неймется, урвать норовят.

В распахнутое окно со стороны Гостиного двора доносился несмолкаемый гомон.

Петр подошел к Матвееву вплотную, дружески положил руку на плечо:

— Тут я надумал про тебя, Андрей. Готовь съезжую с дьяками передавать Феде Апраксину. Поедешь в Москву под руку дядьки Льва, в Посольский приказ. Там ты более пользу принесешь. Осмотришься, поедешь в заморские страны. Хватит, ты с Артамоном Сергеевичем по ссылкам наскитался.

Матвеев, смущенно улыбаясь, поклонился, а Петр продолжал:

— К вечеру разыщи мне платье под шкипера, пойду в здеш-

нюю австерию, потолкую с купцами за штофом. Тебя не неволю, да при тебе они и языки-то прикусят. Ты, Федя, со мной пойдешь, послушаешь, какие мысли держат иноземцы. Возьму Лефорта, ежели что не пойму, он за толмача будет.

Вечером Петр, прихватив Лефорта, Голицына, Алексашку, отправился в таверну. В Архангельском, как и в Москве, она располагалась в Немецкой слободе, но завсегдатаи были иные. На Кукуе сходились по вечерам, субботам торговцы и ремесленники, офицеры и редкие заезжие иноземцы. Посетители оседлые, тамошние. В архангельской же таверне публика обновлялась почти каждый день. Приходили и уходили купеческие заграничные суда, спускались по Двине торговые люди, приезжали окрестные купцы. Народ в основном денежный, временно холостяцкий. Где еще коротать время вечерами, как не в таверне.

В полумраке большого зала русские гости едва разглядели сквозь табачный дым свободное место в углу за длинным столом. Здесь располагались, как правило, компаниями, по интересам и землячеству. Купцы аглицкие, голландские, бременские и гамбургские, русские. Капитаны и шкиперы, матросы сидели за отдельными столами.

Рядом с русскими гостями расположились капитаны, судя по разговору англичане и голландцы. Петр улавливал отдельные слова.

— Франц, ты кумекаешь, — спросил он вполголоса Лефорта, — о чем толкуют?

Лефорт прислушался, взял кружку с вином, подсел к соседям, ввязался в разговор.

Апраксин пригубил вина, тихо сказал:

— Резон ли, Петр Алексеич, с ними связываться?

Петр усмехнулся:

— Поневоле, Федор. Бредем мы во мгле, надобно пелену разгонять. Зреть, где лучше нашего, перенимать полезное для отечества.

Покачиваясь, возвратился Франц и пояснил:

— Сие, Питер, голландские и английские капитаны, они теперь друзья, у них один король, Вильям.

— Про то давно ведаю, — дернул верхней губой Петр. — О чем толкуют-то?

– Ты знаешь, что у них война с Людовиком пятый год продолжается. Франция понемногу сдает на сухопутье, а на море чинит разбой. – Лефорт запыхтел, раскуривая трубку. – Приваторы французские, морские разбойники, совсем пресекли торговлю англичан и голландцев в теплых морях с Римом и Венецией, Египтом и Левантом. Торговые люди терпят убытки. – Лефорт наклонился и тихо добавил: – Поэтому капитаны довольны, что могут торговать с нашим русским краем.

Капитаны, услышав русскую речь, оглянулись: судя по платьям, русские офицеры, правда, их здесь видят в первый раз. Капитаны взяли с собой штофы, подсели к русским. Оказалось, не первый раз они в Архангельске, по-русски немного объяснялись.

– Мы просим к вам в компанию.

Петр обрадованно ухмыльнулся, пригласил по-немецки:

– Нимен зи битте платц...¹

Как водится, первый тост выпили за знакомство. Второй не заставил долго ждать, предложил князь Борис Голицын:

– За наших гостей, шхиперов.

Разговор оживился, капитаны заговорили о том, что их занимало.

– Мы слышали, ваш царь ходил в море с капитаном Голголсеном.

Голицын и Лефорт, не сговариваясь, посмотрели на Петра, а тот как ни в чем не бывало ответил:

– То были добрые шхиперы, и нам довелось со своим государем разделить сей вояж. Проводили шхипера Голголсена до самого окияна.

Капитаны удивленно зачмокали:

– О, это неблизкая прогулка, значит, ваш царь не боится плавать, это добрый знак.

Один из капитанов разлил вино по кружкам:

– Наш соверен, король Вильям, весьма благоволит флоту и знает ему настоящую цену. У себя в Голландии он нарастил морскую мощь и, как это ни печально, сокрушил нам британцев. Поэтому мы выбрали его своим королем. – Капитан под-

нял кружку. – Ваш царь, видимо, тоже знает цену флоту. Я предлагаю выпить его здоровье.

Все дружно чокнулись...

Когда за полночь покидали таверну, Петр, опираясь на Меншикова, сказал:

– Поутру, Алексахка, кликни всех наших бояр, в обед у воеводы встретимся. Да повести Федосейку с Кикиным о том же.

Утром, как уговорились с Матвеевым накануне, Петр наведася к воеводе и сразу приступил к делу:

– Покаж еписпликацию с планом города.

Матвеев развернул карту, положил на стол. Петр опять спросил:

– Даве ты мне хвалился про строгановскую подель, то бишь верфь. А где она?

– На Соломбале она, государь, – ткнул в карту, – напротив Моисеева острова.

Петр прикинул что-то, подозвал Апраксина:

– Помнишь, Федя, подель на Плещеевом ладили? Теперича здесь образуем. – Царь взял шляпу. – Веди, воевода, показывай. А где Федосейка? – спросил Меншикова.

– В сенях, с Кикиным.

– Добро, пущай с нами идут.

Загрохотали сапоги по лестнице. Из распахнутой двери первым стремительно вышел царь, размахисто запагал по высокому берегу вдоль Гостиного двора.

Матвеев не отставал, на ходу рассказывал:

– Сие, государь, Гостиный двор, здесь магазины наших купцов, там, подалее, немецких.

Апраксин прислушивался, присматривался...

Сразу за Гостиным двором началась Немецкая слобода, рядом потянулись торговые лавки, питейные дома.

На пристани, в устье речушки Кузнечихи свиту царя ждала шняк. Слева по ходу за кормой остался Моисеев остров. На берегу Соломбалы около строгановской верфи столпились люди. Рядом под навесом лежали стопы аккуратно сложенных досок.

¹ Садитесь, пожалуйста... (нем.)

Едва шняка коснулась пристани, Петр, не ожидая, когда подадут чалки, выскочил и зашагал к верфи. Толпу как ветром сдуло, остался один управитель с непокрытой головой.

Петр начал с осмотра пустого стапеля, полез на спусковые блоки, ощупывал подпоры, прикидывал высоту навеса. Позволил управителя. Тот испуганно засеменил, непрерывно кланяясь.

— Яхту здесь ладили? — Петр досадливо взмахнул рукой, поднимая его с колен.

— Здеся, государь, здеся.

— Сколь времени?

Управляющий замялся, соображая.

— Два лета, государь.

Петр обогнул верфь, зашагал вдоль берега, перешел по мосткам небольшую речку.

— Сие Соломбалка, — пояснил Матвеев.

За ручьем простирался пустынный пологий берег.

— Тут и быть верфи Соломбальской. — Подозвал Апраксина. — Начинай, Федор, немедля, возьми у Матвеева расклад по людям в округе. Раскладку сделай по всем вотчинам, не позабудь про монастыри. — Петр оглянулся, нашел глазами Скляева, тот стремительно подбежал. — Через неделю-другую, Федосей, заложим здесь первый наш корабль для российского флота. Приготовишь все по делу. Вспомни, как Брандт все обустроивал. А ты, Федор, поторапливайся, Андрей через неделю отъедет на Москву.

Петр прошелся по стрелецким казармам, побывал в пороховом погребе.

— Маловато зелья, — покачал он головой и сказал Апраксину. — Надобно сюда припасов да пищалей прислать.

Заглядывал в магазины, склады торговые, толковал с купцами иноземными и доморощенными.

Перед отъездом воевода закатил прощальное угощение. Стол ломился, икру черпали ложками, на красную рыбу не смотрели. Матвеева царь посадил около себя, Апраксина рядом с ним.

— Нынче покидает Андрейка двинскую землю. — Петр, как всегда, сам открывал такие церемонии. — Он славно поднаторел на воеводстве, сам не кормился, отечеству с честью послу-

жил. Ты, Федор, шагай далее, попомни, што от сего города единая морская тропка державы нашей в Европу пролегла. Немало значит она для судьбины нашей.

Напротив Матвеева оказался архиепископ Афанасий. В принятии хмельного он не отставал от других. То и дело чокался с Матвеевым. В разгар застолья Апраксин наклонился к Матвееву:

— Как с владыкой-то ладишь? — Не раз в Москве наблюдал свару царя с патриархом Андрианом. Тот в открытую поносил начинания Петра.

Подвыпивший Матвеев перевел взгляд на благодушную физиономию Афанасия, и его лицо невольно растянулось в улыбке.

— Скажу тебе, Федя, немало попов я знавал, но такого встретил впервые. Добрейшая, бескорыстная душа, знающий и мудрый пастырь. К тому же хлебосол и радушен в общении.

Веселье затянулось до полуночи, но Матвеев не задержался, отъехал вовремя, о чем упомянул и летописец:

«Сего же августа 22 числа великий государь пожаловал ближнего своего стольника Федора Матвеевича Апраксина: указал быть на Двине воеводою на место Андрея Артамоновича; и того же числа великий государь изволил окольныхчяго Андрея Матвеева послать в Москву».

Часть третья ВОЕВОДА ДВИНСКИЙ

В а Руси с давних пор, еще во времена князя Святослава Игоревича, были воеводы. «Пришли печенег впервые на Русскую землю, а Святослав был в Переяславце, и затворилась Ольга с внуками своими Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. Изнемогали от голода и жажды, и нельзя было вести князя подать», гласит летопись. Но все же нашелся храбрый юноша, прорвался через стан печенегов, переплыл Днепр и сообщил обо всем дружине. «Тогда сказал воевода их по имени Претич: «Подступим завтра в лодках к Киеву...» Храбрый воевода с дружиной выручил-таки Киев».

Воеводы управляли воинами, водили в бой полки большие и передовые, правой и левой руки. Царь Михаил Федорович, укрепляя оборону, начал ставить воевод правителями в пограничных городах и уездах, где им принадлежала «по всем делам» власть, кроме духовной.

Постепенно, укрепляя свое влияние, царь стал назначать воевод во все уезды и округа. Одним из них оказался дед Федора, Василий Петрович Апраксин был послан царем воеводою в город Севск.

По закону воевода «не собирал кормов и пошлин», но не были воспрещены добровольные приносы «в почесть». Воевода брал их без зазрения «сколько рука выможет», ибо был намест-

ником, а значит, правил и судил. Широта власти его не была определена законом, потому волей-неволей порождала злоупотребления. К тому же и наказания из Москвы предписывали ему в конце концов поступать, «как пригоже, смотря по делу, как Бог вразумит». Немало худородных дворян, почуяв возможность без особых хлопот и риска набить кошелек, старались пробраться через знакомства при царском дворе в воеводы. С другой стороны, воеводами подальше от столицы, в какое-нибудь Верхотурье или Пустозерск, засылали неугодных трону...

Уже несколько дней в приказной, или, как ее называли в обиходе, в съезжей, избе все были в тревожном ожидании. Как снег на голову дьяков, подъячих и всей писарской и канцелярской братии свалилась весть о перемене начальства.

Новый воевода заехал вместе с Матвеевым на час-другой, просмотрел наспех канцелярские бумаги и книги, по которым докладывал старший дьяк Андрей Озеров. Подъячие, поеживаясь, ждали Андрея Озерова, но, увидев его, облегченно вздохнули. Лицо старшего дьяка сияло довольством. Судя по первому впечатлению, новый воевода был под стать прежнему, которого приказные за справедливый характер и вполне добродушную строгость очень уважали. А спрашивать, как и повсюду, с воеводских канцеляристов было за что. Мздоимство ожидало любого посетителя съезжей избы, будь то купец или помещик, ремесленник или рыбак, хлебопашец или пастух...

Проводив Матвеева, Апраксин мимоходом заглянул в приказную избу и, не поднимаясь к себе наверх, вызвал Озерова.

— Правь дела самолично. Што поважней, меня сыщешь. Покуда государь в городе, я подле него буду. Да, повести майора Снивенса, завтра поутру, в девять, быть ему здесь, меня дожидаться.

Командир городских стрелецких полков майор Карл Снивенс, как всегда, аккуратно прибыл по вызову. Апраксин познакомился с ним накоротке в прошлом году на его свадьбе. Женился он на рано овдовевшей дочери генерала Патрика Гордона.

— Слушаю, господин воевода, — прикладывая два пальца к шляпе, официально доложил Снивенс.

«Молодец Карл, службу знает», — подумал Апраксин.

— Садись, майор. — Воевода кивнул на табурет и протянул ему исчерканный лист. — Здесь мною расписаны дни государевых визитов; когда, где, у кого. Так ты соизволь на те дни, без напоминаний, иметь в тех местах в готовности пушки для стрельбы со снарядам. Ежели будут переиначки какие, я тебе дам знать.

Спустя два дня, в воскресенье, раздались первые раскаты пушечной стрельбы — царь отмечал именины своей сестры, «праздновал у себя Адриану и Наталии и у литургии изволил быть с бояры за Двиною у Илии пророка. Сего же дня у великого государя во дворце на бояр и на всех своих людей именинный стол был и из пушек стрельба была».

На именинах Апраксин подошел к Афанасию.

— Прошу, святой отче, не отказать отобедать у меня в палатах. В среду имею честь принимать государя по случаю посажения своего на воеводство.

Как всегда, располагающая улыбка архиерея была ответом на радушие воеводы.

— Как же могу пропустить столь знатное событие. Нам с тобой, видимо, не одно лето вместе в крае Двинском сотоварищами быть.

Бывая раньше в Москве, Афанасий наблюдал издали окружение царя, знал о нем понаслышке. Теперь в основном на литургиях и в застольях он мог почти в упор разглядывать сих присных. Претили ему и князь Ромодановский, «превеликий нежелатель добра никому, пьян во все дни», и Бутурлин, «человек злорадный и пьяный, и мздоимливый», и Лефорт, «невежественный немного меньше Меншикова, дебошан французский». Но среди этой разношерстной компании пронизательным взглядом архиерей сразу выделил Федора Апраксина, компанейского человека, отличавшегося от остальных спутников Петра добродушием, порядочностью и пытливостью.

В предновогодний день, 30 августа, воеводские палаты заполнили гости, Апраксин праздновал вступление в должность воеводы двинского. Дьяк Озеров расстарался. Потряс купцов городских, иноземных гостей пошерстил — и обеденный стол удался на славу. Не отстал и архиерей, прислал разных пряностей, рыбу, пиво.

Едва Петр произнес здравницу в честь нового воеводы, как под окнами ухнули пушки.

— Ай да молодец Федор, — крикнул Петр и подмигнул Апраксину. — Ежели так архангелогородцы чествуют воеводу в первый день, значит, почуяли в тебе хозяина.

Упомянул и летописец это застолье. «Велики государь хлеб кушал у воеводы Федора Матвеевича. Стрельба была из пушек. От государя архиерею много подачи было».

Архиерей перед уходом напомнил новому воеводе:

— Не позабудь взавтрево на литургию. Новья лета славить будем.

1 сентября Афанасий совершал в соборе «действие Нового лета», правил литургию с песнопением. Воевода стоял на самом почетном месте, рядом с государевым, но оно пустовало. Петр в соборе так и не появился. На площади в унисон с колокольным перезвоном гремели залпы. «...Стрельба была из пушек и из полков из мелкого оружия по три выстрела и с яхты государевы и с немецких кораблей...» Выйдя из собора, Апраксин забеспокоился:

— Государь где-то припозднился?

Всесведущий дьяк Андрей Озеров, озираясь, вполголоса с ухмылкой доложил:

— Здравствует он, намерен с князь Борисом к смазливой женке, вдовице Володимировой наладиться.

Апраксин подошел к архиерею и уже по-свойски попросил:

— Не обессудь, владыко, поезжай к государю, присмотри, мне-то не с руки с незнакомыми бабами якшаться.

Афанасий понимающе улыбнулся, разыскал Петра, да и застрял у него. «Великий государь преосвященного архиепископа милостивым своим словом любительне жаловал и из своих государских рук жаловал преосвященного архиепископа водкою. Сего 1 числа день был благополучный и воздух прозрачный».

Воевода, воспользовавшись передышкой, поспешил на новую верфь. Близился день закладки яхты, надо было все успеть.

Еще на мостках через Кузнечиху у Апраксина отлегло на душе: мимо одна за другой тянулись подводы с бревнами и до-

сками, на берегу копошились плотники, настилали помост для будущего судна. Заискивающе улыбаясь, подбежал и низко поклонился старший приказчик. Вразвалку, не торопясь, усталой походкой подошел Яким Воронин, слегка поклонился. Апраксин вопросительно посмотрел на него.

— Все успеется, Федор Матвеев. Помост уложим дни через два. Федосейка и Кикин нынче с управителем киль подбирают в магазейне.

— Ну, ну, гляди, первый блин шток не комом.

Откуда-то появился запыхавшийся подьячий, низко кланяясь, проговорил:

— Государь великий вам повелел к нему поспешать на остров.

«Неймется Петру Алексеичу, — вздохнул про себя Апраксин, — не иначе затею какую надумал».

В дворцовой светелке на Моисеевом острове было шумно. Оба князя, Лефорт и Бутурлин, сильно подвыпившие, о чем-то спорили.

Царь встретил без обиняков:

— Садись, негоже прежде времени от нашей компании отчаливать. — Позевывая, сказал: — Нынче я передохну, вечер пойдешь со мной в австрию, поглядим купцов ихних, тебе сие в масть.

Царя принимали в таверне с почестью, как принято. Когда он появился в дверях, хозяин-иноземец, низко кланяясь, приветливо пригласил в зал. Завсегдатаи встали, приглашая каждый к своему столу. Некоторые, переглядываясь, шептались друг другу: «Спутник царя Петра новый воевода Апраксин».

Петр обычно не отказывался, но любил менять собеседников и всегда сам заказывал угощение. Знал прижимистость иноземцев, и не только в этом. Почти всегда, как только царь заводил разговор о прибылях за русские товары, купцы краснели, поднимали брови, улыбались и молча дымили трубками. В этот вечер повезло. Рядом с Петром сидел молодой торговец из Голландии.

— Ян Ферколье, — учтиво поклонился он, — негоциант из Роттердама.

Петр, как обычно, заказал ренского, завязалась беседа. Купец оказался разговорчивым и откровенным.

— Я не впервые в ваших краях. — Его добродушные голубые глаза располагали к ним. — Мне нравится здесь делать торговый оборот.

— Што так? — Переглянувшись с Апраксиным, Петр наполнил кружки.

— Мы берем весьма добрый процент за свои хлопоты. В других землях Европы такого барыша не получишь.

— Слава Богу, что ты доволен. — Хитровато прищурившись, Петр толкнул локтем Апраксина: мотай, мол, на ус. — А наши-то людишки внакладе или нет?

Ян закашлялся, раскуривая трубку, отогнал дым.

— Скажу откровенно, государь, ваши купцы много теряют.

Петр почему-то заерзал, сердито глянул на Федора, нахмурился, а купец продолжал:

— Мы их держим в руках, потому что на своих судах товары возим. Что положим за товар, по той цене и покупаем.

Ферколье откровенничал все больше, но Петр даже повеселел, так ему нравилась открытость собеседника. Он опять наполнил кружки:

— Твое здоровье, Ян Ферколье, ты честный негоциант.

Осушив стакан, Ферколье признался:

— Будь у ваших купцов свои корабли да привози они сами свой товар к нам, весь барыш бы им доставался.

«Давно сие прознал и порешил о торговлишке нашенской», — подумал Петр и дружески хлопнул Яна по плечу:

— Спасибо, уважил, а я, грешным делом, подумал, среди вашего брата одни плуты пробавляются.

Расставаясь, спросил:

— Как кличут твое судно?

— «Оут Адлер».

— Что сие значит по-нашему?

— «Старый орел»...

Выйдя из таверны, Петр задумчиво проговорил:

— Видать, Андрей всю подноготную здешнюю по чести знал. Ты, Федя, тож старайся лицом в грязь не ударить. А Яну Ферколье завтра же отпиши от меня грамоту: на треть пошлину ему с торговли уменьшить, да одари товарами. — И пояснил: — Пушай иноземцы ведают, что мы честных-то купцов жалуем.

Ночевать Петр повез Апраксина к себе, на Моисеев остров. Видимо, его взбудоражил разговор с голландским купцом. Перед сном они еще долго сидели, обсуждая услышанное.

— По делу-то иноземец наши мысли читает, — высказался Апраксин.

— И то прав ты, — размышлял Петр. — Задумку таю, построить в Голландии фрегат какой да послать с товарами в Европу.

Дни стояли безветренные, погожие, близилось бабье лето. В солнечный полдень иноземные купцы покидали Гостиный двор, прохаживались вдоль пристани, выходили на берег протекавшей неподалеку Кузнечихи. На другом берегу, подле уреза Двины, сновали люди. Стучали топоры и кувалды, забивали последние сваи, обшивали тесом помост верфи, возводили навес. Иноземцы морщились, пыхтели трубками.

— Царь затеял построить верфь. Что-то у него получится?

Кое-кто скептически пожимал плечами, иронически улыбался:

— Русские не умеют строить добрые суда для океана.

Другие им возражали:

— Местные поморы ходят на Грумант, бьют китов.

Все сходились во мнении, что для них, иноземцев, царская затея не сулит добра. Вспоминали разговоры Петра в таверне.

— Царь, видимо, задумывает открыть свою торговлю с Европой.

— Поживем, увидим, корабли — не здешние грибы, скоро не излажаются.

Иноземные купцы судили-рядили, а около устья речки Соломбалки уже возвышался на сваях помост верфи, торчали столбы для навеса.

В день закладки Апраксин появился на верфи с рассветом, все проверил, осмотрел вместе со Склаевым, вздохнул:

— Ну, слава Богу, кажись все на месте.

Приехал Афанасий с монахами, осмотрев строения, успокоил воеводу:

— Не тревожься, Федор Матвеевич, обойдется сия канитель, как заведено.

К полудню вокруг сооруженного помоста обустроилось духовенство: архиепископ, священники, дьякон, певчие, курился дымок от кадила. Рядом, на лавке, лежал на белом полотенце большой молоток и двухвершковые кованые гвозди. Около лавки стояло ведро смолы. Посреди помоста лежал четырехвершковый в поперечине, длинный дубовый брус — киль будущей яхты. Вдоль него в фартуке, заложив руки за спину, прохаживался Склаев.

В стороне, под навесом, на лавках стояли три ендовы с водкой, блюда с разной снедью для угощения гостей, отдельно на столе — для царя и для свиты.

Петр пришел на шняке под парусом прямо с Моисеева острова, был он в хорошем настроении.

— Ну, Федор, почнем первое судно для Беломорья ладить?

У Апраксина как-то полегчало на душе, передался настрой царя.

Едва царь ступил на берег, хор величаво пропел «Многия лета».

Размашистым шагом царь подошел к помосту, встал рядом со Склаевым, кивнул Афанасию. Начался молебен. Прочитав молитву, размахивая кадилом, архиепископ прошел вдоль кили и окропил его святой водой.

— Помост проверил? Уклон не мал? — спросил Петр Склаева.

Склаев склонил голову, вполголоса ответил:

— Все в порядке, для яхты в самый раз.

— Давай.

Склаев поднял ведерко, макнул кисти. Петр жирно обмазал часть бруса со всех сторон.

— Где дуб добыли?

— Владыко из своих запасов раздобылся, — ответил Апраксин.

Склаев с поклоном протянул Петру молоток и гвоздь. Царь взял, играючи вскинул молоток, другой рукой подбросил гвоздь, опустил на колено и привычными размеренными ударами начал вгонять гвоздь в киль.

Началась церемония закладки.

Апраксин махнул шарфом — рывкнула батарея, стрельцы

палили вверх из пицалей. Вслед за царем вбили свои гвозди Шеин, Бутурлин, Апраксин, Троекуров.

Церемония сопровождалась, как водится, застольем.

Толпа, толкаясь и громко шикая друг на друга, двинулась к угощению.

Петр поднял кружку, все примолкли.

— В сей час, — хриловатый голос Петра разносился над притихшей толпой, — на земле двинской заложили мы доброе семя каравана морского на Беломорье. — Он на мгновение остановился, вскинул руку в сторону устья Двины: — Отсель и далее поплывем...

В воеводских палатах царскую свиту ожидал накрытый стол.

— Афанасия пригласи непременно, — шепнул Петр Апраксину.

Тот растянул рот в улыбке:

— Еще намедни зван был, Петр Алексеич.

Царь позвал Склеява:

— Ты, Федосейка, останешься покуда за сержанта старшего. Мотри, чтобы петуха не пустили. Кончишь, сторожей выставишь и приезжай к Федору.

Застолье у Апраксина затянулось за полночь. Афанасий сидел не долго, перед уходом промолвил:

— Ты, государь, по нашему разумению, велико дело затеял. Но всякое семя само не прорастает, его лелеять надобно, высаживать. И не токмо на земле нашенской архангелогородской, а и в других исконных местах русских. Благослови ты Господь, а наша церковь в том тебе подмогой будет...

Заложить-то яхту заложили, но дальше дело застопорилось. Чертежей «Святого Петра» не оказалось, а мастер-строитель уехал домой, в Голландию. Приказчик божился, что голландец строил на свой манер, без чертежей.

— Видимо, как и наш Карстен, — размышлял Петр и распорядился пока готовить впрок брусья, доски, кривули и сушить под навесом.

Воронин и Склеяв подошли к Апраксину:

— Дозволь, мы нашу яхту обмерим в аккурат, вершок к вершку, форштевень, ахтерштевень и шпангоуты. Чего время-то терять?

Петр, выслушав Апраксина, загорелся, схватил линейку и сам лазил по трюмам со свечкой, кричал Воронину и Склеяву, а те записывали. Вечером царь чиркал по бумаге гусиным пером, старательно выводил линии. Апраксину понравилось, что-то получалось...

Иноземные корабли задерживались; коротая время, Петр зачастил к архиерею. В нем он нашел интересного собеседника. Чем-то он напоминал переславского Дионисия, но знал больше и умом был пораскидистей. Всегда при встрече с царем находил темы для разговоров, беседовали по-приятельски. Обычно Петра сопровождал воевода.

Узнав о затруднениях с постройкой яхты, Афанасий посоветовал:

— Ежели государь надумал сделать судно, подобное яхте, разумнее пригласить мастера из Голландии.

Петр про себя удивился. В Переславле Дионисий наставлял, здесь опять святой отец подсказывает. Спросил архиерея:

— Мыслишь, сами не выдюжим?

— Наши двинские умельцы мастерят гукоры¹ добротные, однако на другой манер. — Афанасий примолк, видимо, вороша память, и продолжал: — Припоминаю, твой батюшка, Алексей Михайлович, царство ему небесное, для сооружения «Орла» тож голландцев выписывал.

— Откуда сие ведаешь? — удивился Петр.

— Как же, государь, — оживился архиерей, — выпало мне в молодые годы на литургии служить, когда то судно в Дединове освящали. Митрополит мне благодетельствовал, всюду при себе держал.

Слушая архиерея, Апраксин неожиданно вспомнил далекое детство.

— Дозволь, отче, тогда ли боярин Ордин-Нащокин при сем деле состоял?

Пришла очередь удивляться Афанасию:

— Он самый. Тебе он ведом был?

— Привелось однажды, еще мальцом, с братцем Петром побывать в Дединове, полюбоваться государевым кораблем прозванием «Орел».

¹ Гукор — двухмачтовое парусное судно.

Петр прислушивался, не обрывал, когда кончили разговор, спросил:

— А пошто Ордин-Нащокин то дело не продолжал?

Архиерей знал и об этом:

— В ту пору, как «Орел» уплыл в Астрахань, боярин-то от дел отошел. Подле Алексея Михайловича в силу вступил Артамон Матвеев. Они-то с Афанасием Лаврентьевым натурами и видением дел не сошлись, распря между ними почалась. Государь взял сторону Матвеева, а Нащокин не уступил, в монастырь ушел...

Беседы с Афанасием протекали всегда за столом. Отпив вина, Петр то ли спросил, то ли утвердил веско:

— В вашем-то крае дела корабельщицкие в почете.

— Как не быть, государь, — оживился Афанасий, — море для поморцев — дом родной. Оно их кормит, и обувает, и прибыток дает. Чай, в Белокаменной-то в торговых рядах немало нашей рыбки. Купцы иноземные, почитай, товары через Двину на всю Русь везут, отсюда же и наше добро к себе увозят. — Афанасий вздохнул. — Все бы ладно, государь, в нашем крае, да худо бывает другой год. Неурожай, хлебушка недостает, народишко голодает, не доживают многие свой срок, помирают.

Царь понимающе кивнул:

— На Руси, владыко, недород да мор тож частые гости. — И перевел разговор, спрашивая о своем: — Слышал я, не токмо в Беломорье промышляют поморы?

— Оно так, государь. Китов бьют подле Груманта в океане, на тюленя ходят за Канин Нос к Ледовитому морю. Чаю, и по Двине до Вологды всюду наши поморы товары купеческие по воде везут. — Архиерей развел руками. — Рази в дальние страны не наладились хаживать. Видимо, срок не приспел.

Петр вскинулся:

— Погоди, придет время. Построим на будущий год судно и отправим с нашим товаром в Голландию. Глядишь, к тому времени и голландцы спроворят нам корабль на своих верфях. Об этом уже отписал Лефорт в штаты Нидерландские.

— Дай-то Бог, — просиял Афанасий, — нашему люду только б почать, дело это благословенное, доброе, отечеству во славу и пользу.

Встречались еще не раз царь и архиепископ, о многом судачили не по-пустому, по делу. Не осталось это без внимания и летописца двинского. «Великий государь изволил у преосвященного архиепископа в доме хлеб кушати и с бояры и сержанты своими ближними. Во время кушанья великий государь с преосвященным и бояры своими изволил милостиво и благоутешительно беседовать о царственных бытностих и о боярских и великих людях, также и о мирских простых людях и в работе пребывающих, и о домовном и о всяком здании многоразумно; также и о водяном путешествии морском и речном кораблями и всякими судами со многим искусством».

Подошел праздник Рождества Богородицы, а иноземные корабли задерживались. Апраксин отстоял с царем обедню в церкви Ильи Пророка на Кегострове. Петр сам читал вслух Апостола. После литургии Федор остался у царя, отмечали проводы части свиты в Москву.

Утром воевода провожал отъезжающих. К вечеру по заведенной привычке заехал на съезжую. Не успел выслушать дьяка Озерова, доложили, что прискакал стрелец с Мудьюга.

Ранним утром на Двинском устье показались долгожданные корабли. Бросили якорь, дожидаясь полуденного прилива, чтобы без опаски перейти через мели. Пришлось все отложить, идти на Моисеев остров. «Никак, сразу помчится на взморье, не утерпит», — подумал по пути воевода, поглядывая на тугие паруса. Так оно и оказалось.

Не дослушав Апраксина, Петр схватил кафтан и без шляпы, крикнув Меншикова, потащил Федора за рукав к шняке...

Все корабли оказались голландской постройки — трехмачтовые шхуны с косыми парусами и двухмачтовые бриги из Бремена и Гамбурга.

Петр весь день провел на шхуне. Щупал руками каждую снасть, карабкался по вантам на все три мачты до самого клоутика. Спустившись на палубу, щупал, вертел руками блоки:

— Тебе ведомо, Федор, сей механизм надежную тугость производит. Припомни-ка наши худые блоки на Плещеевом. То-то мачты у нас там заваливались при ветре от худой тугости вантин.

В каюте капитана дотошно всматривался в карты. Обрадо-

вался, когда увидел в полированной шкатулке шкипера астролябию.

— Сей угломерный инструмент мне знаком, — обрадованно сказал он капитану.

Капитан открыл красный полированный ящичек.

— Каждый добрый шкипер обязан знать свое место в открытом море. Для того служит хронометр и для сбережения точного времени в Англии изготовлен. Астролябия и хронометр первые помощники капитана.

До захода солнца Петр «щедро одарил капитанов и матросов». Тут же подозвал Лефорта и Апраксина:

— Сотвори, Франц, застолье славное, чтоб сары¹ нас долго помнили. А ты, Федор, по сему случаю стрельцов наряди, пушечную стрельбу в их честь произведи.

До конца недели царь не сходил с прибывших кораблей, придиричиво изучал рангоут и такелаж, палубы и трюмы, разглядывал устройство и конфигурации парусов.

Капитан шхуны, удивляясь смекалистому ученику, на прощанье сказал:

— Ремесло моряка, ваше величество, дело весьма мудрое. Чтобы его познать, надобно многое знать и долго служить на корабле...

Несмотря на пристрастие царя к судам, Апраксин все-таки решился напомнить:

— Петр Алексеич, того, пора бы возвратиться, матушка-то убивается.

Несколько раз слезно молила Наталья Кирилловна сына поскорее закончить затянувшееся путешествие. Брат Петр общал воеводе из Москвы с почтой, что царица прихварывает, измучилась ожидая сына.

— Ведаю сам, дядько, — вздохнул, досадуя, тот, — завтра собираемся. Накажи Афанасию и приезжай сам на литургию к Илье Пророку.

У архиерея Апраксин застал гостя, архимандрита Соловецкого монастыря Фирса. Предвидя скорый отъезд царя, он привез ему, как было заведено, разные подарки.

Новость архиерей воспринял благодушно.

¹ Сары — матросы.

— Оно и по времени пора государю и о державе озаботиться. Чаю, в Москве-то бояре в дремоте пребывают, надо бы их встряхнуть. — Афанасий обратился к Фирсу: — Ну вот и твое время пришло. Укладывай свои подносы на карбас, поедешь с нами на Кегостров.

Прощальную обедню царь служил в полкубившейся ему церкви Святого Ильи Пророка. «Великий государь, — гласит летопись, — також в паперти у северных врат церковных изволил слушать божественную литургию. И по чтении Евангелия архиерей великому государю должное почтение отдал и рущие со архиереем. И великий государь у архиерея благословился и обычно целование сотвори. По сих великий государь пожаловал архимандрита соловецкого к руке. Архимандрит поднес великому государю икону соловецких чудотворцев на окладе да святую просфору и святую воду, книгу жития и службы чудотворцев и лестовки — подавали казначей архиерейской да ключарь. Великого государя поддерживал боярин князь Б.А. Голицын, а иныи бояре в слушании литургии в церкви стояли. Литургию служил тоя церкви священник. По заамвонной молитве ключарь подносил по чину архиерею антидор, а иподиакон — теплоту, и великий государь от руку архиерею по чину антидор принимал и теплоту кушал, такоже и бояра».

Во вторник 19 сентября распогодилось на бабье лето. Петр расставался с Архангельским городом. На свою шняву он взял воеводу с дьяком и «гостя», начальника таможи Алексея Филатьева. За царем следовала на трех карбасах свита. Вдоль пристани, городского берега выстроились стрелецкие полки. Палили из пушек и пищалей. Когда процессия поравнялась с архиерейским домом, певчие запели государю многолетие. От берега отвалила шняка с архиереем.

— Прими наши дары, государь, путь дальний, не обессудь.

«И великий государь хлеба, и рыбу, и пироги приказал принять любезно, и архиерея изволил принять к себе в судно, а хлеб и рыбу указал отвести на кормовое судно. Архиерей с государем до архангельского монастыря (собора) путешествовал, и оттоле изволил государь по молитве и по прощении отпустить архиерея в дом архиерейской, с ним же воеводу, дьяка и гостя: а сам великий государь отпусти их, изволил Богом

сохраняем шествовать в путь свой. Архиерей же пришед в дом свой кушал хлеба с воеводою».

Прощаясь, Апраксин передал письмо для жены, а царь наказывал:

— «Святого Петра» присматривай. Не забудь леса припас-ти до зимы для строения новой яхты. Потолкуй с купцами Ба-жениными на Вавчуге, нынче к ним загляну. Пушки отольем в Олонце, блоки я сам обточу. На верфь пришлю пару-тройку подмастерьев из Голландии, без них не сладить по-доброму. А письмецо жинке передам непременно.

«Пелагеюшка-то грамоте не обучена, — подумал Фе-дор, — разберутся как-нибудь, Андрейка поможет...»

Когда караван судов скрылся за дальним поворотом реки, архиерей перекрестился и пригласил Апраксина:

— Господь их благословит, а мы свое дело по совести свер-шили. Прошу, воевода, ко мне обедать.

Допоздна засиделся Апраксин у Афанасия. Торопиться им было некуда. Главная забота свалилась с плеч. Служебные узы не связывали их, да и натурами подходили они друг к другу. Неспешностью решений и рассудительностью, благо-желательством к окружающим, порядочностью.

— Надо бы теперь за суда приниматься, так нет ни досьев, ни дерев, — начал разговор Апраксин после первой чарки, — и к тому же государь обещался иностранных мастеровых прислать. К Бажениным, што ли, наведаться, спознать об древесине.

— Баженины тебе сполна все доставят, им только деньгу посули, тем паче государь к ним ныне жалуется. Купцы от нас никуда не денутся. — Афанасий пододвинул Апраксину залив-ную навагу: — Отведай, государь такую не жалуется, а по мне нет вкусней рыбыцы.

Не торопясь чокнулись, отпили по глотку. Афанасий кив-нул на слюдяное оконце, расцвеченное яркими лучами захо-дящего солнца:

— Ныне-то теплом повеяло, благодать. Через недельку-другую морок-то небо заволокет, крупа посыплется. Я к чему, вчерась архимандрит Фирс проговорил, мол, новому воеводе не грех поглядеть Соловки. Вотчина далекая, но больно знат-ная. Матвеев-то бывал там.

Апраксин ухмыльнулся, разгладил усы, задумался:

— Государь-то только отъехал.

— То-то и ладно. Государь-то неделю, не менее, в пути бу-дет. А ты — хозяин уезда, тебе потребно все закоулки ведать. Прогуляешься, не пожалеешь. Другого случая может и не быть.

— Когда Фирс отплывает?

— Завтра, на зорьке. Карбас у него знатный, братия ладил-ла в Соловках, верфи там поглядишь.

— Уговорил, владыко.

Что больше всего удивило Апраксина на монастырском карбасе, так это экипаж из монахов-послушников. Ни едино-го возгласа не слышал воевода, пока судно отходило от при-стани. Он стоял в стороне, ближе к низенькой кормовой над-стройке, рядом с довольно плечистым, раздобревшим Фирсом и только успевал поворачивать голову. Всем заправлял пожи-лой, с проседью в бороде кормщик, видимо послушник или служка. Стоя у кормила, вскидывал голову на паруса, кивал направо, налево.

Одетые однообразно, по-рыбацки, люди ловили каждое его движение, перехватывали взгляд, короткие жесты. Кар-бас сразу набрал ход с попутным южным ветром на отливной волне и до полудня, не задерживаясь, миновал Березовское устье. Судно весь день шло левым, почти попутным галсом. Слева, с видневшегося берега, сплошь усеянного сосняком, веяло знакомым настоем вечнозеленой хвои.

После многих недель непрерывных забот, треволнений, застолий Апраксин наконец-то мог полностью расслабиться. Фирс, видимо, тоже был доволен тем, что удачно выполнил свою миссию, поднес дары царю и заслужил похвалу архие-рея. Архимандрит сдернул клобук и подставил солнцу чуть одутловатое лицо, наполовину скрытое бородой. Афанасий был старше воеводы на два десятка лет, Фирс же примерно ра-вен был с Апраксиным годами, но обращались оба пастыря с ним сходно. Фирс велел принести лавку и поставить ее на сол-нечной стороне около надстройки.

— Садись, воевода, в ногах правды нет, путь долгий.

Апраксин и сам подумывал, где бы примоститься, не хоте-лось покидать палубу.

Перед уходом Афанасий дал поручение Фирсу:

– Выбери удобное время, поведай воеводе о своей обители, ничего не утаивай про смуту. Так надобно, мы и государя через то просветим.

Как бы угадывая намерение настоятеля Соловецкого монастыря, Апраксин, прикрыв веки, спросил:

– А што, обитель ваша давно ли обретается?

Фирс устроился поудобнее:

– По нашим летописям, воевода, обители нашей два с половиной века. Старейшая она в этих краях и испокон ревнительница веры православной на севере.

– Помнится мне, не всегда так было, – перебил мягко Апраксин, – еще при Федоре Алексеевиче слыхивал я о неурядицах в стенах вашей обители.

Фирс, видимо, ждал такого вопроса, прикрыл глаза и повел рассказ, вспоминая недалекое прошлое...

Началась эта история в царствование Алексея Михайловича, когда его любимец, патриарх Никон, разослал по церквям «память» – указ, чтобы земные поклоны заменить поясничными и чтобы креститься не двумя перстами, а тремя – щепотью, ненавистой для тех православных, кто решил остаться верным старой вере.

– Токмо священники и наша братия монастырская тот указ Никона отринули, – продолжал Фирс, – а потом пренебрегли и новоисправленными патриархом богослужебными книгами. На «Черном соборе», в трапезной, единодушно порешили все восемнадцать богослужбников не трогать и в кладовую заперли, не прочитав.

Архимандрит встал, приложил руку козырьком, вглядываясь в берег. Вдали чернели над водой каменистые гряды.

– Унские рога, стало быть, проход в губу Унскую. Там Пертоминская обитель, мужская. Стоянка добрая в заводи.

Фирс опустил на лавку и продолжил свой рассказ, упоминая лишь главные события...

Царь давно отстранил от себя Никона, а Соловки не покорялись.

Седьмого февраля 1663 года в церкви нарушился обычный ход богослужения, и братия решила, что это намеренное отступление от старого порядка. Против служившего эту

службу попа Геронтия возмутились. «Учинился о мне мятеж и гил¹ великой во всем монастыре», – писал Геронтий. Хотели его «побить камнями». Среди возмутителей оказались слуги и трудники Григорий Яковлев Черный, Сидор Хломыга, Федор-токарь «со товарищи». Бывший тогда архимандритом Соловецкого монастыря Варфоломей разгневался: «По государеву указу приказано во обители ведать нам, а не Сидору Хломыге со товарищи».

Прислала Москва нового архимандрита Иосифа. Монастырь его не принял, увещевал братию прежний архимандрит Варфоломей, так его «мало не убили».

«А клобук у меня на голове изодрали и волосы выдрали», – жаловался он в своей «скаске».

Царь распалился, отобрал у монастыря все села, деревни и промыслы, запретил пропускать в монастырь деньги и припасы. Братия послала челобитную: «мы тебе, великому государю, не противны», готовы, мол, к присылке «меча царского», который поможет «от сего мятежного жития переселити нас на оное безмятежное и вечное житие».

Скоро прибыл в монастырь и «меч царский». В июне 1668 года неприступные стены крепости-монастыря на «месте украинном порубежном» обложили не вороги, а царские войска. Привел их стряпчий Игнатий Волохов и послал в монастырь царский указ.

Один из управителей монастыря, священник Геронтий «о стрельбе запрещал» и говорил, «чтоб против государевых ратных людей не биться и монастырь не закрывать». Однако попа не послушали и посадили в тюрьму. Верховодил у монастырских возмутителей сосланный на Соловки бывший архимандрит Саввинского монастыря царский духовник Никанор.

Волохова в монастырь пропустили, царский указ выслушали, исполнять отказались, а вслед стряпчему выпалили из пушек и пищалей.

В расспросных речах царскому воеводе бежавший из монастыря священник Митрофан показал: «Мятеж учинился о новоисправленных книгах от черного священника Геронтия, да от архимандрита Никанора, да от келаря Азарья, да от

¹ Гиль – смута.

служки Фадюшки Бородина с товарищи... А стрельба-де зачалась от Никанора-архимандрита, да от служки Фадюшки Бородина с товарищи; и он-де, Никанор, по башням ходит беспрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: «матушки-де мои галаночки¹, надежда-де у нас на вас, вы-де нас обороните»; и велит по воеводе по Иване Алексеевиче Мещеринове и по ратным людям стрелять беспрестанно, а на башнях и по стенам приказывает караульщикам смотреть из трубок его воеводу: как-де усмотрите, и вы-де по нем стреляйте; как-де поразим пастыря, а ратные люди разыдутся, аки овцы...» Так началось знаменитое «соловецкое сидение» на семь лет. Восставшему монастырю потянулась помощь со всей округи. По этому поводу из Москвы отправили царскую грамоту.

«Ведомо нам, великому государю, учинилось, что из Сумского и Соловецкого монастыря, из усоллий и из иных мест всякие люди ездят водяным и сухим путем в Соловецкий монастырь будто для моления, а к мятежникам того монастыря, к старцам, привозят рыбу и соль, и хлебные, и всякие съестные припасы... А буде кто что хотя малое привезет, и от нас, великого государя, тем людям быть священнического и иноческого чину в ссылке в Сибирские города и дальние монастыри, а мирским людям в смертной казни, безо всякой пощады».

К смутьянам не только везли припасы, но и пробирались с Руси недовольные, тайком, лесными тропами, сторожко, по глухим дорогам. Об этом доносили царю воеводы: «В монастыре собрались и заперлись многие воровские и казенные люди карнаухие, и у многих руки сечены, и у редкого человека спина не жжена и кнутом не бита... Собрались солдаты и холопы боярские, из Дону и с Волги воровские казакишки».

О вольном духе восставших и решимости не сдаваться поведал священник Митрофан: «А про великого государя говорят такие слова, что не только написать, но и помыслить страшно. А сели-де они, воры, в монастыре на смерть, сдать ся некоторыми делы не хотят. А хлеба у них, воров, будет лет на десять и больше, а пороху-де у них было сначала девять сот

пудов, а нынешнего-де лета они выстрелили по государевым людям половину; а на башнях-де у них девяносто пушек... А как они в Соловецком монастыре заперлись, приезжали к ним в монастырь с рыбою и с харчевыми запасу с берегу многие люди... А братья-де в монастыре двести человек да бельцов триста человек».

Семь лет отбивались от стрелецких полков Соловки, продержались бы и дольше, да нашлись предатели.

— Среди стада всегда паршивая овца сыщется, — то ли с сочувствием к бунтовавшим собратьям, то ли так, для красного словца, сказал напоследок Фирс. — Случился среди смутьянов един Иуда, бежал к воеводе, рассказал про потаенный ход. Секли без пощады Никанора, в тот же день казнили, прочих тож порубили, кого в проруби утопили, всех до единого...

Давно карбас подвернул к Соловкам, уже западало яркое солнце за горизонт, на востоке сверкнула первая звезда.

— Пора, воевода, нам и отужинать, — пригласил Фирс, поднимаясь, — и передохнуть малость. Ежели ветер не переменится, где-то к обеду у кремля пристанем.

— Какой еще кремль? — недоумевал Апраксин.

Но когда корабль утром, обогнув каменистую отмель, повернул к северу, вдоль вод морских, как сказочные богатыри, выросли на глазах мощные бастионы, соединенные крепостными стенами. В глубине залива, губы, около большой пристани ошвартовывался не один десяток карбасов, гукеров, дощаников.

— Добрый караван, — удивился воевода.

— Иначе, воевода, нам невмочь, — со знанием дела пояснил Фирс, — море нас и кормит, и поит, и прибыток дает, не токмо братии, но и всей епархии.

После долгого водного пути с непривычки на берегу шатало и крутило ноги. Однако Апраксин вида не подал, бодро зашагал к кремлю. Подошел вплотную к стене, провел рукой по шершавым, намертво скрепленным раствором, тесаным камням.

— Пожалуй, веками сию кладку мастерили.

Замыкали стыки крепостных стен величавые шестигранные массивные башни. Будто испокон веков стояли они тут на страже. Сложенные из грубо отесанных камней, чуть скошенные глухие стены намертво вросли в землю. Лишь вверху, под козырьками похожих на шлемы русских воинов островер-

¹ Галаночки — пушки, привезенные из Голландии в XVIII веке.

хих шатров, увенчанных изящными башенками с флюгерами, грозно чернели провалы орудийных бойниц.

Архимандрит тронул воеводу за рукав:

— Пошли в трапезную, откушаем, отдохнем.

После обеда в трапезной Фирс знакомил воеводу с внутренними постройками монастыря: церквами и соборами, кузницей и столярней, копильней и пекарней, заглянули и на скотный двор.

В пороховом погребе, ключи от которого всегда носил на поясе архимандрит, царил порядок. Когда начало темнеть, вышли из монастыря, пошли вдоль стен. На востоке вплотную к стенам подступили воды Святого озера.

— Стало быть, здесь неприступная половина, — определил Апраксин.

Некоторые стены были выложены из гигантских, почти в человеческий рост валунов. Воевода удивленно озирался:

— Почитай, не одна сотня пудов в каждом камушке. Коим образом затаскивали их наверх?

— О том летопись умалчивает, — объяснил Фирс, — но, видимо, все сие соделывалось не без Божьей помощи.

Кое-где на стенах виднелись сколотые раковины.

Архимандрит провел ладонью по одному из сколов:

— Сие следы сидения здесь смутьянов, о чем я поминал. Из пушек палили по ним не одно лето...

Прогулку прервал глухой перезвон десятка с лишним монастырских колоколен. Торжественные, мощные звуки оглашали прозрачный воздух и, казалось, уплывали в вечерней тишине куда-то вдаль, за горизонт...

День заметно укоротился. Солнце западало, отсвечивая над далеким горизонтом багровой вечерней зарей. Над зеркальной гладью бухты беспокойно кричали чайки, словно предчувствуя приближение осени...

Утром Фирс повел гостя знакомиться с Большим островом, на котором расположился кремль. Первым делом по узкой просеке двинулись на север, к самой высокой на острове Секирной горе. С вершины ее, где стояла часовня, открылась панорама Соловецких островов.

На север протянулся сплошь укрытый сосновым бором, то и дело прерываемый цепочками больших и малых озер, Боль-

шой остров. Вдали проблескивала за ним полоса моря. На востоке, ближе к горизонту, едва маячил в утреннем мареве Анзерский остров, а там рукой подать Большая Муксалма.

— Всего на Соловках шесть островов, на них сотни озер, никто не считал, вода хрустальная, — проговорил Фирс и повернулся к западу: — Там, воевода, новгородские вотчины, Кемь, Нюхча. От Нюхчи до Ладоги недалеко, а далее шведские владения.

— А сколь верст оттуда до Ладоги?

— По слухам, не более сотни. Наши-то гукоры в Нюхчу с попутным ветром засветло добираются.

По другой просеке спутники вышли к ближнему берегу. Вдоль кромки тут и там громоздились большие и малые валуны. Часть их, покрупнее, лежала далеко от уреза воды, на суше. Немало камней затонуло в море, и они притаились там, едва прикрытые водяной пленкой.

Солнце давно миновало зенит. Издали донесся перезвон. Апраксин посмотрел на архимандрита:

— Опоздали к обедне, братия небось все подмечает.

Но Фирс, улыбаясь, разгладил бороду:

— Одна обедня, воевода, погоды не делает. А братия у нас разумная. Даром, што житье наше водою от суши отсечено, друг за дружку держимся.

Разморенные и усталые, пропустив обедню, воевода и архимандрит возвратились в монастырь. В трапезной их давно ждало обильное угощение, к тому же и гость, и хозяин походили друг на друга чревоугодием. Утолив голод, Апраксин похвалил кушанья, откинулся на спинку стула.

— Жалуешь ты меня, отче, сверх чина, а ведь мне пора бы и на службу, на съезжей, поди, заждались дьяки.

— Дьяки подождут, воевода, когда у нас еще гостить приведется. А мы тебя завтра особой семушкой попотчем, на потаенных озерках сети забросили.

Разомлевший Апраксин, подремывая, согласился...

Отслужив вечерню, архимандрит, пока не стемнело, повел воеводу в одну из башен. Апраксину не терпелось посмотреть пушечное вооружение монастыря. Протиснувшись по узкой винтовой лестнице на орудийную площадку, воевода со знанием дела осмотрел тридцатифунтовые пушки. Ощупью,

изнутри проверял поверхности стволов, осматривал запальное устройство, знакомился с устройством наведения пушек на цель. Орудия понравились. Посмотрел на клеймо:

– И где отливали-то пушки?

– Недалече, воевода, в Олонце, поначалу-то из Голландии везли.

– Добрые стволы.

– Дело покажет, – усмехнулся Фирс, кивая на закат. – Швецкие-то недалече нашу земельку прихватили.

«Святые отцы, а о делах боевых не забывают, – удивился про себя Апраксин, – не чета нашим, московская церковная братия жирком обросла».

За ужином засиделись, беседовали попросту о житье-бытье. Больше рассказывал архимандрит. Как-то вскользь Апраксин похвалил Афанасия.

– Блюдет службу ваш архиепископ строго, по уставу, не пропускает ни одну литургию, – заметил Федор, – благочестивый ревнитель веры нашей.

Фирс загадочно улыбнулся, разглаживая бороду, подлил вина воеводе.

– Так оно и есть, воевода. Твердо наш отче за веру стоит, даром, что ему пришлось через иное испытание в младости пройти.

Собеседники, не чокаясь, отпили вина.

– Сам-то владыко Афанасий, в миру Любимов, из раскольников произошел. – Фирс не торопился, спешить некуда. – Родители евонные – сибиряки, не приняли Никона учения, в старом обряде остались. А владыко-то пристрастился к истинной вере, семью покинул, сбежал из родительского дома, в патриаршую школу в Москву подался.

Апраксину открывалась незнакомая сторона жизни архиепископа Холмогорского.

– После в монахи постригся, стал игуменом в Тобольском монастыре. Патриарх Иоаким в нем души не чаял, к себе прибил.

Фирс, помолчав, добавил:

– Умен, словоохотлив по уму, книги церковные сочиняет.

В полумраке трапезной неслышно появился монах, зажег свечи, слюдяные оконца давно потемнели.

– В ваших-то местах старую веру почитает кто? – прервал молчание Апраксин.

– Такое враз не исчезает, воевода, – вздохнул Фирс. – Пожалуй, еще не одно колено прежние обряды блюсти станет, а быть может, и веками не сгинут они. Вона Аввакум со товарищи на костре за ту веру животы положили.

Как-то раньше не задумывался Апраксин над этим, в Москве о старообрядцах вспоминали редко, разве что в торговых рядах, среди стрельцов.

– Того более, – словно читая мысли собеседника, рассуждал Фирс, – в наши края из Москвы, Твери, Рязани, других уездов уходят семьями да деревнями, селятся скитами по глухим лесным чащобам. Поди-ка их сыщи.

– Коим образом живота-то не лишаются, изгоями-то живут?

– Русичи живучи, воевода. Корчуют леса, пашню раздывают, хлебушко сеют, скотину разводят. – Фирс, что-то вспомнив, оживился: – Да что говорить. Не одни смерды в скиты уходят. Вона на Выге-реке супротив нас, на Двинском берегу, князь Мышецкий с братьями осел. Деньгами богат, все отдает в общий котел. Именуется нынче Андреем Денисовым, муж ученый и умный...

Апраксин уже не жалел о своей поездке на Соловки. «Где, как не в общении людском, истину прознаешь», – размышлял он.

Разбудил его архимандрит рано, в предрассветных сумерках.

– Прав ты, воевода, оказался, пора тебе отчаливать. В ночь ветер переметнулся к западу, как раз тебе попутный. По нашим приметам, к северу он завернет не сегодня-завтра. Будрю предвещает.

Наскоро позавтракав, Апраксин прощался с Фирсом, благодарил.

– Не за што, – отнекивался Фирс, – корзинку-то семги тебе ужо загрузили на гукор...

Небо с самого утра затянуло хмурой, скорой пеленой. Похолодало, ветер заметно крепчал на глазах, а на западе темный небосвод угрюмо навис над горизонтом.

Возвращались знакомым курсом, к вечеру подошли к Унским рогам, и сверху заморосило. Ночью воевода проснулся от качки. Гукор, подталкиваемый быстрыми волнами, рыскал, слегка переваливаясь к северу, и крупные капли дождя затарабанили по палубе.

Распахнув дверцу, Апраксин всматривался в задернутые косым дождем знакомые берега. Накинул кафтан и, держась за что попало, по скользкой палубе направился на корму. Кормщик, чуть пригнувшись, то и дело поглядывал на вздувшиеся, отяжелевшие от ветра паруса, косил глазом на берег.

— Нам бы токмо бар миновать, не зацепиться, а там ветер и волна попутные, к обеду на место придем. — Глянул на взмокшего Апраксина: — А ты, воевода, укройся, взмок, да и палуба мокрая, склизкая, как бы за борт не угодить...

Дождь зарядил на неделю, а в конце ее вперемежку с хлопьями снега. Последние иноземные корабли спешили доледостава уйти в море. Заторопился и воевода:

— Покуда река не встала, надобно к Бажениным навещаться.

Еще на Плещеевом озере, неотступно сопровождая всюду царя, Апраксин усвоил его главную черту — вникать в каждое дело до основания, смотреть не столько «вершки», сколько в корень дела.

«А ведь не зря государь до купцов навещается, — размышлял по пути в Вавчугу, к Бажениным, воевода. — Без добротной древесины ладного корабля не изладишь».

Мала речка Вавчуга, что выше Холмогор, ниже Пинеги впадает в Двину, но быстрая.

Полтора столетия назад, при зарождении Архангельского объявились в двинской земле новгородцы. Не от хорошей жизни покинули они свои родные места, бежали из прежде вольного Новгорода Великого... Лютовал в нем в ту пору царь Иван Васильевич, «зверь от природы», как метко подметил В.О. Ключевский.

По злобному, ложному навету ополчился на новгородцев грозный царь. Убивал и карал не разбираясь. «Судили Иоанн и сын его, — писал А. М. Карамзин, — таким образом: ежеднев-

но представляли им от пятисот до тысячи и более новгородцев; били их, мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимой, и бросали в воду, целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами. Ратники московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались пять недель и заключились грабежом общим... Некому было жалеть о богатстве похищенном: кто остался жив, благодарил Бога или не помнил себя в исступлении! Уверяют, что горожан и сельских жителей изгубило тогда не менее шестидесяти тысяч. Кровавый Волхов, запруженный телами и членами истерзанных людей, долго не мог пронести их в Ладожское озеро».

В те страшные дни, спасая семьи, многие новгородцы бежали на север, в Двинскую землю. Среди них был и Семен Баженин. Новгородцы славились делом, умением наживать добро своим горбом. Внук Семена Андрей стал купцом Гостиной сотни. В Архангельске присмотрел на Вавчуге деревеньку. Привлекла его пыльная мельница на речке. Мололи на ней хлеб, а главное, перетирали двинские сосны и ели на ходовой товар — доски. Дело отца сейчас с успехом продолжали сыновья Андрея — Осип и Федор. В молодости Осип, старший сын, побывал за границей, в Голландии, присмотрелся к тамошним водяным мельницам. Вернувшись домой, перестроил старую мельницу, соорудил новую на другом берегу, используя увиденное.

Пригляделся к доходным делам Бажениных и архиерей. Затеял отобрать у них часть земли. Купцы пожаловались, царь Петр взял сторону Бажениных, выдал им грамоту. «На тех мельницах хлебные запасы молоть и лес растирать и продавать на Холмогоры и у Архангельского города русским людям и иноземцам...»

В Вавчуге воеводу не ждали. Неделю назад проводили государя, братья Осип и Федор намеревались ехать в Архангельский.

— Государь наказал нам, — развел руками Осип, — ехать к тебе, воевода, для государева судна. Сбирались на той неделе к городу, но ты упредил нас, а мы тебе и досья натерли.

Баженины держали себя довольно свободно, видимо зная себе цену, а быть может, унаследовав от предков-новгородцев независимый вольнолюбивый характер.

— Верно, купец, дерева нам всякие нужны, и брус, и досья.

Баженины давно уяснили правила общения с государевыми людьми.

— Прошу, воевода, откушать, передохнуть с дороги.

«Знает, купчина, с чего начинать, тертый, видимо, калач», — не особенно удивился Апраксин, но ответил:

— Ненадолго я к тебе, похвались сначала делом.

«Чегой-то он, как и государь, во все встречается», — удивлялся, шагая к двухъярусной мельнице, Осип.

Пока приказчик объяснял Апраксину, что к чему, младший брат Федор шепнул Осипу:

— Воевода-то, видать, с умом, в суть вникает.

Выйдя с мельницы, Апраксин сразу заметил:

— Смотрю, у тебя и брус отменный, и досья. Нам-то и то и другое понадобится. Для чего, ведаешь?

— Государь молвил, суда на Соломбалке ладить будут.

— Верно. Я тебе роспись пришлю с приказчиком. Пожалуй, досья-то вершковы потребны будут, а может, частью и два вершка. Железные поделки где добываешь?

— Своя кузня, воевода. Литейная малая есть.

— Добро, будь в городе. Не сыщем чего, к тебе пожалуем.

За обильным обедом Апраксин не забывал, зачем навёдался.

— Гляжу, у тебя в столярне плотники добрые. Ты по зиме отпусти их к нам, до весны, деньгу мы им сполна заплатим, и ты в накладе не останешься... А дерева, не мешкай, отправляй дощаниками, покуда Двина не стала...

На Соломбале с рассвета до темноты копошился народ. Готовились к зиме, заканчивали навес над помостом, где пока в одиночестве скучал киль заложенного судна. Тут же лежали уложенные штабелями дубовые кривули для форштевня и ах-

терштевня. Аккуратными стопами высились первые партии досок из Вавчуги...

Рядом медленно перекачивала темные холодные воды Двина.

Над рекой, песчаными, поросшими кустарником берегами, всюду, насколько хватало глаз, небо заволокло темно-серой массой облаков. Северный ветер вторую неделю гнал их с Беломорья, Двинского устья, уносил дальше к Холмогорам. Наступала пора засиверки, промозглой осенней погоды, которую приносил на двинскую землю северный ветер. Временами на город сыпалась крупа, а у берегов кое-где появился забережень — молодой тонкий лед. Закружились над городскими деревянными двухэтажными домами и Гостиным каменным двором теплые дымы, затопились печи в избах архангелогородцев. Готовили к санному пути возки, сани, дровни. Из сундуков вынимали одежду. Зима на двинской земле посуровее московской.

Двинские рукава прихватило первым ледком. Из Москвы с почтой пришло письмо от царя...

Когда Матвеев первый раз знакомил царя с Гостиным двором, Петр примечал разные невиданные в Москве новинки, диковинки. У продавца из Гамбурга засмотрелся на красивые зеркала в серебряной оправе, а начальник таможни как-то на прощальный обед воеводы притащил музыкальную шкатулку. Петр не отходил от нее.

Не прошло и двух недель по приезде в Москву, а царь уже писал: «Федор Матвеевич! Зеркало, которое в серебряных рамках у Фраксома, вели прислать к Москве, также и органцы маленькие, о которых ведает гость Алексей Филатьев. А мы приехали к Москве октября 1 дня, дал Бог в добром здоровье, а генералиссимус изволил притти в 10 день, и встреча была всеми четырьмя солдатскими полками; также и святейший патриарх (Зотов) приехал наутрие того дня в добром здравье. По сем здравствуй. Pt. Из Преображенского октября 11 дня».

Все исполнил скоро и уже хотел отправлять, но пришла еще одна просьба из Преображенского:

«Федор Матвеевич!

Ренскому, что у Книпера, о цене пришли роспись да одну бочку, которую я из них хвалил, пришли не помешкав, да Петру Ивановичу молви, чтобы инструмент прислал, совсем, я у него видел, а мне нужно на время. По сем здравствуй, а у нас все здорово. *Petrus*».

Пришлось задержать обоз на Москву, отправлять все разом, и зеркала, и органцы, и ренское...

Потекли воеводские будни. Казна требовала денег, город и деревня порядка, народ суда по справедливости. Дьяки, подьячие, прочие чины старались побольше урвать, за всем нужен был глаз.

По первому снегу повезли на верфь из Вавчуги досья и брусья. Почти каждый день верфь разгребали от снега, стряхивали порошу с аккуратно сложенных стопками досок. Над Двиной замельтешил снегопад, укрывая скованную льдом полноводную реку. Долгие ночи сменял короткий зимний день. Оно и день не день. В полдень изредка стылое солнце проглянет сквозь морозную мглу, а так метель да снегопад неделями скрывают светило, и недолгие дни кажутся серыми и тоскливыми.

Перед Рождеством пришла весточка воеводе от брата Петра. Среди других новостей промелькнула тревожная: царица Наталья Кирилловна занемогла.

Воевода исправно посещал все будние и воскресные литургии в Успенском соборе. Обычно после службы в церкви Афанасий приглашал к себе в архиерейские палаты отобедать. Прошло Крещение, и с очередной почтой на съезжей появились долгожданные корабельные мастера из Голландии Никлас и Ян. Апраксин обрадовался. «Слава Богу, теперь дело на верфи наладится». Вызвал дьяка Озерова:

— Обустрой их в добрых избах, Андрей. Быть может, в Немецкой слободе. Там их родичи живут не первый год. Все им полегче придется. Одежду справь зимнюю. Завтра с утра на верфь их поведу.

Озеров понимающе кивнул и протянул воеводе кожаную сумку:

— От государя почта. — Дьяк мялся, пока голландцы не вышли за дверь, тогда приглушенно проговорил: — Почтари скаывают, царица Наталья Кирилловна Богу душу отдала.

Сразу прошибло потом воеводу, дрожащими пальцами открыл он конверт.

«Федор Матвеевич, — как обычно, по-родственному обращался царь. — Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце. Обаче вспоминая апостола Павла, «яко не скорбите о таких», и Ездры, «еже не возвратити день, иже мимо иде» сия вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего (о чем и сам подлинно ведал), еще поелику возможно, рассуждаю яко всемогущему Богу и вся по воле своей творящу (так угодно). Аминь».

Слезы текли по щекам воеводы, вспомнились давние годы, когда он, малец, в первый раз увидел молодую жену Алексея Михайловича, добрую, милую в обращении. Потом стольником Петра ощутил на себе ее благодушие, материнскую благожелательность к тем, кто в те смутные времена был верен ей и опекал ее сына... Тяжело вздохнул, ладонью вытер глаза и продолжал читать письмо. «По сих, яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу. Понеже по обещанию моему, паче же от безмерной печали, незапно zde присетити хочу, и того для имам некие нужды, которые пишу ниже сего: 1. Посылаю Никласа да Яна для строения малого корабля, и чтоб им лес, и железо, и все к тому было вскоре готово, понеже рано приехать имеем. 2. Полтора ста шапок собачьих и столько же башмаков разных мер сделать, о чем в готовности не сомневаюсь. И желаю от Бога купно здравия компании вашей.

Piter».

Сквозь слезы Апраксин улыбнулся: «Не позабыл Петр Алексеич, как продрог у Поноя, знать, опять замыслил плыть к океану».

Вечером в зимнем полумраке тоскливо ударил большой колокол Успенского собора. Архиепископ отправлял панихиду, заупокойную литургию по усопшей царице...

После панихиды архиерей и воевода, по православному обычаю, помянули покойную царицу. Говорили только о ней и Петре.

– Теперича одинок государь, разве Евдокия-царица да сынок ему в утешение, – заметил Афанасий.

Апраксин через силу криво улыбнулся:

– Чаю, не ведаешь отче, разлад у государя с Дунькой. Нынче завелась у него зазноба иноземная, в Немецкой слободе, Анка Монсиха. Вся Москва об этом толкует.

– Все беды от них, от баб, – просто рассудил Афанасий, – ибо в Библии сказано – горе тому человеку, через которого соблазн приходит. Не будет доброй жизни у той немки.

Помолчав, Апраксин вспомнил:

– Не позабудь, отче, в сороковины отслужить литургию.

– Кого учишь, воевода, давно в календаре помечено...

Февральское солнышко перед Сретением нет-нет да и напоминало о приближающейся весне. С навеса верфи упали первые капли. Отстояв литургию на Сретение, Апраксин поспешил на Соломбалу. С приездом голландских мастеров работы на верфи вошли в тот привычный Апраксину ритм, который прежде царил на Плещеевом озере. Плотников разделили на несколько групп. Одна выделяла из дубовых кривулей форштевень, другая – ахтерштевень, третья тесала из сосновых брусьев составные части шпангоутов. Присматриваясь к иноземцам, их мастерству, Апраксин невольно вспоминал их земляков в Переславле.

Начиная каждую новую работу по выделке очередного шпангоута, голландцы вытаскивали свои записи, что-то в них чиркали, потом углем чертили на брусках конфигурацию детали.

«Где же у них вся посудина изображена?» – задавал себе не раз вопрос воевода, но пока помалкивал. Старший строитель Никлас между тем каждый день просил новых работников.

– Хочешь, воевода, успеть к сроку, присылай еще плотников.

Апраксин развел руками:

– Две дюжины у тебя, а в городе добрых больше не сыскать. Обходись покуда этими.

Но сам дьякам и подьячим на съезжей наказал:

– Губные старосты пускай по деревням поищут толковых плотников. Покуда зима, все одно им на печи валяться. Здесь деньгу подработают.

Никлас почти каждый день напоминал о железных деталях: болтах для скрепления частей шпангоутов, угольниках-книж, соединяющих воедино набор корпуса, других поделках.

– Не позабудь, воевода, блоки и канаты заказать для таке-лажа, – теребил другой мастер, Ян, – без них мачты ставить не будем.

В Москву собрался старый знакомый, сержант Семеновского полка Куроедов из стрелецкого полка.

Где в Архангельском сыщешь добротные блоки? Вспомнил, что царь сам обещал их изготовить.

Апраксин сел за письмо, просил о блоках, намекнул, может, есть какие перемены с отъездом. Ежели все по-прежнему, когда ожидать и сколько людей прибудет. Привык Апраксин загодя все предусматривать.

Через две недели пришел ответ от Петра. Как часто бывало, любил пошутковать царь. «Совсем там с Бахусом породнились, Ромодановского на царство посадили!» – усмехаясь, читал письмо Апраксин.

«Федор Матвеевич, письмо твое через Михайлу Куроедова мне вручено и выразумев, доносил о всем государю своему и адмиралу, который, нас выслушав, указал мне ж отписать тебе сими словами: 1. что он, государь, человек зело смелый к войне, а паче и к водному пути, о чем и сам ведаешь; и для того здесь далее апреля последних чисел медлить отнюдь не хочет; 2. такожде и брат его, государев, любовью с ним, паче же рвением, яко афиняне, нового ищущи, обязал его в сем пути, також оставити не хочет; 3. шаутбей-нахт¹ будет Петр Иванович Гордон, всех людей будет близко трех сот разных чинов; а кто и в каком чине и где, о том буду писать впредь. И того для во всем прилежнее поспеши, а паче в корабле. По сем аз и с товарищи, у работы блочной будучи, много кланяемся. Здрав будь. *Piter*. Марта в 5 день».

Дочитал письмо и поехал на Соломбалу. У кили уже торч-

¹ Шаутбей-нахт (шаубенахт) – контр-адмирал.

ком стояли закрепленные форштевень и ахтерштевень. Как раз плотники устанавливали первый кормовой шпангоут. Не вмешиваясь, Апраксин стоял в сторонке, наблюдал, как распоряжаются голландцы. После установки шпангоута на место его временно, чтобы не сдвинулся, скрепили досками с ахтерштевнем. Голландцы подошли к Апраксину, слегка поклонились.

— Будут тебе блоки к сроку, — сказал воевода Яну, — государь о них печется.

С верфи воевода поехал к стрельцам. Снивенса недавно произвели в полковники, и он наводил порядок в стрелецком городке, прошлись по казармам.

— Государь письмо прислал, наказывает все по порядку готовить. Сам по весне будет.

Полковник повел воеводу в оружейную избу.

— Пищали, воевода, старые, замки поизносились. Добрая половина для боя не годна. Пальбу для государя учиним, а ежели для неприятеля, худо придется. Пороху тож мало припасено. Дай Бог, хватило бы встретить государя.

— Ведаю, о том и государь прознал, когда здесь был. Ежели что, монастыри подмогут.

Но царь не забыл своего обещания, очередная почта обрадовала Апраксина. «Федор Матвеевич! по указу великого государя генералиссимуса князя Федора Юрьевича, — опять шуткует, закашлялся Апраксин, — пороху 2000 пуд, так же и 1000 самопалов посланы, а ружья отпущены до Вологды, а с Вологды водою велено везть. А о ружье и незадолго до нас придет, не опасайся для того, что зело хорошо и цело и переправки не хочет, разве дорогою испортитца; а я именно наказал беречь. А блоки на корабль все заделаны и отпущены на четвертой неделе на Вологду. И о том, пожалуй, скажи нашим товарищам Никлосу да Яну, и великий поклон от всех нас. Да, пожалуй о пиве не позабудь. Также и 24 пушки готовы. По сем в обоих естествах купно здравствуй. *Piter*».

Письмо-то отослал, но спохватился, забыл сообщить существенное. И послал следом воеводе записку. «Запасы и пиво и прочая рано изготовить вели, а мы будем зело рано по вешней воде. Да отпиши в кое время там лед расходится. А железо с Олонца от Бутмана, и я ему о том говорил».

А весна тем временем брала свое. Солнце все дольше задерживалось в поднебесье. С Двины веяло ветерком, привкусом тающего речного льда. Проталины на санных колесах давно почернели, в полдень по ним журчали ручейки. Запестрели первые бурые макушки на буграх, почернело в лесу, вокруг окольцованных талым снегом деревьев.

Завалинки подле изб обозначились тонкой кромкой льда, сквозь которую просвечивала земля.

Как всегда, одними из первых возвестили наступление весны стаи снегирей, потянувшиеся с южной кочевки к родным гнездовьям. Обрадовавшись первому теплу, они оглушительно галдели на почерневших ветках деревьев. В ельнике закрипели старческим приговором сороки, заматались по веткам в поисках дремавших козявок. Начали распускаться почки на ивах и вербах, окутываясь нежным серым пушком.

Наступление весны заметно оживило пеструю картину сооружения судна первой царской верфи в Соломбале. Вечерами солнце высвечивало за Кузнечихой контуры большого судна. Раньше такого архангелогородцы не видели.

На берегу Кузнечихи, закрыв лавки, толпились торговые люди, посадские ремесленники, поморы.

— Вишь, царь-государь дело затеял, великую посудину ладить наказал.

— Сказывают, за море станет плыть, нашенских купцов к иноземцам с товарами повезет.

Не преминул отметить незаурядное событие в жизни города и местный летописец: «В то же лето, весною, по указу великого государя, ближний стольник и воевода Федор Матвеевич Апраксин у города Архангельского про великого государя строил новый корабль, у дела корабельного были иноземцы и русские люди».

Очистившаяся от остатков снега и наледи верфь с каждым днем становилась оживленной. Тянулись с Вавчуги последние сани, груженные досками для обшивки, везли канаты и якоря, с Олонца прибыли первые пушки. Сам корпус все больше напоминал очертания корабля. Плотники успели обшить досками подводную часть судна.

С рассветом воевода появился на верфи. Не торопясь, подошли Никлас и Ян, поздоровались. Апраксин выжидающе

посмотрел на них: «Привыкли, черти, у себя в Голландии вразвалочку мастерить».

— Все по-доброму пошло, Федор Матфей, — проговорил Никлас.

Апраксин, вспоминая привычки Петра, как-то пригласил мастеров к себе, угостил, расспрашивал про тонкости корабельного дела, про Голландию. С того вечера они стали называть его по имени. Никлас между тем, медленно подбирая слова, продолжал:

— Три недели, фрегат на воду пускать можно.

— Дай-то Бог, — облегченно вздохнул Апраксин, — к этому времени поспеть надобно, хоть тресни. Великий государь к нам в путь отправится недели через две. В конце пасхальной недели ночью загрохотало на Двине, ледяной панцирь взломало, начался ледоход. Через неделю пришла первая весть — великий государь покинул Москву и отъехал в Архангельский.

Апраксин еще зимой просил вологодского воеводу, князя Львова дать знать о выезде царя из Вологды. Архиепископ тоже предупредил своих пастырей с верховьев Двины, чтобы оповещали архиерейский дом о движении царя.

— Не тревожься, Федор Матвеевич, священники меня еще не подводили. Вчерась прискакал гонец от протоиерея Успенского собора из Великого Устюга, поведал забавную историю. Государь-то в Великий Устюг пришел караваном, воевода Толстой пригласил отобедать, а царь отказался съехать на берег, устроили застолье на другом берегу Сухоны, где стоял караван.

Служка принес штоф с вином, Афанасий наполнил чаши, собеседники отпили вина. Архиерей улыбнулся и продолжал:

— Мне-то ведомо, в Успенском соборе устюжском протоиакон Михайла Сурнов да певчий с посада Федор Шапошников с сыном втроем-то как заголосят, стены соборные ходуном ходят. — Афанасий прервался, пригубил вина. — Дак вот, вечерню-то служили в соборе, а на другом берегу государь явственно их голоса различал. Тут же распорядился Шапошникова с отпрыском Андреем доставить к нему утром. Послушал их пение и повелел отправить обоих в Белокаменную, причислить к хору в соборе Успенья при Кремле.

Апраксин слушал не прерывая, а сам размышлял: «Стало,

государь Великий Устюг миновал, на неделе, глядишь, в Холмогорах объявится».

— Государь-то, отче, вот-вот нагрянет.

— Мы его упредим. Присмотрел я доброго молодца, сына боярского, пошлем его встречать государя. Он-то все и укажет.

— Сие добро, — отлегло на сердце у Апраксина, — а этим временем я на верфи займусь, подгоню рабочих, да и стрельцов проведу.

Афанасий исполнил все, что задумал. «Мая 16 числа в среду, с Холмогор преосвященный архиепископ к его царскому величеству послал из дому архиерейского, сына боярского Михайло Окунева, — гласит летопись. — Великого государя дощаник встретил прям Копачевской деревни... Государя благожелание есть шествовать мимо Холмогор, прямо к городу Архангельскому... Тот сын боярский приехал в Холмогоры 17 числа... Сего же дня по утру ближний стольник и воевода Федор Матвеевич Апраксин из Холмогор пошел к Великому государю на встречу».

В устье Вавчуги Апраксин поднялся на борт царского струга. Царь без обиняков обнял Апраксина, повел в каюту. Вначале помянули накоротке Наталью Кирилловну. Петр передал письмо из дома, Федор сунул его в карман.

— Пушки, государь, не все досланы с Олонца, четырех не хватает.

— Немедля Бутману отпишу, да они, наверное, в дороге, этот немец аккуратный.

— Тогда дозволю, государь, отчалить. Надобно встретить по артикулу.

Петр недовольно сморщился:

— Артикул, добро. Только ты меня с глазу на глаз да на застольях величай по-прежнему, с именем-отчеством.

Апраксин виновато шмыгнул носом.

— Так и будет, госу... — чертыхнулся, — Петр Алексеич.

Не останавливаясь в Холмогорах, царский караван проследовал вниз по Двине, а воевода поскакал вперед берегом.

Не мешкая, Апраксин поехал на верфь.

— Государь велел готовить фрегат к спуску днями, — сказал он Никласу. — Где что не поспели, на воде доделывать будете.

— Мачты поставим после спуска, когда положим балласт, — ответил голландец, — после чего пушки.

— Действуй, как по уставу твоему положено. Первое же дело — сей же час приступай готовиться к спуску.

— Когда на воду, сколь времени запас?

— Видимо, один-два дня, государь ежели замыслит, борзо производит каждое дело.

Никлас пожевал губами:

— Думаю, успеем, воевода.

— Так ты не токмо думай, а все приуготовь, а я ухажу к городу, у меня забот немало...

Утром шняка воеводы стояла на якоре выше по реке у границы города. На пригорке у излучины верховой стрелец выстрелил из пищали, подал условный знак, что показался царский караван. «Великий государь пришествовал к городу Архангельскому 18 дня в пяток 8 часа дня. Воевода Ближний Стольник Федор Матвеевич Апраксин Великого Государя встречал, выехав на шняке своей выше Архангельского монастыря. Стрельцам Архангельского города полку стойка была полным строем, возле города по обрубку. Егда шествовал Великий Государь мимо города, в то время стрельба была из пушек и из мелкого оружия. Великий Государь дощаником своим становился к Архангельскому мосту...»

Летопись не сообщила еще о перезвоне колоколов городских церквей, разносившемся на всю округу. Архиепископ ожидал царя по уговору в полюбившейся ему в прошлый приезд церкви Святого Ильи Пророка на Кегострове. Пересев в шняку Апраксина, царь с ближними отправился туда.

Отслужив благодарственный молебен, сразу отправился на Соломбалу. Свита ворчала. Проголодавшийся Лефортов жаловался Гордону:

— Опять государь к водяной утехе направился, сколь можно на пустой желудок терпеть...

Петру сразу понравился внешний вид фрегата. Конопатчики заканчивали пробивать паклей крайний, верхний пояс обшивки. Под днищем лазали перемазанные люди, покрывали корпус вторым слоем смолы, на носу авралили полтора десятка такелажников, загружали многопудовый становой якорь.

Подозвав Никласа, царь выслушал его, обошел фрегат, пригнувшись. Не обращая внимания на испуганных рабочих, заглянул под днище, провел пальцем по обшивке, спросил у Никласа:

— Смола-то липнет?

— Еще день, государь, высохнет.

— Не государь я на верфи, зови меня просто шхипером.

Голландец слегка покраснел, недоуменно вытаращил глаза.

Забравшись по дощатой лестнице на леса, Петр спрыгнул на палубу, спустился вниз, поманил мастера:

— Размерен ли сей корабль на бумаге?

Никлас пожал плечами, вытащил из кармана пачку испиленных листов.

— Здесь, господин шхипер, размер каждого члена фрегата. Точно такое судно я строил в Амстердаме...

Царь досадливо прервал Никласа:

— Не о том толкую. Неужто нет у тебя на едином листе фрегата вида рисованного, с размерениями тех членов?

Никлас непонимающе вытянул нижнюю губу, скривил физиономию:

— У нас в Голландии не принято рисовать судно, которое строишь. Каждый мастерит по своим меркам, и строят добрые суда.

Вечером дома Федор читал письмо. Андрей сообщал о беде. Оказывается, Пелагея забеременела, роды наступили прежде времени, тяжелые, дитя родилось неживое, едва отходили Пелагею. Апраксин тоскливо взглянул в окно. «Так-то и оженился ты, брат...»

Спуск судна на воду схож в чем-то с рождением живого существа. При появлении на свет в установленные природой сроки новорожденный покидает материнское чрево и переходит в совершенно другую среду обитания, в которой и обретается до своей кончины.

Подобно этому и каждое судно покидает верфь, место на суше, где его создавали руки людей, попадает сразу в объятия родной водной стихии, где ему предстоит провести долгие годы своего существования.

Парусное судно по технологическим причинам лишь пос-

ле спуска на воду вооружается мачтами, рангоутом, такелажем и парусами, загружается балластом. На военном корабле, кроме того, устанавливают орудия и грузят все необходимые к ним боевые припасы.

Само же рождение каждого нового судна, большого или малого, дощаника или многопушечного фрегата, отмечается торжеством...

Ночь перед спуском фрегата на воду Апраксин, уподобляясь повивальной бабке, провел на верфи. «Как-никак, — размышлял он, — а сей фрегат — мой первенец. Да, пожалуй, и первый боевой российский корабль на Беломорье». Собственно, и ночь-то не обозначалась, как положено, мраком. Едва скрывшись за горизонтом, через час светило вновь брызнуло лучами, ярким светом озаряя стоявший на стапеле фрегат.

Невыспавшийся воевода зажмурил глаза и присел на лавку, блаженно улыбаясь в полудреме: «На Двине-то все по-чуждому. В зиму, когда надобно, светило не светит и не греет, в лето все наоборот».

— Федор Матфей, — потревожил Апраксина за плечо Никлас. — Кажись, все готово, поди посмотри.

Притомленные за ночь плотники, прикрывая глаза от солнца, довольные своей работой, сидели на бревнах, а кто и растянулся поодаль на теплой стружке.

Сначала Апраксин обошел стапель, осмотрел помост — все ли убрали лишнее, какая-нибудь чурка на пути скольжения фрегата могла привести к беде. Потрогал последние крепежные подпоры, удерживаемые двумя большими клиньями.

— Поставишь на второй-то клин десятника да сам рядышком находишь, — предупредил он Никласа. — Я-то буду подле государя, мало ли што стрясется.

Хватаясь за натянутый канат, Апраксин полез по сходням на фрегат. Не счесть, сколько раз забирался он по этой лесенке на строящееся судно за последний месяц.

На носу такелажники складывали в бухту просмоленный якорный канат.

— Коренной конец надежно ли закреплен? — сразу спросил он у Яна, ощупывая взглядом уходивший под палубу канат.

— Сам проверял, воевода, у кия скобой прочно скреплен, — ответил голландец.

— Останешься на судне старшим, на баке¹ находишься. Не забудь доглядеть, чтоб штандарт государев вовремя вздернули на корме...

Петр пришел на шняке после полудня, с опозданием, но в хорошем настроении. Прищурился, с хитрецей подмигнул:

— Припозднился вчера с компанией, Федор. Все ли готово, как фрегат?

— Все готово, Петр Алексеич, токмо тебе подпоры вышибить.

Солнечным полднем 20 мая 1694 года на стапелях Соломбальской верфи царь выбил собственноручно подпоры. Первый российский двадцатичетырехпушечный корабль, нехотя, чуть качнувшись, набирая ход, скользнул в устье Двины, рассекая зеркальную гладь. На корме, расправляемый весенним ветерком, затрепетал полосатый, трехцветный, бело-сине-красный флаг России.

Грянули пушки, повеяло гарью от полозьев на стапелях, шипели в воде всплывшие салазки. С носа фрегата, взметнув фонтан брызг, бултыхнулся в воду якорь, с двух сторон спешили шлюпки, заводили буксиры, тянули судно к достроечной пристани. По установившейся со времен Плещеева озера традиции на верхней палубе праздновали успешный спуск и подъем флага.

Пили здоровье царя, корабельных умельцев.

После бессонной ночи Апраксин быстро захмелел; и то и дело вздремывал от усталости. Петр наполнил кружки, толкнул его в бок:

— Очнись-ка, Федя. — Встал, посмотрел на корму, где реял штандарт, на разлившуюся многокилометровую ширь Двины. — Спасибо умельцам соломбальским за сие судно, да нельзя не выпить здоровье воеводы двинского. Вижу, не токмо зело усердие его нашим помыслам и старание, но дело знает оное по-нашенски, творит по совести, смекалку являет. Здоров будь, Федор!

Не садясь, переждав, пока все уgomонятся, добавил:

— А имя судну нарекаем по второму апостолу — «Святой Павел».

¹ Б а к — носовая часть верхней палубы судна.

За столом разом загалдели, потянулись поздравлять Апраксина. Меншиков, как всегда, ревниво, но без зависти поздравил первым.

— Будь здоров, воевода, люб ты мне.

«Однако хамоват становится Алексашка», — чокаясь, подумал Апраксин.

— Сколь долго в отделке будет судно? — хрустя любимым соленым лимоном, спросил Петр сидевшего напротив Никласа.

Голландский мастер, как всегда, ответил не сразу, немного подумал:

— Видимо, господин шкипер, не менее месяца займет. — И пояснил: — Надобно мачты подогнать по месту, установить такелаж, оснастить, паруса проверить. Еще спасибо, что не течет корпус.

Пир на корабле затянулся, но никто не заметил позднего часа. На голубом небе не было ни облачка, красно-медный диск солнца катился по горизонту, не помышляя скрываться из глаз.

Петр посмотрел на Апраксина, будто спрашивал.

— Дай Бог нам достроиться за это время. — Воевода поддерживал Никласа. — К тому же все одно, торопиться пока некуда. Фрегат из Голландии неведомо когда будет.

Еще в Москве на совете с «адмиралами» царь обговорил идти в плавание на новом фрегате.

— Добро, — согласился царь, — будем ждать вестей от Виниуса. А пока суть да дело, пойдем-ка на Соловки, навестим преподобного Фирса, как думаешь, владыко? — обратился царь к Афанасию.

Афанасий перевел взгляд на Апраксина.

— Там, государь (Петр поморщился, но не перебил), твой воевода уже погостил, нынче твоя очередь.

Царь неожиданно резко дернулся в сторону, недовольно прищурился:

— Как так, Федор, когда ты поспел?

Не любил Петр, когда его в чем-то упреждали, да еще без его ведома. А тут еще в таком деле, как море. Царь засопел, схватил огурец, заиграл желваками.

Афанасий добродушно проговорил, прерывая молчание:

— Каждому христианину, государь, не заказана дорога в церковь. Воевода монастырю Соловецкому как правитель дань принес.

Петр ухмыльнулся:

— Ну, это дело другое. Меня-то архимандрит жалует?

— На Соловках, государь, преподобный настоятель с терпением ожидает приезда высоких гостей. Неделю, как он прислал кочь для вашего отвозу в обитель.

— А мы на своей посудине, «Святом Петре», туда двинемся, а кочь пушай следом идет, нам веселей станет. — Петр оглядел сидевших за столом. — Возьмем немногих. Тебе, Федор, там делать нечего, упредил-таки меня. — Он посмотрел на боярина Стрешнева. — Ты, Тихон, в прошлый раз с нами не был, Франца прихватим, Никита, князь-кесарь наш Бахусов, Алексашка с Захарием. — Петр повернулся к Афанасию. — А ты, владыко, пойдешь с нами?

Афанасий улыбнулся, словно ждал этого вопроса:

— Как не пойти, государь, с тобой, ежели сам жалуешь. Святое мое дело благословение Божье к тебе приветить.

— Быть по сему, а своих дьяконов сам определишь, да и нашего духовника не забудь.

На другой день обедали на «Святом Петре». Яхта стояла у пристани, грузили провизию, тянули такелаж, проверяли паруса. Команда обновилась, не было прошлогодних потешных, кроме Склеяева и Меншикова. Отыскивали Енсена и Прохора. Оказалось, что деверь на Соловках не был ни разу. Апраксин нашелся:

— Часть матроз возьмем с коча монастырского и кормщика, он те места должен знать.

Накануне на яхте пировали, Петр пригласил за стол всех попутчиков. По привычке заставлял всех пить, даже через силу. В этом деле послушным помощником шкипера, как всегда, оказался Никита Зотов. После возвращения из ссылки он исподволь превратился из духовного наставника в прошлом в патриарха пьяных застолий.

— Никитушка, штой-то Захарий наш отстает от компании, подлей ему секты¹, — входя в роль, командовал царь.

Захмелевший с непривычки доктор долго отказывался:

¹ С е т — виноградное вино.

– Петр Алексеевич, неумогу, душно.

В самом деле припекало, ветер стих, палуба раскалилась.

– А ты выпей, легче станет, – шутил Петр, подмигивая Никите, – выйди на палубу, там проветришься.

– Пей, тебя государь жалует, – тыкая полной кружкой под нос Гульста, подначивал Никита.

Все-таки заставили выпить...

Покидали Архангельский в день рождения шкипера, после обеда.

На яхте прибавилось пассажиров. Афанасий прихватил ризничего и дьякона. С ними появился и кормщик, служка Соловецкого монастыря. Бухнулся в ноги царю.

– Подойди, – поднял кивком Петр, цепким взглядом ощущая кряжистого, лохматого монастырского служку, не торопясь спрашивать, кто, откуда.

– Антипка, сын Тимофеев, мы сумские, при монастыре.

– Путь ведаешь?

– Знамо. Сызмальства кажинное лето от Соловков по Беломорью в окиян да на Колу хаживаем.

От пристани соловецкая кочь отваливала сама, а яхту пришлось буксировать шлюпкой на стремнину. Ветер затих, паруса обвисли и только течение и начавшийся отлив потащили «Святого Петра» вниз по реке.

Апраксин и Гордон с провожающими долго стояли на пристани, пока яхта и карбас не исчезли за поворотом...

Апраксин пригласил Гордона:

– Прошу, Петр Иванович, откусать, поведаешь мне новости стольного города.

Генерал хлопнул себя по лбу:

– Тебе поклон братец передавал, да я запамятовал.

Сидели долго, Гордон остался ночевать. Наутро за Гордоном пришел его зять, полковник Снивенс.

– Пошли с нами, воевода, – пригласил Гордон.

Уговаривать Апраксина не пришлось, соскучился он по общению с давними друзьями.

– Заеду на съезжую – и к вам тотчас.

На съезжей Озеров, как обычно, доложил о делах. Апраксин направился было к двери, но она распахнулась, и на пороге появился Лефорт. Обычно краснощекий, веселый, Франц

сейчас не походил на себя. Осунувшийся и бледный, с обмякшей фигурой, он растерянно смотрел покрасневшими глазами на Апраксина.

– Беда, Федор, Гульст помер, никто не видел, ночью представился.

Апраксин оторопел, перекрестился, потом усадил Лефорта, и тот рассказал, как все случилось.

– Видимо, сердце не выдержало, – виновато закончил Франц.

...Хоронили царского лекаря на другой день. Ясное с утра небо к полудню заволокло рваными тучами. Западный ветер крепчал. Пастор на лютеранском кладбище, придерживая шляпу, спешил прочитать молитву. Порывы ветра рвали полы его сутаны, засыпали сухой землей лица людей, провожавших в последний путь Гульста.

Поминали усопшего по-православному у воеводы. За окном бушевал ураганный ветер. На поминках больше говорил Лефорт, он хорошо знал покойного Гульста, ценил его добро-совестность, лекарские способности.

– За государем Захарий как тень ходил, присматривал будто за ребенком. Помнишь, прошлый год выходил его, когда государь животом маялся.

Апраксин устало вздохнул, отпил вина, кивнул на окошко:

– Каково-то теперь им на яхте в море. Небось взыграло оно, ветер-то сатанинский.

– Ничего, государь наш не из робкого десятка, одолеет и море.

Апраксин невесело усмехнулся.

– Не то говоришь, Франц. Не в обиду, ты-то хотя и адмирал, в море не хаживал. Оно, братец, не разбирает, где царь, где смерд. – Апраксину почему-то вспомнились Унские рога. – Швырнет посудину на камни, попробуй выплыви...

Весь день высокие волны кидали «Святой Петр» из стороны в сторону, а ураганный ветер помалу оттаскивал судно от едва видневшегося вдали берега в открытое море. На яхте решили переждать непогоду на якоре. Распоряжался на судне Петр, но промокший за день насквозь он пошел передохнуть.

– Будем якоря отдавать, – твердо сказал Прохор соловецкому кормщику, – попытаемся отстояться.

– Оно так, однако паруса прежде подобрать надобно, – согласился Антип.

Наверх вызвали Меншикова, Склеява, всех, кто держался, кое-как подобрали нижние паруса. Сначала отдали левый якорь. Потравили почти весь канат, но якорь полз, едва зацепился за грунт. Пришлось отдавать и правый якорь, но он тоже волочился по дну, плохо держал. Временами, натягивая канат, яхта нехотя останавливалась.

Петр появился наверху спозаранок, видимо едва прикорнув. Антип кивнул на подобранные паруса:

– Нынче на якорях пытаем задержаться.

Ураганный ветер тащил судно, и яхта продолжала дрейфовать.

– Противняк! – прокричал Антип на ухо Петра.

Руль подбивало то слева, то справа и штурвал крутило из стороны в сторону.

Изменив направление, ветер потащил «Святого Петра» дальше к северу, в открытое море. Судно то и дело кренилось, проваливалось в бездну. Временами бушприт зарывался в очередную волну, и весь корабль ходил ходуном. Скрипели переборки, а укрывшимся внизу попутчикам царя мерещились страшные картины неминуемой гибели. Совсем рядом, за какой-то хлипкой доской толщиной в один вершок, ощущались грозные удары бушующего моря, и казалось, что вот-вот деревянная обшивка не выдержит и наступит конец света.

Антип оглянулся. В предрассветной мгле по корме где-то у самого горизонта едва различалась темная полоска суши. «Унские каменья там, а деваться некуда. Эдак унесет нас далече, якоря, видать, не держат вовсе». Подозвал Прохора, отчаянно махнул рукой:

– Подбираем якоря, ставим паруса – и айда к губе. – Он кивнул за корму. – Кочь моя занемогла вовсе, едва виден парус, кажись, туда давно пустился.

Пока выбирали якорь, ставили паруса, совсем рассвело. Освобожденное от якорей судно развернуло в разрез волны.

Неожиданно на штурвал рядом с рукой царя легла широкая, узловатая ладонь Антипа.

– Дозволь, государь, сказать. – Царь кивнул, не отрываясь от картушки компаса. – Нынче нам в Соловки нет ходу. Судно и людишек убереечь надобно. Есть одна гавань способная, – он кивнул за корму на далекий берег, – там укроемся.

Ничего не понимая, Петр держался за штурвал, и, видно, ему пришлось не по нутру разговор.

– В себе ли ты, мне, шхиперу, указываешь?

Но Антип и не думал менять тон:

– На корабле, государь великий, кормщик один за все в ответе. Ты-то шхипер, а много не разумеешь в сем деле. Ни куда править, ни как без опаски судно провести.

– Слыхано ли, мне перечит, – вскипел Петр. В этот миг вдруг вспомнил Плещеево озеро, первую езду на рыбацкой лодке с Еремеевым, его властную руку на кормиле. «Однако и по делу, какой я нынче шхипер, ежели не ведаю многого, а он хотя и низкий смерд, а с пеленок знает».

Между тем и Антип хотя и знал, что грань переступает, но идти на попятную не мог.

– Нынче я в ответе не только за сей корабль и людишек, но и за твой живот, государь великий.

Он решительно перехватил штурвал обеими руками, давая окончательно понять, кто хозяин на корабле, и Петр поневоле отстранился. Штурвал в ловких руках Антипа закрутился, резко перекладывая руль на борт. Будто почуяв властную руку, яхта, на мгновение застыв на гребне волны, круто увалилась, накренилась, едва не черпнув бортом, подставляя корму ветру.

Отойдя от штурвала, скрестив руки, Петр встал позади Антипа, ловя взглядом каждое его движение. Только что «Святой Петр» лавировал в бушующих волнах, упрямо карабкаясь вверх, стремясь выйти на ветер и приблизиться хотя бы на один вершок к далекой цели – Соловкам. Теперь же все резко изменилось. Ураганный ветер гнал яхту в обратную сторону, неся ее к дальнему берегу, где таилась надежда на спасение. А быть может, и гибель на коварных, скрытых под водой камнях. Сейчас поневоле судьба «Святого Петра», как и его обитателей, перешла в руки одного человека – кормщика. Не-

заметными для постороннего глаза движениями штурвала он направлял судно верным курсом. Не отрывая взгляда от приближавшегося берега, он отыскивал одному ему знакомые, малоприметные ориентиры, вовремя замечал белесые всплески волн над грозными подводными скалами и, изредка вскидывая голову, посматривал на паруса. В редкие разрывы мрачных туч, закрывших сплошь весь небосвод, порою все-таки пробивался солнечный луч и, озаряя вспененную поверхность моря, перекидывался на лесистое побережье.

В какое-то мгновение Антип, бросив взгляд влево, вправо, круто переложил штурвал. Повинуясь кормщику, яхта повернула к берегу. Где-то далеко впереди замаячил вход в бухту. Антип вытер рукой лоб, вздохнул полной грудью:

– Кажись, пронесло.

Спустя час-полтора «Святой Петр», лавируя в извилистом проливе, вошел в Унскую губу и бросил якорь напротив стен белокаменного Пертоминского монастыря. С берега от монастырской пристани к яхте спешил под парусами дощаник...

Спустя неделю «Святой Петр» ошвартовался у городской пристани, оставив след в летописи: «Июня 13 дня на 6 неделе Петрова поста, в среду, Великий Государь пришествовал с моря из Соловецкого монастыря на яхте своей через Двинское, Березовское устье, во всяком благополучии и здравии со всеми путешествующими с ним, Великим Государем».

Обнимая царя, Апраксин заметил, что за минувшие дни в облике его появилось что-то новое. Жесткий взгляд помрачнел. У рта залегли небольшие резкие складки.

И первый же его вопрос касался моря:

– Ну, как «Святой Павел»?

Последние дни после похорон Гульста Апраксин пропадал на Соломбале. Вспоминая неурядицы на судах в Переславле, журил Никласа и Яна:

– Гляди, здесь бимс¹ со шпангоутом не в стыке. Щелка не-

¹ Б и м с ы – поперечные связи судна, служащие для поддержания палуб.

большая, а на море в непогоду враз бедой обернется. Болты затяни.

Голландцы недоуменно переглядывались: «Воевода, а в деле нашем соображает».

А Апраксин, спустившись вниз, придирчиво осматривал подволоки.

– Палубу кто конопатил? Вишь, ярило сквозь проглядывает? – провел пальцем по едва видимой полоске света в стыке досок.

А наверху галдели люди, ставили мачты, крепили реи, са- линги, тянули такелаж. С пристани на борт по настилу тащили на канатах пушки, устанавливали их на орудийной палубе.

И сейчас вопрос царя не смутил Апраксина.

– Герр шхипер, фрегат на славу, так, по мелочи осталось...

– Смотри, Федор, завтра поутру поглядим, а голландец не прибыл?

– Покуда нет.

Застолье в честь успешного завершения похода на Солов- ки отметили вечером у Лефорта.

Царь хохотал, вспоминая испуганные лица Ромоданов- ского, Стрешнева, Бутурлина. Потом посмотрел на улыбаю- щегося Гордона:

– Ты-то с нами не хаживал, а какой-же контр-адмирал без корабля? Надобно и тебя морем испытать. Жалую тебя на по- ход адмиральским судном «Святой Петр». Командуй, погля- дим, каков ты в море.

– Герр шхипер, повинуюсь, – согнав улыбку, поклонился Гордон, – прошу отобедать на моем флагмане...

– Благодарствуй, но успеется. Поначалу отпразднуем те- зоименитство.

Свои именины Петр справлял на рейде, где бросил якорь «Святой Павел». Возглавлял пир генералиссимус, и тоже во- лею царя адмирал, Ромодановский.

Не успели начать, привезли московскую почту. Царь за- вел порядок, чтобы вести из Кремля ему докладывали сразу. Первым прочитал письмо Виниуса. Тот извещал, что заказан- ный в Голландии корабль уже шесть недель как вышел в мо- ре. Но дальше Виниус отписал, что чертежей этого корабля голландцы не выслали.

— Гляди, — показал Петр письмо Апраксину, — то-то разумеешь, Визенн пишет, что не изволил найти мне чертежи голландских судов. У них, мол, оказия, всякий корабельный мастер делает по своему рассуждению, без доброго измерения.

— Как же так возможно, всякое судно отличие имеет, — согласился Апраксин. — Одно дело галера али галиот, и то они отличны друг от друга.

— И я о том же толкую.

Апраксин вспомнил.

— Мои-то мастера Никлас и Ян проворили фрегат, пытал я у них. Как, мол, сооружаете корабль, вслепую? А что предстоит на нем, не видать? Посмеивались, на башку показывали, но фрегат недурно сотворили.

— Я так маракую, Федор, на станке штуковину выточить, и то надобно загодя на бумаге ее начертать, как да что, размер обозначить. А судно механизм помудреней. Так то тем паче изображать поделку потребно.

— Для того, Петр Алексеич, своих мастеровых обученных иметь нелишне, да где их взять, а надо бы...

— Ладно, давай гулять.

Оказалось, корабль еще не крестил Афанасий. С этого и началось застолье. В разгар крестин Петр подозвал Бутурлина:

— Тебя я вице-адмиралом на сей вояж определил, а ты генерал без войска.

Захмелевший Бутурлин, глупо улыбаясь, пожал плечами, не догадываясь, чем его ошарашит царь.

— Так жалую я тебя сим фрегатом «Святой Павел», принимай команду.

Выпили здоровье нового капитана, а в это время Петру доложили:

— С Двинского устья идет фрегат из Голландии.

Петр выбежал на палубу. Из-за поворота медленно выходил трехмачтовый парусник.

Не успел корабль бросить якорь у Соломбалы, на борт поднялся сияющий Петр: «Мой фрегат! Первый, построенный кораблями в Голландии». Он расцеловал растерявшегося капитана Яна Флама, на палубе выстроил экипаж, сорок матросов.

На гафеле¹ — российский флаг, бело-сине-красный. Прошли по артиллерийским декам — сорок четыре пушки, по двадцать две на каждый борт.

— Как зелье пушечное, капитан? — спросил Петр.

— Порох три тыщи пудов, ядра, ружья, пистолеты.

В кормовых каютах все сверкало. Кровати под шелковыми покрывалами, переборки блестели полированным орехом, подволоки расписаны картинками, на палубе ковры.

— Капитан! Произвести салют, пять выстрелов в честь прибытия!

Петр подозвал Апраксина:

— Федор, разузнай, какие запасы Бахусовы на фрегате. Безотлагательно пиршество почнем.

Петр скинул кафтан, распахнул кормовое оконце. С устья потянуло моряночкой — легким северным ветром.

— Федор, вели послать за английскими капитанами, с кем давече знакомились. Пускай на наш корабль полюбуются.

Англичане не заставили себя упрашивать, нашелся повод хорошо повеселиться.

Первый тост пили за государей, русского, голландского, английского. Когда сильно повыпили, Флам спорил с англичанами — кто у них сильнее на море. Англичанин Джон Гримм примирил споривших:

— Нашим королям поровну нужно море. Без него нет жизни ни англичанам, ни голландцам.

— А чем Русь хуже? — Петр поднял бокал. — Мы також живот положим за море. Наш фрегат назвали мы «Святым пророчеством». Да будет сие пророчество добрым флоту нашему.

В это время прогремели корабельные пушки, Апраксин уловил жест царя, махнул шарфом.

После орудийных залпов раздались хлопки бутылочных пробок, вино полилось рекой, пили много и безудержно, пока не валились с ног. Захмелевший Петр здесь же, на борту корабля, отписал об этом Виниусу: «Пространнее писать буду в настоящей почте, а ныне, обвеселеясь, неудобно пространно писать, паче же и нельзя, понеже при таких случаях всегда

¹ Гафель — рангоутное дерево, висящее на мачте под углом.

Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати. Schiper Fon santus profetities. От Города, июля в 21 день».

Утром сладко спавших сподвижников разыскивал по каютам Алексашка – Петр собирал военный совет доморощенных адмиралов.

Как-то получилось, что он не пожаловал морского звания из присутствующих одному Апраксину, но тот в обиде не был...

Петр выглядел бодрым, как будто и не было вчерашнего веселья. Начал без раскачки:

– Нынче почнем собираться в поход в окиян. – При слове «океан» дремота слетела с физиономий «флотоводцев». – Следовать будем караваном. Проводим в океан голландских и аглицких купцов.

Тучный Ромодановский заерзал, мол, для чего затея такая рискованная, чай, не в Плещеевом озере веселиться...

– Тебе бы только тешиться. – Петр укоризненно посмотрел на князя-кесаря. – Того для плывем, – продолжал Петр, – дабы купчины иноземные поведали в своих державах, что и на Руси завелся караван морской.

За столом притихли, хмель помалу выветривался.

Прежде, в Переславле, царь шутя раздавал морские звания, для потехи определял капитанов на суда, мало задумываясь о коварстве водной стихии. Да и сейчас, уже испытав на себе нрав моря по пути на Соловки, он легковесно вручал судьбу кораблей с экипажами несведущим людям.

– Караван наш таков будет. – Петр положил на стол четвертушку бумаги. – Первым пойдет «Святой Павел», стало быть, ты, Иван. – Петр ткнул в Бутурлина. – За тобой пойдут четыре голландских брига, в середке главный адмирал, ты, князь-кесарь Федор Юрьич, на «Святом пророчестве», следом четыре шхуны аглицких. Позади, в конце, – Петр кивнул на Гордона, – «Святой Петр». Ты, Федор, – повернулся к Апраксину, – со мной на «Пророчестве» останешься, учить станешь Франца, а я займусь князем-кесарем.

На минуту установилась тишина, ее прервал Гордон:

– Сие дело не шуточное, государь, надобно по-доброму подготовить все.

Петр слегка скривился:

– Верно, Гордон, сказываешь. Токмо не государь нынче я, а шхипер для вас. Запасы нынче же все пополнить: зелья пушечного, провизии, воевода, распорядись. Чай, мы на Соловки хаживали, обошлось. А то в море не одну неделю буря замочает, хлебнешь горя.

Пока Флам приводил корабль в порядок после изнурительного плавания, отряд кораблей снаряжался к предстоящему походу. Прибавилось забот у Апраксина. Кроме всех припасов надо было приискать матросов на фрегат и яхту. «Какие шхипера князь-кесарь, Бутурлин, да и тот же Гордон, – беспокоился он. – Ответ мне держать перед государем, а нынче поморы-то ушли в море рыбачить, бить тюленей и китов». Пришлось вылавливать по кабакам оставшихся рыбаков, уговаривать иноземных матросов. Те отнекивались, заламывая цену. Все же кое-как набрали команды. Не удалось заставить лишь Прохора – ушел к Мудьюгу встречать купеческий караван.

Как водится, перед отправкой отслужили молебен, после литургии Афанасий «потчевал» адмиралов.

Накануне выхода в море Петр наведалься на яхту Гордона, вернулся, позвал Апраксина.

– Начертал я устав для похода, Гордон его для иноземных шхиперов переводит. Так ты озаботься сию цибулю на все купеческие иноземные суда донести. Поспеш, завтра-послезавтра тронемся.

Но выход задержался почти на неделю. Ждали «у моря погоды». Три дня дул северный противняк, его сменил штиль. На берегу ни один листочек на березах не шелохнулся. На кораблях изнывали от зноя.

Утром 10 августа заколыхались верхушки прибрежных елей, побежала рябь по воде, потянуло с верховьев Двины. «Святое пророчество» разразилось громом пушечных выстрелов: «Всем с якорей сниматься».

Один за другим, поднимая якоря, расправляя паруса, потянулись к устью суда морского каравана. Как на грех, к вечеру южак затих, пришлось переждать безветрие на якорях в Березовском устье. До Мудьюга добирались трое суток. Потом дело пошло веселей. Повеяло с запада, с каждым часом креп-

чал ветер, один за другим потянулись корабли к Терскому берегу. Караваном командовал царский фрегат «Святое пророчество», а на нем распоряжался, конечно, не князь-кесарь, а Ян Флам. Петр целыми днями не отходил от него ни на шаг, как тень следовал за ним по фрегату. Присматривался, прислушивался к Фламу и Апраксин, попутно наставляя Лефорта.

Ян Флам десятки кораблей приводил раньше к Архангельскому, «Святое пророчество» стало тридцать первым судном. Почти без слов отдавал команды. Матросы на шкотах, на брасах¹ смотрят на капитана и косят на боцмана. Стоит Фламу кивнуть головой, выбирают или потравливают шкоты, повернет голову, и боцман командует переносить паруса на другой борт. Чуть помашет правой рукой рулевому, и тот перекладывает штурвал вправо. Команда и капитан понимали друг друга с полуслова.

Капитан объяснял многое Петру, а Федор Апраксин вслушивался, приглядывался.

— Такое взаимопонимание, герр шхипер, дается большим трудом. Каждого матроса я знаю десяток лет. Как и они меня. Капитан должен твердо рассчитывать на свой экипаж. Команда должна верить своему капитану. — Флам раскурил трубку, вскинул взгляд на паруса, потянул глубоко носом, будто принюхался к ветру, загадочно улыбнулся.

— Но главное для моряка, что? — Капитан усмехнулся. — Нет, не женщины и не кабак. Всего этого будет с лихвой, когда в кармане зазвенит монета... — Флам вынул трубку, громко захохотал.

Апраксин кашлянул, то ли от табачного дыма, который не переносил, то ли от сказанного. За годы общения с иноземцами в Архангельском он составил определенное мнение о прочной любви к деньгам почти всех их в Архангельском.

Капитан «Святого пророчества» искоса поглядывал на царя. О чем-то, видно, своим раздумывает царь. Эти русичи не совсем постижимы, даже загадочны. Зачем государю такой громадной сухопутной страны обязательно знать морское ремесло, а впрочем, это его личное дело.

¹ Б р а с ы — снасти (веревки) бегучего такелажа для поворачивания рей.

Флам встряхнулся, показал трубкой на берег справа.

— Серый угол, герр шхипер, пора менять курс норд-ост.

Петр для порядка осмотрелся, позвал Апраксина, крикнул Меншикова.

— Быть по сему. Федор, караван надобно оповестить. Алесашка, зови князя-кесаря и Лефорта.

Борт флагманского корабля озарился вспышками орудийных выстрелов. Караван менял курс.

Пред заходом солнца ветер стих, колонна расстроилась, медленно продвигаясь к Терскому берегу. К утру ветер снова набрал силу, но едва в дымке показался Терский берег, нашел сильный туман. На судах ударили барабаны, зачастили корабельные колокола. Каждое судно обозначало свое место, предупреждая столкновение.

Когда туман немного упал, Петр с беспокойством оглянулся назад:

— Штой-то контр-адмирал наш запропастился...

Как потом оказалось, «Святой Петр» попал в переплет. Туман окутал яхту. Гордон начальственно ворчал, но командовал голландский шхипер Енсен. Он выслушивал Гордона, а сам делал все по-своему. Вскоре из тумана прямо по носу высунулась торчащая крестовина.

— О, это наш караван, — обрадовался Гордон, — правьте к нему.

Подвернули к востоку, и вдруг из тумана прямо на яхту двинулась громадная скала.

— О-о! — застонал, закрывая лицо руками, адмирал.

В тумане приняв крест на небольшом островке за мачту судна, яхту повернули к нему, она едва не чиркнула бушпритом¹ о скалистый берег. Спасло яхту то, что она едва двигалась, и команда успела отдать спасительный якорь. Потом буксировали судно шлюпками на безопасную глубину, а в это время караван лег в дрейф, ожидая пропавшую яхту Гордона...

На закате солнца слева осталось устье Поноя, а на рассвете, оставив далеко позади Три острова, обогнули Орлов Нос и

¹ Б у ш п р и т — горизонтальное или наклонное дерево, выдающееся с носа судна.

вышли в океан. Ветер постепенно зашел к востоку, с севера находила океанская зыбь.

Флам оглядел бескрайний горизонт, и прямо по курсу, и справа, и по корме он был чист, отсвечивая лишь белесой полосой дальних облаков на стыке неба и воды.

— Оттуда находит зыбь. — Флам ткнул потухшей трубкой к северу. — Там недавно сильно штормило.

Петр оглянулся. Яхта Гордона опять не держала строй, отошла влево, прижимаясь к скалистому побережью. Ландшафт Терского берега в этом месте постепенно менялся. Исчезли редкие сосновые рощицы на склонах речных каньонов, вдалеке протянулись цепочки лысых сопok, покрытых кое-где снегом.

Море заштилело, Петр собрал капитанов на совет:

— Пойдем далее к окияну, поелику возможно. Ежели задует противняк, попрощаемся с купцами и повернем в Архангельский.

Лумбовскую губу миновали светлой ночью, а к восходу солнца, когда вышли на траверз Святого Носа, ветер зашел круто к северо-западу и развел большую волну. Началась утомительная лавировка и черепашие продвижение вперед. Слева под берегом протянулась гряда островов. Кто-то из матросов-поморов проговорил: «Семь островов».

— Ну, покуда будет, — решил Петр, — с окияном поцеловались. — И распорядился Фламу: — Давай сигнал на обратный курс.

Пять пушечных выстрелов разорвали безмолвие океана.

Обменявшись прощальными салютами с голландскими и английскими судами, три российских корабля развернулись на обратный галс и направились к Белому морю.

На обратном пути Петр после обеда задержал в каюте Ромодановского, Апраксина и Лефорта.

— Нынче размышлял я о грядущем. Архангельский городок, худо-бедно, единные морские ворота в Европу. Покуда будем через них якшаться с иноземцами. Нынче снарядим «Святого Павла» товарами нашенскими и отправим в Голландию. — Петр посмотрел на Апраксина: — Тебе, Федор, о том забота.

Петр кинул взгляд в узкое корабельное оконце. Вдали исчезал в дымке Терский берег.

— Беломорье добро, но только от становищ наших далече. А главная база в зиму мерзнет. Надумал я пробиться к морю в теплых краях, воевать Азов. Того для не мешкая почнем готовить войско в Москве, по другим местам...

Возвращение первого морского каравана в родной порт не преминула отметить летопись: «Августа 13 числа великий государь на своих кораблях с немецкими из Двинского устья изволил путешествовать на море и ходил на кораблях за Святой Нос, далее Семи островов, и оттоль паки возвратился вспять».

Корабли бросили якоря у Соломбалы, Кегострова, царь собрал по обычаю своих адмиралов отметить первый поход.

Апраксин сидел как на иголках.

— Чего ерзаешь? — пошутил Петр.

— Заботы с фрегатом и людьми для него много, Петр Лексеич. На судне многое привести в порядок надобно, путь дальний, все добротнo надлежит сотворить.

— Управимся, завтра и начинай.

— Оно так-то, а людишек сыскивать где? Чаю, не на один месяц нанимать их придется. Шхипера доброго надо. А купцы-то все ушли, матроз не осталось в городе.

— Попытай Енсена.

Ввязался Гордон:

— Я его, государь, уже присмотрел на службу в Москву. Он согласие дал.

— Ну, ежели так, пуцай едет. Нам все одно потребны морские вои...

До отъезда царя Апраксин только и сумел, что поставил судно к пристани у Соломбалы и сразу вызвал Никласа.

— Фрегат назначен государем для отправки с товарами к иноземцам. Не сегодня-завтра осмотри, какие недоделки исправить надобно, чего не хватает. Роспись сотвори.

— Это можно, воевода, но завтра не успею. Фрегат велик, и срок надобен к такому делу готовить.

— А ты постарайся завтра доложить. Да помоги мне доброго шхипера сыскать. Потолкуй с земляками...

Всю неделю перед отъездом Петр устраивал застолья, а как без воеводы обойтись? Самому велел всюду быть. «Ему-то небось веселье, — досадовал Апраксин, — а мне ни одного сару-матроса еще не удалось уговорить».

Никлас пожимал плечами:

— Ходил по кабакам, спрашивал, покуда нет ни шхиперов, ни матроз.

— А ты не токмо по кабакам, — сердился Апраксин. — Поброди по Гостиному двору, поспрашивай своих земляков, торговых людей.

Никлас опять «обрадовал» в ответ:

— Фрегат, воевода, подправлять потребно. Такелаж не совсем добрый. Паруса для дальнего пути шить надобно, еще один-два комплекта.

— Для чего такое? — с тоской спросил Апраксин.

— Когда сильная буря, паруса быстро худыми становятся, их менять надо. Кроме того, и рангоут потребен в запас мало-мало.

— Еще чего? — опять не понял воевода.

— Буря мачты ломит, одну, а то и все. Их чем-то заменять надо. Иначе судну гибель.

Апраксин, остывая, подумал: «А в самом деле, поспешишь, людей насмешишь, а тут дело совсем новое, незнакомое».

Провожая царя, осторожно сказал:

— Петр Алексеич, того, этим летом корабль за море не отправим, не поспеем.

— Што так? — вскипел Петр.

— Наперво, команду не набрать...

— Мне сары сказывали, согласны.

— То тебе сказывали, а на другой день раздумали. Да и само судно неладное. Менять такелаж, шить паруса про запас, поделки другие изготовлять. — Петр раздраженно дергал губами, но Апраксин невозмутимо продолжал: — Кроме того, товара нет в достатке в магазинах, все увезли купцы иноземные. Да и какой товар-то отправлять?

— С купцами нашенскими потолкайся, расспроси. — Петр досадливо махнул рукой. — Гляди, Федор, останься, занимайся делом, меня проводит архиерей...

«Августа 26 числа, в неделю, Великий Государь изволил от Архангельского города, Богом соблюдаем, путешествовать к царствующему великому граду Москве, изволил шествовать большою Двиной».

Проводив царя, возвратился из Холмогор архиерей.

— Поведал я государю о заботах твоих, согласился он, что навряд ли в это лето поспеешь. Двина-то через месяц станет.

У Апраксина отлегло, будто камень с души свалился.

— А я тут отыскал шхипера голландского. У него на бригето подшхипер толковый, ответит его судно домой. Токмо денег великую ломит, а куда денешься. — Апраксин вздохнул. — С матросами туго, двух только уговорил...

На съезжую воевода заглядывал редко, спешил до ледостава привести в порядок «Пророчество», знал, что хоть царь и дал передышку, а весной загоняет. Но в Приказную избу, как официально называли съезжую, ему пришлось наведаться. В субботу его разыскал запыхавшийся подьячий.

— Почта от государя великого поступила.

«Еще что? Не успел отъехать, позабыл разве что важное, вроде бы все обговорили», — удивился воевода, направляясь в Приказную избу.

Распечатал письмо, и по мере чтения напряженное ожидание сменялось добродушным настроением.

«Min Her, — привыкая к иностранному обращению, писал царь, — сего августа в 29 день на Пенду приехали, слава Богу, живы. Как поехал, за суетою забыл, ныне молю исправить некие нужды, а именно: есть ли лимонов свежих будет много, половину посолить, а другую натереть на сахар искрошивши, всыпать в бутылки, а внутрь изрезать и пересыпать сахаром же в ставикие: а каково делать, и тому послал я образец. А буде мало будет, все заделать в лимонат. О секе и ренском не запамятовать, а об ином из каравана ни о чем не прошу, разве есть ли будут инструменты математические или тимерманские. Piter». Апраксин невольно засмеялся: «Ну и ну».

Во второй нынешний приезд в Архангельский Петр пристрастился к иноземному лакомству — лимонам. Каждый день ему подавали их на закуску к водке. А во время качки в море подавали засоленные лимоны, а к чаю обязательно с сахаром.

Письмо кончалось припиской целой компании: «При сем писавый преосвященный Гедеон киевский и галицкий благословенные посылаю. Фетка Троекуров, Фетка Плещеев, Ермошка Мешюков челом бьют. Один брат Гашка, Алексашка

Меншиковы, Гуморт, Алешка Петелин, Оська Зверев, Вареной Мадамкин. С Пенды».

«Пожалуй, перепились всей ватагой на Пенде. Тут тебе все в куче: и князь, и спальники, и бомбардиры, и «арла».

Улыбка постепенно сошла с лица воеводы. «Опять забота, где уж фрегатом заниматься». Крикнул Озерова, неожиданно спросил:

— До Пенды-то сколь верст отсюда?

Дьяк прищурился, соображая:

— Верст полтораста, не менее.

«Шустро прискакал гонец-то», — подумал Апраксин, возвращаясь в архиерейский дом. Афанасий первым делом спросил:

— Стряслось ли что важное?

— Была б охота, отче, у Петра Алексеича на уме то да се, а тут крутись.

Рассказал Афанасию, и тот рассмеялся.

— Молодо-зелено, Федор Матвеевич, переменится. Слава Богу, што государь лимонами тешится, а не батогамы...

Зима объявилась на Двине неожиданно... Первые ночные заморозки, как обычно в этих местах, совпали с отлетом последних стай журавлей. В конце сентября слегка подмораживало берега на мелководье, в речных заводах и на озерах. Утром на Покров день стылая земля оделась белым пушистым ковром. Было безветренно, в ночной тишине бесшумно опускались снежинки, сплошь укрывая белой пеленой все кругом. Только черневшая промоина реки напоминала, что зимняя пора еще не пришла. Однако вопреки ожиданиям первый снег так и не растаял. Спустя две недели ледостав сковал Двину, и ранние морозы возвестили о наступлении зимы.

Из Москвы долетали слухи о больших военных маневрах, затеянных царем близ Коломенского, в окрестностях деревни Кожухово. Почти месяц бились между собой две армии — Бутурлина и Ромодановского. Брат Петр, полковой командир, расписывал Апраксину в письме, как десяток с лишним полков пехоты и конницы устремлялись в атаку друг против друга, гремели пушки и мортиры, рвались гранаты и стрекотали

пищали, падали раненые, были и убитые. Брат, конечно, не сообщал, но Федор догадывался, что царь не только тешится, но и готовится к войне...

В Архангельском жизнь на реке замерла, но хлопот у Апраксина прибавилось.

Зимняя стоянка деревянных судов в ледяном панцире чревата неприятностями. На глубине река промерзает не на одну сажень, и при сжатии лед легко может проломить борт. А во время ледохода многотонным глыбам льда ничего не стоит сокрушить деревянные скорлупы судов. Чтобы уберечь на зиму мелкие суда — карбасы, гукоры, поморы обычно подводили их к берегу и по возможности вытаскивали на сушу.

Еще до заморозков «Пророчество», «Петра» и «Павла» перевели в заводь, воротами подтащили к мелководью и пригнали корабли носом к отмели. Вокруг кораблей на воде соорудили ограждение из бревен, чтобы застраховаться от ледяных торосов во время весеннего ледохода. Как и на Плещеевом озере, сняли и стеньги с мачт, разоружили снасти и такелаж и убрали в береговые амбары.

Попутно с заботой о зимней стоянке кораблей волновало воеводу комплектование экипажа «Святого Павла». Он предупредил Флама:

— Возможно, по весне, ежели не наберем команду, твоих матросов часть заберем.

Голландский шкипер не соглашался:

— У меня контракт с каждым человеком. Я никого не отдам.

— Государь повелит, отдашь, — посмеивался Апраксин.

Подумывал воевода о том, какие товары отправлять за море. Советовался с купцами, что больше привлекает иностранцев.

— Для начала, воевода, вези в Европу поташ да смолу, пильные доски да хлебушек. Можно и ворвань, и кожи юфтевые, и икорку.

Выспрашивал Апраксин о товарах и шкипера «Святого Павла» Гендрика Номена, с которым наконец-то заключил контракт.

— Што бриг-то твой в Голландию повез?

— Хлеб, воевода, древесину да смолу.

Напоминал шкиперу о матросах:

- Выискивай, Гендрик, матросов среди своих-то замляков.
- Смотрю, воевода. Мало их, заманить деньгами можно.
- Заманывай...

С наступлением зимы наблюдать за стоянкой судов Апраксин вменил ему же. Номен по-хозяйски взялся за дело, сразу затребовал много холста, грубой парусины.

– Чего для тебе столько, Гендрик? – недовольно спросил Апраксин.

– Корабли, воевода, укрыть надобно от снега. Наметет зимой на палубу, забьется по углам, а в тепло растает, вода в щели затечет. А как мороз ударит, худо будет. Разорвет лед древесину, судно негодным станет.

– Откуда сие проведал?

– Так у нас в Амстердаме делают...

Апраксин был доволен: «Молодец Гендрик, о добре печется».

Но морское дело многосложное, всего сразу не охватишь. Гендрик кое о чем позабыл вовремя предупредить воеводу. Помог случай.

Как-то заглянул он в контору начальника таможни, разговорились. Апраксин по старой привычке вникал в дела конторы, расспрашивал все до тонкости.

Услыхал вдруг, что каждый иноземный корабль обязан предъявлять паспорт на таможне.

– Какой такой паспорт? – поинтересовался воевода.

Таможенник недоуменно посмотрел на Апраксина:

– Обыкновенная цидулька на каждом судне заведена в той земле, откуда пришло оное. По всей форме, што за судно, позвище, чьего государя, кто владеет оным.

– Погоди-ка, поведай толком, – прервал его Апраксин, чувствуя, что это прямо касается и его «Святого Павла».

– Да што, воевода, толковать-то. Прежде чем пуститься в море, каждый шхипер получает на руки цидульку, где прописано все, по всей форме. И та цидулька печатью скреплена. А этак любой капер уворует судно да и будет разгуливать за честного шхипера.

Апраксин опешил, но виду не подал, а на следующий день написал подробно царю, как обстоит дело, и заодно просил прислать паспорт.

В Москве отозвались не сразу, видимо, дьяки разбирались, что к чему, первый раз отправляли российское судно за пределы державы.

«Min Her! Письмо ваше выразумев, соответствую, – отвечал царь, видно чем-то недовольный, то ли задержкой отправки фрегата, то ли нерасторопностью своего воеводы, – что корабль, как при мне наряжен был к отпуску, и сары хотя сперва и не хотели ехать, однако после обещались. А о товаре, какой в него класть, на то мне здесь, в таком будучи расстоянии, делать невозможно; да и там будучи, я говорил: с чем лучше, с тем и отпущай, потому что товар, что класть, и иноземцы, кому то купить, все там, и тебе удобнее то сделать, о чем и я пространнее говорил. А пашпорт прислан будет вскоре, а корабль большой, в ту пору положено, что зимовать, а тот отпустить, и дивлюся, что затем отповеди другой требуете. *Piter*».

Письмо пришло накануне Рождества.

Так уж сложилось у Апраксина в Архангельском, что все праздники и воскресенья, вечера он проводил в архиерейском доме.

– Вишь, государь-то на меня гневается, – переживал Апраксин, разделяя рождественскую трапезу с Афанасием, – и то не так, и это не эдак. Ты-то, владыко, сам ведаешь, каково мне.

– А ты не сердчай на государя. У него дел невпроворот. Совесть-то твоя чиста. А потом, как молвят в людях, до Бога высоко, а до царя далеко. Давай-ка пригубим винца, с Рождеством Христовым тебя.

Вскоре после Крещения Афанасий первым узнал о сборе войска для похода в Крым.

– С патриаршего двора вести дошли, – сообщил он Апраксину, – на Постельном крыльце был указ государев – служилым людям собираться в Севск да в Белгород к боярину Шереметеву для промысла над Крымом.

– Крым Крымом, а государь мне по осени поведал, што воевать Азов собирается, – задумчиво ответил Апраксин, оглядываясь на притворенную дверь. – Может, что переменилось.

За год пребывания воеводы в Архангельском у него с архиепископом установились вполне доверительные отношения

двух близких по взглядам на жизнь людей. И разговоры их всегда были открытыми.

На масленицу пришел черед Апраксина в своих палатах оповестить сотоварища о новости из столицы.

— Братец Петрушка письмецо секретное переслал с верным нарочным. Государь удостоил его чести, отобедал у него в доме, а после не раз приглашал к себе. В полковниках он состоит и отписывает, так собираются в поход на Азов. В Воронеже да в Дединове струги нынче ладят, водою поплывут по весне.

Афанасий одобрительно встретил известие из Москвы.

— Пора нечестивых басурман к ответу призвать. Сколь тысяч пленников в Крыму томится, каждый год полную дань платим хану. — Афанасий вздохнул. — Веру нашу христианскую поганят, а прошлым годом набежали на Малороссию, опустили земли, в полон увели тысячи наших собратьев...

Всю зиму за стоянкой судов присматривал Номен. Почти каждое утро, особенно после снегопада, появлялся он на Соломбале, заставляя плотников, немногих матросов сбрасывать снег с парусины, укрывавшей палубу, скалывать ледяные сосульки. К вмерзшим судам воевода наряжал посадских людей обкалывать пшнями лед вокруг них. В амбарах перебирали снасти, осматривали и чинили рангоут, в швальнях шили новые запасные паруса.

Паруса кроил сам Номан, как заметил Апраксин, на свой манер.

— Пошто паруса другие ладишь?

— Так будет лучше, воевода, каждый шкипер имеет свою задумку, чтобы судно на море лучше управлялось.

— Раз так, пусть по-твоему будет. Тебе ответствовать, — согласился воевода.

Мартовское солнце в этом году пробивалось сквозь туманы тускло, невесело, весна запаздывала. В город тянулись по санному пути последние обозы с товарами для отправки на «Святом Павле». От Бажениных везли деловую древесину, из Вологды хлеб, из Сольвычегорска поташ. Запасали сразу впрок товары и для «Святого пророчества». Вслед за «Святым Павлом» в Голландию должен был отправиться и Ян Флам на этом фрегате.

В Архангельском готовили к отправке первые купеческие суда за границу, а Белокаменная провожала в поход войска пробивать путь к морю на юге.

Перед Пасхой царь уведомил Апраксина: «*Min Her Guverneur Archangel*, — обращался доверительно Петр в письме от 16 апреля, — понеже ведает ваша милость, что какими трудами нынешней осени под Кожуховым чрез пять недель в Марсовой потехе были, которая игра, хотя в ту пору, как она была, и ничего не было на разуме больше, однакож после совершения оной зачалось иное, и преднее дело явилось яко предвестником дела, о котором сам можешь рассудить, коликих трудов и тщания оное требует, о чем, если ли живы будем, впредь писать будем. С Москвы на службу под Азов, по их пресветлейшества указу, пойдем сего же месяца 18 числа».

Получил воевода весточку и от брата — «государь держит при себе, поставил командиром над своими любимыми полками Преображенским и Семеновским...».

Все сроки по календарю прошли, а с верховьев все еще тянулись ледяные поля. С нетерпением ожидал воевода, когда очистится Двина...

В первых числах мая Номен подвел «Святого Павла» к Гостиному двору, начал загружать товарами. Шкипер подготавливал матросов — набрал-таки экипаж, все из Голландии.

Апраксин обошел с Номеном корабль. Заглянул в трюм, присматривался, как распределяют груз. Внизу, ближе к днищу, доски, потом бочки со смолой, сверху соль, кожи. Последним аккуратно складывали мешки с мукой.

— Груз на судне балласт, — пояснял шкипер, — надо делать так, чтобы в бурю он не «гулял» в трюме. В большую качку беда, если бочки или доски начнут плясать от борта к борту. Судно может перевернуться.

Апраксин понимающе слушал Номена, а потом перевел взгляд на загруженный товар:

— Ты, Гендрик, помни не только о буре, но и каперов не забывай. Поплывешь-то в одиночку, под российским флагом. Глади востро, не поддавайся разбоям.

— Не бойся, воевода, — заверил Номен, — от каперов я отобьюсь.

— Но ты и француза остерегайся, с ними в стычку не вступай.

Холодным майским утром провожал Апраксин в дальний вояж «Святого Павла». На пристани рядом с ним стоял архиерей. Он благословил загруженный товарами корабль под российским флагом. Свежий попутный ветер с верховьев Двины рвал подобранные к реям паруса. На этот раз не понадобились шлюпки для буксировки. Номен четко подавал команды. Первым подняли фор-марсель, второй снизу парус на фокмачте, потом отдали кормовой швартовый конец. Забегали матросы по реям, поднимали паруса на готмачте.

Набирая скорость, подгоняемый речной волной и попутным ветром, «Святой Павел» отправился в дальний путь.

Архиепископ осенил крестным знаменем удаляющийся к излучине фрегат.

— Да благословит Господь его плавание в дальних морях и сохранит его от всяких напастей...

Суров край Двинский. Зима долгая, лето короткое. Любое изменение против естественного календаря природы неприязненно сказывается на людях. Не раз в прошлом в этих местах судьба испытывала человека на стойкость. Чума косила под корень целые деревни. На смену чуме наваливался голодный мор. Минуло четыре десятилетия, история повторилась...

Едва успели скрыться из глаз паруса «Святого Павла», мгла опустилась над Двинским краем. Наглухо закрыли голубые небеса мрачные тучи, нашли неожиданные по весне туманы и морось. Тоскливо смотрели хлебопашцы на стылые, промокшие поля, довольно редкие в этих местах, хмурились мужики, вздыхали тяжело бабы.

Зябкий сумрак разгоняли затяжные холодные ветры с Беломорья, ночами вдруг на поля опускались заморозки, а время не ждало, пришла пора сеять.

— В чем прогневили Господа Бога, не ведаем. Как бы мору голодному не быть...

«Сего года, — отметил летописец, — весна была зело студена и протяжна и всячески грех наших не стройна: от первые недели Петрова поста, указал архиерей на Холмогорах в собо-

ре и по приходским церквям молебствовать и ектини читать во утоление гнева Божия, и чтобы Господь Бог умилился: даровал бы на землю благорастворенные воздушы и теплоту солнечную ко умножению плодов земных. В то же лето, Иуния 9-го числа, 3-й недели Петрова поста, сеяли в пору, только время было вельми студено и морозы по утрам были и ветры морские великие и студены. Иуния же с 20-го числа иулиа до 6-го числа на севы от великих ветров была великая засуха и холоды великия».

Беда опускалась на уезд, воевода близко к сердцу принимал общую беду, советовался с Афанасием:

— Как быть, отче? Мор найдет, покосит смердов.

— За грехи наши Господь Бог наказывает, молиться будем. — И «архиерей указал на память Сергия, радонежского чудотворца, по челобитью морских людей двинских жителей, хождению быть в Курскую волость к церкви Сергия-чудотворца».

Но челобитье не помогало, сеяли мужики в стылую землю, приговаривали:

— Помоги, Господь...

Опять молитвы не доходили, и опять зарядила непогода. «Иулия с 6-го числа дожди были велики, только теплоты было мало...»

Единственную радость и утешение приносили пока добрые вести с Донского устья, что царское войско благополучно добралось до Азова и начало осаду турецкой крепости.

«В то же лето, августа 2-го числа в пяток ведомо учинилось через почту писано к ближнему стольнику и воеводе Федору Матвеевичу Апраксину, что великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержец, пришел с полки своими на Азов-город на Петров день. Через сию же почту от святейшего патриарха к преосвященному архиепископу прислана грамота, чтобы о победе над враги на вечернях, на утрених и литургии ектини читать, а в воскресные дни, среду и пятки петь молебны, до возвращения великого государя».

О викториях почта не сообщала, летописец приукрасил вести с Дона, а через две недели новая беда обрушилась на Двинское устье.

«В то же лето августа 15 числа на Успенъев день Пресвятой Богородицы, по утру рано мороз был великий и тем морозом по Двине и во всем поморье водяной хлеб позяб без остатка».

Рухнула последняя надежда у мужиков.

— Хлебушко-то и сам, один не соберешь...

Затягивали пояса потуже.

— Как бы не пришлось по миру иттить.

Воевода сетовал архиерею:

— Смердам-то беда, а в Архангельском, дьяки сказывают, купчины хлебушко с верховьев завозят. Почуяли наживу. Последнюю копейку вытягивают у мужика.

— Господь их накажет, — смиренно отвечал Афанасий.

Мороз совершил свое злое дело, но следом пришла-таки настоящая первая радостная весточка. «Августа 19 числа в пяток у Архангельского города ведомо учинился ближнему стольнику и воеводе Федору Матвеевичу Апраксину писано через почту, что Божьей помощью великий государь у Азова города, по обе стороны Дону, две оберегательные турецкие каменные каланчи взял и цепи через Дон-реку протяжение порушил, и от той радости молеbstво было в соборной церкви...»

...В Архангельском служили благодарственный молебен и еще не знали, что под Азовом беда обрушилась на русский лагерь.

В тот день, когда взяли с боем каланчи, из лагеря исчез Енсен, тот самый голландский матрос, которого взяли на службу из Архангельского. В походе из Воронежа по Дону царь расположился к юркому расторопному матросу, взял к себе. Он прислуживал царю и под Азовом, вертелся постоянно у царской палатки, все высматривал. Польстился иноземец на деньги, переметнулся к туркам в крепость.

— Русские ленивы, их легко побить, — убеждал он турецкого пашу. — Каждый день стрельцы и солдаты спят после обеда. Дрыхнут все, даже караулы. Я покажу, где легко пробраться в лагерь.

На следующий день после сытного обеда жара разморила стрельцов, и, как было заведено испокон, уступили дреме. Над лагерьем установилась сонная тишина. По заведен-

ному порядку спали все, от солдатиков и пушкарей до генералов...

Турки ворвались в лагерь Гордона внезапно, с яростью рубили, резали заспанных стрельцов. Поднялась паника, заметалось среди палаток испуганное войско, начали разбегаться. С трудом Гордон остановил панику, собрал офицеров, схватились за пищали. Сотни три-четыре остались лежать замертво в лужах крови. Тяжело ранило царских любимцев, бомбардиров князя Троекурова, Екима Воронина, Григория Лукина. Дорого обошлось русским предательство иноземца. Из 16 пушек турки половину заклепали, половину уволокли с собой.

По случаю взятия под Азовом турецких каланчей в Успенском соборе служили молебен. После литургии Афанасий пригласил воеводу откусать, но им помешали. Примчался на шняке с Двинского устья начальник таможни.

Накануне у Соломбалы бросили якоря двадцать шесть голландских купеческих судов. Их сопровождали два фрегата, которые отстаивались в устье Двины.

— Неладное затевается, воевода, — докладывал прибежавший с пристани начальник таможни. — Стало быть, два те фрегата голландских, што конвой привели, разбой учиняют.

— Как так? — нахмурился Апраксин.

— Вчера вечер пришли два «француза». Я, как положено, послал к ним стражников с сержантом. Только те фрегаты голландские с якорей снялись, к «французам» подошли и ну палить из пушек. — Начальник таможни закашлялся. — Я туда на карбасе, а голландцы мне толкуют, мол, французы наши неприятели и мы их за приз возьмем.

— Еще што! — вскипел обычно сдержанный Апраксин. — Ты-то как поступил?

— Стражу на французских судах выставил, а голландцам объявил, ежели они озорничать почнут, то из Архангельского иховы купчины не отпустятся.

— Молодец, капитан, — похвалил Апраксин, а сам сразу послал за полковником Снивенсом. И тут же приказал ему: — Борзо отряди роту стрельцов под командой офицера. Пушай

идут не мешкая на шняках в устье да караулят тех французов от голландцев.

На пристани Апраксин сам наставлял майора Шневенца:

— Тем голландцам внушай, што разбой в наших водах не попустим. Надо, так и пострадай, что фрегат пошлем, покуда он не отправился. Растолкуй им, воды наши до Кильдина и Кольской губы. За ними пускай и охотятся за добычей. Здесь же свары разводить им не дозволим...

Пятый год продолжалась Пфальцская война, с переменным успехом шла напряженная схватка на морских дорогах Европы между Францией, с одной стороны, и Англией с Нидерландами — с другой. Военные корабли и каперы нападали на купеческие суда противника и нейтральных стран. Разорались купцы, терпели убытки торговые компании. Дело доходило до международных конфликтов.

На следующий день пришлось на «Святом Петре» воеводе самому идти на взморье, «принутнуть» голландских воев.

Накануне вернулся с Двинского устья майор Шневенц, сообщил, что голландцы упрямятся, стоят на своем.

— Один корабль соглашаются отпустить, тот, что с вином французским, там шхипер из Дании, а с другими упорствуют, — докладывал Шневенц. — Я тех голландцев с купеческих судов выпроводил, стрельцов оставил караулить оба судна.

— Ты все по делу совершил, ступай немедля в обрат, дожидайся меня...

«Дело непривычное, — думал Апраксин на пути к устью, — только краем уха слышал, что где-то на морях захватывают неприятели купеческие корабли. А здесь такое объявилось под носом. Как бы свары не вышло, пожар-то от искры возгорается».

Вызвал к себе обоих капитанов голландских фрегатов и твердо объявил:

— Вы, господа милые, в российских водах соблюдайте порядок. Наши гости все равны, что немцы, что французы. Ежели ослушаетесь, найдем управу. Пушки у нас и на кораблике, и на бережку имеются. Понадобится, абордажным боем вас возьмем.

Возвратившись в город, поехал советоваться с Афанасием. Архирей уже знал о происшествии.

— Такого на моей памяти в Двинском устье не бывало прежде. Политес тут тонкий, и с Вильгельмом, и с Людовиком нам неча ссориться. Отпиши-ка ты в Посольский приказ Льву Нарышкину, пускай ответствует, как поступать.

— И то верно, — согласился Апраксин и в тот же день отправил запрос в Посольский приказ.

Вечером вызвал дьяка Озерова:

— Распорядись-ка, штоб в Гостином дворе те голландские суда товарами без спеху загружали да и ихний товар не прятко торговали. Пускай месячишко побудут, там видней станется.

Прошел день-другой, и Апраксин забеспокоился: «Петр Лексеич-то далече, а ежели Нарышкин где загулял, а дьяки его мух ловят?»

Сел за письмо царю. Начал с поздравления:

«Премилостивому моему государю, пречестнейшему бомбардиру Петру Алексеевичу здравствовать со всеми страдателями против поганных за светлую церковь и правоверных христиан под басурманским игом мучающихся. Поздравляю тебя, моего государя и всем тамошним славною победою, а взятие каланчей и желаем чтоб Господь Бог по намерению вашему, то адово гнездо от христианских ваших рук». Перо скрипело, каждое слово давалось с трудом. Никто не учил его правильному писанию. Сам учился, в детстве у дьячка в приходской церкви в Москве, а потом, при Федоре Алексеиче, поневоле пришлось заняться и чтением, и письмом, государь был больно грамотен. При Петре Алексеевиче Никита Зотов помогал. Апраксин потрогал кончик пера, совсем разлохматилось, взял новое и продолжал:

«Изъявительно: прошлого августа месяца пришел караван Галанской, двадцать шесть кораблей, за ними два корабля опасные, и стояли для погоды те опасные корабли перед устьем. И в тех же числах пришли из Французского государства два корабля: на одном корабельщик Унка Тиман, на другом француженец и те корабли опасные капитаны оба взяли: и я посылал к ним говорить майора Карлуса Шневенца, чтоб они те корабли отдали, и новые дела не вчиняли и в реке цар-

ского величества кораблей ничьих не имели, а имели б, будет им повелено иметь на великом море. А великое море считается позади Кольской губы от острова Кильдина или от Северного Носа. И оне, государь, сказали, что-де Ункин корабль, буде нам даст воевода свидетельство, что тот корабль был послан для питья на дворе его царского величества. И мы-де тот корабль отпустим, а другой-де корабль нам отдать нельзя для того, что он французский.

Сотвори, государь, милость, прикажи ко мне отписать, как мне с ними быть; дело новое и образца такова не бывало, чтоб в устьях иметь корабли; свариться с ними не смею, и уступит так же не смею, чтоб не учинить бесславия. А мне кажется отнюдь того учинить невозможно что б им корабль иметь в земле царского величества не только что в устье, ни близ Поноя. И я, государь, писал в Посольский приказ отписку, а милости твоей изъявляю, а корабли французские оба на якорях же. Умилосердись, государь, что б указ скорее прислали, есть ли здуруют да уведут корабли, мне кажется гораздо дурно без указа свариться с ними не смею. Прошу у тебя, государя моего, милости. Раб твой *Федька Апраксин*. Многократно челом бью. Сентября 3».

Письмо получилось длинное, никогда еще таких воевода не сочинял. Но на душе стало спокойнее, все обстоятельно доложил царю. Почту отправил в лагерь царя с нарочным стрельцом пятидесятником.

— Едешь по делу государеву. Лошадей на подставах требуй, к воеводам жалуйся. Дождешь государев ответ и айда обратно, без задержки, — наказал он пятидесятнику.

В тот же день послал «Святого Петра» к Двинскому устью, чтобы оберегать французские суда и привести их под конвоем в Архангельский.

В порту разгружались голландские купцы. На одном из судов доставили купленную Петром год назад тридцатидвухвесельную галеру в разобранном виде. Царь хотел использовать ее для походов по Волге на Каспий. Но недавно передан был наказ царя: «Не мешкая отправить «члены» галеры в оной в Вологду, а оттуда в Москву».

— Замышляет, какую-нито новую страду государь, — посмеивался Афанасий.

— Как бы не так, — не согласился Апраксин, — ежели галеру ukazано в Москву везти, значит, для какого-нито дела.

Тут же вспомнил воевода о заботах:

— Что делать-то, отче? В уезде голодуха, по деревням старые да малые да бабы с голоду помрут. Нынче указ торговым нашим лавкам дал — четверть на продажу отпускать за десять алтын, не более. Токмо беда, сусеки у наших купчин пусты. Иноземцы, вишь, учуяли в лето, скупили весь хлебушек споро. А я им не указ.

— Господь Бог за грехи их накажет. В монастыри я послал наказ все лишки отдать пастве, оставить себе малое, на прокорм до весны.

— А я так порешил. Сам знаешь, жалованье государево мне тратить некуда, много ли бобылю надобно? — Апраксин подумал, вздохнул. — Без людешек-то и нам худо, в народе сила. Помочь решился.

— Коим образом?

— На всю деньгу, што в мошне, у купчин у иноземных хлебушко куплю, четвертей тыщу, раздам людям подешеву.

— Сие по-божески, по-православному. Как Господь учит — рука дающего да не оскудеет. И тебе доброе дело зачтется Господом нашим Богом.

Сказано — сделано. Кто-то спешит творить добро, когда приходят горе и беда, кто-то наживаетея на общем несчастье. Много лет наблюдал Апраксин за Петром. Водился за царем грех — любил выпить, погулять. Но на себя лишнего не расходовал, ходил всегда в потертом кафтане, старых штанах, стоптанных башмаках. А главное, прижимист был на казенную копейку. Даже Меншиков как-то обиженно проговорил: «Государь мне ни единой полушки сверх означенного не выдает на разные покупки, еще и доглядывает, не словчил ли».

И Федор перенял привычку не транжирить на себя все жалованье.

Из Двинска летописец за 1695 год: «В то же лето, грех ради наши, весна была вельми студена и не стройна, так же и лето, а страда была сенная вельми дождлива и протяжна за нестроением воздуха, а хлеб яровой и рожь самое малое число, что жали и то для толченины, протчее косили и скоту корми-

ли, и под снег пошло не малое число и всякие земные плоды не родились. Многие деревенские люди для прокормленья брели в верховские города. И сего ради настроения, милосердую о народе, ближний стольник и воевода Федор Матвеевич Апраксин изволил положить на продажный хлеб цену по 10 алтын и по той цене и покупали, и сам Федор Матвеевич взял на свое имя у иноземца Володимира Иевлева великую вологодскую лодью хлеба четверть по 20 алтын, по той же цене 10 алтын и в мире распродать велел, не по многу числу...»

Добрую половину купленного хлеба Апраксин распорядился переправить в дальние деревни, в Задвинье.

— Наши-то посадские в городе и Холмогорах и рыбкой, и другим промыслом перебьются, — пояснил он Озерову, — а ты проследи, чтоб хлеб-то к ворах не попал. Давать не помногу, но всем хилым и сирым...

Осень уже вступила в свои права, и бабье лето прошло, когда появился посланник из-под Азова. Читая письмо царя, Апраксин радовался: «Слава Богу, не промазал я с голландцами».

«Min Her Gouverneur Archangel, — писал царь, — понеже единым нынешним письмом, сентября 3 дня писанным, нас уведомить изволил в котором о бешинстве Голанских капитанов объявляется, что они в устье Двинском взяли два корабля и о том требует решения: как с ними поступить, и о том соответствую, что никакого попусти сему не быть, понеже сие дело срамно есть и нигде в пристанищах приезжие такой воли не имеют, а хотя и неприятелей увидят, и их стерегут на море, а не в устье... и о том, что учинишь изволь уведомить. Piter».

Отложив письмо, посмотрел на пятидесятника:

— Как там под Азовом-то?

Пятидесятник словно ждал вопроса:

— Братец твой, воевода, кланяется, в добром здравии.

— Пошто крепость-то не взяли?

Стрелец, пожившись, помрачнел.

— Вправду, воевода, неладно там. Турка-то осада особо не гнетет. Ему с моря султан и припасы, и подмогу то и дело подвозит, а нашим крыть нечем, людей-то морских нема. А со степи татарва на конях то и дело набегают. Меж двух огней

полки наши. Сказывал мне знакомец, десятник, приступ-то великий турки отбили, наших полегло немало.

Апраксин покрутил головой, вздыхая, а стрелец продолжал:

— Еще, воевода, сказывают, туркам-то на руку, к ним переметнулся иноземец от нас, Якушкой прозывают. Будто здесь его, в Архангельском, наняли, прошлым годом.

«Неужто рыжий Енсен? — промелькнуло у воеводы. — У, тварь подлая!»

— А еще, воевода, как отъезжал я, в тот день непогода великая была: дождь с градом, а наши полки к штурму приуговлялись...

Стрелецкий пятидесятник верно сообщил — полки под Азовом приготовились к штурму. Ждали только погоды.

Готовились к атаке с нескольких сторон. Крепостные укрепления, после подрыва их минами, должны были штурмовать полки Гордона и Лефорта. Гвардейские полки, Семеновский и Преображенский, с тысячью казаков готовы были ударить с прибрежной стороны, от берегов Дона. Командовать ими царь назначил Петра Апраксина.

— На тебя большая надежда, — сказал Петр Апраксину. — Ежели прорвешься к городу, держись до последнего.

Наступление началось ночью, когда взорваны были мины, заложенные под турецкими укреплениями. Трудно было определить поначалу, кому больший урон причинили взрывы, неприятелю или наступавшим войскам. Турки давно признали про закладку мин и сделали встречные подкопы, заложили свои мины, которые и взорвались одновременно.

Мощный взрыв разрушил часть укреплений, янычары побежали и покинули вал. Но большая часть поднятой взрывом земли с камнями полетела на наши редуты. Не меньше сотни солдат и офицеров задавило, покалечило, убило. Но все же «...солдаты и стрельцы, — вспоминал Патрик Гордон, — бросились через заполненные нами рвы и взобрались на вал без лестниц, что сделано было без особого труда, так как вал порос травой и в некоторых местах был очень отлогий; однако вследствие помехи от палисадов они не могли проникнуть в

брешь на фланге. Но на куртину и на болверк¹ они взошли и прочно засели в болверке, как это было предписано, не опасаясь ретраншемент², устроенного на гребне болверка. Это выполнили стрельцы, между тем, как солдаты, в особенности Бутырского полка, обступили другой болверк и куртину. Войска генерала Лефортова также устремились вперед, но не в большом числе».

Лефортов, как и при первом штурме, нехотя поддерживал основной удар полков Гордона. Сказывалась и личная неприязнь между двумя иноземными генералами.

Между тем турки, почуяв смертельную опасность, собрались с силами и яростно атаковали. «Ими предводительствовало какое-то знатное лицо в красной одежде, которое их не только чрезвычайно воодушевляло, но и побуждало с саблею в руке к исполнению обязанности. Наши были в большом числе оттеснены в ров, и турки стреляли по ним из огнестрельного оружия и из луков, бросали ручные гранаты и копья». Заметив неудачу, Гордон велел бить отбой.

А в эти минуты с юга, с берега Дона, успешно атаковали крепость гвардейцы и казаки под командой Петра Апраксина. Они овладели укрепленным валом и просочились в город. Узнав об этом, Гордон повел своих солдат и стрельцов в атаку, но «люди шли в бой уже не с таким бодрым духом». Атака захлебнулась, и Гордон вновь приказал отойти...

Преображенцы, семеновцы и казаки то и дело, под яростным огнем, кидались в атаку, ожидая поддержки полков Гордона. Но напрасно всматривался Петр Апраксин в сторону крепостных стен, тянувшихся от обрыва, атака там, видимо, захлебнулась. Петр оглянулся назад. На противоположном берегу в лагере Долгорукого был царь, оттуда он посылал гонцов с приказами. «Надо бы тебе, государь, не отсиживаться за рекой, чай не в Кожухове, а вместе с войсками, единой рукой направлять действо. А так каждый сам по себе, с растопыренными пальцами, врозь...» — подумал Апраксин.

Царь все-таки послал гонца Гордону, приказал возобновить атаку.

¹ Болверк — бастион.

² Ретраншемент — укрепление, располагавшееся позади главной позиции обороняющихся.

Обычно первый натиск наступающих, самый решительный и азартный, решает успех дела... Захлебнулась уже в сумерках и третья вылазка полков Гордона, тогда, не получив поддержки, отвел своих гвардейцев и казаков Апраксин...

На военном совете решили осаду снять и войскам отойти. Потери с обеих сторон были немалые, но больше всего царь горевал о гибели своих друзей-товарищей, потешных Григория Лукина и Якова Воронина.

«Его величество, — вспоминал Гордон, — был чрезвычайно печален, так как оба воспитывались вместе с ним. Его величество приходил ко мне и говорил, чтобы я был на похоронах».

Непогода в эти же дни ополчилась на людей и в далеком от Азова Архангельском, осенние штормы и ураганы на море схожи, что на севере, что на юге. Может, на севере поноростее.

Ночью во вторую среду сентября с Беломорья на город обрушился небывалый ураганный ветер. Застигнутые врасплох купеческие суда и рыбацкие карбасы било ветром о причалы, крушило мачты. Наблюдал эту страшную картину и двинский летописец: «Сентября 8 в среду и те ночь и день, погода вельми была страшна и тою погодою и обуреванием у города Архангельского корабли с якорей рвало и на мель бросало, а иные о камень проломило, а так же и лодьи на берег заметало и барки, и дощаники и всякие суды с товаром и хлебом топило и разбивало и люди тонули и торговые мосты и с товары всякими разбило, так же и повозки немецкие с товары и со всяким питьем разбивало».

Только-только посадские люди опомнились, начали наводить порядок, подсчитывать убытки, как появилась новая, огненная беда. «Сентября 20 числа у города Архангельского, в пяток, в обеденное время, на Каменном Гостином дворе немецком загорелась среди двора, немецкая пенька и почал быть великий пожар и тем пожаром пеньки сгорело вельми многое число: сколько среди двора было, то все и погорело, так же и важня, и юфти и иных товаров сгорело многое число».

Тяжелый выдался год. Вернувшись с пожара, Апраксин разобрал почту и первым распечатал сверток с царской печатью. В пакете оказалась записка, всего в одну строку, с пе-

чальной вестью: «Якима Воронина и Григорья Лукина, пожалуй, помяни».

К горлу подступил комок, глаза повлажнели. Вспомнилось Плещеево озеро, юношеский задор молодых, полных сил сверстников царя. На верфи в Переславле тесали рядом топорами, ладили суда, несколько кампаний плавали вместе на построенных судах. В лихое время вставали стеной на защиту государя, хаживали с ним в Белое море.

Во все годы скуп был царь на излишества своих чувств и переживаний, никому их не высказывал, ни с кем не делился переболевшим. Одному Федору поверял сокровенное.

Много разных и непохожих друг на друга людей окружало Петра. Одних он приблизил сам, таких, как Лефорт, Меншиков, другие издавна поддерживали его в схватке за власть, подобно Ромодановскому, Стрешневу, Бутурлину, третьи льнули, предвкушая отдачу в будущем... Но равного Апраксину по душевной близости не было...

Панихиду по усопшим Воронину и Лукину служил в Успенском соборе сам архиепископ, помянули и всех погибших при урагане и пожаре. Церковный хор пел вполголоса, и под сводами собора лились тихие проникновенные звуки молитвенного песнопения «Со святыми упокой».

Среди забот помнил Апраксин и наказ Петра — прислать поскорей в Москву голландского мастера, который привез разобранную галеру. Минул с той поры месяц, но Вилим Мейер не соглашался ехать в Москву.

— Такого контракта я не подписывал в Амстердаме.

— Так мы составим новый контракт, — убеждал его Апраксин.

А Петр строго приказал доставить его чуть не силой. Без него никто не знал порядка сборки голландской галеры. К весне должны были быть на воде двадцать галер. Им и предназначалось взять в морскую блокаду Азов, лишить его подвоза припасов из Турции. Потому и торопил царь Апраксина.

В конце концов удалось уговорить Мейера, правда за очень кругленькую сумму, в два раза большую, чем получал Никлас.

Мейер отъехал вовремя. Из Москвы сообщили, что в Преображенском сотни плотников уже начали разделявать дре-

весину для изготовления деталей галер. «Как же они так-то из сырых дерев заготовки ладят, — размышлял Апраксин, — к лету все рассохнется, покоробится, хлопот не оберешься с галерами. Видать, время торопит государя».

Спешили и в Двинском устье. Запахло зимой, Ледовитый океан заранее напомнил о своем суровом нраве.

Едва успел в воскресенье отойти от причалов последний купеческий караван, как ночью ударил мороз, сковало льдом все Двинское устье до Соломбалы. Через два дня повеяло теплом, часть судов успела выбраться на чистую воду, а другие так и остались зимовать на Двине.

«Октября 14-го и 15-го в понедельник Двина льдом остановилась и теми морозами у Архангельского, за островом 35 кораблей в заморозе остановились и стояли в Маймаксе реке. 16-17-го пошло тепло, вода растаяла. Октября 20-го числа почали морозы и теми морозами Двина паки остановилась».

Чем занимаются моряки в северных морях, когда их судно стоит в порту, в ледяном плену, прикованное намертво к причалу или к приглубому берегу? Днем находится работа: сбрасывают снег с палубы, скалывают ледяную кору с такелажа и снастей. Ежели на судне есть печки, то в кубриках тепло, и тогда живут на корабле. А в основном обитают на берегу кто где. Но вечерами собираются вместе в тавернах, австриях, трактирах, кабаках. В каждом приморском городе есть такие заветные места, которые притягивают, словно магнит, морских братьев, без различия расы, происхождения и материального достатка.

Вспоминают прошлое, судачат обо всем, пьют за здоровье, кого-то помянут... Правда, не всегда звенит монета в кармане, зимой жалованье сокращают наполовину, а некоторых и совсем рассчитывают, иди куда хочешь... Выручают друзья, и приходится наниматься на любую работу. Но главное, дотянуть до весны, когда сойдет лед, с парусами без матроса не управишься...

В архангельских трактирах и тавернах прошел слух среди моряков: «Царь Петр начинает строить корабли. То ли в Москве, то ли в других местах».

Матросы Яна Флама рассказывали о своем земляке:

— Недавно затребовал царь мастера Мейера, по слухам, обещал хорошие деньги за работу. Хитрец Вилим поторговался и поехал, в Голландии он такую монету не запишет.

— Что же, это неплохо, — рассуждали бывалые моряки, — на черный день лишняя монета не помешает, значит, мастеру повезло...

В это самое время в далеком от Архангельского города селе Преображенском на Федота, Федора и Матвея, когда землю устилал снеговой покров, сотни плотников начали ладить галеры и струги для нового похода на Азов.

Многому научили царя неудачи под Азовом. Уходил он необстрелянным бомбардиром; там, в осадных траншеях, впервые услышал свист не потешных, а вражеских пуль, разрывы гранат, грохот десятков орудий, поминутно изрыгающих смерть, испытал горечь поражения.

Одну из главных причин неудачи Петр определил верно — отсутствие у него морской силы, дававшее неприятелю полную свободу маневра со стороны моря. Потому-то спешно приступили в Преображенском к выделке частей для судов морского каравана по образцу галеры, доставленной из Архангельского. Собрать же галеры царь задумал в Воронеже. На каждую галеру требовался, кроме того, и экипаж матросов во главе с командиром. Где их взять? На Руси прежде таким делом не занимались. На военном совете Петр без долгих раздумий предложил:

— Морские роты для галер¹ и галеасов² сколотим из гвардейцев. Чаю, мои друзья на Плещеевом озере не позабыли выучку морскую. Других матрозов позовем, иноземных, которые в Архангельском обитают. Они нам в помощь ладить суда stannoт, о том отпишу воеводе.

«Min Her Guvernuer Archangel! По возвращении от невзятия Азова, — иронизирует Петр в этом письме, — с консилиии господ генералов указано мне к будущей войне делать галеи,

¹ Галера — военно-гребное судно длиной 40–50 метров.

² Галеас — боевой корабль типа большой галеры с тремя мачтами и парусами.

для чего удобно, мне, быть шхип-тимерманом всем от вас сюды, понеже они сие зимнее время туне будут препровождать, а здесь могут тем временем великую пользу к войне учинить; а корм и за труды заплата будет довольная и ко времени отшествия кораблей возвращены будут без задержания; и тем самым обнадежь и подводы дай и на дорогу корм. Так же иноземцы, которые отсель об иных кроме Тиморманов будут писать, то ж подводы и корм... сколь скоро возможно пришли их сюда. С Москвы *Piter*».

Спустя две недели читал Апраксин письмо царя. Прочитав, воевода распорядился дьяку:

— Кликни ко мне, Андрей, голландцев, Яна Флама да Никласа, да пуцай не мешкая будут, жду я их.

На дворе метель, по сугробам не скоро разыщешь иноземцев — кто на корабле в теплой каюте капитана, кто у вдовицы на постое. Затемно добрались на съезжую.

— Нынче государь призывает вас к себе. — Апраксин объяснился с голландцами без обиняков, как со старыми знакомыми. — Затекает он строить караван морской, людишки ему потребны, дело морское ведающие.

Воевода пристально посмотрел на Флама и Никласа. Те переглянулись, пожимая плечами, ответили напрямую:

— Для нас незапно такое, поразмыслить бы надо. Сколь жалованья положит царь Петр?

Ухмыльнулся Апраксин, знал наперед, с чего начнут иноземцы.

— Государь вас не обидит, жалует. От меня на двойной прокорм до Москвы получите.

— Пожалуй, мы не против, — согласились Флам и Никлас.

— Но того мало, ваших матросов надобно таким же образом уговорить.

— То можно, воевода, — ответил Флам.

Накануне Рождества и сразу после него один за другим потянулись с Беломорья в сторону Холмогор по большаку санные обозы с рыбой.

В розвальнях, укрытых рогожами, везли разное: маслянистую нежно-розовую семгу, серебристую навагу, обыденную расхожую треску. Шли обозы в Белокаменную, спешили к масленой, ждали их в Москве и к посту Великому. Рыбка

только и выручала этой зимой поморцев. Но одной рыбкой сыт не будешь, к тому же и снегу навалило много, и морозы ударили крепкие, переболели многие. «А в Поморьи и того гораздо хуже, и на людей скорбь была ножная, многие скорбели ногами и щеками, а иные от той скорби и помирали, а иные пили сосновую воду и тем лечились».

Не вечно холодам стоять, солнышко с каждым днем все больше гостило над горизонтом. Весна исподволь брала свое, оттаивала природа, оживали люди. Все чаще приносила почта известия из Москвы.

Еще зимой царь издал указ, всколыхнувший простой люд, холопов. Кто запишется в войско, считается свободным. «И генваря в 13 день на Болоте кликали клич, чтоб всяких чинов люди шли в Преображенское и записывались и шли б служить под Азов. И после той кличи из всех боярских дворов и из всяких чинов холопы боярские все взволновались и из дворов ходили в Преображенское и записывались в разные чины, в солдаты и в стрельцы». Не меньше холопов взбудоражились дворяне. Слыхано ли дело, вчера был смердом на барском дворе, а сего дня в Бутырском полку стоит в одном строю с вчерашним барином, да еще получил рубль по приказу Гордона.

В начале марта первые полки выступили к Воронежу, где к походу на Азов спешно строились суда – 2 галеаса, 23 галеры для морского боя, 300 стругов и лодок для перевозки войск. В других местах – Козлове, Добром, Сокольске – также кипела работа, сооружали еще 1000 стругов, чтобы водою везти полки под Азов.

Не хватало матросов, недоставало снаряжения, но архангельский воевода заслужил похвалу за помощь. «Min Her Guvernuer Archangel! – писал Петр Апраксину. – Благодарствую на писаниях, еже по возвращении нашем с службы принял от вас, против которых еще едино сие точию ответствованное, а не против всякого. О чем рассудити прошу, что ни коей ради иной вины, точию самых ради бедоносных случаев и непрестанных сует, о чем единому началу всех известно. Обаче, аще и несносно, но вспоминая святого Павла, глаголюща: аще наказания терпите якоже сыновом обретается вам Бог, того ради, воздав хвалу Творцу всех, против неприятелей креста

святого оружие свое восприяли, в чем Всемогущий Господь бог помози нам. Господин Мейер прошлой недели сюда приехал и явился зело разумными словами и обещал зделать галеасы, в чем дай Бог, чтоб по словам его исправилось. Каторги¹ моя и прочих, иные уже в отделке, и на сих днях отпускать станут (т.е. отправлять в Азов), а на той неделе и мы поедем. К потребе же сих благоволи прислать мелкое ружье все, которое было на корабле Фламове, такоже и постелю. И еще адмиралу нашему обещали торговые дать с кораблей несколько сар, о чем, как они отпишут, благоволи немедленно прислать. За сим пожелаем вам от Господа Бога всякого блага. Kapitein Piter».

– Хвалит нас государь: то отрадно, – делился по привычке Апраксин радостью с архиереем.

– Тебе благодарность государева, воевода.

Апраксин не страдал тщеславием.

– Владыко, мы с тобой поровну в Двинском крае государеву службу несем. Я мирянами, ты паствой правишь.

– Оное, быть может, и верно. Главное, согласие наше на пользу отечеству. На неделе отслужим молебен, войскам нашим возжелаем побить басурманово племя...

В воскресенье литургию во славу воинов служили во всех церквах в Архангельском, Холмогорах, других приходах, молились о победе над супостатами.

Вечером воевода гостил у архиерея.

– Вечор с почтой получил весточку от братца Петрухи. Выступили они третьего дня мая с государем от Воронежа, поплыли на стругах к Дону, началось шествие войска нашего.

– Помолимся Господу за них.

Потом, когда сидели уже по-свойски, продолжая застольную беседу, архиерей поднял чашу с вином:

– Дай Бог им благоприятствия, с надеждой к ним...

Не только в Архангельском в тревожном ожидании томились люди. В который раз за последние века пробивались к морю, как оно обернется на этот раз?

¹ Каторга – далматинское название галеры, отсюда выражение: «сослать на каторгу».

Дожидались вестей с Дона и в Европе, особенно в Вене и Варшаве, где давно страдали от турецких нашествий. Цесарь по просьбе царя послал в помощь русским грамотных артиллеристов, минных инженеров.

На этот раз поход удался на славу.

В отличие от прошлого года, войска ходко спустились по Дону, через три недели подошли к устью реки. Ветер дул верховой, с Дона, согнал воду в море, обнажил мели.

— Галеры нынче не пройдут, бар¹ мелеет, — закручивая усы, высказывал соображение атаман донцов Фрол Миняев. — А турка прибыло дюжина кораблей да тумбасы для отвозу припасов. Дозволь, государь, на челнах из камышов вдарить по басурманам.

Петр прикинул по карте, выслушал еще доводы атамана и согласился.

Донцы снарядили сорок челнов по-над высоким левым берегом одного из рукавов Дона, Мокрой Каланчи, пробрались незамеченными и притаились в засаде.

После полудня тяжелогруженные тумбасы турок, ничего не подозревая, двинулись к Азову. Едва поравнялись они с каланчинским устьем, как из-за мыса появились казацкие лодки и казаки с гиком и свистом ударили по туркам. Завязался жаркий бой. Над лиманом кругом полыхал огонь, густой дым застилал все окрест. Десять тумбасов захватили казаки и, перегрузив добычу на один из них, остальные подожгли. Турки на кораблях сначала замешкались, потом бросились ставить паруса. Один из кораблей казаки взяли на абордаж и тут же сожгли, другой турки посадили на мель и подожгли сами. Остальные повернули в море, но лишь трем кораблям удалось прорваться к Азову, да и то без припасов. Победа была полная, да и добыча славная.

Весь день Петр расхаживал по палубе, поглядывая на устье. С взморья доносился глухой шум, стреляли пушки, слышались глухие раскаты взрывов, к небу потянулись клубы дыма.

К вечеру к «Принципиуму» подошла лодка с атаманом. Не дослушав до конца Миняева, Петр обнял его:

¹ Бар — поперечная коса на дне устья реки, образованная наносами.

— Алексашка, тащи золотой кубок!

Вечером царь диктовал письмо Ромодановскому:

«И наутрея пошил на море, при чем и казаков было несколько лотов; и той ночи и наутрея за мелиною устья пройти было невозможно, потому ветер был сиверной и воду всю в море збил; аднакоже, увидев неприятельских судов, в мелких судах на море вышли. А неприятель из кораблей, которых было 13, выгружался в 13 тумбасов, для которых в провожание было 11 ушколов, и как неприятель поравнялся с Каланчинским устьем, и наши на них ударили и помочию Божиею оные суда разбили, из которых десять тумбасов взяли, и из них сожгли, а крабли то видя, 11 ушли, один утопили сами, а другой наши сожгли; а в Азов ушли ушкола с три, и то без всякого запасу. На тех тумбасах взято: 300 бомбов великих, пудов по пять, 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 человек языков и иного всякого припасу:

муки, пшена, уксусу ренского, бекмесю, масла и рухляди многое число, а больше сукон; и все, что к ним на жалованье и на сидение прислано, все нашим в руки досталось».

— Первый трофей морской за многие лета, — ликовал Петр.

Но царь не обольщался первым успехом, на военном совете предупредил:

— Теперича жди турок, навалятся большой силой.

На суше войска под единым командованием боярина Алексея Шеина начали осаду Азова. Всю крепость окружили валом. Под его прикрытием расположили пушки, начали крушить крепостные стены. Помогали пушкари из Вены, подсказали, как лучше расположить орудия. Скоро ядрами проломил угловую башню...

В ожидании помощи с моря турецкий папа каждый день поднимался на башню, всматривался в безоблачный горизонт. В крепости таяли запасы пороха, свинца, хлеба...

Об этом знал и Петр. Упреждая турок, он вывел свою эскадру из устья Дона. Впервые распоряжался морским караваном Федор Головин.

— Командуй, комиссар-генерал, — отрывисто сказал ему царь. — Теперича в самый раз тебе нашими воями морскими супротив турок азардировать. Чаю, другой раз побьешь их...

Первую успешную стычку донцов Фрола Миняева с турками опекал Федор Головин. Перед уходом из Воронежа царь назначил его командовать морским караваном.

— Нынче Шеин у меня — одна рука, будет на суше воевать супостата, — шутил на военном совете царь, — а Федор — другая, на море, турецких адмиралов на дно спроваживать рыб кормить...

Немало размышлял Петр, кого поставить к новому делу. Прежний «адмирал», Лефорт, к морскому делу не тянулся, в первом походе себя не показал. Боярина Головина царь помнил с малых лет как верного наставника, потом он верховодил в Сибири. Уладил споры с китайцами, заключил Нерчинский договор. Прежде обыскал реки сибирские до самого Амура...

На воронежских стапелях Головин, несмотря на годы, не отставал от Петра, вникал в суть корабельного дела. Во время перехода по Дону находился на царской галере «Принципиум», помогал Петру составлять первый «Указ по галерам», наставление морским судам.

Прочитав его, особенно одобрил, только отозвался о главном наказе царя в бою:

— Весьма верно, Петр Алексеевич, ты подметил для наших капитанов: «...под великим запрещением должны друг друга не оставлять, а ежели в бою кто товарища своего покинет, того наказывать смертью».

— На море нельзя иначе, Федор...

Сейчас, получив приказ царя выходить из устья Дона, Головин прежде всего передал команду на тридцатипятипушечные галеасы «Святой Павел» и «Святой Петр»:

— Галеасам покамест с якорей не сходить. В устье вода малая, на мель, гляди, угодят, пущай ждут ветра.

Один за другим снимались с якорей корабли и вытягивались на взморье. Впереди полукругом стали на якорях галеасы и галеры, за ними брандеры¹. Флот изготовился вовремя.

Через два дня на горизонте замаячила турецкая эскадра.

— Один, два, три... — кричал с мачты матрос.

¹ Брандер — судно, начиненное взрывчатым или горючим веществом, предназначенное для взрыва или поджога неприятельского судна.

В полдень двадцать с лишним турецких кораблей спустили паруса и легли в дрейф.

Турецкий адмирал, покидая Керчь неделю тому назад, не подозревал, что ждет его в устье Дона. Он слышал о нападении казаков, но теперь-то у него не малые ушколы и тумбасы, а десятки грозных кораблей и галер.

— Откуда взялись у неверных корабли?

Адмирал быстро считал русские суда, прикидывал, сколько может быть пушек на них. У него на кораблях четыре тысячи янычар, крепость ждет подкрепления. Было над чем поразмышлять. Турки задумались, и надолго, на две недели. Потом решили послать галеры с десантом под прикрытием берега.

На рассвете Петра разбудила пушка. В предрассветной дымке, прижимаясь к берегу, крадучись, тихо шлепая веслами, тянулись к устью турецкие галеры. Петр крикнул констатацию Гавриле Кобылину:

— Пушкарей наверх! Пали пять выстрелов! С якоря сниматься! — искал глазами Гаврилу Меншикова: — Боцман, выбирай якорь. Гребцы по местам!

Но веслами не пришлось работать. Заслышав пушечную пальбу, турецкие галеры поспешно развернулись и начали улепетывать...

Начальник турецкого войска в крепости Муртаза-бей, глядя вослед удаляющимся соплеменникам, воздев руки к небу, бегал по крепостной стене.

— За что Аллах покарал меня! — вопил он. — В крепости нет пороха, нет свинца, янычары устали, есть нечего, всех коней зарезали...

Через неделю Шеин привез на «Принципиум» золотую пулю.

— Погляди, государь, — он разжал ладонь, на которой лежала скрученная половинка монеты, — турки ефимками начали пуляться.

— Значит, дело к концу идет, генералиссимус, готовь полки к штурму.

— Через неделю можно, токмо казакам не терпится, норовят поперед батьки выскочить.

Казаки все же не выдержали. Без приказа вихрем налетели на угловой бастион и захватили его. На следую-

ций день на стенах крепости замелькали зеленые и белые флаги.

Турки капитулировали... Азов сдался на милость победителей.

«Нынешней весной лед на Двине начал ломаться мая 11 числа и вологодские суда пошли», — привычно отметил летописец.

С первой экспедицией из Вологды в Архангельск возвратились голландские матросы с Яном Фламом. Шкипер подробно и с удивлением рассказывал о виденном на верфях Воронежа.

— Царь Петр задумал большое дело, построил два десятка галер, сотни стругов, пошел воевать турков на море.

Апраксин слушал и думал: «Как же так, в одну зиму-то столь судов сотворили?»

— Не все корабли так добротны, — продолжал Флам, — галеры недостроенными отправились в путь, на ходу их должны доделывать, повезли все припасы на стругах, торопился царь.

— Дай-то Бог поспеть к сроку; коли государь затеял, так и станется, — завершил разговор воевода, довольно поглаживая гладко выбритый подбородок. — «Филька-то молодец, чисто скоблит».

С прошлой осени, несмотря на невзгоды, у Апраксина каждый день с утра, как правило, поднималось настроение. После долгих просьб брат Петр наконец-то разыскал и прислал к нему дворового человека, Козьму Грибоедова. Отец Козьмы служил в свое время при дворе окольного Матвея Апраксина, погиб вместе с ним в схватке. Среди его детей старший, Козьма, или, как все его звали, Кузька, сызмала прислуживал братьям Апраксиным, но особо привязался к среднему, Федору. Когда Федор определился спальником к царю Петру, немалые хлопоты и огорчения доставляла ему плохо выбритая физиономия. Брадобреев имели лишь знатные бояре, хороший прибор для бритья можно было раздобыть только в Немецкой слободе за немалые деньги. Но и тут помог Козьма. Сначала бегал в единственную цирюльню на Большую Дмитровку, присматривался, потом где-то раздо-

был добротный инструмент. И с той поры Федор Апраксин не знал забот. Всюду за ним следовал Козьма, даже на Плещеево озеро наезжал. В Архангельский Апраксин его не взял, хватало брадобреев Лефорта, Ромодановского и других бояр. Брился в Немецкой слободе, сам кое-как справлялся. С приездом Козьмы все переменялось. К тому же он основательно взялся за устройство быта воеводы и ловко распоряжался небольшой компанией его челяди. Афанасий, всегда носивший опрятную, аккуратно подстриженную бороду, хвалил Козьму:

— Твой брадобрей, воевода, под стать иноземным из Немецкой слободы.

Летние месяцы прошли незаметно, ждали вестей с юга. Перед Медовым Спасом примчался на взмыленном коне голец.

— Побил государь басурман, воевода, — передавая почту, сообщил он, не скрывая радости.

О том же поведала и летопись: «Августа 10 числа в понедельник с Вологды на Холмогоры к Двинскому воеводе Федору Матвеевичу Апраксину прислан нарочный посыльщик с ведомостью, что великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич вся великия и малые и белые России самодержец, помощью Божию град Азов взял июля 18 числа, в субботу. И с той радостью воевода Федор Матвеевич Апраксин ездил к преосвященному архиепископу и о сем вкупе Бога благодарствовали и порадовались. И на завтра, во вторник, преосвященный архиепископ советовался с воеводою, указал в пол-третьего часа дня благовестить в большой колокол. И собравшимся всем священникам и всему городу преосвященный архиепископ о победе великого государя на противныя и взятии Азова града изутне всем народом объявлял, возвещал и потом соборно молебствовал по чину благодарственный молебен в светлом облачении со звоном. И после молебна архиерей и воевода с начальными людьми в соборе слушали литургию. Стрельцы обоих полков стояли от города на дороге к соборной церкви полным строем и урядством, и после литургии стрельба была из пушек и мелкого оружия троекратно. А воевода и дьяки с начальными людьми и архиерей были на перепутьи».

По такому случаю воевода устроил в своих палатах уго-

щение для стрелецких начальников, дьяков, духовных пастырей, гостей, как звали тогда купцов, посадских старшин. Пригласили и знатных иноземцев из Гостиного двора.

Открывал застолье воевода:

— Этим летом государь великий державе нашей отворил другие ворота на теплых морях. Почин великий сотворен, но, чаю, вперед немало придется усилий предпринять, дабы утвердиться на том море. Благодарение Богу и нашим воям, что одолели басурман и Азов-крепостью овладели.

Афанасий, едва пригубив вина, спросил:

— Верно подметил воевода, крепость токмо врата. Отколь ведаешь замыслы государя?

— Ты сам, отче, отгостил — Азов токмо врата, за ними же море. Неужто государь, распахнув врата, отстанет, не войдет вовнутрь? Не таков норов Петра Алексеевича. Да и толковал он о том намеками, когда к Студеному морю хаживали с ним за прошлым годом.

Москва, пожалуй, впервые со времени Ивана Грозного, праздновала победу над неприятелем. В эти же дни при стечении народа казнили изменника Енсена-Якушку, которого захватили в Азове. «И вор-изменник Якушка за свое воровство в Преображенском пытан и казнен октября в 7 день. А у казни были князь Андрей Черкасский, Федор Плещеев: руки и ноги ломали колесом и голову на кол воткнули».

Не преминул царь воздать Господу Богу за победу. Отслужил молебен в Троице, в Сергиевом монастыре. Но во время и после торжества царь не переставал размышлять о главной цели Азовского похода.

Недели через полторы после возвращения Федор Головин застал царя в Преображенском за конторкой. Он что-то сосредоточенно чиркал. Сразу не ответил Головину, потом бросил перо, встал, схватил лист:

— Сочиняю, Федя, наказ Думе о морском кумпанстве, флот строить будем.

— Бояре-то при чем?

Петр лукаво усмехнулся:

— Кораблики стоят дорого. Расход великий, казне не поднять, казна-то небогата. Надумал разложить сии тяготы по всем сословиям, даже патриарха уговорил. А штоб не роптали

на меня, пускай они сами приговор подпишут, мощной трянут для отечества.

Вскоре по указу Петра в Преображенское съехались бояре, началось сидение Боярской думы. 20 октября 1696 года в притихшем зале думный дьяк Никита Зотов зычным голосом читал послание Петра:

— «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фортеции от турок Азов. Понеже она разорена внутри и выжжена до основания, так же и жителей фундаментальных нет, без чего содержатися не может и того для требует указу, кого населить и много ли жалованья всякая откуды».

Бояре переглядывались, перешептывались, согласно кивали.

Дьяк передохнул и продолжал читать статью вторую о том, что турки и татары, конечно, не смирятся, будут беспрестанно нападать неистово, а держать все время в Азове большое войско не под силу.

Никита прервался на мгновение, глянул на бояр поверх очков, будто высматривал, не дремлет ли кто:

— «Понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда к нам так близко на юг не бывала: блажен иже иметца за власы ее. И еще потребно есть сил, то ничто же лучше мною быть, еже воевать морем, понеже зело близко и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати оставляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному. К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящий, о чем надобно положить, не испустя времени: сколько, каких судов и со многих ли дворов и торгов, и где делать?»

Последняя фраза заставила встрепенуться дремавших на лавках бояр. В прежние годы слыживали они о морских «потехах» царя, даже ссужали ему деньги на затеянное строительство в Воронеже, но сегодня царь заговорил о каком-то новом и пока не совсем понятном деле... Зашептали, пока вполголоса.

— Штой-то государь затеял. Дворы и подати наши считать почал...

— Никак, воев морских ладить...

— Много ли с нас возьмешь, охо-хо, чего для?..

— Однако Азов-то воевали. Софья много сулила, оставила с кукишем.

— Там, глядишь, морем-то торговать мочно?

— Приговорить бы надобно...

И бояре приговорили: «Морским судам быть, а сколько, о том справитца о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяк чинов людьми, о том выписать и доложить не замолчав».

Дума порешила «строить в Таганроге город и гавань», написала сооружать корабли «кумпанствам». С восьми тысяч дворов полагался один корабль. Не важно, чьи дворы — монастырские, патриаршие, дворянские или купеческие.

Начало осени Апраксин провел в непрерывных хлопотах. Наконец-то снарядили для отправки в Голландию фрегат Яна Флама. Вручая паспорт, воевода наказывал шкиперу:

— Мотри, Ян, добро везешь государево и купецкое российское, не сплошай, како Гендрик. Самовольничал он незаконно — и сколь добра пропало, и корабль сгубил, отдал французам.

По каким-то так и неразгаданным причинам на «Святом Павле» при подходе к берегам Нидерландов подняли голландский флаг. Откуда ни возьмись появились французские каперы, захватили российское судно под голландским флагом и объявили по законам войны своей собственностью. Началась многолетняя тяжба с Францией, которая так и не возвратила судно...

Отправляя теперь второе судно с товарами, Апраксин старался все предусмотреть. На корабль загрузили полный запас пороха, ядер, пищалей.

— Ежели каперов встретишь, не поддавайся, у тебя пушек в достатке.

Неунывающий Ян Флам успокаивал:

— Тебя, воевода, не подведу, да и государю дал слово. Товар в сбережении доставлю.

— То-то, — успокоился Апраксин. — А флаги-то российские я тебе в запас дал два комплекта. Мало ли, в шторм сорвет, так есть чем заменить...

Ян Флам повел суда к Двинскому устью, а воевода поехал

на Вавчугу к Бажениным закладывать первые суда на новой верфи. По пути вспоминал. За два года не раз слышал Апраксин жалобы от Бажениных:

— Убытки несем немалые, воевода, за море иноземцы везут нашу древесину, втридорога торгуют. И казне государевой ущерб от того.

Апраксин напоминал Бажениным пожелания царя:

— Верфь свою сооружайте проворнее, государь вам об этом наказывал в прошлый приезд.

Воевода тащил Бажениных, Осипа и Федора, на свою верфь в Соломбалу, где строили новый фрегат. Лазил с ними по стапелю, все показывал, знакомил Бажениных с мастерами. Понемногу дело подвигалось. Купцы увлеклись им все-рез. На берегу Вавчуги за два года заработала кузница.

Весной Апраксин, осмотрев верфь, посоветовал:

— Отпишите государю, что, мол, так и так, все припасено, испросите грамоту. Штобы суда строить для иноземного плаванья, воля государева потребна.

В Москву пошла челобитная. «Двинские посадские людишки Оська и Федька Андреевы дети Баженины» просили Петра I: «Вели государь в той нашей вотчинишке в Вавчужской деревне у водяной пильной мельницы строить нам, сиротам твоим, корабли, против заморского образца, для отпуску с той нашей пильной мельницы тертых досок за море в иные земли и для отвозу твоей государевой казны хлебных запасов и вина в Кольский острог и для посылки на море китовых и моржовых и иных зверей промыслов». Баженины просили разрешения и лес рубить в Двинском, Каргопольском и Важском уездах.

Апраксин челобитную одобрил, но сказал:

— Допишите государю просьбишку. Суда-то сподобите, а кто их за море поведет? Людишки. Стало быть, вам добро государево потребно, штоб экипажи на те суда нанимать, которые в иные земли поплывут.

Челобитную царю успели доложить до Азовского похода. Читая ответ Петра, воевода радовался вместе с Бажениными:

— Вишь, государь по-мудрому размыслил, грамотой вам жаловал многое, што спрашивали и сверх того. Гляди-ка, суда те вам дозволено пушками вооружать и боевые припасы к

ним иметь. Сие для обороны от каперов. Не зря государь к вам милость питает наперед, чтобы «...на то смотря иные всяких чинов люди, в таком же усердии нам, великому государю нашему царскому величеству, служили и радение свое объявляли...».

На Вавчуге все было готово к торжеству, ждали только воеводу и архиерея. Левый покатый берег реки, казалось, самой природой сотворен для устройства верфи. Широкая лощина полого спускалась к урезу воды. Над просторным, добротным дощатым помостом высился громадный навес.

Как всегда, церемония началась с молебна. Баженины не ожидали приезда архиепископа. С тех пор как три года назад царь разбирал челобитную купцов, Афанасий не показывался в Вавчуге.

Архиерей же ныне держал себя свободно, будто в прошлом и не было между ним и Бажениными никакого раздора.

Купцы народ сметливый, видимо, оценили такт уездного духовного пастыря и старались его задобрить. Как-никак, а по сему было видно, что Афанасий сел в Двинском крае надолго. Тем более Баженины торговыми делами тесно связаны с купцом Дмитрием Любимовым, братом архиепископа...

Вернувшись, Афанасий остался в Холмогорах, где размещался епископат.

— Надобно мне в епархии дела рассмотреть неотложные, и в нашей среде, воевода, хватает разногласицы и неурядиц. А мне скоро к патриарху стопы направлять в Белокаменную.

Из Москвы в Архангельский архиерей приехал по санному первопутку и сразу направился к воеводе.

Апраксин накануне его приезда получил письмо от старшего брата Петра. Он подробно сообщал о походе к Азову, больших праздниках в столице, добром отношении к нему царя, намекал о каких-то новшествах, затеваемых царем. Половину письма занимала неприятная весть. Младший брат Андрей попал в переплет. По какому-то поводу он затеял ссору с незадачливыми дворянами Желябужскими и изрядно их поколотил с дворовыми людьми где-то под Филиями. Те подали жалобу царю. Андрей струсил и хотел отвертеться. Но Ромодановский все разобрал и доложил царю, который сам выступил судьей. Андрея чуть было не били прилюдно кнутами за

«ложную сказку». Хорошо, что вступились сестра, вдовая царица Марфа Матвеевна, и Франц Лефорт.

Пока Апраксин читал письмо, его прошиб пот: «Надо же, в такой позор Андрюха втянул нашу фамилию». Брат сообщал, что теперь по царскому приговору Андрей должен выплатить Желябужским тысячу рублей да Лефорту «за его заступление» три тысячи рублей. «Опять деньгу посылать надобно, хотя Петр и не просит».

Архиерей тоже был наслышан об этой истории, но откликнулся на нее в шутиливом тоне:

— Кнутами все же попотчевали дворовых твоего брата. Но думается, сие на пользу и ему пойдет.

Апраксин натянуто улыбнулся и перевел разговор:

— Каковы, отче, ведомости из Преображенского?

— Великие, воевода. Ты уж меня не пеняй, что я вначале про братца твоего помянул. Поверь, у меня самого камень на сердце лежал, за тебя сожалею. — Архиерей вздохнул и начал оживленно рассказывать о сидении Боярской думы, приговорах о «кумпанствах» для сооружения судов морского каравана.

— Не миновало государево око и нашу церковную епархию. Вменил нашим обителям монастырским наравне с вотчинами боярскими и дворянскими сооружать кораблики для флота.

— Наш-то уезд Двинский не слышал ли, какая ему доля выпала?

— Богу благодарения, государь, я слышал, по-разумному поступил. Ни с вотчин нашего края, ни с нашенских монастырских обителей поборов не станется нынче. Мы-то, поморцы, и так служим отечеству у врат морских.

— И то дело, слава Богу, однако подождем, — облегченно перевел дыхание Апраксин...

В Беломорье начиналась зима, задули северные ветры, замела поземка, снег начал по-настоящему укрывать поля, перелески, дороги, давно скованную льдом Двину.

Размышляя над новостями, Апраксин по давней привычке сел за письмо царю. «Надобно поведать ему о всех наших

делах, помянуть об отправке Яна Флама, о Бажениной верфи. Заодно Петра Алексеича настрой проведу. Гневался-то он на Андрюху. Как бы и мне боком не вышло».

Начал по старинке, как обращались к царю все, начиная с приближенных бояр. Быть может, только чуть-чуть подбострастей:

«Премилостивейшему, всесветлейшему моему государю, пречестнейшему бомбардиру». Знал Федор, что царь требовал его величать официально бомбардиром, но приписал еще: «Рабски прошу твою милость и сообщая...»

Закончив писать, прочитал и завершил обычным манером: «Прошу у тебя, государя моего, милости и челом бью низко многократно раб твой *Федка Апраксин*». В конверт вложил, как всегда, письмо домой.

Пока письмо ходило, прошел месяц. Не каждому и не всегда отвечал царь. Зависело от близости и важности персоны да и от настроения. Обычно молчание принималось как немилость.

В Юрьев день московская почта принесла неожиданные вести. Царь объявил указ «стольникам обеих комнат», царей Петра и Ивана, «сказано в разные государства учиться всяким наукам».

Апраксин и архиерей в один голос одобрили царский указ.

— Без толковых кумандиров доброго флота не сотворишь, — рассуждал воевода. — Сам видишь, отче, как в заграницу корабль снаряжать, так сыскивай шкипера иноземного. Нашенских-то нема.

— Почин славный и мудрый государя, — вторил ему Афанасий, — токмо ученьем пробьешься к свету.

На Введение Святой Богородицы пришел долгожданный ответ от царя. Видимо, Петр не придавал большого значения проделкам младшего брата, но пенял дружески воеводе совсем за другое.

«Федор Матвеевич, за письмо твое благодарствую, однако ж зело сумнимся ради двух вещей, — шутливо выговаривал царь, — 1) что не ко мне писал, 2) что с зелеными чинами, чего не люблю; а тебе можно знать (для того, что ты в нашей компании), как писать. А про нас похочешь ведать, дал Бог,

живы; а письмо отдал твоей жене сам. По сем здравствуй. *Piter*».

Короткое письмо Апраксин прочитал, не переводя дыхания, не сразу разобрался в нем, но понял сердцем расположение к нему царя. «Стало быть, государь меня благоволит».

Как раз на съезде появился Афанасий. Глядя на сияющего воеводу, понял, что получены добрые известия.

— Никак, к добру я зашел?

Не удержался воевода, протянул архиерею письмо.

— Вишь, тебя государь ближним человеком почитает, — с уважительным оттенком, но по-приятельски просто заключил Афанасий, — таких, как ты стольников, по пальцам перечесть можно, великая тебе честь.

В самом деле, не каждый день получаешь письма от царя с дружескими излияниями, и Апраксин не скрывал от приятеля радостного настроения:

— Спаси Бог, владыко, однако ты меня не захваливай, сам ведаешь, сколь пагубно тщеславие. Послушай-ка другие вести. Мало того, что государь соизволил послать за границу стольников для прознания навигацких наук. Братец повещает меня, что Посольский приказ ныне в хлопотах, затевается большой вояж в окрестные страны европейские. Об том указ государев объявлен.

— Поживем, воевода, авось прознаем и про то, но, видно, к нам сие касанье иметь не будет...

Лестно отзываясь об Апраксине, архиерей не кривил душой. В самом деле, на его глазах повседневно, без утайки протекала деятельность воеводы. Да и многое знал он от попов, что общались с паствой в доброй сотне приходов Двинского края. В отличие от предшественников, Апраксин болел за каждое дело, которое поручал ему царь, исполнял его не только за страх, но, главное, за совесть. При всем своем усердии он хотя и строго, но без жестокосердия, по-человечески относился к тем людям, которые своим умом и руками претворяли в дело его указания, и они не таили на него зла.

С другой стороны, Афанасий давно приметил у своего приятеля черты чрезмерного раболепия не только перед царем, но и перед его приближенными. Даже в обращении с тем же Меншиковым, разбитным неучем, но довольно настырным наха-

лом, который был намного младше воеводы годами и не имел чина, Апраксин временами откровенно заискивал. Архиерей не раз слышал, как воевода приторно-ласково величал его «Лександро Данилыч».

Но Афанасий рассуждал справедливо. «Каждный волен устраивать свою жизнь мирскую по своему усмотрению. Наперво блюсти заповеди Божьи и не вредить людям. Благо, что воевода их не порушает. А так мало ли какие задумки у Федора Матвеевича. Под себя он сокровищ не подгребает, не мздоимствует, на чужих бедах не наживается, старается править на воеводстве по благочестию и справедливости...»

Прощаясь с воеводой, архиерей обронил:

— А я, грешным делом, по тебе соскучился, Федор Матвеевич, на заутрене тебя не было, думаю, не стряслось ли чего. Заезжай-ка ко мне в вечер, потолкуем.

По натуре человек общительный, Афанасий накоротке сходил с людьми редко. В епархии Двинского края по уму и образованию он был на голову выше своих подопечных, что отмечал и двинский летописец: «Бысть убо пастырь изящный, писания довольный, сказитель громогласен, речист по премного, остроразсудителен, чина церковного опасный хранитель, ревнитель к вере, на раскол разрушитель, трудолюбив». Только архимандрит Фирс мог составить ему компанию, но он был далеко.

Приятного, близкого по духу собеседника обнаружил Афанасий в предшественнике Апраксина Андрее Матвеевиче. Часто вступал с ним в споры и рассуждения по мирским вопросам. В сравнении с ним Апраксину заметно недоставало знаний, но природная сметка, рассудительность восполняли в какой-то степени этот пробел...

Еще не было случая, чтобы Апраксин отказывался постоловаться у архиерея. Кухня у него была отменная. Служки стряпали непринхотливо, но вкусно и к приходу воеводы всегда готовили его любимую двойную уху...

Незаметно текло время за трапезой, сопровождаемой беседой. Рассуждали о разном.

— Господь Бог сподобил Нюю ковчег спасения для, — певуче растягивал слова архиерей, — все предусмотрел. Мирская жизнь походит, иносказательно, на ковчег среди моря

житейского. Всякий человек свой ковчег ладит по своему разумению.

— Не было забот у Ноя, по подсказке ладил ковчег, — ухмыльнулся воевода, — а нам-то каждому корпеть над своей посудиною, а ну промахнешься, борзо захлебнешься, утопнешь.

Апраксин почему-то вспомнил о царском указе:

— Слышь-ка, отче, государь-то в самом деле великое замыслил. К морям приобщиться. Токмо под силу ли вытянуть сие? И нас заденет.

— Народ у нас двужильный, вытянет, было бы все по уму сделано. А к нам далеке, у моря мы, авось покуда не заденет.

Архиерей говорил, что думал, но на этот раз он не угадал.

Накануне Рождества Посольский приказ захлестнули заботы. Суетились дьяки и подьячие, скрипели перьями писари, сновали посыльщики в Приказ Большой казны, Разрядный и другие. Москва снаряжала Великое посольство.

Совсем недавно думный дьяк Емельян Украинцев объявил служивым Посольского приказа, что «государь указал для своих великих государственных дел, послать в окрестные государства к цесарю, королям Английскому и Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию великих и полномочных послов: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думского дьяка Прокофия Возницына и послать с ними к тем окрестным государям свои, великого государя, верющие и полномочные грамоты. А по чему им, в тех государствах будучи, его, великого государя, дела делать, и о том дать им из Посольского приказа наказ».

Посольство так посольство. Царю виднее заморские дела. Он-то всей державой правит. Один-два человека знали, что Петр тоже поедет с посольством под именем простого урядника Петра Михайлова. Федора Головина, одного из немногих, первого посвятил в свои планы царь.

— Ты сам ведаешь, какой из дебошана посол, Лефорт он и есть Лефорт, токмо за столом молодец, а там, в Европе, ты будешь за генерального. С вами я тоже поеду, но тайно, под ли-

чиной урядника Петра Михайлова. При мне под видом волонтеров десятка три преображенцев поедут. Отберу своих, надежных. – Петр вздохнул. – Ну вот, наговорил три короба. Ты, не мешкая, загляни к Льву Кирилловичу, пускай ко мне прибудет, да Украинцеву передай про Возницына. Он еще о том не ведает.

Вслед за Петром поднялся Головин.

– Поимей в виду, Федор, чтоб стольников в феврале здесь духу не было, а мы с тобой в масленицу блинов отведаем – и айда в дорогу.

Другое, не менее важное дело весьма заботило Петра, – строительство флота в Воронеже. Во время второго похода к Азову приглянулся ему окольный Александр Протасьев, начальник володимирского Судного приказа. Сноровисто и хватко распоряжался в Воронеже при постройке галер, умело руководил плотниками, работными людьми.

Его-то и вызвал царь накануне Рождества.

– Нынче твой Судный приказ будет вести постройкой в Воронеже кораблей всех кумпанств, по приговору Думы. Дело великое и новое. Должность твоя именуется – адмиралтеец. Все росписи получишь в Поместном приказе. Разошлешь по кумпанствам меры и чертежи кораблей. На постройку судов лес потребен. Разрядный приказ опись проведет лесных угодий. Разводи лес по кумпанствам с бережением, присматривай за лиходеями. Што неладно, поведаешь мне самолично. Ежели съеду, князь-кесарю доноси. Спрашивай строго, спуску ни попам, ни боярам не давай. Помощником тебе первым будет Франц Тиммерман. За иноземными мастерами присматривай, они деньгу знатную имеют.

Протасьев, довольный, низко поклонился...

Между делами чествовали победителей под Азовом. В Рождество в Кремле жаловали вотчинами Шеина, Лефорта, Гордона, Головина. Других военачальников награждали золотыми медалями, кубками, шитой золотой одеждой. Награждали всех, до последнего заштатного рядового стрельца и солдата, золотыми копейками.

Турки, по слухам, готовились вернуть утерянное. Войско подготавливали к обороне Азова, завоеванных земель. Петр напутствовал Шеина:

– Укрепляй прежде всех Азов, супротив него крепостцу сооружай, иноземные инженеры там работают. – Царь подозвал боярина к разложенной на столе карте. – Бухту таганрогскую промеришь вдоль и поперек. На берегу, – Петр ткнул пальцем, – помнишь сие место? Крепость заложишь Троицкую, на другом берегу форт и шанец там оборудуешь.

Шеин слушал молча, вопросов не задавал, все было ему знакомо. Петр вынул из конторки новую карту.

– Ты с нами в первом походе не состоял. Мы по Волге плыли, потом пешком добирались к Дону. Промерил я путь от речки Камышинки на Волге до другой, Иловля, на Дону. На круг там верст десятка два. Ежели между ними протоку вырыть, мы с Москвы до Азова стругами добираться сможем.

Боярин вопросительно вскинул брови: я-то, мол, при чем?

– Указ будет, тыщ двадцать пососных людей с разных мест туда сберут. Иноземный инженер над ними будет. А ты в ответе и за то дело.

Шеин сомнительно покачал головой:

– К Азову на Воронеж, государь, много тыщ пойдут, а ежели и к Дону, вымогут ли посадки и уезды сие тягло?

– Поместный приказ то все просчитал. Еще лишку смердов немало...

Шеина за Азовский поход царь жаловал больше других, золотом и соболями, и вотчиной. Полковнику Петру Апраксину досталась золотая медаль, шитый кафтан. Второй год присматривался к нему Петр, в бою смел и сообразителен, двумя гвардейскими полками распоряжался.

После Крещения царь имел с ним разговор:

– Поедешь воеводой в Новгород Великий. На север у тебя Ингерманландия, шведская вотчина. Храни там оборону. Крепость и полки содержи для незапного бою. Мало ли что...

Через неделю Апраксин давал прощальный обед. Царь приехал к нему не один, с князь-кесарем Ромодановским, Лефортом, Гордоном, Шеиным. Пробыл недолго, видимо куда-то торопился. «И то слава Богу, заехал, – радовался старший Апраксин, – видать, опять к Монсихе тянется».

В конце стола сидел брат Андрей меж двух полковников. Царь поманил его:

– Спаси Бог твоей сестрице да Францу, спину твою пожалели. Как же ты осмелился враньем прикрыть вину свою?

Андрей налился краской, пробормотал:

– Каюсь, государь, убоюсь гнева твоего.

– Умел грешить, умеи и ответ держать, – нахмурился царь. Потом вдруг улыбнулся: – Как ты Желябужского избил, ни за што ни про што?

– Спьяну случилось, государь, по дурости, не попомню.

Петр взял большой кубок, наполнил до краев водкой:

– Ну, вот тебе еще штраф за твою вину. Пей!

Андрей, не смущаясь, взял кубок двумя руками и не отрываясь выпил. Петр захохотал:

– Ну, я вижу, ты пивец славный. – Царь вдруг согнал улыбку с лица, глянул на Апраксина-старшего: – Братец у тебя, я знаю, лихой, пиши-ка ты его завтра к отъезду в Голландию, неча ему здесь баклуши бить.

Когда за столом поутихли, Лефорт, поздравляя Петра Апраксина, проговорил:

– Ты теперь с братцем на северном кордоне плечом к плечу стоять будешь. Он мне иногда восточку шлет.

Царь загадочно произнес:

– Вскоре ты, Франц, с ним наяву появляешься.

Прощаясь, царь дал еще задание новому воеводе:

– Осмотришься, попытай купцов нашенских и швецких. Надобно нам пушек сотни две, не менее, на корабли воронежские. Проведай, почем стоят, чугунные или медные...

Царь не зря намекал Лефорту о скорой встрече с Федором Апраксиным. Не думал и старший Апраксин увидеться с Федором...

Густая февральская метель перемела все дороги, занесла тропки. Вроде бы и конец зимы на носу, но северный день не спешил отнимать свои права у долгой ночи. Да и солнышко робко заявляло о себе, лишь в полдень обозначаясь тусклым пятном в туманном мареве. Потому и природа, укрытая снегом и скованная морозом, продолжала сладкую дрему, дожидая своего срока.

В зимнюю пору повседневная жизнь воеводы проходила,

как правило, в трех местах: церкви, приказной избе, воеводских палатах. Иногда, раз-два в неделю, этот порядок разнообразился гостеванием. То приглашали именитые купцы, и среди них Дмитрий Лебедев, брат архиерея, то звали иноземцы, постоянно жившие в Архангельском, то зазывал стрелецкий полковник. Когда наезжал из своей Холмогорской епархии Афанасий, то обычно они всегда сходились с воеводой и проводили время в архиерейских палатах.

Последний раз в субботу, на масленицу, они, как и положено, отстояв литургию, довольно приятно провели время у архиерея...

Прошла всего неделя, и поздним вечером у воеводских палат остановился крытый возок. Настойчиво заколотили в двери.

«Кого это нелегкая принесла на ночь глядя?» – недоумевал уже задремавший было воевода. Внизу топали валенками, страшивая снег, а в двери показалась одутловатая физиономия Козьмы:

– Из Москвы к вам, Федор Матвеевич...

«Пошто еще?» – натягивая сапоги, перебирал в памяти Апраксин события последних недель.

Нежданным гостем оказался боярин князь Михаил Лыков, приехавший по указу царя сменить Апраксина.

Князя Апраксин знал близко, со времен противостояния с царевной Софьей, бывал тот и на Плещеевом озере, сопровождал царя в Архангельский.

– Велено тебе, Федор, без мешкоты отъехать в столицу, зван ты по срочному делу, – зябко вздрагивал боярин, прислонившись к печке и глядя на суетившегося Козьму.

– Пошто спешка-то? – не то радуясь новости, не то тревожась, спросил Апраксин.

Лыков ждал, пока Козьма, гремя посудой, расставит на столе закуску. Когда он вышел, князь проговорил:

– Велико посольство днями в Европу отправляется, так я ведаю, тебе при нем быть.

На следующий день к вечеру Апраксин заехал проститься к Афанасию. Ночевать отказался.

– Государь велел без мешкоты ехать, быть к нему марта первого. Водицы бы испить...

— Садись, воевода, мы с тобой посошок выпьем, как в Библии сказано: «Вперед пей не одну воду, но употребляй немного вина ради желудка твоего и частых твоих недугов». А лошадок я тебе добрых дам, они тебя до Вологды в два дни домчат.

Последняя запись о бывшем воеводе легла строками в двинской летописи: «В то же лето, февраля в 20 день на стольника ближнего Федора Матвеевича Апраксина место приехал на Двину воеводою боярин князь Михайло Иванович Лыков и с ним дьяк Ермий Леонтьевич сын Полянской дьяка на Андреево место Озерово. В то же лето февраля 22 стольник и воевода князь Федор Матвеевич Апраксин поехал с Холмогоры».

Часть четвертая АДМИРАЛТЕЕЦ

Сани с Апраксиным въехали в Москву около полуночи, он отказался переночевать в Мытищах. На ямской подставе отыскал добротные розвальни, перегрузил багаж из возка, и сани понеслись, похрустывая ледком.

Накануне днем он впервые за долгие месяцы увидел солнце. В полдень под полозьями кое-где шуршал подтаявший снежок, кожаный возок нагрелся. Откинув поллог, Апраксин жмурился, подставляя лицо ослепительным лучам. Первой кинулась на шею мать, робко обняла жена...

Родное подворье всполошилось. Три с лишним года не видела барина дворян. Все поднялись на ноги, захлопали среди ночи двери, задымилась кухня.

Андрей сразу успокоил брата:

— Государь еще не отъехал. Нынче заговор супротив него открылся Ваньки Цыклера с товарищи. Розыск сам государь ведет в Преображенском.

— Мне-то как быть?

— Повидай завтра Меншикова, он подскажет.

— Ты-то больше меня ведаешь, проводишь.

Андрей растянул физиономию в улыбке:

— Нет, Федька, в отъезд мне нынче же быть.

— Куда еще?

— Отгадай.

— Не дури, рассказывай. А Петруха где?

Андрей смеялся, крутил головой.

— И Петрухи нема. В Новом Городе Великом он. На воеводство туда отъехал по указу государя прошлой неделей. А сей же день и я отъезжаю, в Голландию, навигатором обучаться мне велено государем, как и другим стольникам. Со мной Мишка Куроедов следует, тож по указу государя. Его також учить велено морехоцкому делу...

— Поезжай, остепенишься. Пора бы, чай, женат.

За столом Андрей словоохотливо рассказывал новости:

— Государь-то как возвратился с Азова, почал все свои затеи вершить. На Воронеже флот ладить, в Голландию стольников спроваживать на учение. Сам должен был выехать завтра-послезавтра, да с розыском задержался.

— Што с Ванькой-то?

— Замыслил с Пушкиным да Соковниным извести государя, да, спаси Бог, Ларийон Елизарьев повестил о том зле государя.

— Нынче-то што?

— Розыск в Преображенском, застенек сам государь правит, распутывает клубок. — Андрей замолчал на мгновение, ухмыльнулся. — Государь-то нас жаловал, отобедал прошлым месяцем, когда Петруху воеводой определил.

Апраксин слушал, а сам размышлял: «Мне-то что уготовлено? Нет хуже безвестья».

Утром простился с братом, поехал к царю.

В Преображенском царило заметное оживление. Скакали, не разбирая дороги, гонцы, в крытых кибитках свозили арестованных заговорщиков. Апраксин с трудом разыскал Меншикова. Тот, не размышляя, сказал:

— Годи, Федор, государь велел тебе его дожидаться.

Петр появился к вечеру, много возбужденный, бледное лицо его нервно подергивалось. Выпил стакан водки, закусывал на ходу, отрывисто бросал фразы:

— Поедешь со мной в Европу. Ума набираться станем по корабельному строению в Голландии, и еще где, поглядим. Состоять при волонтерах будешь, я поеду персоной секретной, Алексашка и Лефорт в моем десятке, они тебе все пояснят. Вызвали у Головина в пути мою грамоту и штудируй оную, тебе по ней исполнять указы. Тронемся на неделе. Только со злодеями покончим и отъедем.

На другой день Боярская дума приговорила казнить Цыклера и пятерых его сообщников. Казнили жестоко и прилюдно, остальных заговорщиков с роднею разослали по глухим местам... Головы казненных остались торчать на кольях под кремлевскими стенами.

А Великое посольство отправилось к Твери и дальше к Новгороду.

Не успел Федор толком поговорить с Пелагеей, но только понял, что она сильно сдала здоровьем...

Первая передышка в пути совпала с радостной встречей. Остановился Федор в доме брата, жил в его комнате. Весь дом оказался забитым свитой. Рядом в комнате разместились Лефорт и Головин, на нижнем этаже Возницын и дьяки. Брат все три дня пропадал с царем. Осматривали кремль, крепостные укрепления, цехгауз, пушечное зелье...

Появлялся брат к ночи, сильно выпивши, храпел во сне. А наутро убегал затемно. Толком так и не поговорили. Накоротке помянули родителя, пожелали здоровья матери и сестре Марфе Матвеевне.

— Ты там за Ондрушкой-то приглядывай, — сказал Петр, — он хотя и оженился, а дури в голове немало.

— Небось, пригляжу.

В Либаве не первый день на рейде томила в ожидании гостей бригантина «Святой Георгий». Шкипер Иоахим Вайсендорф исполнял привычную работу, которая заранее была хорошо оплачена. Герцог Курляндский не поскупился, отдал полторы тысячи флоринов за небольшую морскую прогулку...

Наконец-то эти странные русские погрузились на корабль, но, как часто бывает на море, задул противный ветер, развел большую волну. Два дня отстаивались на якорях, «ходила туда-сюда» на волнах бригантина. Оно, может быть, и к лучшему. За это время Иоахим наконец-то распознал среди пассажиров царскую особу.

Высокого роста, в обычном шкиперском платье, едва сту-

пив на палубу, он уверенно подошел к капитану и представился по-немецки, чуть коверкая слова:

– Унтер-офицер Питер Михайлов.

Судя по обращению окружающих его для них он был далеко не простой офицер.

Едва успев ступить на судно, Питер Михайлов попросил шкипера:

– Герр шкипер, позвольте мне ознакомиться с судном?

Иоахим Вайсендорф не возражал.

– Вам дать провожатого?

– Спасибо, я управлюсь сам.

Шкипер приглядывался к русским. Кроме урядника, он заметил еще одного пассажира, который часто оказывался рядом с Питером Михайловым.

– Мотри, Федор, – говорил он ему, похлопывая по мачте, – стеньги-то скреплены у брига надежней, чем на «Святом Павле». Припоминай, брат, сии устройства.

Федор Апраксин чаще других спутников царя гостил на палубе, заглядывал в кубрики и трюмы, осматривал крепления якорей. После обеда сидел в каюте у Головина, читал царский наказ. Начинал его Петр с людей, которых следовало отыскивать среди иноземцев. «1-е. К службе морской сыскать капитанов (ч.3 или 4), которые б сами в матросах бывали, а службою дошли чина, а не по иным причинам. 2-е. Когда вышписанные сысканы, тогда к той же службе сыскать поручиков и потпоручиков ч. 25 или 30 добрых же, и чтоб, также, которые бывали в niskих чинах. 3-е. Когда и те готовы, тогда взять ведамость кораблям, сколько числом, и из вышписанных выбрать, на всякий корабль по человеку, и приказать им набирать добрых боцманов, констапелеф, стюрманов, матрозоф по указанному числу; а жалованья им давать зачнут будущего 1698 году июня с первых чисел. 4-е. О числе людей на корабли помыслить с ыскусными морскаго пути».

Федор кинул взгляд на похрапывающего на диване Головина. «Замахнулся лихо Петр Алексеевич, на цельный флот хватит». Перевернул страницу. Дальше вменялось «для строения двора адмиратецкого сыскать человека доброго, также и мастеровых людей», для корпусного и мачтового строения резчиков, блок- и шлюп-мастеров, кузнецов, по снастям зна-

ющих людей и многих других. Говорилось немало об инструментах, не забыл царь и о военных припасах. «В Любек послать для подряду литья 30 пушек, 24 мортироф, 12 гоубиц. А каковы те вышписанные весом и мерою, и тому изготавится впредь чертежи. Сыскать пушечных мастеров к Москве ч.3 или 4-х, также и станочных плотников и кузнецов. На картузы купить бумаги 7000 стоп, рагоф 3000 на порох к пушкам, также свинцу на пулки и на закрышки, меди битой листовой на насыпки». Закончив читать, Апраксин долго осмысливал наказ царя: «Забот полон рот, осилим ли все это, какой срок будет?»

Закряхтел на диване Головин:

– Ну как, тезка, уяснил задумки государевы? – Зевнул, засмеялся. – Не горюй, не ты один те дела вершить будешь, вместе рукава засучим, дело-то нужное...

В середине августа Амстердам торжественно встречал русское посольство. На въезде в город послов приветствовал президент и весь магистрат Амстердама, кареты ехали по улицам, вдоль которых выстроились шпалерами мушкетеры в белых кафтанах, всюду толпились любопытные, из распахнутых окон выглядывали женщины.

Царь шел пешком среди волонтеров. Накануне он приехал из Саардама, где прожил неделю. Ему там не понравилось. Местные верфи оказались небольшими, кто-то случайно узнал его, и от зевак не стало проходу.

Не успел Апраксин обустроиться в гостинице, прибежал Меншиков:

– Государь зовет немедля, Федор Матвееч.

Петр выглядел усталым, но веселым. Сразу налил Апраксину бокал вина:

– Пей, здесь ренское добротное, вкусней, чем на Москве.

Апраксин и сам давно заметил разницу:

– Нам купчины такого винца не привозят.

Бокалы быстро опустели, и царь опять наполнил их.

– Завтра, Федор, пойдешь со мной на ихнее адмиралтейство. Будем ладить фрегаты, подобно как в Переславле. Токмо здесь все мастеровые знатные, с пеленок ремеслу обучаются.

Приглядывайся, сноровку перенимай. Более некому своих-то обучать. Преображенцы с нами будут також.

Спозаранок Апраксин шагал с преображенцами Склевым, Меншиковым, Кикиным, Верецагиным следом за Петром на верфь. Сопровождал и представлял Петра бургомистр Витзен.

Остановились они у пустовавшего стапеля. Видимо, недавно с него спустили судно. Их уже ожидал корабельный мастер.

— Клас Поль, — представил его Витзен. Петр слегка поклонился, мастер ответил тем же. Апраксин с преображенцами стоял в стороне.

— Русский волонтер Петр Михайлов, — пояснил Витзен, — желает пройти полный курс вашей науки по строению корабля в качестве вашего подмастерья и плотника...

Тут же договорились, куда пристроить для обучения и остальных русских волонтеров.

С того дня на стапелях Ост-Индской верфи зазвучала русская речь... Конечно, все волонтеры не были новичками на верфях. Помнили свои первые уроки на стапеле Плещеева озера. Пилами, топорами, долотами орудовали на воронежских верфях. Но там осваивали азы ремесла. У голландских же мастеров было чему поучиться. Апраксину сразу бросилась в глаза разница в порядках на верфях здесь и в Переславле и Соломбале. Плотники голландские работали не разгибая спины. Старшие мастера учитывали каждый промах в работе, штрафовали виновных.

Петр трудился наравне со всеми, два раза уезжал: его приглашал на встречу король Вильгельм III Оранский.

Через месяц на стапелях в Амстердаме с местными плотниками закончили и спустили на воду первое судно. Голландцы предложили Петру участвовать в постройке фрегата. Мастер Поль пояснил:

— Будем закладывать фрегат, можно сто футов, можно больше. Как понравится, герр Питер. Мой совет — взять сто футов.

Строителей угощали вином, правда, скромнее, чем в России. Петр сидел за столом вместе с плотниками и своими преображенцами.

— Сноровисто работают голландцы, не отнимешь, — заметил Апраксин.

— Так-то оно так, Федор, токмо голландцы в архитектуре корабельной мало смыслят. Каждый мастер проворит по своему разумению, а как лучше соделать, не разумеет.

Апраксин вспомнил Яна Флама:

— Оно так, Петр Алексеич, вспомни-ка, и Флам, и Никлас о том толковали.

— То-то и оно, а по науке-то надобно усматривать на листах загодя, каково строение получится. На воде-то корабль не переделаешь. Я и гляжу, тебе здесь проку мало. Потому принимайся-ка служителей морских приискивать да остальные припасы прикупать. Заодно присмотри за стольниками.

Отправленные по указу за границу стольники хотя и знакомились перед отъездом с наказом Петра, но исполняли его далеко не ревностно. Давно прибыло посольство в Голландию, а некоторые стольники еще тянулись из России. Ехали каждый сам по себе. Большинство направилось в Италию, кто-то ехал в Голландию, некоторых судьба забросила в Англию. Устраивались по-разному. Одни из страха перед царским гневом, поживаясь, неделями бродили в гаванях, присматриваясь к загадочным громадам кораблей. Другие, их можно было перечислить по пальцам, из деловитости и природной любознательности поступали на службу на корабли или шли работать и учиться на верфи. Третьи, плюнув на все, просиживали время в кабаках, надеясь на «авось» и перемену взглядов в царских чертогах.

Апраксин нанимал шкиперов, боцманов, матросов в многочисленных гаванях Амстердама, Роттердама, других местах, встречал и стольников.

— Трудно их сыскать, Федор Алексеич, — докладывал он Головину. — Токмо трех нашел я, Сенявина, Салтыкова, Голицына, они исправно наказ государя исполняют.

Промолчал Апраксин про своего брата Андрея. В одной из многочисленных таверн Роттердама наткнулся вдруг на него. Тот в компании пьяных матросов тянул из глиняной кружки глентвейн. Рядом дремал посоловевший Мишка Куроедов. Схватил обоих за шиворот:

— Кровную деньгу пропиваешь, скотина?

Потащил на квартиру, заночевал, на другой день перевез в Амстердам. Разыскал знакомого капитана-голландца Корнелия Крюйса.

– Устрой братца к знающему шкиперу, но так, чтобы и палкой учил.

– Добро, Федор Матфей, – смешно выговаривал Крюйс.

Провожая Андрея, Апраксин предупредил:

– Дурень, вернешься, государь с тебя три шкуры спустит за безмозглость, в солдаты разжалует. Чем хуже ты Ульки Семявина, Федьки Салтыкова? Держись их...

– Каково у тебя с иноземцами? – поинтересовался Головин.

– Нанялось по контракту три штурмана да боцман, дюжина матроз, плотники да лекарь. Отыскался славный капитан Крюйс Корнелий, но деньгу ломит.

– И то ладно, присмотри судно да отправляй до Нарвы или Ревеля. А капитана ко мне приведи.

Вскоре нанятых иноземцев увозил из Голландии бриг «Гувернер фон Нарва».

Глубокой осенью дело с вербовкой пошло бойчее. Многие суда становились на зиму на прикол. Кроме найма моряков, немало заботили закупка и отправка разных инструментов, парусины, пушечных припасов, компасов, якорей, блоков для такелажа...

В первое зимнее воскресенье Петр по приглашению высших персон Амстердама наблюдал со свитой за казнью двух убийц, «помещаясь на трибуне городской ратуши». Площадь была полна народу, на трибунах, когда рубили головы у преступников, раздавался беззаботный смех дам, Петр, казалось, равнодушно взирал на происходящее. Лефорт натянуто улыбался, Апраксин наклонил голову к Головину:

– У нас-то бабы рыдают, а здешние хохочут...

Однако за место на смотровой трибуне пришлось платить, о чем упомянула «Расходная книга» посольства: «Взято ко второму великому полномочному послу на сдачу того дома, из которого смотрели казни, которая была у ратуши винным людям, хозяину в почесть 10 ефимков...»

Незаметно зима вступила в свои права, лед сковал реки и каналы, но гавани лишь кое-где в заводях покрылись тонким льдом.

– Гляди-ка, – удивлялись послы, – речки-то во льду, а голландцы на парусах резвятся.

По воскресеньям каналы и речки оживали. Десятки парусных буеров¹ на полозьях скользили по льду. Петр сразу потянулся к парусам. Когда задувал ветер, ходил на буере и в будни. Если штилело, привязывал к теплым сапогам коньки. Компанию составляли те, кто помоложе из волонтеров: Склеев, Меншиков, Кикин... Но забавы на льду пришлось прервать. Король Вильгельм прислал за царем корабли под флагом вице-адмирала Митчеля. Петр наконец-то отправился в Англию, куда давно стремился. Там строили корабли по науке, а перед учеными царь преклонялся.

В Нидерландах послы безуспешно продолжали переговоры о союзе против Османской империи.

– Не желают голландцы с нами в дружбе быть супротив турок, – удрученно сетовал Головин, – вишь ты, у них торговля в Средиземном море многую прибыль дает. Да и неохочи они за христианскую веру с турками биться.

Апраксин прислушивался к словам умудренного дипломата и генерал-комиссара флота, многие для него открывались заново.

– Вишь, Федор, ты куда пребывал в Двинском крае, государь почал воевать у турок проход к морю. Ты про то ведаешь. Однако нам-то одним несподручно с султаном тягаться. А прежние союзники наши, кесарь, да Август, да Венеция, клонятся за спиной к миру с турками. Потому государь порешил флот наш Азовский крепить. Как у тебя с флотскими людьми-то?

– Стараюсь, Федор Алексеич, под сотню уже нанял, деньгу им платить надобно кормовую, дабы не разбежались.

– Заплатим ближе к весне. Каков Крюйс-то?

– Без него как без рук. Все он ведает. Экипажмейстером состоит при здешнем адмиралтействе. Всех шкиперов, штурманов, боцманов наперечет знает.

– На своем до сих пор стоит?

– Так. Кичлив малость, горяч, но зело способен и моряк бывалый, вице-адмирала похочет. Еще своего дружка прочит, капитана Реза. Того шаутбенахтом пожаловать просит.

¹ Буер – род саней с парусом для катания по льду.

Головин вздохнул. Месяц назад он встречался с Крюйсом, голландский капитан пришелся ему по нраву.

— Отпишу государю, непотребно его упускать.

Апраксин нередко коротал время с Крюйсом. Тот на ломаном русском языке рассказывал ему о своем прошлом.

Сам родом из Норвегии, начал плавать юнгой, побывал в Индии, Средиземном море, Америке, Африке. Много повидал.

— Каким-то магнитом тянет меня в Россию, — признался Крюйс...

Наступила весна, и царь затребовал Головина в Лондон, прислал за ним яхту в Роттердам.

— Отъезжаю к государю нынче, там и упрошу принять в службу и Крюйса, и Реза.

Пока Головин заканчивал с англичанами торговый договор, в Амстердаме готовили к отправке в Россию нанятых в Голландии моряков и закупленные припасы. Определилась наконец-то судьба Крюйса и его товарища Яна Реза. Обоих зачислили на русскую службу. Усердие по найму «всяких чинов и людей к черноморскому флоту» отметил и «Статейный список» Посольского приказа. «И живучи в тех числах, в его, великого государя, службу многим своим прилежным радением и трудами приговорили и наняли на черноморской воинской флот к генералу и адмиралу, вице-адмирала Корнелия Крюйса, шаутбенахта Яна фон Реза, капитанов, командоров, порутчиков, шкиперов, штурманов, боцманов, огнестрельных мастеров, бомбардиров, подкопщиков и инженеров и к строению и деланию кораблей корабельных мастеров, плотников, рещиков, кузнецов, конопатчиков, блок-макаров, парусных мастеров, слюзных и каменных, и мостовых и компасных мастеров, и живописцев и маляров и часовников, и матрозов с тысячу человек».

Отправляли первую партию с «тысячу человек» на шести кораблях в Нарву и Архангельск. Путь дальний, время было дорого, два корабля ушли раньше, не дождавшись возвращения царя из Англии.

Петр вернулся из Лондона на пасхальной неделе в хорошем настроении и сразу объявил Апраксину:

— Насмотрелся я в Лондоне на истых корабельщиков. По

науке там корабли строят, геометрию на листах вычерчивают, меру определяют каждому члену судна.

Петр развернул один из чертежей, вычерченных собственноручно:

— Гляди, какая краса на сих чертежах, будто по азбуке читаешь строение корабля. — Отложив лист, заговорил совсем о другом: — Нынче тебе в путь собираться, поезжай домой. Я отписал Протасьеву, чтоб мастеровых голландцев от стапелей отстранить. Датским мастерам поручить наши корабли строить, покуда не приедут из Англии корабелы. Ты же следуй в Воронеж, присмотри за сим. Голландцы мастерят по-своему, а нам надобно как лучше. Уразумел?

— Покуда так, государь...

— В который раз тебе говорено, здесь я урядник Петр Михайлов. Да помни, на Воронеже присмотри за порядком. Протасьев много жалится, ежели загвоздка какая, решай сам. Ты в этих делах поднаторел. Я-то, пожалуй, не скоро буду. Отсюда до кесаря, потом на Венецию подамся. Галерное дело там спорится, сказывают, а нам сейчас оно в Азове сподручно...

Дороги Европы не чета российским, ухоженные, но Апраксин особенно не торопился. Скорая езда требовала больших денег, а он экономил, добирался на почтовых. Ночью отдыхал, но ехал без перерывов, хотелось успеть домой к Троице. На Вознесение въехали в Смоленск, и мрачный воевода сразу огоршил:

— Стрельцы бунтуют, полками на Москву идут.

Апраксин привстал от неожиданности:

— Где же они?

Воевода пожал плечами:

— Прибежали полковники их, побитые, вчерась из Великих Лук, стало быть, где-нито под Волоком Ламским.

Накануне отъезда Апраксина из Амстердама пришли письма от князя-кесаря и Гордона, они сообщали о возмущении стрельцов на литовских рубежах.

Посланные туда из-под Азова стрелецкие полки больше двух лет не были дома. Харч им давали скудный, обтрепались, жили в землянках. Начали роптать. «Царь-де покинул нас, бояре вовсе забыли, пора им бока намать, а то и кровуш-

ку пустить. Царевна Софья-то жива, она нас голубила». Полторы сотни самых отчаянных стрельцов самовольно оставили службу и ушли в Москву, с ними отправили челобитную и тайное письмо к Софье.

С челобитной выборные стрельцы от полков не таясь пришли в Стрелецкий приказ к боярину Троекурову. Боярин приказал полковникам схватить смутьянов, отвести в острог, но стрельцы отбили товарищей...

Пришлось князю-кесарю Ромодановскому поднимать солдатские полки Гордона, выдворять своевольных стрельцов из столицы, вести розыск. Но стрельцы и их «заводчики» благополучно ушли из Москвы. Вернувшись в полки, они начали задорить стрельцов.

Стрелецкие полковники получили указ князя-кесаря: стрельцов, которые в Москву ходили, сослать «с жонками на вечное житье в украинские города».

Один из «заводчиков», Васька Тума, и его друзья в открытую призывали стрельцов:

— У нас письмо от царевны Софьи Алексеевны, чтоб идти к Москве! Пошто стрельцы сомневаются? От искры сухостой пламенеет в один миг.

Правда, часть стрельцов колебалась, но их голосов не слышали, не забыли прежние неудачи.

— На посадах худой люд за нами пойдет!

— Стрельцы городовые поднимутся! На Москву пойдем!

— Казаки с Дона подмогут!

— А ну бояр побьем, дома их потрясем!

Сказано — сделано. Избитые стрелецкие полковники едва ноги унесли.

Выборные командиры повели стрельцов к Москве...

Апраксин поспел в Москву к Троице. Город притаился, только в усадьбах боярских, окольных суетились дворовые, запрягали кареты и подводы. Потянулись в свои дальние вотчины бояре.

Ромодановский собрал дворянские полки, Гордон поднял по тревоге свои полки.

Шеин повел войска к Вознесенскому монастырю, где лагерь стояли стрельцы.

Апраксин кое-как перекусил и поспешил в Преображен-

ский приказ. Ромодановский слушал молча, угрюмо сдвинув брови.

— Не до тебя в сей час. Сам видишь, смута великая. Государю об этом отписано, гонцов ждем. Слава Богу, что он жив и в здравии пребывает.

Тяжело вздохнул:

— Годи малость...

Недолгое дело растянулось на два месяца. Через десять дней Шеин разгромил восставших у речки Истры. Здесь же, в кельях Воскресенского монастыря Новоиерусалима, начался розыск, пошли пытки, казни.

Не дожидаясь окончания розыска, Апраксин уехал в Воронеж выполнять царское поручение... Перед отъездом забежал домой, наскоро собрался, обнял жену. Она куталась в шаль, смотрела на него печальными глазами, молчала и думала: «Кому я хворая нужна». Но Федор будто и не замечал, ласково проговорил: «Не горюй, я мигом из Воронежа возвращусь...»

...Вскоре под стенами монастыря закачались на виселицах тела пятидесяти шести «пущих заводчиков». Стрельцов поднимали на дыбу, плетью выдирали клочья мяса из спин, доискивались главных заводил. Но имя Софьи ни один стрелец не назвал.

В Москве боярам показалось этого мало. Приговорили казнить еще семьдесят четыре стрельца. Почти две тысячи человек разослали по дальним городам, весям, монастырям. Многие не успели доехать до места, как их догнали, заковали в кандалы и повезли обратно в Белокаменную, в Преображенское...

В Москву Апраксин вернулся накануне приезда царя.

Петр появился в столице поздно вечером, заглянул с дороги в Кремль, с женой не повидался и, не задерживаясь, проехал к Ромодановскому.

— С розыском, Федор Юрьич, поспешили. Про семья-то и не дознались, а все оттоль корешки тянутся, от Милославских... Вели указ разослать по всем застенкам и острогам, где стрельцов похováли. Везти их в Преображенское, сам учиню допрос.

Апраксина выслушал внимательно, расспросил подробно.

— Так, глядя поверху, Петр Лексеич, дело спорится. Ток-

мо Воронеж я посмотрел, в других местах не поспел. Голландцы ругаются, много судов худых, особенно в кумпанских.

— Зачем так?

— Дерево-то сырое, досья покособились, в пазах разошлись.

— Ладно, разберемся. Покуда здесь осмотришь. Из Архангельского припасы скоро повезут, людишки поедут, ими займись. Крюйса размести. Розыск закончу, вместе к Воронежу поедем.

Московский Кремль издавна являлся не только символом власти на Руси, но и центром, откуда правили страной великие князья и самодержцы. Случалось, иногда цари преднамеренно игнорировали Первопрестольную. Иван Грозный демонстративно покидал Кремль в периоды крутого поворота во внутренней политике. Но в Кремле не только царь обретался в царских палатах, а и зеседали бояре. А они-то во все времена вели свою игру, то строя заговоры, то стараясь набить себе цену в глазах царя.

Пренебрегая Кремлем, самодержец проявлял верховную власть и вдаля от Белокаменной заставлял думских бояр идти к нему на поклон.

У Петра кремлевские апартаменты с детства вызывали неприязнь, не мог забыть кровавой расправы с приближенными и родней его матери-царицы. Вынужденное пребывание в Преображенском лишь усилило отчуждение царя от традиционного престольного места. По стечению обстоятельств рядом с Преображенским оказалась Немецкая слобода. Сюда с юных лет зачастил царь, сначала к закадычному приятелю Лефорту, потом по делам сердечным...

Преображенское обживали друзья и приятели Петра, здесь размещалась и часть приказов.

Правда, в отличие от Петра, женская часть семьи: мать, жена, сестры предпочитали жить в кремлевских палатах. Они безропотно мирились с подобным противоестественным положением — жить врозь с близким человеком — в угоду его нравам и привычкам.

И по возвращении из долгого путешествия Петр поехал

сразу в Преображенское. И это никого не должно было удивить.

Но так только казалось. Добрая половина московских обывателей сразу подметила: «Царь-то сызнова женку на обочине оставил». Какая молодая женщина снесет такое безучастно? Хотя и знала Евдокия о намерениях мужа заставить ее постричься в монахини, но все же таила надежду на перемену к лучшему в их отношениях. Но напрасно...

Через несколько дней после возвращения Петр вызвал Евдокию в Преображенское. Тайное свидание произошло в почтовой избе. Четыре часа убеждал царь жену уйти добровольно в монастырь, но безуспешно...

А розыск стрельцов шел своим чередом. Сотни смутьянов свозили со всех концов в Преображенское. Допрос с пристрастием чинил сам царь, добирался до корней, искал истинных вдохновителей бунта. Участь стрельцов была предрешена. «А смерти они достойны, — определил царь еще до розыска, — и за одну провинность, что забунтовали и бились против большого полка».

Вскоре начались расправы. Первую партию казнили прилюдно в Преображенском. Собрались не только жители, но и гости — иноземцы. Недавно прибывший из Вены цесарский посол Гвариент напоминал своему секретарю Корбу:

— Отпишите подробно все действия царя Петра, наш король весьма любопытен...

И тот написал:

«...Десятого октября, приступая к исполнению казни, царь пригласил всех иноземных послов. К ряду казарменных изб в Преображенской слободе прилегает возвышенная площадь. Это место казни: там обычно стоят позорные колья с воткнутыми на них головами казненных. Этот холм окружал гвардейский полк в полном вооружении. Много было москвитян, влезших на крыши и ворота. Иностранцев, находившихся в числе простых зрителей, не подпускали близко к месту казни.

Там уже были приготовлены плахи. Дул холодный ветер, у всех замерзли ноги, приходилось долго ждать... Наконец его царское величество подъехал в карете вместе с известным Александром и, вылезая, остановился около плах. Между тем толпа осужденных наполнила злополучную площадь.

Писарь, становясь в разных местах площади на лавку, которую подставлял ему солдат, читал народу приговор на мятежников. Народ молчал, и палач начал свое дело.

Несчастные должны были соблюдать порядок, они шли на казнь поочередно... На лицах их не было заметно ни печали, ни ужаса предстоящей смерти. Я не считаю мужеством подобное бесчувствие, оно происходило у них не от твердости духа, а единственно от того, что, вспоминая о жестоких истязаниях, они уже не дорожили собой, — жизнь им опротивела...

Одного из них провожала до плахи жена с детьми — они издавали пронзительные вопли. Он же спокойно отдал жене и детям на память рукавицы и пестрый платок и положил голову на плаху.

Другой, проходя близко от царя к палачу, сказал громко: «Посторонись-ка, государь, я здесь лягу...»

Мне рассказывали, что в этот день царь жаловался генералу Гордону на упорство стрельцов, даже под топором не желающих сознавать своей вины. Действительно, русские чрезвычайно упрямы...»

Видывал Апраксин казни и раньше. На то она и царская власть, казнить или миловать. Но такое жестокосердие наблюдал впервые.

Днем рубили головы, вечером забывались в хмельном веселье.

На пирушке впервые Апраксин стал свидетелем необузданной вспышки характера Петра. Видимо, кто-то из недоброжелателей Шеина намекнул Петру, что он за взятки раздает полковничьи и офицерские должности. Когда уже сильно выпили, Петр, глядя в упор на Шеина, сидевшего напротив, неожиданно крикнул:

— И ты вор!

Массивная усатая физиономия боярина побледнела, рот скривился.

— Полковничьи места торгуешь?

Царь вскочил, выхватил шпагу, с размаху ударил по столу перед носом Шеина. Оттолкнул подбежавшего Лефорта, распалился, рванулся через стол, норовя достать Шеина. Ромодановский перехватил шпагу, порезал пальцы.

Царь, не помня себя, колотил шпагой по столу:

— Порублю и твоих полковников, а с тебя кожу сдеру до ушей!

Один Меншиков отважился унять царя, обнял его сзади, шепнул на ухо:

— С кем не бывает, мин херц, все люди грешны, — налил ему любимого венгерского.

Царь мало-помалу отошел, улыбнулся, глядя на Апраксина:

— Почему парик отвергаешь?

— У меня свои власы не хуже парика, от него кожа зудит.

И в самом деле, ниспадающие на плечи светлые волосы красили Апраксина.

— Ты и усы не носишь.

— Каждому свое, государь. Мы с Федор Алексеичем, — Апраксин кивнул на сидевшего рядом Головина, — давно зареклись ни бороды, ни усов не отрачивать. Менее забот.

Апраксин явно намекал на боярские бороды, которые то и дело лихо отхватывал ножницами Петр.

После возвращения Петра из Европы иноземные послы в Москве старались использовать каждую встречу с ним для своей выгоды. Совсем не всегда им это удавалось.

В Москву с царем приехал генерал Карлович, представитель курфюрста Саксонии и короля Польши Августа II. Король в Раве Русской, куда заехал Петр, жаловался царю на злокозны поляков. Да и сам Петр не питал симпатии к панам за их непостоянство в политике.

На каком-то празднике в Лефортовском дворце он мимоходом обронил тучному польскому послу Яну Бокию:

— В Вене я на хороших хлебах потолстел, но бедная Польша взяла все обратно.

Польский посол обиделся:

— Ваше величество, я родился и вырос в Польше, приехал сюда и остался толстяком.

— Ты здесь, в Москве, на наших хлебах отъелся.

Под общий хохот Бокий залился румянцем...

Через несколько дней Апраксин встретил приехавшего из Архангельского вице-адмирала Крюйса. Оба они получили приглашение на званый вечер к австрийскому послу Гвариенту.

— А поляка-то не видать, — сказал Апраксин за столом Головину.

Тот усмехнулся:

— Государь велел его не приглашать...

За столом напротив, чуть в стороне щебетали дамы. В последнее время на всех посольских приемах на почетном месте, впереди, восседала дородная вдова Монс с нарядно одетой дочерью Анной. Дальше сидели генеральша Гордон и ее невестка-полковница, еще несколько офицерских жен, жены послов и резидентов.

Глядя на расфранченную и нарумяненную фаворитку царя, Апраксин в душе негодовал. Сам он совершенно равнодушен был к прекрасному полу, но не мог безучастно взирать на горести опальной царицы. На днях его сестра Марфа рассказывала о горькой участи Евдокии.

— Олешку-то у нее отняли, Наталья увезла в Преображенское. А самую в темной карете с солдатами повезли в Суздаль в монастырь.

«Баба-то молодая, в соку, — вздыхал Апраксин, — собой пригожая, и сынка отняли силком, кровь родная...»

В разгар веселья царя ни с того ни с сего бросило в озноб. Заколело в животе. Вызвали доктора, итальянца Карбонари, тот быстро осмотрел царя, дал ему бокал вина, недомогание скоро прошло.

Царь оставил доктора за столом и стал подшучивать:

— Слыхал я, ты жену свою торговать намерен?

Итальянец в ответ засмеялся:

— Не получая от тебя жалованья за год, государь, не то подумаешь. Твой князь Ромодановский — затейник. Когда я у него положенные деньги просил, он советовал мне занять у кого-нибудь под залог, а мне, кроме жены, закладывать нечего...

Петр подозвал Головина и Апраксина:

— Со стрельцами покончим, поедem к Воронежу, заложим корабль новый, доселе у нас не деланный. Чертеж ему я сам вычертил, и строить будем сами, без иностранцев.

В ту осень события в Москве перепутались необычайно. На балах веселились безудержно, вино лилось рекой, а назавтра с похмелья казнили стрельцов, текли бабьи слезы, в перемену струилась кровь людская...

Под стенами Новодевичьего монастыря на тридцати виселицах качались две сотни повешенных стрельцов. Напротив окон Софьиной кельи повесили троих стрельцов, в руки им сунули те самые челобитные, которые писали они опальной царице...

На следующий день после приема у посла на плахе окончили жизнь больше сотни стрельцов. Не упустил отписать обо всех подробностях казни и цесарский секретарь Корбу: «Желая, очевидно, показать, что стены города, за которые стрельцы хотели силою проникнуть, священны и неприкосновенны, царь велел всунуть бревна между бойницами московских стен. На каждом бревне повешено по два мятежника. Таким способом казнено в этот день более двухсот человек... Едва ли столь необыкновенный частокол ограждал какой-либо город, какой изобразили собою стрельцы, перевешанные вокруг всей Москвы». Кровавые зрелища поразили иностранца и в последующие дни. «...27 октября... — пометил он, — эта казнь резко отличается от предыдущей. Она совершена различными способами и почти невероятными... Триста тридцать человек зараз обогрили кровью Красную площадь. Эта громадная казнь могла быть исполнена только потому, что все бояре, сенаторы царской Думы, дьяки по повелению царя должны были взяться за работу палача. Мнительность его крайне обострена; кажется, он подозревает всех в соучастии к казненным мятежникам. Он придумал связать кровавой порукой всех бояр... Все эти высокородные господа послушно явились на площадь, заранее дрожа от предстоящего испытания. Перед каждым из них поставили по преступнику. Каждый должен был произнести приговор стоящему перед ним и после исполнить оный, собственноручно обезглавив осужденного.

Царь сидел в кресле, принесенном из дворца, и смотрел сухими глазами на эту ужасную резню. Он нездоров — от зубной боли у него распухли обе щеки. Его сердило, когда он видел, что у большей части бояр, не привыкших к должности палача, трясутся руки...

Генерал Лефорт также был приглашен взять на себя обязанности палача, но отговорился тем, что на его родине это не принято. Триста тридцать человек, почти одновременно брошенных на плахи, были обезглавлены, но некоторые не сов-

сем удачно: Борис Голицын ударил свою жертву не по шее, а по спине; стрелец, разрубленный таким образом почти на две части, перетерпел бы невыносимые муки, если бы Александр, ловко действуя топором, не поспешил отделить несчастному голову. Он хвастался тем, что отрубил в этот день тридцать голов. Князь-кесарь собственной рукой умертвил четверых. Некоторых бояр пришлось уводить под руки, так они были бледны и обессилены».

Видимо, казни приелись и царю. Оставив Ромодановского заканчивать розыск, он уехал в Воронеж. Федору Головину напомнил:

– Отпиши на Венецию, отзови срочно Федосейку Склеява да Верещагина Лукьяна. Досмотр за новым кораблем им поручим. Пускай иноземцы знают: и наше племя корабельщиков подрастает.

– Вытянет ли Федосей самолично сию ношу?

– Мы с ним в Англии не один кораблик на воду спустили. Главное в чертежах зело кумекает, головастый... Сам-то следом езжай с Апраксиным и Крюйсом.

Апраксин перед отъездом в Воронеж имел разговор с матерью. Домна Богдановна постарела, сгорбилась.

– Пелагеюшка теперича ребенка не уродит, так получилось. Однако она мне нынче заместо дочки, родная. Ты поезжай покуда, оглядись, там видно будет...

В Воронеже возле достроечной пристани высились корпуса фрегатов. Их срочно готовили к весне в поход в Керчь, сопровождать посольство. Кое-где на них уже торчали мачты. Дальше вдоль береговой черты на стапелях чернели остовы недостроенных галер. Ни на фрегатах, ни на стапелях не было видно людей. По берегу бродили одинокие мужики с топорами за кушаками, кое-где тесали доски, на галерах полдюжины плотников подгоняли шпангоуты.

Первым делом Петр зашагал на фрегаты. По мосткам привычно взбежал на крайний корабль. На палубе у комелька грелись на корточках плотники.

– Едрена мать, – загремел гневный голос, – рассупонились! За что деньгу вам платят, хлеб жрете задарма.

Откуда-то сзади подбежал испуганный адмиралтеец Протасьев.

– Государь великий, – залепетал он, – как указано было приостановить поделки все...

– Болван! Сказано было про галеры, что на стапелях. Корабли-то не останавливать, а передать под начало аглицких мастеров или датских. В плавание их снарядить к Азову.

На пристани появились мастера-иноземцы.

– Поздорову, Джон и Осип, – подозвал их Петр, – чего жеманитесь, дело делать надобно. – Петр представил их Апраксину и Крюйсу: – Знакомьтесь, вам у них корабли принимать.

Англичане Джон Ден и Осип Най смущенно переглядывались. В Воронеж они приехали недавно.

– Плотников мало, дерева тоже.

Петр сверкнул на Протасьева:

– Леса мало?! А куда тащат бревна вокруг Воронежа? Сам зрел по дороге.

Протасьев побледнел, задрожал, повалился в ноги:

– Пощади, государь, стараюсь я.

– Ладно, – остывая, сказал Петр, – то прознаю все. Немедля всех плотников на корабли, а вы, ребята, – кивнул англичанам, – ныне обращайтесь ко мне, ежели я в отъезде, к Федору Апраксину.

Вечером наконец-то закончил чертеж нового корабля. Понравился всем, а Головин нахваливал:

– Пропорции изрядные, длиной сто осмнадцать фут, шириной тридцать. Сам Крамартен не вычертил бы.

– А пушек-то полсотни восемь, – поддакивал Меншиков, – такого кораблика на Руси еще не бывало.

– У «Скорпиона» шесть десятков, – поправил Апраксин, – а прозвище какое определил, Петр Алексеич?

– А твое суждение каково?

Апраксин не ждал вопроса, помолчал, потом нашелся:

– Кораблик начальный своими руками ладим, а все от Бога-то идет.

Петр на лету подхватил:

– Стало, обзовем «Божье предвидение», а штоб иноземцы не докучали, станем и по-латини величать «Гото Предистинация».

Закладывали корабль торжественно. Окропил киль воронежский архиепископ. Читил его царь за благоволение флоту.

Пожертвовал все свои деньги на строительство кораблей для Азовского моря. Священники чадили кадилом, певчие славил ковчег, палили пушки.

Начал закладку царь, а потом вся компания, как водится; вколотили по гвоздю в киль, после чего «веселилися до вольно».

Тост произнес Петр:

– Сей корабль, како первый россиянами излаженный, «Божье предвидение», долгие лета ему возжелаем и шток грозою нехристей стал на рубежах морских.

На рассвете царь с топором в руках появился на стапеле. Отбирал сухую древесину на шпангоуты и вычерчивал, обозначая профиль первого кормового шпангоута.

Рядом трудились с топорами Меншиков, Апраксин. Головин ходил с чертежом, объяснял мастеровым размерения.

– Федосейка где-то запропастился, – недоумевал Петр, – кроме него, некому поручить корабль. Мне-то в отъезд скоро.

– Где-нито в пути, дороги-то перемело, объявится, – успокаивал Меншиков.

В середине декабря Склаев с Верещагиным предстали перед царем. Вид у них был виноватый. Друзья переминались, переглядывались, пересмеивались.

– Бес попутал, Петр Алексеич, – начал Склаев, – по отечеству-то соскучились, ну в Первопрестольной душу с Лукьяном отвели. Время позднее, где-то в Мясницком переулке солдаты нас задрали, мы при шпагах были, спуску не дали. А те донесли в Преображенский. В холодной отоспались. Плетьюми князь-кесарь угостил...

Петр слушал и хохотал, потом за выпивкой расспрашивал подробности.

Вскороности за появлением Склаева с Верещагиным почта принесла ответ Ромодановского на царский запрос. Порядок завели строгий, на каждое царское письмо ответ полный. «Что ты изволил мне писать, – отвечал князь-кесарь, – о Лукьяне Верещагине и о Склаеве, буде я их задержал – я их не задерживал, только у меня сутки ночевали. Вина их такая: ехали Покровскою слободою пьяные и задрались с солдаты Преображенского полку, изрубили двух человек

солдат и по розыску явились на обе стороны. Но обе стороны не правы; я, разыскав, высек Склаева за его дурость, так же и челобитчиков, с кем ссора учинилась, и того часу отослал к Федору Алексеевичу Головину. В том на меня не прогневишь: не обывк в дуростях спускать, хотя бы и не таковы чину были».

Сидели до полуночи вместе, разбирали чертежи «Предистинации», утром пошли на стапель, где начали тесать из дубовой заготовки топтимберсы, составные части форштевня.

– Смотри не позабудь, – напоминал Петр Склаеву, – сюда на стапель ни один иноземец не должен касаться. Глядеть можно, а ладить ни-ни. Я нынче отъеду в Москву. Буду после Крещенья. Сносись прямо токмо со мной, Апраксину докладывай. Он за Протасьевым присматривать станет.

Царь постепенно забирал вожжи управления, ставил верных людей надзирать за важными делами.

Крюису оговорил его обязанности:

– Ты покуда мой первый товарищ по морскому делу. Вместе с Резом досконально просмотри все корабли в Воронеже и в Паншине, других местах. Сам видишь, худого немало. А нам плыть по морю, роспись составь потребную на каждое судно.

Царь собрался уезжать, но в Воронеже объявился из Крыма солдат, бывший в плену. Принес тревожную весть: «Крымский хан грозит идти на Воронеж, спалить корабли». Приказал Апраксину:

– Пришлю полк солдат, насыпай вал вокруг верфи, караулы и дозоры выставишь.

В Москве первым делом Петр объявил Головину:

– Читай указ!

– «Повеления всеми делами морскими для... начальствование Приказом Воинского морского флота...»

– Первым адмиралом у меня будешь отныне, весной пойдем к Азову, эскадрой начальствовать станешь.

Апраксин помогал Крюису и его землякам обживаться в новой стороне. Избы рубили рядом, когда начинались морозы, подбирали вместе полшубки, тулупы. Корнелий Крюйс

присматривался. В Голландии кончается деревня, за огородами начинается другая, соседняя, потом городок, местечко. Нет ни клочка свободной земли, каждое дерево на примете. Здесь другое дело. Отойдешь от стапеля на полсотню шагов, кругом раздолье. Поля, сосновые рощи, конца-края не видать. Хорошо было париться в баньке с Апраксиным, благо, он оказался компанейским человеком...

Но не все здесь нравилось бывалому мореходу. Любил он как истинный мореход порядок, честность в поступках, бережливость. На стапелях все было не так. Приказчики вороватые, глядя на них, работники трудятся вполсилы, многие ударяются в бег, их ловят, секут плетью. Какие из них умельцы... Водку хлещут ведрами... Хотя есть и добрые мастера, как Оська Щека со своей ватагой, Якушка Иванов, нижегородский мастеровой. Совсем не нахвалится Крюйс на Федосея Склеява и Верецагина. Отменные корабельные мастера. Хотя это и не епархия вице-адмирала, но видать сразу, золотые руки, умные головы...

Присматриваясь к строительству «кумпанских» и казенных кораблей, Апраксин заметил много не порядков. Приписывали к строительству тысячи людей, а трудились сотни, на припасы отпускали большие деньги, а такелаж поставляли гнилой. На складах не было запаса сухого леса, а в казенных избах адмиралтейства его помощники, стольники Ванька Колычев и Сенька Языков, то и дело принимали окрестных помещиков, о чем-то шушукались, при появлении Апраксина смолкали, воровато прятали глаза...

Петр объявился в Воронеже сразу после Крещения, но не успел осмотреться, прискакал гонец от Ромодановского:

– Генерал Лефорт Богу душу отдал...

После похорон Лефорта царь признался Головину:

– Ты нынче один главный адмирал у меня, рази еще твой тезка Апраксин. Так что бери вожжи в руки, особо смотри за иноземцами, дабы деньгу казенную по-честному оплачивали.

Накануне отъезда в Воронеж Петр пожаловал Головина только что учрежденным орденом Святого Апостола Андрея Первозванного. Повесив на шею ленту с орденом, поцеловал:

– Ты первый кавалер сего ордена, и по делу. Пособляй флоту и посольскими делами. Как уговорились, в Голландию

посылай Андрея Матвеева, а Украинцева готовь в Порту, к султану. В половодье тронемся из Воронежа до Керчи. Возницын покуда перемирие сторговал, надобно с турком кончать. На Карла пойдем.

Перед уходом эскадры к Азову Петр подписал указ о назначении Емельяна Украинцева чрезвычайным послом в Константинополь. Помнил царь совет Возницына – послать к туркам человека незнатного, но умного. Да и Головин, отвечая теперь и за Посольский приказ, рекомендовал:

– Лучше Емельяна не сыскать, десяток лет приказом верховодил, все ходы и выходы к туркам знает, обхождение ихнее, к тому же умен знатно. В пути время будет, промыслим наказ, надобно генеральную линию ему указать.

В январе дьяк Прокофий Возницын подписал в Вене с турками перемирие на два года. Долго упирались послы из Константинополя. Подзуживаемые Англией и Голландией, не только Керчь не хотели отдавать, но и завоеванные крепости по Днепру требовали обратно. Стращали Возницына и «союзники»... Они уже втихомолку сговорились с Турцией и за спиной России заключили договор. Больше всех выгод приобрел цесарь Леопольд, известный своим коварством. Теперь можно было уступить султану за счет Московии. Австрийского посла поддерживали «посредники».

– Вы рискуете остаться один на один с армией султана, и вам придется плохо, – в один голос твердили послы Англии и Голландии.

Но Возницын стоял твердо:

– Война так война, у русского царя достаточно сил воевать и без союзников.

Турция согласилась скрепя сердце на перемирие. Азов остался за Россией. Договорились переговоры продолжить в Константинополе...

Свой замысел похода Петр изложил кратко:

– Пуцай ихний паша донесет султану, сколь пушек видел под Керчью. Запомни, нынче мы идем к Азову силу показать.

Приехав в Воронеж, Петр первым делом выслушал Апраксина, нахмурился:

– Сам вижу, проглядел Протасьева. Вернемся с Азова, разворошим трутней. Сей же час недосуг. Бери галеру, спус-

кайся к Азову, промеришь все гирла донские и проход к Таганрогу. Там флот стоять будет.

На Пасху вся речка Воронеж, до самого устья, пестрела российскими флагами, адмиральскими вымпелами. На рейде выстроился на якорях морской караван по порядку старшинства. Флагман, адмирал Головин, поднял свой вымпел на шестидестидвухпушечном «Скорпионе», Крюйс на тридцатидвухпушечном «Благом начале», Петр Михайлов на сорокадвухпушечном корабле «Отворенные ворота». За ними вытянулись цепочкой «Апостол Петр», «Крепость», полдюжины многопушечных кораблей, десятки галер...

Весенний ветер трепал многоцветие флагов, хлестко хлопали косицами вымпелы.

Борта флагмана сверкнули огненными языками, окутались дымом. Над перекатами загремели пушки. Адмирал поднял сигнал: «С якоря сниматься, следовать за мной».

Царский «Указ по галерам» гласил: «Никто не дерзнет отстать от командорского корабля, но за оным следовать под пеной. Ежели кто отстанет на три часа, четверть года жалованья, ежели на шесть — две трети, ежели на двенадцать часов — за год жалованье вычесть».

Азов встретил эскадру салютом. На борт царского корабля поднялись воевода и Апраксин. Первым представился царю воевода, боярин Степан Салтыков.

— Заждались мы, государь...

— Здесь я не государь, а господин капитан, так меня впредь величай.

У Салтыкова запершило в горле.

— Господин капитан, все подобра, татары токмо норовят укусить, но мы их отгоняем.

— Про то ведаю. — Вдруг вспомнил: — Сынок твой письма присылает?

Салтыков смешался: «Откуда царь-батюшка ведает?»

— Как же, госу... — поперхнулся, — господин капитан. Все письма пересылает мне матушка. Слава Богу, жив-здоров.

— Помню его в Голландии, в науке смекалист... — Подозвал Апраксина: — Как фарватер?

— От гирла промер сделали до Таганьего Рога, вешки пона-

тыкали, пройти вмочь, но нынче устье обмелело, неделю был ветер верховой, согнал воду.

— Переждем, у нас дел неспорота и на кораблях, и на галерах.

Из Воронежа корабли уходили наспех, взяли с собой мачты и такелаж: плотники и кузнецы достраивали на ходу.

В первых числах июня верховой ветер стих. Ночью налетел шквал, на море развело волну, разразилась гроза, задул западный штормовой ветер. В гирле Дона вода поднялась. С галер завели буксирные концы, потянули корабли в море. Ветер зашел к югу, поставили паруса, вошли на рейд Таганрога. Там продолжили обустраивать корабли.

Прибыл Емельян Украинцев со свитой и подарками для султана. Но Петр не торопился:

— Прежде чем турку показаться, надобно ходить научиться, а то сраму не оберешься... Тем паче и ветер не по пути.

Три недели корабли снимались с якорей, ставили паруса, ходили поодиночке, обучались первым навыкам вожделения экипажи. Потом царь устроил «забавный бой». Эскадра разделилась на два отряда, и начались эволюции с пушечной пальбой.

День за днем, от зари до зари. Без устали в течение двух недель царь выводил эскадру в море, школил капитанов, а те в свою очередь гоняли вчерашних сержантов и солдат, прививая им азы морской выучки. Всем распоряжался Корнелий Крюйс, он отдавал первоначальные команды на «Скорпионе». Иногда он спускал шлюпку, обходил корабли и в сердцах ругал своих земляков-капитанов. Коверкая русский, мешая его с голландским, кричал, тыкая им в нос наказ с флажными сигналами:

— Начинай все сызнава! Становимся на якорь. Потом выбираем якорь. Поднимаем парус, строимся в линию, производим маневр. Никому не спать!

В конце концов добился своего.

Теперь, государь, можно плавать, стыдно не будет.

Как раз задул слабый попутный норд-ост.

Петр приказал спустить шлюпку, крикнул Меншикову:

— Зови Федора, пойдем на «Скорпионе», надобно все знать про турков.

Эскадра постепенно вытянулась в линию. Царь посматривал на Андреевский флаг.

— Впервой на воинском корабле к иноземцам следуем. — Немного помолчал, о чем-то задумался. — Давай-ка, адмирал, спускай свой вымпел. Поднимай контр-адмиральский. Пускай турок думает, что идет малый флагман, а главный с флотом под Азовом.

На рейде в Керчи в сонной тишине дремала на якорях турецкая эскадра.

— Четыре корабля и девять галер, — сосчитал первым царь, глядя в подзорную трубу. — Подними, Федор, сигнал, как станем на якорь, салютовать пушками по команде флагмана.

Петр пошарил трубой вдоль линии турецких кораблей, подозвал Апраксина:

— Вишь, второй с краю — ихний капудан-паша, флагман. Пойдешь к нему с визитом. Скажешь, так и так, русская эскадра мирная, провожает своего посла к султану. Дальше Керчи не пойдем. Оденься понарядней, новый кафтан, шляпу, шпагу, как положено. Возьмешь в провожатые трех сержантов: Борзого, Куроедова, Бойцова...

Утренняя прохлада уморила крепким сном стражу дворца наместника султана. И вдруг дремучую тишину разорвал орудийный выстрел. Один, второй, третий... Первыми встрепнулись и забежали вокруг дворца испуганные янычары. Потом на балкон выскочил полуодетый Муртоза-паша.

— Всевышний Аллах, — завопил он, протирая сонные глаза, — откуда шайтан пригнал столько кораблей? Никогда не осквернялась бухта флагом неверных, не война ли это?

К дворцу сбегались перепуганные чиновники, а Муртоза-паша, сбросив от волнения чуваки и топая босыми ногами, кричал и клялся Аллахом, что русские посудины ветхие и они непременно должны утонуть в море, что у них пушек не видно.

К полудню он несколько успокоился. Посланные им приказы сообщили:

— Русский паша Головин приветствует вас с миром. Он провожает на корабле в Константинополь русского посла к султану.

— Как на корабле? — изумился паша. — Разве султан позво-

лил? Нет, морем плыть нельзя, надо ехать сушей.

Подумал и в тот же день послал в Константинополь корабль. «Мало ли что, надо предупредить москвитов».

Русский адмирал ответил:

— На море нет границ, куда похочем, туда и плывем.

— Черное море принадлежит султану, — ответили турки. — Только кораблям султана дозволено плавать.

— Мы уже у Черного моря. Азов наш, Таганрог наш, Казырмакень в устье Днепра наша крепость, — отвечал адмирал посланцам паши.

Муртоза-паша уперся, прикидывал, тянул время, пригласил русского адмирала в султанский дворец. Головина сопровождала свита помощников и среди них, конечно, капитан Петр Михайлов. У ворот дворца выстроились янычары, палили из ружей.

Султанский наместник начал разговор с главного:

— Султану приятно принимать посла царя Петра, но зачем испытывать судьбу в бурном море? Ваши капитаны не знают, сколь коварна стихия.

Головин не один год провел на Востоке, общался с азиатами, усвоил их манеру переговоров, в карман за словом не лез:

— Досточтимый паша может не беспокоиться. Корабль с послом ведет опытный шкипер Памбург, он побывал на многих морях и океанах.

Однако русский адмирал не так прост, и паша приоткрыл свои карты:

— При всем уважении к русскому послу я должен получить разрешение высокочтимого султана. Кроме того, я должен подготовить судно для сопровождения вашего корабля, мне нужно время.

Разговор принимал деловой характер.

— Нашим кораблям нужна пресная вода, досточтимый паша.

К наместнику возвратилось хорошее настроение.

— Мы готовы оказывать услуги добрым соседям.

«По прошению адмиралскому, — заметил подьячий Посольского приказа, — Муртоза-паша велел для имения на корабле пресной воды отвезти колодезь, который на берегу верстах в двух...»

Как и положено, прием закончился обильным восточным угощением.

Гостеприимство керченского паши не осталось не замеченным окрестными жителями. Через несколько дней «на берег приехали торговые люди, турки и татары с разными товарами и парчами и с овощами, и продавали они те свои товары на московские деньги».

Не упустил свой шанс и Корнелий Крюйс. Узнав цену кофе, купил два мешка для приготовления любимого напитка многих западных моряков. Глядя на него, Петр, смеясь, сказал Апраксину:

— Гляди, Федор, учись выгоду иметь, где случай подвернется. Европа вся на такой прибыли живет. Одни мы, дураки, сего не ведаем.

По морскому этикету наступило время визитов морских начальников. Первыми наносили визит турецкому адмиралу Гасан-паше гости. С Головиным отправились князя Трубецкой и Долгоруков, Апраксин.

«Паша принял их любезно и потчевал питиями по своему звичаю благоприветно и подарил адмирала турецким кафтаном...»

Ответный визит турки нанесли через два дня. Посетили флагманский «Скорпион» и посольскую «Крепость». Встречали Муртозу-пашу и турецкого адмирала по всей форме: «А как капычи, Муртоза-паша и их чиновники, к адмиралу и послу на их корабли приезжали, на тех кораблях во время их прибытия стояли солдаты с ружьями и с багинетами и играли на трубах и флейтах, а как они с тех кораблей отъезжали и в то время со всего каравана была пушечная пальба».

Гостей угощали по-русски, с обильным питьем и закуской. Понравились паше говяжьи языки, икра черная и красная и медовуха.

Гости кушали, причмокивая, но не забывали о деле.

Пристав Мегмет-ага продолжал уговаривать Украинцева:

— Поезжай сухим путем, вот-вот море штормить начнет. Твой корабль не стерпит, развалится.

Перевод толмача слушал не только Украинцев, но и сидевший недалеко Петр, размышлял: «Тянут канитель, в самом деле, осень скоро, непогода найдет».

На прощанье гостей одарили соболями.

Минуло еще три дня, Муртоза-паша помалкивал, а небо то и дело затягивало тучами, свежел ветер.

Петр отправил Апраксина на «Крепость»:

— Бери Украинцева, поезжай с ним к Муртозе, передайте: завтра поутру «Крепость» уходит в Константинополь, им размышлять ночь.

Визит возымел действие, Муртоза-паша давно ждал такого заявления. Он просто испытывал терпение русских. Хлопнув в ладоши, вызвал пристава:

— Когда ты будешь готов сопровождать посла царя Петра?

— Мне нужно пополнить припасы, собрать янычар. Не раньше чем через день-два. «У неверных сила, они так или иначе поступят по-своему. Не стоит больше испытывать терпение русского адмирала».

— Хорошо, — согласился Муртоза и объявил Украинцеву: — Можете отправляться завтра, но прошу вас, двигайтесь вдоль берега, не спеша, пристав нагонит вас в пути.

Утром 28 августа перед дальней дорогой на «Крепости» служили молебен. В полдень загрохотали пушки «Крепости» и всей русской эскадры, корабли один за другим снимались с якорей.

С берега отвечали прощальным салютом, провожая русского посла в Константинополь и расставаясь с русской эскадрой, которая направлялась к Таганрогу...

Петр остался доволен плаванием эскадры. Первый поход хотя и по-сырому, но сколотил корабли в единое целое. Экипажи поднаторели в морской практике, канониры обрели уверенность в стрельбах, капитаны узнали, на что способны их команды.

Покидая Таганрог, Петр оставил старшим Апраксина:

— Приводи в порядок корабли, расхуились они. Отведешь их к Азову. Там больше припасов, все под рукой и под обороной.

— Корабли уделывать, Петр Алексеич, плотников нет и конопатчиков: сам помнишь, на Воронеже беглых много, а здесь-то бежать некуда.

— Возьми всех мастеровых покуда у Салтыкова в Азове, а насчет беглых ты прав, добро, что напомнил.

Из указа к воронежскому воеводе Дмитрию Полонскому:

«Поставить заставы крепкие в тех же местах и с Воронежа иноземцев корабельных мастеров и всех ремесленных людей и плотников и работников без его В. Г. указу пропускать никого не указал и лошадей на Воронеж и по селам и по деревням продавать никому не велел».

Воевода Азова боярин Степан Салтыков всегда принимал радушно Апраксина. И каждый раз допытывался у него про своего сына:

— Федорушка-то мой как там, в Голландии?

Апраксин доброжелательно улыбался:

— Говорено тебе, Степан Иванович, в добром здравии и охоч весьма к учению. Давай-ка мне плотников да конопатчиков. Твоя-то верфь малая, потерпит, а мне эскадру до зимы поправить надобно.

Как ни спешили мастеровые, до осенних штормов все корабли не привели в порядок. Начался сгон воды, устье Дона обмелело. Только-только успели пройти к Азову галеры и часть кораблей. Три корабля вернулись зимовать в Таганрог. Четвертый, двадцатипушечный «Меркурий», застрял в устье Дона. «Корабль «Меркурий» за малой водой стал, сильным ветром бросило его на мель, разломало, пробило днище, занесло песком». Так и остался он во льду зимовать. Людей с него сняли, припасы перевезли в Азов.

В устье Дона бедствовала русская эскадра, но свою первую задачу она выполнила. В Стамбуле заговорили о реальной угрозе вековечному оплоту Турции на Черном море. Морская сила должна была подкрепить претензии русского царя на владение Керчью, а значит, свободное плавание и торговлю в Черном море. Но часто сила не устрашает, а вызывает раздражение у равного или сильного соперника. Гром артиллерийского салюта «Крепости» разбудил дремавших визирей в султанском дворце. «Если сейчас у русских небольшая эскадра, что потребуют они завтра, когда с воронежских стапелей сойдут десятки кораблей?»

Русский посол получил в конце концов жесткое «нет» на

свои требования. «Тайный секретарь» султана Маврокордато резко объявил, что «тем Черным морем и кругом его всеми берегами владеет один султан, а иного государя к тому морю никакого владения, ни места нигде не бывало и ныне нет. И того ради и ныне и никогда плаванья по Черному морю московскими кораблями и никаким судам для торговли повелено не будет, понеже от веков никто из иных народов при владении турском не имел на том море плаванья». И это станет возможным «тогда, когда лишь Турское государство падет и вверх ногами обратится».

Закулисно поддерживали турецких визирей и мнимые друзья-европейцы, оберегая свои выгоды. «Послы английский и голландский, — доносил Украинцев в Москву Петру, — во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю. Торговля английская и голландская корабельная в Турском государстве исстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государь, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, тому они завидуют и того ненавидят, чая себе в морской своей торговле великой помешки».

Переговоры затянулись, а тут еще бесшабашный пьянчука капитан «Крепости» Петр Памбуг то и дело своими выходами ставил Украинцева в неловкое положение...

В Москве же с нетерпением ожидали вестей из Стамбула. Мир с турками развязывал руки для борьбы за выходы к берегам Балтики. Мысль о войне со Швецией за выход к морю созрела у Петра еще во время путешествия по Европе. К северным ближним морям тяготела Русь своими землями, отсюда лежал самый короткий торговый путь в Европу.

Видимо, вести о замыслах русского царя просочились и в Стокгольм. Осенью 1699 года в Москве объявилось шведское посольство, прибыло на дюжине карет и подвод.

— С чего бы это? — вопрошал посольский дьяк Возницын.

Шведы вежливо объяснили. У них правит новый король Карл XII. Русский царь должен присягнуть на Евангелии и подтвердить крестоцелованием прежний мирный договор со Швецией.

— Тому не бывать, — сказал Петр. — Объяви им, благо присягал я его отцу, другой раз не стану. А с Карлусом мне, ты

знаешь, не избежать стычки. Покуда пускай отсыпаются, отъедаются, кормовые плати им.

Шведы не торопились, а царь в это время договаривался с посланцем Саксонии генералом Карловичем и датским послом Павлом Гейнсом о военном союзе против северного соседа.

Наступала пора воевать древние русские земли в устье Невы.

Шведские гости тем временем обживались в Москве, не скучали. Как-то шведский резидент в Москве Книпер пригласил к себе на застолье прибывших земляков, и в числе их одного из королевских дипломатов — маршалка фон Ране. Среди гостей посла, на свою беду, оказался и бранденбургский резидент Задор-Цессельский. Когда все были уже в сильном подпитии, предложили тост за короля Швеции и курфюрста Бранденбургского. Ране, сидевший рядом с Цессельским, захотел этот бокал выпить на брудершафт.

Резидент Бранденбурга не видел оснований для брудершафта с малознакомым человеком.

— Наши властелины и без того дружат.

Маршалку отказ показался оскорбительным, он двинул соседа кулаком в подбородок. Немец замахнулся стулом, швед обнажил шпагу, ударил Цессельского в грудь.

Маршалок струсил и сбежал. Дипломатический скандал дошел до Петра. Царь приказал отыскать зачинщика ссоры. Ране, переодетого в русское платье, поймали на рынке, где он хотел нанять подвод и дать стрелка. Маршалка взяли под стражу, посадили в тюрьму. Царь ездил к Цессельскому, утешал его, но рана оказалась смертельной, и спустя полтора месяца он скончался.

Долго тянулись переговоры между Москвой, Стокгольмом и Бранденбургом по поводу судьбы шведского маршалка. Давно покинули Москву посланцы Карла XII, не дождавшись крестоцелования и клятвы на Евангелии, а их товарищ так и окончил дни в темнице...

Радостно встречать рождественские праздники в родном доме. Давно, пять лет, не испытывал такого счастья Федор Апраксин, соскучилась и дворянка по барину. Не было предела

радости Пелагеи. Андрей еще не вернулся из Голландии. Дома его ждала жена на сносях.

Не успели распаковать вещи, как Козьма сообщил:

— Нынче Рождество-то непростое, год с него новый начинается.

«Надо же, — подумал Апраксин, — скитаешься по задворкам, ни о чем не ведаешь».

Утром в Преображенском, у Головина, прочитал указ: «По примеру всех христианских народов — считать лета не от сотворения мира, а от рождества Христова в восьмой день спуста, и считать новый год не с первого сентября, а с первого января сего 1700 года. И в знак того доброго начинания и нового столетнего века в веселии поздравлять с новым годом. По знатным и проезжим улицам у ворот и домов учинять некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых, против образцов, каковые сделаны на гостином дворе у нижней аптеки. Людям скудным, хотя по дереву или ветви над воротами поставить. По дворам палатных, воинских и купеческих людей чинить стрельбу из небольших пушечек или ружий, пускать ракеты, сколько у кого случится, и зажигать огни. А где мелкие дворы — собрався пять или шесть дворов — зажигать худые смоляные бочки, наполняя соломой или хвостом. Перед бурмистерскою ратушей стрельбе и огненным украшениям по их рассмотрению быть же...»

Выслушав доклад Апраксина о кораблях, генерал-адмирал, вздыхая, сказал:

— У Воронежа, Федор Матвеевич, тож худое открылось. Протасьев и воевода в воровстве уличены. Ныне сам государь розыск чинит.

Не раз поступали челобитные на воронежских управителей, не доходили руки. Большие деньги крутились на воронежских верфях. Каждый корабль стоил многие тысячи, строили их десятками, рабочих людей больше двадцати тысяч человек, припасы разные. Там, где деньги, там и лихоимство.

Смотритель лесов Антон Веневитинов, «отводчик и попечитель корабельных лесов», за взятки направо и налево раздавал лесные угодья. Глядя на него, лесные сторожа за мзду отдавали на порубку заповедные породы деревьев...

Стольник, князь Николай Лихудеев «отпускал за деньги

рабочих по домам, а в донесении отписывался, работные люди не хотят Великого Государя службы, бежали с работ».

Воевода Полонский за взятки «показывал вымершими живых», освобождая от повинностей. Воровали приказчики и подьячие.

Петр вызвал Протасьева в Москву. Тот не отпирался, при первом же допросе «Великому Государю вины принес». Выяснилось, что адмиралтеец брал взятки с городов, приписанных к воронежским верфям, продавал за деньги доходные места.

Следы привели и в Москву. Стольник Колычев, Судного приказа, «уличен во взятке с Дивова в 20 рублей и бочки вина за освобождение последнего от наряда к корабельному делу в Воронеже».

Сыск длился недолго, все лежало на поверхности, никто не запирался. Царь послал бурмистрам указы, дабы они показали, с кого что взяли.

Протасьев не дождался приговора и «в тех же числах с печали и стыда в Москве умер». Воевода Полонский «бит кнутом и послан к Азову на плотях до указа». Стольник Колычев и Дивов «были биты плетью»...

Каленым железом выжигая мздоимство, Петр размышлял, кого послать в Воронеж, советовался с Головиным:

— Так мне, Федор, кроме Апраксина, некого ставить адмиралтейцем. Дело новое, великое, казна денег не жалеет. На добна рука твердая, знающая и честная.

Адмирал Головин ответил без колебаний:

— Лучше Матвеича корабельное строение никто не ведает. Воеводой был, морское дело любо ему. Токмо одному-то не потянуть, ладные помощники ему потребны. Одного знаю, стольник Игнатьев, в делах проворен, честен.

— Добре, Апраксину один товарищ сыскан. Определил я нынче все дела корабельные у Судного приказа отнять, а учредить в Москве Приказ дел адмиралтейских и главою в нем Григорья Племянникова поставить. Другой будет товарищ адмиралтейцу...

Спустя несколько дней, в среду на мясопустную неделю, в доме у посланника Гейнса стол ломился от мясных блюд, но никто и словом не обмолвился. Лев Нарышкин и Федор Головин, Григорий Головкин, Гордон и сам царь с Меншиковым

уплетали и телятину, и жареного поросенка. Глядя на них, и Федор Апраксин нет-нет да и подцеплял вилкой кусок говядины. «Ладно, согрешу, подкрепиться бы, Великий пост не за горами». Водился за ним один порок, любил вкусно откусывать.

Со вчерашнего дня Апраксина не покидало тревожно-радостное настроение. Накануне Федор Головин обмолвился о разговоре с царем. Как-то оно на деле сложится...

В начале пирушки Петр ушел из-за стола и удалился с хозяином в дальнюю комнату. Апраксин догадывался, о чем они говорили. На днях прискакал из Новгорода от брата Петра голец и сообщил, что Август II объявил войну Швеции и двинул войска в Лифляндию. Царь сразу обеспокоился. С Саксонией был уговор выступать вместе, но саксонцы могли опередить русских и овладеть Ригой, а может быть, и Нарвой.

Окончив беседу с датским посланником, царь не сел за стол, а остался у окна и поманил к себе Апраксина. Выглядевавший из-за спины царя Меншиков заговорщицки подмигнул ему.

— Значит, так, Федор, — раскуривая трубку, сказал царь, — порешили мы тебя поставить главным адмиралтейцем вместо Протасьева. Под твоей рукой в Москве Приказ дел адмиралтейских определен, начальным там будет Племянников Григорья, слыхал такого?

Апраксин вытер со лба испарину:

— Вedom, государь.

— Оно и добро. Завтра же разыщи Протасьева, он занемог, от греха дела примешь у него, какие есть бумаги. Из Судного приказа привезут всю канцелярию, примешь по описи вместе с Племянниковым. Да все приходы-расходы проверь крепко. Я днями отъеду к Воронежу, доделывать «Предистинацию». Пора ее на воду по весне спускать. Ты долго здесь не мешкай, приезжай на Воронеж, там остальное обговорим.

Петр уехал, а на другой день начальник Разряда Тихон Стрешнев вызвал Апраксина:

— Слушай, Федор, государев указ. — Царь вменил Тихону в обязанность именные указы под роспись объявлять. — «Великий государь, — размеренно-певуче читал Стрешнев, — указал Адмиралтейские и Корабельные дела ведать Стольнику

комнатному Федору Матвеевичу сыну Апраксину. А писать его во всяких делах Адмиралтейцем».

Первый раз слушал Федор царский указ о своей персоне. Но Стрешневу такие дела были в привычку. Сняв очки, усмехнулся:

— С прибытком тебя, Федор, на государственной службе.

— Благодарствую. Не откажи, Тихон, вечером ко мне радость поделить.

За трапезой опытный Стрешнев подсказал:

— Нынче государю донес, что указ тебе объявлен. Ты-то сам ему поведай. Петр Алексеич страх как уважает такие ведомости.

«Век живи, век учись. Оно и никогда не поздно, доброе познавать», — размышлял на следующий день новоиспеченный адмиралтеец.

«По соизволению твоему, — сообщал он царю, — премилостивейшего моего государя, указ о принятии адмиралтейских дел слушал и исполнять по воле твоей, государственной, то дело готов. Полагаюсь во всем в твою государеву волю. С сего означенного числа неделю спустя к тебе, государю, поеду. Раб твой государский Федор Апраксин. Покорно челом бью».

Провожали Федора всем двором. Он обнял мать, погладил жену, успокаивая:

— Крепись, Пелагеюшка, все обойдется, скоро на Воронеж тебя заберу...

Адмиралтеец, Адмиралтейство... Три-четыре года назад и вовсе незнакомые на Руси слова, они и теперь были вновь даже для привычных к иноземному говору подъячих московских приказов. Дело, которое процветало во многих странах тысячелетиями, с библейских времен, поры постройки ковчега Ноем, становилось центром державной политики на древней земле потомков Киевской Руси.

Строили морские суда на Руси и прежде: в Новгороде Великом, в Запорожской сечи, на Дону и в Беломорье. Там сооружались суда для сиюминутных целей, без дальней перспективы, часто для прокорма или обыденных торговых дел. Третий царь из династии Романовых задумал создать флот

для утверждения России на морских просторах, и прежде всего вооруженной рукой.

Но флота еще не было, его предстояло создать. Первый поход небольшого отряда, который по Азовскому морю, как будто удался. Турки вроде бы убедились в серьезности намерений русского царя. С другой стороны, никто не знал истинной цены боевых качеств этих нескольких русских кораблей. У ту-рок же флот насчитывал около сотни подобных судов...

В Голландии и Англии царь своими глазами видал заведение, где сооружали сотни и тысячи торговых и военных судов. В Англии морскими делами управляло Адмиралтейство. Оно ведало и суммами, отпущенными на строительство кораблей, и готовыми к плаванию кораблями со всем положенным вооружением и подготовленным экипажем.

В России испокон веку строили избы и каменные дома для жилья, небольшие заводы, церкви да монастыри...

Боярская дума три года назад приговорила: «Морским судам быть». Приговор состоялся, а настоящих судов не прибавлялось, хотя деньги ушли немалые.

Ни в одной морской державе не строили морские суда в таком удалении от моря, как в России. Верфи создавали на реках, которые и в половодье не бывали судоходными. Корабли поэтому строились ущербными, мелко сидящими, плоскодонными. А таким в штормовом море делать нечего, захлестнет волна, перевернет. Пробовали делать и мореходные, с большой осадкой, но для проводки их к морю половодья надо ждать или сами корабли отправлять на понтонах-камелях. Мороки не оберешься, а делать нечего...

Первым, по всем параметрам морским, русским кораблем на стапелях воронежской верфи «весной 1700 года красовалась 53-пушечная «Предистинация». Задуманный и рассчитанный по науке, воплощенный в чертежах самим Петром, первый линейный корабль русского флота готовился к спуску на воду. Конопатчики, словно мухи, облепили борта. Где на стропилах, где подвешенные в люльках, колотили деревянными молотками-мушкарями по лопаткам-лебезам, вбивая и осаживая паклю в пазы обшивки корпуса. Плотники спланивали доски, настилали последнюю верхнюю палубу.

На высокой надстройке кормы, высунув языки, в поте

лица корпели резчики, создавая в деревянном обрамлении ажурную вязь украшений.

Федосей Склеяев и Лукьян Верещагин, главные строители «Предистинации», лазили где-то в чреве корпуса, который раз проверяли надежность крепления несущих конструкций — кили, шпангоутов, бимсов.

Петр с топором стоял, облокотившись о фальшборт. Только что он подогнал очередную доску настила верхней палубы и сейчас отдыхал, сдернув шапку и подставив лицо ласковым лучам мартовского солнца.

Таким и увидел его издали Апраксин, прыгая по лужам, окружавшим помост стапеля.

— Здорово, адмиралтеец, — встретил его царь, — какие добрые вести привез?

— Так што, Петр Алексеич, пушки из Москвы третьего дня ушли с обозом, днями будут здесь. Блоки и юнферсы недостающие самолично проверил перед отправкой, тоже придут без задержки.

— Зело приятно, — устало улыбнулся Петр. — От Украинцева нет вестей? — И, не дождавшись ответа, махнул рукой: — Сам ведаю, покуда молчит. Ты не сегодня-завтра осмотришь, объезжай все верфи и в Ступине, на Чижовке, Паншине. Загляни на лесосеки, оберегай дуб. Помни, ты в ответе за весь край до Азова и Таганрога.

— Тяжела ноша, Петр Алексеич, как поспеть всюду?

Петр рассмеялся:

— Сладишь. Помощничков своих запряги. С кораблями Крюйс и Рез управятся, на стапелях Федосей с ватагой, Осип Най, вскорости толковый малый Козенц из Англии прибудет.

Петр выдернул топор из обрубка бревна, давая понять, что разговор окончен.

— Ну, полно, погрелись на солнышке. Через неделю будь здесь. Божий корабль к спуску готовить будем. Он и твой первенец на Воронеже...

На Дону звенели топоры, визжали пилы, грохали молотобойцы в кузнях, строгаля, утюжили уходившие к ледовому припаю полозья стапеля, где высилось «Божье предвидение». Рождение первого российского корабля задело и столицу, в Москву пришел царский указ: «В нынешнем 1700 году велено

ехать на Воронеж к Вербному воскресенью боярам и стольникам...» Да не одним думным мужикам, а с женками и детьми старшими да снохами. Силой вытаскивал царь московскую знать из теплых насиженных палат, сдергивал пелену с глаз, чтобы не только показать диковинное, а и приобщить к своим далеко идущим замыслам...

Полтора года тому назад Петр вернулся из странствий по европейским странам. Общался с курфюрстами, королями, цесарем. Европейские властители присматривались к царю из далекой и, как казалось, дикой Московии. Скептически посмеивались про себя, прислушиваясь к речам увлеченного своими замыслами молодого венценосца...

Но тут аккредитованные в Москве посланники и резиденты получили приглашение царя присутствовать на спуске первого корабля, построенного по русским чертежам русскими кораблестроителями.

Приглашая иноземцев в Воронеж, Петр преследовал и другие цели. Перед Вербным воскресеньем Воронеж гудел как улей.

После зимовья работные люди тянулись к теплу, на солнышек. Многие сотни мастеровых сновали по верфи, расположенной под горой на острове, в излучине старого русла Воронежа. На одних стапелях постукивали конопатчики, на других с криком и грохотом рабочие вытягивали на палубы через блоки, увесистые отесанные бревна. То и дело испуганно взмывали в небо стайки грачей и перелетали на противоположный, нагорный берег, в более тихие места. Но и здесь, в обустроенном и разросшемся за последние годы посаде, в эти дни наблюдалось необычайное оживление. По раскисшему бездорожью улиц и переулков скрипели боярские кареты, покачивались на ухабах колымаги многочисленных стольников и спальников, поименованных в царском указе. Каждый боялся опоздать к сроку, но оказалось, что спешили понапрасну. В этом году весна задержалась и половодье запаздывало. Миновало Вербное воскресенье, а кромка воды только-только подступала к стапелю, где красовалась «Предистинация».

Петр не давал скучать московским гостям. Почти каждый вечер затевался праздный ужин в деревянном царском дворце или палатах воеводы. Правда, на всех приезжих мест не хватало.

тало, приходилось уступать по старшинству, ожидать своей очереди.

Царь продолжал днем работать на верфи, а вечерами появлялся на званных торжествах. Пригласил его и Апраксин.

— Петр Алексеич, покоя не сыщу, звание свое, адмиралте-
ец, осветить бы надобно. Пожалуй ко мне отобедать.

Петр вытер вспотевший лоб, прислонился к фальш-
борту.

— И то пора. Токмо пригласи наших из кумпаний, штоб
был Шафирка, и непременно Павла Гейнса повести, послан-
ника датского.

Апраксин послал Фильку по дворам, разыскивать Голови-
на, Ромодановского, Стрешнева, Нарышкина, Голицына...

Гейнсу приглашение передал с глазу на глаз.

Пока собирались приглашенные, Головин вполголоса пе-
реговаривался с хозяином дома:

— Намедни прискакал гонец из Лифляндии, привез ве-
домости от Августа. Саксонец, вишь, не дожидаясь нас, норовит
первым куски полакомее отхватить, на Ригу метит, а может,
и далее.

Апраксин недовольно засопел:

— Выходит, Август государя объегорить задумал?

— Так получается, Федор Матвееч, — беспокоило заколы-
хался тучный Головин, — нам-то починать неумоготу, покуда
Украинцев с турком замирения не обговорил...

За столом Петр заставил Апраксина осушить до дна боль-
шой серебряный кубок, наполненный до краев водкой.

— Пускай твоя новая служба полнится делами славными,
как сей сосуд, — смеясь, проговорил царь.

Спустя полчаса он вместе с Гейнсом и Шафировым удали-
лись в заднюю спальню, плотно притворив за собой дверь. Бе-
седа за закрытыми дверями тянулась часа два... О чем толко-
вали в комнатке, сидевшие за столом только догадывались.
Датский посланник Павел Гейнс доложил довольно подробно
об этой встрече своему королю Фридриху IV. «Царь сказал,
более он осуждает польского короля и его меры, и спросил ме-
ня, можно ли одобрить его поведение, когда вместо того, что-
бы лично присутствовать при предприятии такой важности,
польский король остается в Саксонии, чтобы развлекаться с

дамами и предаваться там удовольствиям. Я из почтительно-
го респекта мог отвечать только выражением лица, высказы-
вавшим желание чтобы оно было иначе, но царь продолжал
мне говорить, что он не знает, как быть с договором с поль-
ским королем. Он кажется боится, и даже говорил об этом
прямо, что после того как польский король, овладев Ригой,
если это удастся, как бы этот король не заключил сепаратного
мира и не оставил своих союзников, впутав их в войну. Я от-
ветил, что Ливония, кажется, стоит труда и, чтобы успеть в
этом, необходимо содействие царя. Он согласился, но заявил,
что прежде, чем он не будет уверен относительно мира с тур-
ками, и он не может по-настоящему разорвать со Швецией.
Его царское величество привел примеры своих предков, когда
они вели войну зараз на две стороны. Но царь надеется до кон-
ца этого месяца иметь хорошие и надежные известия из Кон-
стантинополя.

Затем опять с выражением досады его царское величество
заявил мне, что генерал Карлович очень много здесь нагово-
рил, но, кажется, от всего этого не будет последствий, кото-
рые были обещаны, что он, впрочем, лично его уважает, но в
этом деле нет достаточной силы. Я смягчал дело, насколько
мог, сваливал причины на то, что, может быть, нельзя было
примирить намерения короля с намерением республики и что
на это нужно немного времени; достаточно уже и того, что
разрыв действительно совершился и что в будущем дело пой-
дет лучше. Царь ответил, что он этого желает, и кончил в
сильных выражениях о том, что не следовало заключать дого-
вора и подымать союзников, не исполняя дело как следует».

Через несколько дней Апраксин гостил у Головина, и
Петр снова имел долгий, доверительный, с глазу на глаз, раз-
говор с датским посланником в присутствии Шафирова.

Апраксин видел особую симпатию Головина к Шафирову.

— Не токмо языками многими владеет, но умнейший и
проницательный человек, — хвалил его генерал-адмирал, —
сам государь его привлекает...

Апраксин и сам заметил, как расположился к нему царь
во время путешествия в Европу. Сын обрусевшего и крещено-
го еврея-переселенца, подьячего Посольского приказа, Павел
Шафиров на лету, бойко переводил с немецкого, французско-

го, голландского, польского, латинского... Без запинки читал с листа иноземные грамоты в русском переводе. И не просто переводил, но и нет-нет да и высказывал свои дельные реплики...

Между тем во второй половине апреля небо над Воронежем распогодилось, солнце припекало по-летнему, кудрявые белоснежные облачка зависли в лазоревой голубизне над разлившимися до горизонта внешними водами.

Полая вода залила крайние киль-блоки, на которых покоилось «Божье предвидение», их заменяли на спусковые, и настал день и час рождения первенца русских мастеровых людей.

По главенству спуском на воду руководил генерал-адмирал. Он степенно расхаживал вдоль помоста, твердо переставляя полные ноги, обтянутые шелковыми чулками. По сути же заправлял всеми предпусковыми работами адмиралтеец Апраксин. Он один по знанию всех деталей строения корабля, его конструкции и устройства мог грамотно и точно распоряжаться подготовкой к спуску и подчиненными ему людьми на верфи.

В последний раз с Верещагиным и Склевым обошел он вокруг стапеля, проверяя расставленных людей, осматривал каждую подпору на доброй сотне саженой по пути корабля к плескавшейся у киль-блоков воде.

Остановившись у приспущенного трапа, снял шляпу, вытер пот со лба.

— Кажись, все, ребята. Федосейка, айда на бак к якорям, а ты, Лукьян, на корму к флагштоку, распутай снасти, чтобы ненароком флаг не застрял.

Он поднял шляпу, окинул взглядом стапель и отмахнул стоявшим наготове у бортовых подпор мастеровым:

— Стрелы вон!

Дружно застучали кувалды, выбивая клиновые брусья спусковых блоков...

Адмиралтеец лихо набросил шляпу набекрень и вразвалку подошел к ожидавшему у среза кормы Петру.

— Так что, господин капитан, порядок, можно приступать.

Апраксин с поклоном протянул ему кувалду с длинной рукояткой, взял сам такую же, и они встали по обе стороны от

кормы, у последней подпоры, которая сдерживала вздрагивающую от порывов ветра «Предистинацию».

Затихли столпившиеся в стороне гости, примолкли сидевшие на укрытых коврами лавках их жены.

Головин сорвал с шеи белый шарф, чуть приподнявшись на цыпочках, поднял его над головой и резко опустил вниз.

— Стрелы вон! — звонко крикнул Петр и выбил клин.

Освобожденная махина, застыв на мгновение, будто нехотя тронулась и медленно заскользила в воду, убыстряя движение...

Загрохотали пушки, вспенившиеся волны выплеснулись на берег, окатывая присутствующих каскадом брызг. А «Божье предвидение», укрощенное якорным канатом, развернулось по течению и заколыхалось на воронежской волне...

Началось празднество. Заздравные тосты звучали на палубе корабля на берегу, вокруг стапелей, где обильно угощали мастеровых. Вечером над верфью и городом взметнулся фейерверк. Гости пили, хмелели, отсыпались и продолжали веселиться. Бояре и стольники радовались от души, любовались диковинкой:

— Неушто кумпанские кораблики будто корыта по сравнению с ним.

— Такая громада до окияна доплывет.

— Где окиян-то? Кругом степь да степь.

— Доплывет до Азова, а там море...

— А на море-то турок — не дурак, не пустит.

— Государь перцу им задаст...

— Все одно, зело пригож кораблик.

Хвалили новое судно не только доморощенные обыватели. Иноземные посланцы лазили по кораблю, трогали обшивку, спускались в трюм, смотрели, нет ли воды. Днище оказалось сухим...

Генерал-адмирал принимал поздравления и как начальник Морского ведомства, и как глава Посольского приказа. Разделил радость со своим украинским приятелем-знакомцем гетманом Иваном Мазепой.

«...О корабле, сделанном от произволения монарха нашего известую: есть изрядного художества... зело размером добрым состроенный, что с немалым удивлением от английских

и голландских есть мастеров, которые уже многих лет сие искусство употребляют, и при нас спущен на воду и щоглы подняты и пушек несколько поставлено».

Не преминул донести в секретном послании в Гаагу и датский дипломат Ван дер Гульст: «Будучи в Воронеже... мы видели спуск очень красивого корабля, построенного самим царем с помощью русских рабочих. Ни один иностранный мастер не приложил руку к этому делу».

Кончились праздники, потекли будни. Петр не уезжал, ставил на «Предистинацию» мачты, тянул на таях первые пушки, примерял их к орудийным станкам.

Апраксин докладывал невеселые вести:

– Осмотрелся я, Петр Алексеич. Лес-то воруют по-прежнему, особенно дуб секут. Мало сторожей, не поспевают...

Петр нервно дернул щекой, со звоном вонзил топор в колоду.

– Сторожей найми, с них спрашивай. Кто дуб сечет, тому голову посеку, указ готовь. Што еще?

– Беглых многовато.

– Заставы поверяй. Игнатьева пошли на дороги.

Петр схватился за топорнице, выдернул топор.

– Вскорости отъеду я, сам видишь, надобно на севере дело заваривать, полки готовить. Ты здесь наладишь, спускайся к Азову, берегай крепостцу. Таганрог обустройствай, за турком поглядывай.

Петр уехал в конце мая. К бурмистрам одиннадцати приписанных к Воронежу городов по всем лесосекам полетел указ адмиралтейца:

«Объездчики и караульные, которым заповедные леса приказано было стеречь, а по смотру в тех лесах явились их небрежением и слабостью, посечены дубовые леса, а иные по розыску оттого имели взятки и после розыска сидят и ныне на Воронеже и в разных местах, и тех объездчиков Великий Государь указал в тех местах, где сечен дуб, а они того не стерегли, за посечку дубную и за недосмотр их и за взятки на тех местах тех объездчиков-сторожей казнить смертью – повесить».

Били лесных сторожей плетми, ссылали в Азов, а которых и казнили смертью, но лес все равно рубили, только теперь без их ведома. Крали в непогоду. Пищу-то готовить надо.

В зиму избы топить да баньку – так веками повелось, иначе не прожить. Спустя два года уразумеет это и царь, разрешит выборочную порубку леса...

Появились и изъяны спешной, без опыта, постройки «кумпанских» кораблей. Исполняя волю царя, корабельную сосну пилили, из сырой тесали брусья, перетгирали в доски и тут же пускали в ход, без просушки. Мастера-голландцы крутили головами, посмеивались, но Протасьев только покрикивал на них:

– Царь-государь повелел, не нам рассуждать, сказано строить без промедления.

Первый морской караван с «Крепостью» кое-как держался на воде, доплыл до Азова. До сих пор половина галер стояла на приколе, починалась у Азова.

Царь осматривал «кумпанские» корабли вместе с Апраксиным, недовольно передергивал плечами:

– Кумпанства не зело сотворили кораблики плохие размером, недоброй пропорции и к тому же и худые крепостью.

– Оно так, государь, – соглашался Апраксин. Теперь, после назначения адмиралтейцем, он при людях обращался к царю по титулу. – Токмо работные люди ни при чем. Велели так начальные приказчики.

Петр покусывал губы, понимал, что сам порол спешку перед отъездом за границу.

– Возьмешь Крюйса и Реза, они дошлые. Пушай досконально обследуют каждое судно, к чему оно пригодно...

Проводив царя, Апраксин разделил все строящиеся «кумпанские» корабли на две части. Одну осматривал и оценивал Крюйс, другую Рез.

Кроме этих судов, на стапелях Воронежа англичане Най и Терпилий по чертежам Петра сооружали многопушечные фрегаты. Почти каждый день они досаждали Апраксину просьбами прислать плотников.

Редкий день обходился без тревожных докладов строителей.

– Бегут работные люди, адмиралтеец. Должно быть у меня семь десятков, а на верфи только две дюжины.

Апраксин казался спокойным, отвечал, посмеиваясь, Наю:

– Что поделаешь, Осип, служба у нас не сахар, к тому же и государев кораблик Склаев спешит достроить. Там, почитай, работенки не на одно лето.

Однажды утром прибежал взволнованный Федосей:

– Федор Матвеевич, беда. Утекли в ночь резчики. Васька Шпак да Гаврилка Скворцов с дюжиной товарищей.

Невозмутимость на этот раз покинула адмиралтейца, и он смачно выругался:

– Ну, погодите, треклятые. Ладно в зиму, в морозы, а нынче-то лето красное, грех бегать.

В тот же день приказал своему помощнику, стольнику Игнатьеву, действовать без промедления:

– Наряди, Петро, по ихним волостям стражу с урядником. Сыскать подлецов и возвратить.

А тут еще прислал царь из Москвы новое задание: строить по его расчетам брандера. Привезли письмо и чертежи корабельные подмастерья Фаддей Попов и Савва Удалов. Апраксин помнил их по Амстердаму.

– Какие такие брандера? – разглядывал чертежи Апраксин.

Попов ухмыльнулся:

– Вспомни-ка, Федор Матвеевич, голландцы их строили. Сие судно начинается порохом, дабы неприятельский флот зажечь и на дно пустить.

– Все одно, их нынче некому строить.

– Тебе видней, перед государем ответ держать.

Англичане внимательно прочитали чертеж, похвалили:

– Разумно составлено по размерам судно, токмо делать его теперь не станем, надо закончить то, что начали.

Терпилий кивнул на торчавшие шпангоуты фрегата, а Най поддержал товарища:

– Ответствуй Матвеев государю, не бойся. Плотник будет, будет и работа.

Наконец-то пришли вести из Адмиралтейского приказа от Племянникова по розыску беглецов. «И из них Василий Шпак, Дмитрий Морозов сысканы и на Воронеж с женами посланы с подъячим Иваном Зюзиным, да с ним же посланы сверх росписи Ивашко Тютрин, а Михайло Мудовский не сыскан, взята жена его, а Ивашко Плешко не сыскан-де. Взята

теща его. Андрей Гривцов не сыскан же, взята мать его и велел держать в приказе».

На верфи по одному-два возвращались плотники, их били кнутом, но не сильно, «не до мяса» и тут же ставили на работу.

Вечерами Апраксин с Игнатьевым по очереди обходили стапеля, проверяли сторожей – время жаркое, пора сухая, как бы пожара не случилось.

Возле землянок холостые и одинокие рабочие варили на кострах кашу, приносили на ватагу от целовальника полведра, а то и ведро водки. Отдыхали телом, услаждали души.

Мастеровые собирались в трактире, туда тянулись бессмейные офицеры, иноземные корабли, англичане, голландцы, немцы, венецианцы. Офицеры обычно устраивались наверху, во втором жилье. В отдельной комнате иногда появлялись Крюйс, Рез, Най, Терпилий, Склаев, Верещагин, Игнатьев, Апраксин. Дома Апраксина, Крюйса, Склаева стояли рядышком, на взгорье. Они часто ходили друг к другу в гости. Но не прочь были и пообщаться в широкой компании, послушать то, чего не услышишь в казенном доме, на службе. Как водится, судачили о многом и по-разному и спорили иногда до хрипоты. Частенько препирались между собой вице-адмирал Корнелий Крюйс и шатубенахт Ян Рез. Они и на службе почти каждый день сражались, доказывая каждый преимущество своих знаний в морском деле.

Однажды засиделись в таверне допоздна, в чем-то не сошлись, поначалу спорили по-русски, потом перешли на голландский, раскраснелись, вскочили оба, распетушились. Опрокинули стулья, выхватили шпаги...

Апраксин едва успел встать между ними, крикнул Склаева, Верещагина и капитана Рахмана. Развели спорщиков, отобрали шпаги.

Наутро Крюйс пришел вместе с Резом к Апраксину, хмель еще не сошел, но вид был виноватый.

– Вина моя, господин адмиралтеец, – начал Крюйс, но Апраксин рассмеялся, не дал ему договорить:

– Горяч ты больно, вице-адмирал, добро все так кончилось. – Апраксин прошел в угол комнаты, взял шпаги. – Впредь шпаги-то дома оставляйте, когда в харчевню пойдете.

А государю о вашей проделке все одно отпишу. Вы на государственной службе, деньги вам плачены от неприятеля оборонять, а не друг дружке кровь пускать.

Вечером засел за письмо. Царь ждал ответа на последнее указание свое о постройке брандеров, не терпел, когда мешкают.

Сложилось так, что вот уже который год царь привык доверительно полагаться на давнего приятеля, наставника и помощника, а бывший спальник, «дядька», иногда и между деловых строк посланий своему повелителю делился своими сокровенными переживаниями.

В распахнутые окна избы тянуло речной прохладой, стихли перестуки на стапелях, и тишину нарушал лишь нудный, зудящий комариный писк. На столе рядом с чернильницей высился запотевший жбан с пивом, только что принесенный Козьмой из погреба. Пристрастился Федор Матвеевич к этому своеобразному напитку еще в Архангельском. Там пиво варили немцы. К Воронежу бочки с пивом везли из Москвы...

«За премногую твою милость, — начал неторопливо чиркать пером Апраксин, — челом бью, что изволил писать ко мне, рабу своему с Фадеем Поповым и Саввою Уваровым, они же вручили мне от милости твоей брандерам чертеж с размером и свидетельствованные статьи. Только государь в оном гневу не положи, ей, ей, старово не можем осилить, паче всего имею великую нужду в плотниках.

Товарищи мои, вице-адмирал и шаятбенахт, великую между себя противность имеют, и был, государь, такой случай: что показали друг другу свои шпаги, а если бы не случился тут я, тако ж и не помогли другие офицеры, маю, чтоб из них кому был ущерб.

А в делах, государь, зело исправляются чисто и осмотрительно, дай Боже и впредь так чаять от них или до милости твоей. Только, государь, разводить их не изволь, донез дело свое исправят.

Послышались осторожные шаги, в окне появилась худощавая, остроносая физиономия Крюйса.

— Я помешал вашей милости? — как всегда, вежливо спросил вице-адмирал. Его изба стояла через один дом от адмиралтейца, и они часто навещали друг друга.

— Заходи, заходи, Корнелий, — как всегда, запросто ответил Апраксин и приказал Козьме, чтобы принес еще одну кружку.

— Садись, слухай, как я государю про твою персону доношу.

Крюйс вздохнул. На его правой щеке налилось кровью родимое пятно.

— Все по делу. Я тоже доношу об этом его величеству государю. — Он вынул из-за обшлага конверт. — Отправьте, пожалуйста, с почтой.

— Отошлем, отошлем, пей пиво, а я допишу цидулю, а потом с тобой потолкуем. — Макнув перо, Апраксин продолжал: «При сем моем писании был вице-адмирал и принес письмо до милости твоей и то письмо я посылаю по своей же почте. И если всемилостивейший Бог сподобит видеть очи твои, устно милости твоей донесу. Покорнейший раб твой *Федька Апраксин*. С Воронежа, июля 15 дня 1700 года».

Сообщая царю о происшествии с иноземными адмиралами, Апраксин поступил мудро. Просто знал, наверняка найдется в Воронеже какой-нибудь пакостник и окольными путями станет наущничать, дело все равно дойдет до Петра, и потом хлопот не оберешься. А так он сразу вступился за своих подчиненных и отмел повод для пересудов...

Почта увезла письма в Москву, а ему подошел срок отправляться к морю.

Всего полгода минуло, как он стал адмиралтейцем. На верфях закладывались новые корабли и достраивались десятки прежних. Часть из них уже при беглом осмотре оказалась негодной к плаванию. Их следовало бы уничтожить. Но это мог решить только царь. Постройка обошлась во многие тысячи рублей...

Весь смысл создания флота пока сводился к защите завоеванного у турок. Там, на подступах к Азову, проходили южные морские рубежи России. Азовский воевода боярин Степан Салтыков временами сообщал, что татарская конница сильно беспокоит, а на далеком взморье нет-нет да и появлялись паруса турецких кораблей. Перемирие с турками еще не было подписано. Следовало закрепляться на море, создавать базу для кораблей у Таганрога, налаживать оборону Азова с моря.

Отправляясь к Азову, Апраксин за себя оставил Крюйса.

— Нынче до зимы, Корнелий Иванович, надобно с кораблями кумпанскими определиться. Которые дерьмовые, разбирать станем, но прежде государю доложим, а лес пойдет на добротные суда. Теперича отъеду к Азову, ты мне, пожалуй, свои прошлые промеры в устье Донском и у Рога Таганьего на листы положи, чертежами. Сверимся, что не так, подправим. Флоту Азовскому пора определяться на коренную стоянку.

— Верно, ваше степенство. Корабли должны заботу иметь и ухоженными быть, иначе море их одолеет.

Вечером, накануне ухода из Воронежа, пришла долгожданная весть из Москвы: в Константинополе подписано наконец-то перемирие с султаном. Царь писал письмо, видимо, в хорошем настроении. «Плотники, о которых ваша милость говорил мне на Воронеже, — писал Петр, — приговорены и подлинно будут на последнем караване к городу...

Мы здесь в 18 день объявили мир с турками, зело преизрядным фейерверком; в 19 день объявили войну против шведов и сего числа пойдем с господином генерал-майором Иваном Бутурлиным в поход на подводах, одни полки: наш Семеновский, старый Лефортов, да Новоприборных три полка, в которых во всех будет 8000 человек. Здесь я нашел мастера в артиллерии, русского, который зело удобен будет к корабельному делу; ибо боуты на концах умеет так быстро зашурупливать, что 10 изготовит так скоро, как проговорить «Отче наш» и как отделается в артиллерии, пришем к вам...»

От письма веяло вроде бы только радужным. Плотники, слава Богу, высланы, царь где-то отыскал умельца-мастерового, султан наконец-то подписал мир... «Любит государь фейерверки-то распускать, знамо, тешится, годы еще не старые, как у меня, — размышлял Апраксин, а где-то в глубине души щемило. — С одним неприятелем не успели замирились, на другого меч обнажили. Оно и понятно, без моря нет ходу державе. Торговать надобно. И то, поотстали от Европы. А похвалиться покуда мало чем можем. Глядеть надобно, перенимать лучшее. Вона Федосейка Скляев и не прошел науку сызмальства, а вровень с учеными англичанами становится по корабельному строению...

Другое дело, не рановато ли со шведом тягаться? Полков обученных два-три, стрельцов нет, рекруты зеленые. Да и какой из Ваньки Бутурлина вояка? Разве для потехи. Шереметев пообыкся в сражениях с турками, но себе на уме, осторожен больно. В войсках верховодят все больше иноземцы, не много ли их? Доверчив государь. Где-то в походе на шведов и брат Петруха с новгородскими полками, как-то обойдутся с неприятелем?..»

Не без умысла древние римляне обозначали Фортуна кормилом. Изменчиво счастье. Плавает оно по океану бытия, зависит от ветра и волн, которые весьма непостоянны, от подводных камней, скрытых от взора... Куда направит свой ковчег богиня удачи?

В политике Фортуна, как правило, издревле поощряет хитрых и ловких. В военном деле часто держит сторону не сильного, а смелого, решительного, уверенного в победе бойца.

Когда Петр заключал союз с Данией и Саксонией, казалось, судьба шведов во главе с Карлом XII предрешена. Но события повернули колесо Фортуны в другую, неблагоприятную для России сторону.

Преждевременно, в одиночку, в расчете на быстрый успех выступил против шведов Август II. Вслед за ним Дания поспешила вторгнуться в Гольштейн, преследуя свои цели.

Карл XII двинул войска против Дании. В преддверии борьбы за Испанское наследство Англия и Голландия, рассчитывая на союз с Швецией, прикрыли от датчан своими эскадрами высадку шведского десанта. Довольно мощная, хорошо подготовленная армия Карла XII с ходу осадила Копенгаген и принудила Данию к миру. Произошло это в те самые дни, когда из Москвы выступили полки Петра I, направляясь к морю у Нарвы, отвоевывать исконные земли. О поражении Дании царь не знал, еще надеялся на Августа II.

Разделавшись с Данией, Карл XII погрузил армию на корабли и переместился в Лифляндию на помощь осажденной саксонцами Риге. Едва узнав о высадке шведов, Август II, не раздумывая, снял осаду Риги и убрался восвояси в Польшу. Хорошо обученные войска, возглавляемые молодым, но та-

лантливым военачальником, поспешили к осажденной русскими полками Нарве...

Воевода изовский боярин Степан Салтыков несказанно обрадовался приезду Апраксина.

— Обретаемся мы, Федор Матвееч, на краюхе земли нашей, — изливал душу Салтыков. По боярскому своему званию он был выше стольника, но по указу царя подчинялся адмиралтейцу. — Крымцы, кубанцы да калмыки летось покою не дают, а турки с моря подглядывают.

Вместе с воеводой Апраксин обошел крепостные сооружения, похвалил:

— Стены и бастионы надежно подкрепил, Степан Иванович, слава Богу, и пушки, которые прислали, путем определил.

Худощавая физиономия Салтыкова осветилась улыбкой:

— Чай, не зря в Пушкарском приказе-то годков сколь правил, Федор Матвееч, зело пушечное дело там прознал.

— С кораблями-то как?

— В море нынче дозором на «Отворенных воротах» Лефортов сынок, с ним «Сила» в паре. Морока мне, Федор Матвееч, с кораблями, мало я в них сведущ.

Внизу, под горой, в небольшой гавани и далее вниз по течению Дона отстаивалась на якорях Азовская эскадра. Несколько кораблей ремонтировались у пристани, среди них совсем развалившийся «Меркурий». На якорной стоянке выделялся лишь ухоженный корабль Питера Памбурга.

— А ты не робей, распоряжайся, на судах капитаны опытные, ежели што не так, подскажут. В Таганьем Рогу-то как дела? Троицкая да Павловская? Давно ли там бывал?

— Строится та крепостца и сам городок, а бывать мне там не пришлось, Федор Матвееч. Все недосуг. То устье мелко, то приболел.

— Ладно, возьмем нынче галеру, пойдем вместе, воевода за все в ответе...

Третий год тысячи людей строили город Таганрог и крепость Троицкую для его обороны. Вместе с городом устраивали то, ради чего здесь обосновались, гавань для стоянки кораблей. Заправляли делом иноземные инженеры, но не задер-

живались больше года. Начинал де Лаваль, его заподозрили в связях с турками, арестовали, сменил его Рюэль, теперь гавань сооружал капитан Симонт.

Приезд Апраксина был на пользу. Подрядчики, приказчики, чиновные люди подтянулись, почувствовали хозяйскую руку адмиралтейца. В крепости спешно выкладывали площадки для пушек, насыпали защитные валы. С речки Муса одна за другой потянулись подводы с лесом для изб, рубили на зиму солдатские казармы. Апраксин основательно занялся промером глубин в заливе, сверял прошлогодние промеры Крюйса, исправлял их, и кое-где начинал с нуля, обнаружилось новые отмели вблизи фарватера. Следовало их скрыть, углубить проход.

В бухте бросили якоря «Крепость» и еще несколько кораблей. Уходя из Азова, Апраксин приказал, как только поднимется уровень воды в устье Дона, идти в Таганрог. На собрании капитанов объявил:

— Пора обживаться в новой гавани, неча отсиживаться по азовским кабакам, жалованье государево вам за службу уплачено. Попомните слово государево: «Флот сам себе должен сыскать гавань».

Спустя неделю отряд кораблей вышел в море. Где-то на горизонте робко маячили турецкие суда. Завидев русских, они скрылись и до конца кампании не показывались.

Адмиралтеец расположился на «Крепости». Капитан Памбург старательно обхаживал его, помня о близости спальника к царю. В хлебосольном голландском шкипере Апраксин нашел доброго и компанейского собеседника. Когда становились на якорь или ветер стихал и ложились в дрейф, беседы в каюте капитана затягивались до полуночи. С особым пристрастием рассказывал Памбург о приключениях в Константинополе. Как и всякий моряк, любил прихвастнуть, «травил», приукрашивая свои похождения.

— Весь султанский дворец дрожал от моих салютов по ночам. В гареме его женки дрожали от страха. Емельян Игнатьич Украинцев сказывал, будто одна женка с испугу родила младенца раньше времени.

Адмиралтеец смеялся от души, слушая байки Памбурга.

— Ну а по делу-то, долго вы канителились у султана?

Памбург усмехнулся:

— Трудно там пришлось Емельяну. Мало что турки упирались, так их подзуживали англичане да мои земляки, голландцы.

— Тяжко в стане неприятельском, одни вороги, — согласился Апраксин.

Капитан, не жалея, подливал вина собеседнику. В трюмах «Крепости» в укромных уголках хранились заветные бочки, припасенные в Константинополе. Смачно потягивая напиток, вспоминал:

— Отыскались и в басурманском городе добрые нам люди.

— Кто и откуда?

— Проживал там Досифей, патриарх иерусалимский. Немало добрых советов Емельяну подсказывал, мудрый человек. Смыслил не в одной политике, разбирался и в воинском деле.

Апраксину все это было в новинку:

— Что же смыслил святой отец по воинскому артикулу?

Памбург потер подбородок:

— К примеру, господин адмиралтеец, советовал он россиянам воевать турка через Крым. У вас, говорил, один рог, Таганний, уже в руках. Второй, Очаков, рядом стоит, его воевать надобно. А после изгнать из Крыма басурман. Тогда Черное море ваше.

И в самом деле, Памбург не преувеличивал. Иерусалимский патриарх Досифей мыслил как стратег. «А если когда царское величество изволит начать с ним войну, — советовал он Украинцеву, — и тогда надобно прежде взять Очаков, понеже у неприятеля Очаков левый рог, а правый рог был Таганрог. А взяв Очаков, то надобно Крым взять, а взявши Крым, то будет дорога на Черное море свободна. И тогда пристанут сербы, и волохи, и мультяны, и болгары. А не взяв Очакова и Крыму, турков на море воевать трудно, понеже татарова в том будут чинить препону. Да и оные народы, для той же опасности, вспоможения чинить не будут...»

Глубокой осенью, накануне ледостава покидал Апраксин Таганрог. Часть кораблей осталась на зимовку в новой гавани. Остальные ушли к Азову. Воевода Салтыков встретил встревоженным вопросом:

— Намедни казак прискакал из Черкасс. Передал на словах ведомость атамана Миняева. Де, на севере шведы потеснили наши полки под Нарвой. Не слыхал ли чего, Федор Матвейч?

Тревога передалась и Апраксину. Он зябко передернул плечами. Перекрестился: «Упаси Бог».

Прошла неделя, другая. Поздно вечером, накануне отъезда адмиралтейца в Азов, прискакал верхом сын воеводы, капитан Федор Салтыков. Четыре года не виделись они с отцом. Родовались оба, воевода прослезился.

— Спаси Бог, сынок, не позабыл отца.

— Не мне благодарность, батюшка, а государю, сам мне указал к тебе ехать, повидаться.

Салтыков-младший вдруг помрачнел:

— Беда у нас стряслась, батюшка. Карловы полки отбили наших у Нарвы, полегло там тыщ несколько, в полон многих взяли.

Воевода растерянно заморгал, всплеснул руками:

— Как же такое допустилось?

— Долгий сказ, батюшка. Боярин Шереметев там малость оплошал. Мы-то с государем накануне к Новгороду отъехали, полки новые к Нарве выставить, а кумандиром государь герцога Круа поставил. Он-то первый вместе с иноземными офицерами шпаги Карлу отдали без боя.

— Ох-хо-хо, — сокрушался воевода, — остальные-то што глядели?

— Снег валил в ту пору, ни зги не видать. Преображенцы и семеновцы бились стойко, токмо их не поддержали. Войско-то сырое, рекруты молодые. А драгуны Шереметева мельтешили, враз за реку стрекача дали.

Старший Салтыков, слушая сына, покрикивал на прислугу, накрывавшую на стол, послал за Апраксиным. За столом Федор Салтыков повторил сказанное о стычке с шведами. Апраксин слушал не перебивая. Изредка кидал взгляд на говорившего. «Толковый малый, государь таких привечает», — подумал с симпатией.

— А что же наши-то офицеры сдались шведам?

— Карл их обманом полонил. Обещался пропустить, а когда войска-то ушли за Нарву, схватили их. Князь Долгору-

кий, Троекуров, боярин Бутурлин, многие знатные фамилии оказались среди них.

Апраксин за столом молчал, хмурился, ему теперь хлопот, видимо, прибавится. «Туркам на радость наши беды, наглеть почнут».

— Ты, воевода, гляди теперь в оба. Басурмане прознают про Нарву-то, никак, охальничать будут. — Апраксин поддел ложкой черную икру, в Воронеже такой не попробуешь. Как бы невзначай спросил Салтыкова-младшего: — Сам-то куда теперь?

— Через неделю велено в строй к государю явиться. В свите я у него числюсь с того дня, как из Голландии вернулся и экзаменован был им самим.

— Сам-то чего желаешь?

Федор Салтыков вспыхнул:

— Ваша милость, будет ваша власть, замолвите перед государем словечко. На верфи мне быть желаемо зело, до корабельного строения охоту имею великую.

У Апраксина полегчало на душе, разгладились морщинки.

— Дело доброе, сам-то просился у государя?

— Не раз, да все в отказ.

— Значит, время не пришло, за государем не пропадет, а я тебя припомню...

Для Петра первый блин в начавшейся войне получился комом. Но неудачу он воспринял как «дело, яко младенческое играющее было, а искусства ниже вида». Карл поднимал за здравные кубки в Нарве, а Новгород и Псков оцетинились укреплениями, вооружались новые полки, сколачивалось боевое ядро русской армии, спешно отливались на пушечных дворах сотни орудийных стволов.

На выручку королю Августу II по приказу Петра спешили двенадцать тысяч человек пехоты генерала Репнина, Шереметеву велено «при взятом и начатом деле быть и идтить вдаль для лучшего вреда неприятелю и о всех неприятельских намерениях выведывать».

Мучительно размышлял царь о неудачной попытке пробиться к морю. «Там ли сделан первый шаг?» — думал он, глядя на карту. Не всегда короткая дорога к цели самая верная и

надежная. Перевел взгляд на северные земли. Там пока единственная тропинка к морю, ее оберегать надобно. Давненько зарятся шведы на северные морские ворота России. Добро, царь, бывал там прежде. Немедля отправил в Двинское устье стольника Сильвестра Иевлева.

— Крепость сооружать почнешь на острове Линском, — ткнул Петр в карту, — не ожидая, покуда снег сойдет. В помощь тебе инженер едет, Егорка Резин. Людишек две тыщи возьмешь с двинских городков, камень привезут монастыри. О всем помянутом указ послан воеводе Прозоровскому. Сведущ там во всех делах и расторопен архиерей, блаженный Афанасий, его слухай. Ежели заминка, отписывай мне. К лету стены выложишь, шведских гостей ждите. Ступай.

С берегов Белого моря взгляд Петра опять возвратился к Балтике. Здесь придется ломать новую брешь к морю. Лучше всех эти места ведает Петька Апраксин. Сотни пушек успел перекупить у шведов за два года. Вызвал воеводу в столицу, расспрашивал.

— Приметил я твоего стольника Ваньку Татищева. Прошлым летом он зело успешно пушки торговал у шведов в Ругодиве, Ревеле, Ниеншанце.

— Водится, государь, такой грешок за ним, верный слуга тебе и отечеству. А кроме того, любознателен и смекалист.

— Нынче же пошли его на Ладогу и Волхов, пускай шесть сотен стругов соорудит али у жителей раздобудет. Нам шведов воевать в Невском устье неизбежно.

Апраксин откланялся, но Петр остановил воеводу:

— Вскорости отъеду на Воронеж к твоему братцу, ежели надумаешь, переправь письмецо с Данилычем.

В Воронеже царя ждали. К его приезду отделали государев дворец в Нагорной части, построили отдельные избы для Меншикова и Головина. Апраксин вместе со Склаевым придирчиво осматривали «Предистинацию».

— Мотри, Федосей, государь сюда первым делом нагрянет. Сам ведаешь, его первый детинец.

— Ведаю про то, господин адмиралтеец, — ухмыльнулся Склаев, — Петр Алексеич, как ни приглаголивай, отыщет зазубрины.

— Но, но, ты не шуткуй, гляди-ка, на втором деке еще и

орудийные порты не прилажены. Попадет нам с тобой, тем паче государь-то, видно, не в духе.

Всего четыре месяца прошло после нарвской неудачи, и предположения Апраксина были закономерны. Но на этот раз адмиралтеец не угадал.

Петр приехал солнечным полднем, как раз на равноденствие. Улыбаясь, он жмурился на солнце. Окинув взглядом Апраксина, Крюйса, Реза, Игнатьева, подозвал стоявшего чуть поодаль, рядом с иноземными мастерами Склеява:

– Ну-ка, Федосей, похвались, веди на Божий корабль.

Царь поманил англичан Ная и Козенца, похлопал их по плечу:

– Обжились на Воронеже? Ну и слава Богу. Айда с нами на корабль.

Едва поспевая за размашистым шагом царя, Апраксин в душе радовался: «Петру Алексеичу, стало быть, любо по-прежнему корабельное дело».

И в самом деле, едва взбежав по трапу на «Предистинацию», царь, казалось, забыл обо всем окружающем. На верхней палубе сразу подошел к фок-мачте. Там как раз плотники устанавливали первую снизу фор-стенгу. Скинув кафтан, он тянул тали, подводил к месту оструганное, без единого сучка, бревно, командовал, поругиваясь, пока стеньга не стала на место и ее не стали крепить к мачте.

Все это время сопровождавшие неловко переминались, переглядывались. Только Склеяв, Апраксин и Меншиков последовали примеру царя. Сбросили кафтаны, схватились за оттяжки и тали.

Довольный Петр вытер рукавом рубахи лоб, кивнул Головину:

– Федор Алексеич, ступай с Апраксиным и Крюйсом, оглядывай кумпанские корабли, а я тут задержусь.

В следующие дни поехали в Ступино, Чижовку, Коротояк, оценивали пригодность «кумпанских» кораблей. Итоги оказались печальными. Из двадцати пяти кораблей только девять годились к службе, да и то требовали доделок.

– Остальные суда, которые негодные вовсе, разобрать, другие переделать под провиантские, пускай послужат, – окончательно решил царь.

Каждый день теперь он пропадал на «Предистинации», а Апраксину дал задание:

– Готовь к спуску «Черепажу», яхту и «кумпанские» корабли, которые годные.

Зима выдалась малоснежная, в половодье река в некоторых местах не дошла до стапелей, корабли так и остались ждать следующей весны, сиротливо выступая на киль-блоках.

– То ли дело на море, – недовольно сопел Крюйс, – всегда ветерок нагонит воду на верфи, нет такого сраму.

В эту весну спустили только пятидесятипушечную «Черепажу», двенадцатипушечную «Святую Наталью» и два сорокапушечных «кумпанских» корабля.

Как всегда, церемония кончилась празднеством. За столом никто не вспоминал о неудаче под Нарвой, но Петр сам начал разговор:

– Нынче мы против турка готовим силу на море. Пускай видит, мы не таимся. А что Карл нас под Нарвой поколотил, ему спасибо, мы умней стали. Погодим малость да с другого боку к нему зайдем.

Апраксин сидел рядом с царем, слова царя пробудили у него мысли, которые он давно вынашивал:

– Петр Алексеич, дозволю умишком скудным присоветовать?

– Валяй, Федор, мы, чай, свои, компанейские.

Адмиралтеец начал издали:

– Ты, Петр Алексеич, прежде баил, тебе Азов морем воевать близко и любо потому.

– Было дело, што с того? – вскинулся Петр.

– Слышал я в Москве, што братец Петруха на Ладого на Волхове ладит струги.

– Есть такая задумка, – запыхтел трубкой Петр.

– Так я к тому, Петр Алексеич, ежели шведа турнуть с Онеги?

– Коим разом туда добраться? – удивился царь.

Апраксин хитро улыбнулся:

– В бытность на Соловках сказывали мне монахи, есть такая деревенька Нюхча, напротив Соловков. От нее до Онеги волокут в кою-то пору они свои лодьи да к Ладого, потом плавают до Канцев шведских подле Невы.

Петр слушал молча, уткнувшись в тарелку, ковырял вилкой, потом отложил ее, глаза смотрели приветливо.

— А ты, я погляжу, на Двине-то не зря сидел, спасибо. — Налил бокал Апраксину, рядом сидевшему Головину. — Здравие адмиралтейцу нашему!

Почти месяц, с перерывами, Петр корпел над чертежами нового, самого крупного восьмидесятипушечного корабля.

Дневал и ночевал царь в своей рабочей избе рядом с верфью вместе с Склеевым. Частенько на ночь отпускал Меншикова. В эти вечера Апраксин обычно зазывал Данилыча в гости, избы стояли рядом. Засиживались за полночь, было что вспомнить, о чем поговорить. Как-то получилось еще с Плещеева озера, что прониклись они взаимной симпатией, часто без утайки делились сокровенным, давно крепко уверились друг в друге, несмотря на разницу в возрасте и положении. Меншиков не стеснялся, запросто затевал и деликатные разговоры, за что знатные бояре его чурались, обхридили стороной.

— Слыхал я, Матвеич, ты до сей поры без баб здесь находишься? Не возьму в толк, как тебе терпится?

Апраксин потягивал вино из бокала, отшучивался:

— Наперво, к сему не приворожен я, да уж и пятый десяток разменял. Баб лучше не трогать. Ты-то сам, гляжу, тож по девкам не бегаешь?

Меншиков заржал:

— Ты-то откель ведаешь? Умеючи надобно. — Залпом осушил бокал, зачавкал моченым прошлогодним яблоком. — А так-то ты верно рассказываешь. — Меншиков оглянулся на дверь, зашептал: — Бабы, они все дрянь. Сам-то вон благоверность к Монсихе питает, а эта курва хвостом виляет.

Апраксин закашлялся:

— Знать, верный слухок мне братец нашептал в Москве насчет саксонца-то?

Меншиков, нахмурившись, прижал палец к губам, молча кивнул головой, схватил штоф и захлеб выпил остатки...

В конце мая заложили на верфи новый корабль по царским чертежам. Петр торжественно объявил:

— Нарекаем его по имени нашего первенца «Старым Орлом», а главным строителем назначаем Федосея.

Рядом на соседних стапелях заложили два семидесятипушечных корабля, и царь поручил строить их молодому англичанину Козенцу, которого давно звал в Воронеж.

Спустя две недели, в начале лета, Петр уезжал к войскам. Накануне собрал всех адмиралтейских чинов.

— Султан во сне видит, как бы ему вернуть Азов, изгнать нас из Рога Таганьего, устья Донского. Потому и флот Азовский крепить будем далее непрестанно новыми судами. Господин адмиралтеец, изволь своих адмиралов прихватить, — царь кивнул на Крюйса и Реза, — и на построенных кораблях отправиться к Азову. В море стражу выставить, обустройства крепости, оборону держать от крымцев.

...Все корабли на Азовском море Апраксин разделил на два отряда, под командой Крюйса и Реза. Поочередно корабли несли дозор на дальних рубежах. Новый азовский воевода Степан Ловчиков, родной дядя Апраксина по матери, похвалил племянника:

— По весне турецкие посудины близко к устью и Таганрогу хаживали. Наши капитаны не могли управиться с починкою за зиму, да и устье обмелело, ветер воду согнал. Теперь-то надежда с моря верная, и крымцы, гляди, уже не осмеливаются близко подступать.

Все лето мотался Апраксин то в море, то в Таганрог, в Донское устье. На кораблях недоставало матросов, особенно ощущалось это в шторм при работе с парусами. Когда выбирали якорь, офицеры становились к шпилью. Крюйс кричал на командиров, те разводили руками. Апраксин посылал на корабли рекрутов из полков. Только толку от них поначалу было мало. Первую кампанию они испуганно прижимались к палубе, хватались за любую снасть мачты, боялись взглянуть за борт. В шторм не помогали ни зуботычины, ни линьки¹, прятались по закоулкам...

В Донском устье на случай нападения перекрывались наглухо сваями и цепями все рукава, кроме северного, Кутюрмы. Таганрог и Троицкая крепость опоясались каменной стеной с бойницами.

¹ Л и н е к — короткая веревка, употребляемая в морском обиходе, использовалась и для наказания.

Возвращаясь в Азов, адмиралтеец каждый раз читал почту. Из Воронежа писал Игнатьев. Лето выдалось холодное, дождливое, на людей нашел мор. «Машлихтовый мастер Питас Ян волею Божию умер августа 27 числа и я приказал надсматривать за плотниками и довершить Яну Ренсу, — доносил помощник адмиралтейца. — А Федосей Склаев, Гаврило Меншиков, Тихон Лукин, Степан Городничий, Василий Шипилов, Савва Уваров зело больны. Также Осип Най, Козенец, Ян Терпилий зело болезнуют. Мачтовый мастер Самойло Реймс с подмастерьями зело болезнуют». «Никого не милует хвороба, — вздыхал Апраксин, — ни наших, ни пришлых».

«А из матросов три доли больных. Также и из плотников у государева корабля только 40 человек работает, а 65 человек больны».

Своими печальми Апраксин делился с воеводой. Как-никак близкий родич, хотя и старше почти на два десятка годов:

— Вишь, Степан Богданович, болезнуют мои корабли на верфях поголовно, людишки все под Богом ходят, дело-то стоит, а государь по осени спросит.

Ловчиков совсем далек был от корабельного строения, успокаивал племянника:

— Твоей-то вины нет, Федор, чаю, отпиши государю, он поймет.

— Пиши не пиши, а дело поправлять мне придется.

В конце лета пришла добрая весть из Москвы. Сам царь делился радостью по поводу событий на севере, в Двинском крае. Упоенные легкой победой под Нарвой, шведы задумали совсем оттеснить русских от моря.

Весной 1701 года Карл XII самонадеянно бросил первому министру графу Пипперу:

— Упрячем царя Петра в его болотах навечно. Пусть навсегда забудет русский мужик о море. Пошлите эскадру Шеблат к Архангельску. Сжечь дотла город, порт, верфи. Никого не жалеть.

Все предусмотрел шведский адмирал Шеблат. И эскадру снарядил добротную из семи кораблей, и флаги поднял на них английские и голландские, чтобы обмануть русских. Но этот самый мужик и обломал шведам зубы в первой стычке на море. Жертвуя жизнью, привели архангельские поморы кораб-

ли неприятеля под крепостные пушки, перехитрили врага. Потеряв корабли, Шеблат ретировался несолоно хлебавши...

Собственно, это было первое поражение шведов в начавшейся войне, и потому радость успеха переполняла сердце царя. С кем поделиться в первую очередь? Конечно, с бывшим воеводой двинским, близким человеком. «Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, — волнение царя передалось и Апраксину, — что нынче учинилось у города Архангельска зело чудесно...»

«Слава тебе Господи, — вздохнув, перекрестился Апраксин, — наконец-то супостата отвадили». Ликовал адмиралтеец вдвойне, как-никак, а шведа побили в местах, где и он внес свою лепту в оборону. Невольно вспомнились годы, проведенные в Двинском крае. «Верняком и отче Афанасий приложил руку к той виктории».

В Москву Апраксин ехал с докладом по вызову царя. Добрался в сумерки. Аккурат к Рождеству. На заставе в Замоскворечье послышалась пушечная пальба. Апраксин высунулся из возка, крикнул стражнику у рогатки:

— Пошто пальба-то?

— Нынче, барин, шведа поколотили, государь велел празднику быть, — с трудом шевеля языком, объяснил подвыпивший стражник.

На Красной площади всюду горели площадки, жгли костры, жарили баранов, на длинных столах стояли закуски, ведра с медом, бадьи с пивом, виночерпий ковшом наливал из бочки вино, отталкивая упившихся.

Родное подворье встретило приятной неожиданностью. Не успел Федор выбраться из тулупа, двери сеней распахнулись, и он оказался в объятьях Петра и Андрея.

— Братуха! В кои годы свиделись!

Наверху лестницы стояла мать, опершись на палку. Рядом поддерживала ее за руку Пелагея. Федор взбежал, тревожно забило сердце: «Совсем бабы оплошали».

— А я, братец, бобылем нынче. Женка в Новом Городе пребывает, сынком меня одарила, — похвалился Петр за столом.

Федор добродушно ухмыльнулся:

— Теперя есть кого гостинцами угощать. Ты-то по какому случаю в Москве?

– Государь велел спешно быть, гонца прислал. Завтра-послезавтра призовет. Ваньке Татищеву тоже наказал быть.

– Который струги ладил?

– Он самый. Расторопный, воеводой у меня в Кашине правил исправно. Государь его приметил, когда он пушки торговал у шведа...

Первым к царю вызвали старшего брата. В светлицу вошли вместе с Иваном Татищевым.

– Молодец, новгородец, – похвалил царь старшего Апраксина, – не спишь, летось шведу покою не давал, подмогу Шереметеву учинил. В сем лете також будешь в Ингрии с полками. – Петр поманил Апраксина к карте. – Отсюда твои полки отвлечь шведа должны. Сызнова вместе с Шереметевым покою неприятелю не давать, а при случае и побить знатно. – Петр поманил Татищева и продолжал водить пальцем по карте. – Другое дело великое на новгородский приказ возлагаю. Ты, Иван, нынче же, без мешкоты поезжай к Ладогe, на речку Сясь, пройди от верховья до устья. Сыщи, где поудобней место для верфи корабельной. Тут же с воеводой имайте людишек, плотников да кузнецов по уездам, лес вали, руби верфь. По весне заложишь полдюжины кораблей. Указ о том получите днями...

Федор Апраксин, пока суть да дело, наведалься в Приказ воинских морских дел. Как раз застал там своего начальника и старшего товарища. Генерал-адмирал Головин запросто обнял тезку.

– Замотался я, Федор Матвееч, – с одышкой, с трудом переводя дыхание, пожаловался начальник Приказа морского флота, Посольского, Ямского, Монетного двора, Оружейной, Золотой и Серебряной палат, – не знаешь, куда с утра голову приложить. Государю во всех делах помочь надобно, а ты сам знаешь, воруны всюду водятся, коровят урвать у державы.

Выслушав Апраксина, вздохнул, проговорил с сожалением:

– А я-то с той поры, как на «Крепости» побывал, в море и не хаживал. А нет-нет да и похочется на волнах ветра свежего прихлебнуть. – Генерал-адмирал понизил голос: – В нынешнюю кампанию отправлюсь с государем в Архангельский, там на кораблях море-то попытаю.

– В моих прошлых вотчинах побываешь, Федор Алексеич, кланяйся там архиерею, в дружбе с ним состоял.

– Непременно. Я чуть не позабыл. Поедем-ка нынче в Сухареву башню! Проведаем диковинку знатную государеву – школу Навигацкую. Тебе тоже надобно видеть, где нынче куют российских кумандиров флотских да штурманов...

Вечером опять сошлись три брата Апраксиных. Старшие братья помалкивали, слушали Андрея. Больше года не были они в родных местах, все их интересовало.

– Нынче третье Рождество по-иному отмечаем, знатно, весельем прилюдным, с гульбой. По случаю виктории Шереметевой опять же празднество.

– Знамо, – перебил, насмешливо улыбаясь, Петр, – под Нарвой-то он задницу шведам показал без боя, а теперь оправдался. Данилыч к нему поскакал, государь пожаловал его фельдмаршалом и Андреем Первозванным.

– То след, – добродушно порадовался за приятеля Федор, – Борис Петрович основательный воевода, без поспешности, но своего не упустит. А пошто, Андрейка, на площади Красной скоморохи на подмостках кривляются?

– Государь повелел киянтер сподобить для увеселения народу, по иноземному обычаю. На Москве с каждым годом иноземцев прибавляется, осмелели, наглеть починают.

Разговор свернул в сторону после реплики Федора:

– Государь-то к ним благоволит.

Андрей криво усмехнулся:

– Доверчив он, будто дитя малое. Сам-то все в отъезде, а его зазноба на Кукуе шашни бесстыдно водит. Пол-Москвы об этом толкует, а Петру Алексеичу невдомек...

Разговор Петра с адмиралтейцем получился обстоятельным. Начали с кораблей. Первым делом Петр спросил о «Предистинации».

– Малость застопорилось, Петр Алексеич. – Апраксин видел, что царь нахмурился. – Плотников, искусных в отделке, нынче в Воронеже нет, которые были, померли от болезней, иные хворают. Не каждому на твоём корабле доверить работу мочно. Федосейка два месяца хворал, а без него ни один гвоздик на корабле не забьют.

– Сие правда твоя. Что на «Старом Орле»?

Петр дотошно допытывался о каждом корабле, как о своем детище, интересовался делами в Азове, Таганроге.

— С матросами и особо офицерами на кораблях в Азовском флоте худо, государь. Иные корабли в море отправить немочно, экипажа нет.

— Ведаю про то, — нервно оборвал Петр. — Отбери преобразенцев сотню-другую из бывалых, которые в Москве, обучай в Воронеже. А по весне у тебя заберу Крюйса, Памбурга.

— Ей-ей, государь, — взмолился Апраксин, — в море-то кто поведет кораблики?

— Пришлю тебе офицеров, сам поведешь. Мню, нынче султан в море утвердится. А мне эти люди потребны. Сам ведь бал про Нюхчу? То-то, в кампанию туда двинемся.

— Великое дело замыслил, государь.

— Слава Богу, уразумел. На Воронеже спустишь на воду те кораблики, что я указал. Еще поймей в виду, адмиралтеец, вскоре на Северном море почнешь заботиться. Чаю, тебе братец похвалился?

— Есть малость, Петр Алексеич, мы друг дружке доверяем.

— Так ты не откладывай, точи блоки, юнферсы, канаты для такелажа плети. Указ тебе будет.

Разъезжались Апраксины в разные стороны: Петр на север, Федор на юг. Следом в Новгород пошел царский указ: «1702 год января в 22 день. В.Г. указал по своему В.Г. имянному указу во оборону и на отпор против свейских войск на Ладожское озеро сделать военных 6 кораблей по 18 пушек на корабль из новгородского приказа, которым быть в полку ближнего окольничего и воеводы Петра Матвеевича Апраксина с товарищи и делать те корабли на реке Сяси, которая впадала в Ладожское озеро от Ладоги в 30 верстах, у дела тех кораблей быть из Великого Новгорода Ивану Юрьеву сыну Татищеву».

Весна 1702 года выдалась, как никогда, полноводной. Строго следуя указу Петра, адмиралтеец в сердцах чертыхался Игнатьеву:

— Тако государь-то повелит, а по делу другое выходит. Надобно бы все кораблики со стапелей на воду сбрасывать. Когда еще такая вода прибудет?

— Решайся, Федор Матвееч, — советовал помощник, — другого случая может не быть.

— Тебе-то легко языком, а мне по шее влетит...

Другого случая и в самом деле не будет. Несколько кораблей останутся на суше доживать свой век на киль-блоках, так и не коснувшись воды...

На свой страх и риск решил адмиралтеец перевести «Предистинацию» и «Черепашу» из речки Воронеж к устью, где она впадает в Дон. В последние годы Воронеж обмелел, и корабли едва не ложились на борт, если не ставить подборки с бортов.

Прибыли два полка охраны верфей от набегов татар, но в Москве почему-то указали им рубеж обороны чуть ли не под Харьковом. Опять поступил по своему разумению, разместил полки поблизости от верфей. О всех событиях донес царю, который с полками был где-то на пути к Архангельскому. «На Воронеже милостию Божией все благополучно и вода была превеликая, какой давно не бывало, и кораблей выведено на устье 11, да еще ведут 2 корабля, «Божие предвидение», трудов твоих государевых, да «Черепаша» строения Осипа Ная. Только безмерно жалею, что сей весны не отпустил в Азов, зело Государь времени и воды жаль. Еще милости твоей доношу: по указу твоему велено быть полкам для охранения Украины и стоять им велено в Рыбном, а по моему размышлению пристойнее им стоять в близости от Воронежа, чтоб верстах 10, или как воля твоя для охранения флота, дабы злодей мусульманин какой хитрости не учинил».

Провожали в Архангельский Крюйса и Памбурга, те недоумевали. «Для какой цели?» Апраксин, шутя, успокаивал офицеров:

— Там не Воронеж, государь вам скучать не даст, шпагами баловаться времени не будет.

Вчерашние морские забияки хохотали, не подозревая, что одному из них судьба уготовила смерть от шпаги в тех местах.

По указу царя Апраксин отправил на Белое море сотню матросов и сам схватился за голову. Настало время самому плыть с кораблями к Азову, а экипажей кот наплакал.

«Умилосердись, государь, – слезно просил, – прикажи нанять матроз, ей-ей смертная нужда, и русские в расходе у города Архангельского 120 человек, в Азов послано 150 человек, умерло человек с 150.

Об офицерах и писать не смею, сотвори Государь милость, ей-ей нужда».

Покидая устье, наказывал помощнику:

– Гляди особо, Петро, за «Предистинацией». Склеюу штоб отказа в работных людях не было.

Прощаясь с добрым пособником и товарищем, не знал, что видится с ним в последний раз.

В Черкассах отряд Апраксина встречал капитан Бергман, тот докладывал:

– Все исполнено, как ты указал, господин адмиралтеец. На стражу отрядили один корабль, другой на смену держу. Остальные без матросов, и канониров нет вовсе. В Таганрог доставляем припасы, исправляем суда, что в зиму пообветшали.

– Чинишь-то где, в Азове?

– Более негде, тут все под рукой.

– Там как дела?

– Все в порядке, токмо воевода Ловчиков занемог, свалился, вторую неделю дома лежит. Управляемся без него.

В Азове первым делом Апраксин поехал к больному дяде. Старик лежал в постели, виновато улыбался, шелестел:

– Удар меня свалил, Феденька. Невмочь ни рукой правой, ни ноженькой шевельнуть. Нынче-то ножка отходит помаленьку.

– Не тормошись, Степан Богданович, отлеживайся, я нынче здесь останусь до осени, разберемся.

В тот же день с помощниками осмотрел крепость, проверил орудия, запасы пороха. Бергману велел готовить галеру:

– В Таганрог завтра пойдем.

Но утром со стороны азовского гирла раздались три пушечных выстрела, спустя час прискакал казак сторожевой заставы:

– Так что два турка пришли с моря, сказывают, товары привезли. Досмотрели те суда, по две пушки на них, более зелья не видать.

«Доброе начало, – размышлял Апраксин, – стало быть, султан о торге заботится». Распорядился Бергману:

– Отправь к устью толкового капитана на яхте, пускай турецких гостей проводит к Азову.

Оказалось, турецкие суда привел грек, капитан Стоматия, привез разные товары, пряности торговать. С Апраксиным греческий капитан откровенничал:

– Нам торговать с вашим краем выгодно, мы всегда рады. Только хан крымский противится, подбивает Муртозу-пашу в Керчи не пускать нас с товарами.

– Торг должен к выгоде вам быть и нашим купцам, – выслушав грека, ответил Апраксин, – любо, ежели обе стороны выгодой располагают. – А сам размышлял: «Сей миг невозможно упускать. Через торговлю мир с турками укрепим. Наши гости купеческие выгоду обретут, державе на пользу».

Не отлагая, Апраксин снарядил два корабля с товарами. Командира «Благого начала» капитана Лоби наставлял:

– Ты – первый наш торговый человек к туркам идешь. В Керчи не скупись на подарки, одаривай Муртозу-пашу. Просись идти в Константинополь, надобно нам через проливы в теплые моря подаваться, торговлю обустраивать...

«Благое начало» с первым попутным ветром подняло паруса, а галера с Апраксиным, лавируя между отмелями, ушла к Таганрогу. Там день и ночь наращивали крепостные стены, рубили срубы из бревен, опускали на дно, заполняли камнями, сооружали защитный мол для гавани...

Вернувшись через месяц в Азов, Апраксин разбирал почту. Первое же известие ошеломило. Скоропостижно скончался в Воронеже верный товарищ по адмиралтейским делам Игнатьев. Получил первую весточку от царя из Архангельского. Сокрушался царь, что не все суда в Воронеже спущены со ступеней, обещал прислать матросов, передавал поклон дяде.

«Отписать бы надобно, печется Петр Алексеич о делах».

Поначалу отписал о Таганроге: «Доношу тебе, Государь, в Троицкой милостию Божиею благополучно и дела по воле твоей строятся». – Теперь и о своих печалях можно. – «Болезнь дяди прибавила хлопот излишних. И о себе Государь доношу, товарищ мой Петр Игнатьев волиєю Божиею скончался и что ныне на Воронеже делается, Бог весть».

Апраксин прислушался, в соседней комнате стукнул кость, дядя пытался встать. Крикнул Козьму:

— Пойди к воеводе, подмоги, в чем надо.

Распечатав следующий конверт, вздрогнул. Андрей сообщал о кончине Пелагеюшки. Все случилось враз, сообщал брат, сначала пошла кровь горлом, потом схватило кишки. Ездили за лекарем на Кукуй, тот приехал, развел руками, внутренности, мол, прорвало напрочь, лекарства не помогут. Похоронили ее честь честью.

Не дочитав, опустил руки, зарыдал... Потом писал сквозь слезы ответ. «Куда денешься...» Перечитал написанное, присыпал песком. Завтра почта повезет письма в далекую Москву, потом на Двину. Где-то там в Ингрии старший брат службу правит. Спохватился: «Надобно в церковь пойти завтра папихиду отслужить по Пелагеюшке».

Ладожский воевода окольный Петр Апраксин с самого начала войны оборону от шведов в своем крае держал надежно. Правда, досаждала безнаказанная наглость шведского вице-адмирала Нумерса. Вход в Неву из Финского прочно охраняли две шведские крепости — Ниеншанц и Нотебург. Нумерс свободно ходил с кораблями из Швеции до Кексгольма по Ладожскому озеру. Базируясь со своей флотилией в Выборге, он с наступлением лета обычно заявлялся с десятком бригаantin, галиотов и опустошал незащищенные русские деревеньки на восточном берегу озера.

Покуда Татищев был занят судостроительством стругов, Петр Апраксин, не ожидая царского указа, решил действовать.

— Будет Нумерсу, отвадим его от нашего бережка.

В мае, как обычно, флотилия Нумерса объявилась в Нотебурге, потом перешла на север в Кексгольм и начала грабить и жечь русские селения на восточном берегу.

Апраксин вызвал полковника Островского, разработали план.

— Бери сотни четыре солдат, сажай на струги. Нынче объявился Нумерс у Вороны. Прихвати с собой, кроме пицалей, фальконеты и дай заправку шведу.

Островский соскучился по настоящему делу, на стругах его солдаты возили припасы, провизию.

— Подождем, пока стихнет ветер, — прикинул Островский, — тогда мы Нумерса без опаски настигнем. А мои солдатушки не подведут.

Июньские ночи здесь светлые. Батальон двинулся в путь ближе к полуночи, когда солнце опустилось к горизонту. Пробирались скрытно, вдоль берега.

После очередного разбойного набега флотилии Нумерса отсыпались на рейде в устье Вороны.

— Одна, две, три бригаантины, — подсчитывал Островский в утреннем мареве.

Солнце не взошло. Легкий ветерок изредка рябил гладь озера.

— Значит, всего осем посудин. Заходить будем с двух сторон. Пицалами борта скрозь не порушить, а людешек пошерстим, бить будем в упор, — передавал по цепи полковник.

Шведов крушили сонными. Перебили для начала гребцов, спавших вповалку на двух небольших лодках. На бригаантинах и галиотах поднялась паника, забегали матросы. Одного за другим их снимали меткими выстрелами. Шведы заполошно тянули канаты якорей, низко пригибаясь к палубе. Потом начали отстреливаться из пушек. Островский приказал отходить. Спросонья шведы, не разобравшись в обстановке, заспешили убраться восвояси. На флагманской бригаантине «Джоя» зияли дыры в парусах, болтались перебитые снасти, в трюме корчились раненые, на палубе лежали убитые. Следом тянулась шнява «Аборес» не в лучшем виде.

Спустя почти два месяца Апраксин послал полковника Тыртова на тридцати стругах на главную базу шведов Кексгольм. Теперь на стругах установили фальконеты.

— Перед тем пройдешь вдоль берега шведского, повороши ихние места. Они вовсе порошу не нюхали, — приказал Апраксин Тыртову. — Потом Нумерса вызволили из Кексгольма, старайся подгадать в штиль.

Все началось по замыслу. И шведов на побережье поугаля, и флотилию выманили из базы. Как раз заштилело. Паруса у шведов обвисли.

— Братцы, навались, — крикнул Тыртов, обнажая саблю, — возьмем шведа на абордаж!

Шведы открыли огонь из пушек, отстреливались из мушкетов. Но через несколько минут русским удалось сцепиться с пятью шведскими судами. Они ринулись на палубу, и завязалась рукопашная. В начале боя картечью сразило полковника Тыртова, однако солдаты не растерялись, а полуполковник бросился в гущу схватки. Тогда две шхуны сожгли, две пленили, одну потопили.

Потеряв триста человек, не испытывая больше судьбу, Нумерс покинул озеро и ретировался в Выборг. И это было как раз на руку замыслу Петра...

В первых числах августа на рейде Архангельского развевались тринадцать российских вымпелов. Эскадрой командовал Крюйс. Среди судов красовались два новеньких двенадцатипушечных фрегата, первенцы баженинских верфей в Вавчуге. Две недели назад царь торжественно принял их в состав российского флота. Один назвали «Святой дух» и отдали под команду Памбурга, второй, «Курьер», принял капитан Ян Валрант. В эскадру включили два трофейных шведских фрегата, захваченных год назад в Березовском устье, да еще арендованные русские и иностранные купеческие суда. На борту судов разместились четыре тысячи преображенцев и семеновцев, пушки с припасами, провизия. На флагманском «Святом духе» Петр собрал генералов, полковников, капитанов. Здесь же сидел принятый на службу французский инженер генерал Ламбер.

— Нынче отбываем на Соловки. Всем повестить, што идем воевать норвегов. Надобно, чтоб неприятель нас не упредил...

На Соловки флотилия прошла без происшествий. Погода была на славу. Петр не уходил с верхней палубы, посматривал за корму, оценивал действия Крюйса, капитанов.

На Соловках флотилия пробыла меньше недели, ждали лишь преображенца сержанта Щепотьева. По заданию царя он больше месяца прокладывал дорогу от Нюхчи к Онежскому озеру. Тысячи мужиков рубили просеки, стелили гати на болотах, мостили речки. В середине августа Щепотьев пришел на карбасе, отчеканил:

— Дорога излажена, государь.

В Нюхчу перешли быстро, без суеты. Готовили к перево-

локе оба фрегата. Когда их подвели к устью небольшой речки, чтобы тащить на берег, случилась беда.

С первой встречи Памбург и француз Ламбер не сошлись характерами. Капитану претили изысканные манеры генерала, его ирония и насмешки, часто не по делу. Схватывались они частенько по мелочам. «Святой дух» разгружали, чтобы вытащить на сушу. Ламбер все время вмешивался в распоряжения капитана.

После обеда царь с Крюйсом сошли на берег, а два соперника заспорили, разгоряченные вином. Выскочив на палубу, схватились за шпаги. Ламбер оказался удачливее, заколол Памбурга.

Запыхавшийся Меншиков отыскал Петра и Головина за сотню сажений от уреза воды и выпалил без остановки:

— Государь, тово, Памбурга закололи, Ламбер его уколол на шпагах.

Петр без кафтана, в одной распущенной рубахе, только что кончил тянуть с преображенцами карбас. Выругавшись, он размашисто, чуть не бегом, помчался к «Святому духу». На верхней палубе, распластавшись, лежал Памбург. Лекарь разорвал окровавленную рубаху, на обнаженной груди слева чернела небольшая рваная дыра.

— В аккурат, государь, под сердце, — поднимаясь с колен, сказал лекарь.

Петр перекрестился, мрачно взглянул на стоявшего в стороне мертвенно-бледного, удрученного француза.

— По делу, надо бы покойника за ноги повесить, а тебя за шею. Да Бог простит, иноземцы вы оба. — Царь страшно захрипел от гнева. — Надо же, не в бою с неприятелем, а здесь живота лишиться человеку! На службе оба, поди, государевой, а спесь свою выше долга вознесли. Будь моя власть, обоих бы колесовал.

Петр подозвал Крюйса:

— Сбирайся с остатными судами, Памбурга в Архангельском схорони. Тебе отправляться время. Вскорости Двина встанет.

По пути на Соловки царь озабоченно задумывался, советовался с Головиным:

— Нужда у нас, Федя, великая в матросах и офицерах, сам

ведаешь. Пошлем Крюйса в Голландию сыскивать добрых моряков. Отпиши в Москву и Матвееву в Гаагу. Пускай за деньгами не стоят. Флот вскорости не токмо в Азове, здесь подымать надобно. Одних матроз тыщу на первый случай понадобится. По весне пошлем своих русаков на выучку в Голландию...

— В казне, государь, не густо.

— Пошукай, Федя, накинь по гривеннику какие подати...

На исходе лета вековую тишину дремучего Заонежья расколол грохот. Через болота, речки, озерки, леса по просеке двигалась армада полков. Волочили на своих плечах пушки, припасы, суда.

Вязли ноги в раскисшей от дождей почве. Сырость и непогода несли недуги. На двенадцатый день показался Повенец, засверкало Онежское озеро, полутора тысячами могильными крестами обвеховалась «осударева дорога»...

На Онежском озере дело пошло веселей, пересели на карбасы, фрегаты, струги. Ладога встретила неласково, начались осенние штормы. Но здесь порадовал Федор Салтыков. Десятки новых, добротных стругов, построенных на Сяськой верфи, вторую неделю ожидали войска.

Взобравшись на громадный валун, Петр, сняв шляпу, пристально вглядывался в непроницаемую даль. Глухо шумел прибой, штормовой ветер трепал волосы, каскады брызг холодили лицо.

— Бурю переждем, — крикнул он стоявшему внизу Головину, — генерально, што Апраксин выдворил Нумерса. К Нотебургу без опаски пойдем. Татищев с Салтыковым молодцы, лодьи изготовили.

Петр уехал вперед, оставив за себя Головина:

— Бери команду на себя, фельдмаршал, дожидайся погоды. Я поскачу к Нотебургу, там со дня на день Шереметев должен быть.

Наконец-то засеребрилась долгожданная Нева.

— В устье Невы Ниеншанц, — докладывал Шереметев, — за ним Финский залив. Нотебург перекрыл путь, у шведов полторы сотни пушек. В Неву на лодках не пройдешь.

— А мы перехитрим шведа, — ухмыльнулся царь, — возьмем его в мышеловку. Надобно отсечь Нотебург от моря. Про-

рубим в лесу просеку, переволочем полсотни лодок из Ладоги в Неву. Запрем крепость снизу. Пускай ведают, отступать им некуда.

Нотебург оказался в плотном кольце. Сдаться без кровопролития шведы отказались. Загрохотали девяносто орудий и мортир. Все заволокло дымом. Батарей скрылись в пороховом мареве, а над крепостью поднялись черные клубы пожара. На второй день из крепости вышел барабанщик с белым флагом. Огонь на время затих.

Прочитав письмо парламентаря, Петр, не скрывая смеха, передал его Шереметеву:

— Почитай, каковы женки шведские хитры. Комендантша просит отпустить ее со своими дамами, «дабы могли из крепости выпущены быть ради великого беспокойства от огня и дыму и бедственного состояния».

Петр крикнул писаря и начал диктовать:

— Пиши дамам. Бомбардирский капитан Петр Михайлов не отваживается передать их просьбу главнокомандующему. Понеже ведает он подлинно, что господин его фельдмаршал тем разлучением с мужьями их опечалить не изволит... а любезных супружников своих вывести купно с собой.

Петр назначил штурм на Покров день, командиром определил семеновца полковника Михаила Голицына. На рассвете лодки с охотниками двинулись к крепости...

Атакующих встретил залп картечи. Шведы бились насмерть. Что-то не ладилось у семеновцев, попятились к берегу. Голицын, матерно ругаясь, подбежал к ним, сталкивал лодки в воду:

— На хрен вам задницу шведу показывать!

Выручил Меншиков, отобрал рекрутов.

— Мин херц, дозволю. Зазорно ретироваться, подмога нужна свежая, преображенцы рвутся, засиделись...

Мрачный Петр, не оборачиваясь, махнул рукой:

— Добро.

Ход штурма переменялся. Лучи заходящего солнца освещали белое полотнище на крепостных стенах. Шведы капитулировали...

В тот же день отправляли пленных, хоронили убитых, подсчитывали трофеи. Потом начались торжества.

— Назовем сию крепость по праву Шлиссельбургом¹, — сказал, открывая застолье, Петр, — ибо она есть ключ к нашему морю Балтийскому. Поручику Меншикову быть комендантом сей крепости.

И на пиршестве не забывал Петр о делах. Между тостами делился мыслями с Шереметевым, Головиным, Меншиковым.

— По весне, Борис Петрович, воевать будем Ниеншанц, за ним Фикусов залив и Балтика. По воде корабли надобны. Днями поедem на Свирь, поглядим, где добрую верфь ладить. Заодно и к Татищеву наведемся. Ты, Данилыч, головой там будешь. Да и здесь, в Шлиссельбурге, не зевай. В зиму карбасы сооружай, лед сойдет, по Неве поплывем.

В устье Сяси, неподалеку от верфи, царя встретил Татищев. На воде покачивались недавно спущенные два небольших, неуклюжих на вид фрегата.

Петр недовольно покашливая, подозвал Салтыкова:

— Ладно Иван, он науку не проходил. Ты-то, Федор, пропорции добрые уже уяснил вроде. Отчего ж сызнова на голландский манер, как прежде на Воронеже, неуклюжие корабья творишь?

— Виноват, государь, первый блин комом вышел, — оправдываясь, но без робости ответил Салтыков. Кивнул в сторону стапелей, где стучали топоры: — Другие фрегаты нынче сотворим добрые.

Петр удивленно вздернул вверх брови, перескакивая через бревно, направился к навесу.

На крайнем стапеле плотники обшивали досками корму фрегата.

— Первенцы наши на Балтике. — Петр окинул взглядом контур корпуса, видимо, остался доволен, согнувшись, полез под корму. Там плотники веревками притягивали к шпангоутам непослушное дерево. Доска, потрескивая, плотно легла на шпангоут. Подскочил Меншиков, помогая, проворно уперся в доску руками, пока вколачивали гвозди.

Татищев, пользуясь заминкой, переминаясь, спросил Головина:

— Ваша милость, для фрегатов снасти надобны, такелаж,

¹ Шлиссельбург — название произошло от нем. Schlus-sel — ключ.

блоки, юферсы. Отписал в Новгородский приказ, а там молчок.

Петр, видно, услышал разговор. Когда доску прибили, подошел к Головину:

— Верфь-то надобно передать адмиралтейцу нашему. В этом деле Новгородский приказ бестолковый. У Федора в руках все корабельно строение. Здесь один хозяин надобен.

Вечером за столом объявил об этом Татищеву:

— Отныне будешь сноситься с Воронежом и Москвой, у Федора Апраксина на довольствие встанешь.

Головин, поглаживая гладко выбритый подбородок, одобрительно осклабился:

— Сия верфь только почин в этих краях. Места-то необжитые, куда помочь надобна.

Татищев переводил удивленный взгляд с Петра на Головина, быть может, не до конца понимая сути сказанного. Царь разъяснил односложно и ясно:

— По соседству, на Свири, станет новая верфь, поболее твоей. Весной отобьем Ниеншанец, а там выйдем в море. Флот начинаем Балтийский.

...По берегу Свири пробирались сквозь густой ельник на лошадях, облюбовали большую поляну. Царю место понравилось:

— Быть здесь поделу лодейной...

Воронеж накануне Покрова встретил Апраксина дождем с мокрым снегом. Под ногами хлюпало, ступни вязли в стылой жиже. В адмиралтейской избе среди груды бумаг он сразу отличил по упаковке и большой, сургучной печати пакет от царя. Письмо пришло из Нюхчи. Царь описывал плавание от Архангельского до Соловков, приход в Нюхчу, высадку.

Рука вдруг вздрогнула, опустилась. Апраксин перевел взгляд на слюдяное окошко, тоскливо вздохнул.

Петр сообщал о смерти Памбурга: «Господин Памбург на пристани Нюхчи от генерала Ламберта заколот до смерти, которой он сам был виною, о чем, чаю, вам небезызвестно».

Апраксин грустно усмехнулся: «Ты первым повестил меня, Петр Лексеич, в этот раз не угадал. — Шмыгнул носом. —

Вот так-то добрые знакомцы ни за што ни про што живота лишаются».

Апраксин снова вздохнул, перекрестился. В дверях появился Козьма с охапкой дров, и ему пришла мысль разделить с кем-нибудь свою унылость:

– Ты сбегай-ка к Федосею, покличь борзо его, да крикни прислугу, собери на стол.

После отъезда Крюйса он стал чаще общаться с корабельным мастером. Как-никак, а добрую дюжину лет близко знакомы по общему ремеслу, с которым поневоле они спознались по царской пылкой приверженности к нему, а мало-помалу и сами заразились страстью к корабельному делу. Из преображенцев Петр больше всех почитал Склеява за мастерство в искусстве строения судов, смекалку и умение орудовать на стапелях. Апраксину же были созвучны многие свойства его характера. Трудолюбие и бессребреничество, скромность, бесхитрость и добропорядочность.

В Воронеже Склеяв обосновался с семьей, женой и младенцем, жил он через три избы от дома адмиралтейца. А иногда, по праздникам, тот гостил у него и немного завидовал семейному уюту корабельного мастера.

Склеяв ждать себя не заставил, спустя четверть часа отряхивал в сенях дождевые капли. Узнав о смерти Памбурга, откровенно огорчился:

– Добрый моряк был, а умер по-дурачки.

За столом первой чаркой помянули голландского капитана, потом выпили за упокой Петра Игнатьева. Вспоминали об их добрых делах. Склеяв заговорил о Памбурге:

– Помнится, когда он появился, «Крепость» на воде достраивалась. Много он подсказывал, переделывал по-своему, но с пользой.

– Матросом он службу-то начинал. Корабли от киля до клотика прошнырял, – согласился Апраксин. – По морям дальним хаживал, по окиянам. Дед евойный адмиралом был, так он от его покровительства отказался. Своим горбом чины добывал.

Собеседники выпили еще по чарке. Склеяв видел неустроенность жизни адмиралтейца, знал о его недавнем горе и потому старался хоть как-то утешить старшего товарища.

– Всякому свое на этом свете предписано, Федор Матвеевич. Бог нам всем срок определил. Вона возьми твоего подручного, Петра Максимовича покойного, царство ему небесное. – Оба вздохнули, перекрестились. – Добрый служака был, взыскивал, но не воровал, жил по совести. К людишкам ласков был, особливо к болезным. С Кикиным али с тем же Данилычем не сравнишь. Те себе на уме, для них простолюдин ничто. Было бы свое благополучие. – Голубые глаза мастера подернулись грустной поволокой. – А вишь, вот Господь-то к себе добрых людей до срока прибирает, ему бы еще жить да жить...

Не чокаясь, помянули Игнатьева, и Склеяв перевел разговор:

– Как-то там на Ладогe нынче государю приходится?

– Господь ему в помощь, одолеет супостата...

На следующий день почта принесла долгожданную весть из Шлиссельбурга: «Объявляю Вашей милости, что помощью победивца Бога, крепость сия по жестоком и чрезвычайно трудном и кровавом приступе (который начался в 4-м часу пополудни, а кончился в 4-х часах пополудни) задался на окорд, по котором комендант Шлипенбах со всем гарнизоном выпущен.

Истинно вашей милости объявляю, что через всякое мнение человеческое сие учинино и только единому Богу в честь и чуду приписать».

Тут же, не откладывая, Апраксин дописал начатое еще на прошлой неделе письмо о делах в Азовском крае. «В гавани, государь, зимуют десять кораблей, да две галеры, да яхта, а остальные зимуют в Азове, для того, что требуют почины». Адмиралтеец перечитал доклад, скрупулезно вспоминая, не забыл ли о чем. Вроде бы все упомянул: и про Таганрог, и Троицкую, про крепости, шанцы и гавань. Государь-то все до мелочи помнит. Теперь о своем безутешном горе. Рука дрожала, нахлынули воспоминания о милой, верной и безропотной супруге.

В конце письма выплеснулось одно желание: «Зело, государь, скучно на Воронеже, если тебе, государю, не во гневе, повели мне быть к тебе, государь, видеть твои государевы очи, не дай нам в продолжительной печали быть».

Долгожданный ответ пришел из далекого Шлиссельбурга

без задержки. Видимо, царь, как всегда, смотрел в корень дела: «Ежели вам ныне не для чего, понеже сего лета не чаем, а опасно в будущее лето... — Но в то же время и хотел утешить своего старшего друга: — Пожалуй государь, Федор Матвеевич, не сокруши себя в такой своей печали, уповай на Бога, что же делать, и здесь такие печали живут, что жены мрут и стригутся».

Читая письмо, Апраксин недоумевал и огорчался: «На Азове-то как бы утихомирилось, понапрасну тревожится, а меня-то, вишь, не пускает. А насчет женок-то он, пожалуй, прав. Всякое случается».

Вспомнилась ему почему-то Евдокия Лопухина, когда увозили ее в Суздаль. «Красавица-то была писаная, а вот не пришлось ему по нраву. Чужая душа потемки, особенно в бабьем деле».

В зимние месяцы воронежские стапели обычно примолкали. Непогода, мороз делали свое дело, в холод особенно не работаешь. Плотники сметали снег с укрытий, ставили, где нужно, временные подпоры под навесами, грелись у костров, тесали впрок детали корпусов кораблей: разные там шпанготы, топтимберсы, стрингера, пиллерсы, бимсы. Не затихли только канатная фабрика, такелажные мастерские, с утра до вечера бухали молотобойцы в кузнях. В эту зиму работы им прибавилось.

Не успела отойти крещенская стужа, как в Воронеж, бросив все дела в Москве, неожиданно нагрянул царь. Тянула старая страсть к морскому делу.

По привычке начал с разнosa на стапелях. Ругался, вскипал, грозил, чуть не с кулаками набрасывался на приказчиков. Потом выслушивал Склеява, Верещагина, Ная, Козенца, отходил. Апраксин в споры не вступал, хорошо изучив нрав царя...

Вечером в день приезда Петр надолго задержал у себя Апраксина. Пили изрядно, но не хмелели. Сначала помянули близких, покинувших этот свет.

— Што поделаешь, Федя, все под Богом ходим. Один Все-вышний ведает наш предел живота. То ли пуля тебя шальная

прикончит, то ли в море сгинешь, то ли в постели занедужишь под бабьим крылом. — Петр резко схватил полный бокал, жадно выпил все без остатка. — Бабы из нас, поди, готовы все соки вытянуть, им бы токмо свое удовольствие иметь. Еще неведомо, кому более везет: бобылю или женатому.

Царь примолк, потирая переносицу, о чем-то задумался.

«Тебе-то ведомо ли про кралю свою немецкую. Небось никто не повестит, боязно». Апраксин, отвлекая царя, заговорил о делах в Азове. Петр слушал внимательно, изредка о чем-то спрашивая, и остался доволен.

— Гляди-ка, Федя, ныне особо надобно опасаться здесь, в Воронеже. Не токмо турок, а и шведы своих шпионов подсылать сюда могут, пакостить станут.

Апраксин вспомнил о Татищеве:

— Што, на Сяси-то налаживается верфь?

Петр решил не откладывать новость, раз пришлось к слову:

— Дело пошло, Иван молодец. Однако ево под твою руку отдаем.

— С чего бы, Петр Алексеич?

Петр неожиданно повеселел:

— Дела у нас на Балтике затеваются великие. Станем верфи новые зачинать на Свири, в других местах. Ты-то у нас кто? — Петр ехидно усмехнулся. — Адмиралтеец. Стало быть, в твоих руках все корабельное строение станет. Не токмо на Воронеже, а всюду. И спрос с тебя велик будет. Держись.

Апраксин, слушая царя, от неожиданности даже вспотел. А царь, продолжая улыбаться, налил вина, подмигнул:

— Указ получишь днями. Здравие твое, адмиралтеец.

На следующий день Петр умчался на верфи в Таврово, к своей ненаглядной «Предистинации», а через неделю, не держиваясь, уехал в Москву.

Он, верно, еще не доехал до столицы, когда в Воронеж поступил указ:

«К тому корабельному делу послать из Адмиралтейского же приказу, и о том его В.Г. указ в приказ адмиралтейских дел к тебе адмиралтейцу Федору Матвеевичу с товарищи, товарищи посланы с сим его В.Г. указом».

Когда человек впервые освоил водную среду матушки-Земли? Со времен Ноя, «человека праведного и непорочного», утверждает Библия. Достоверно, что произошло такое событие не менее пятидесяти веков тому назад. С той поры человек безудержно стремится к рекам и озерам, морям и океанам. Иные народы обитают на суше, окруженной водою со всех сторон. Для них мореходство не страсть и прихоть, а жизненная потребность. Другим море открывает безграничные пути общения и торговли с далекими странами и цивилизациями и, наконец, является средством обогащения.

За право господства на море страны бились насмерть. Древняя история Египта, Греции, Рима служит подтверждением тому, но чтобы владеть морем, нужен флот.

Первым свидетелем сооружения кораблей славянами был византийский император Константин... Да и само название плавучих сооружений приписывают древним славянам — от слова «короб». Греки, у которых служили на судах славяне, стали называть их корабос...

Всего несколько лет как заполоскали паруса Азовского флота над южным морем, а теперь царь замыслил покорить водные просторы Балтики.

Еще где-то за горизонтом мерцало заветное море, а для него уже закладывали корабли на Сяси и в Лодейном Поле...

Забот и хлопот у адмиралтейца прибавилось вдвойне. А тут еще в Москве появился симпатичный серб Савва Рагузинский. В свое время потомок боснийских князей и довольно состоятельный купец из Рагузы негласно помогал Емельяну Украинцеву на переговорах с турками. Прошлым летом он пришел на своем судне с богатыми товарами в Азов.

— Имею страстное желание, господин Апраксин, видеть вашего великого государя, — без обиняков объявил он при первой же встрече с адмиралтейцем.

Чем-то очаровал он Федора Матвеевича, и тот не раз упрашивал царя допустить его к себе, но Петр не спешил, выжидал. Наконец разрешил приехать ему в Москву. Здесь оказался и Апраксин, но звали дела в Адмиралтейский приказ. Надо было самому отдать указания по северным верфям, решить с плотниками и кузнецами на Воронеже. Сколько бумаги ис-

писал за зиму, а толку мало. Велел царь, да не жаловал псарь. Чиновные дьяки тянули, как всегда, канитель.

Вечерами бывал на своем подворье, а у Андрея сопел в зыбке его тезка — племянник. Зная, как горевал брат после кончины жены, Андрей утешал:

— Пуцай имя твое продолжится в моем роду.

Заглянул Апраксин и в дом старшего брата. Там тоже не все было ладно. Первая жена скончалась, оставив Петру троих детей. Петр присмотрел себе молодуху, вдову, но свадьбу отложили. Царь собирал войска для весеннего наступления в Ингрии. Братья обговорили и решили старшего сына Александра определить в Навигацкую школу — пойдет по стопам своего дяди.

— Пуцай наше семя на флоте российском произрастает, — говорил брату перед отъездом Петр. — Я немало якшаюсь с морскими воями, на Ладоге с Нумерсом схватывались мои гренадеры. А ты и вовсе сроднился с делом морехоцким...

Уладив дела, Федор собрался ехать в Воронеж, но его чуть не силком затащил к себе освоившийся в Москве Савва Рагузинский.

Почувствовал в адмиралтейце отзывчивую душу и к тому же близкую к царю.

— Государь мой, Федор Матвеевич, — умолял он его за обильным угощением, разведав о пристрастии собеседника к лакомствам. — Отпиши его величеству, безмерно счастлив буду лицезреть его царские очи. К тому же немало полезных советов и новостей ему поведаю из Цареграда. Задумки имею, как султана приворожить надобно...

Уговорил-таки адмиралтейца серб из далекой Далмации, на другой день ушло послание к царю. «Доношу тебе, Государю, Савва Рагузинский к Москве приехал и со мной дважды виделся и о тамошних состояниях ведомец добрый и говорил, чтобы отпустить его до милости твоей. Прикажи, Государь, отпустить и его или велеть дожидаться на Москве, ничего не желает, только чтоб видеть очи твои».

Весна подгоняла адмиралтейца. Половодье выдалось скудное. Бесснежная зима и резкое потепление перед Пасхой сушили землю, вода в реках едва прибывала. Пришлось скоротечно отправлять достроенные корабли из Ступина, Таврова к Азову,

пока не обмелели перекаты на Дону. В Воронеже его ждало письмо из далекого Шлиссельбурга. Царь опасался и предупреждал об угрозе. «Множество турок близятся к Днепру и полка-равана их пошло на Черное море, надобно иметь осторожность. Толстой в трех письмах подтверждает, что, конечно, шпионы не один посланы на Воронеж и в Азов, извольте гораздо смотреть того». «Не бойсь, Петр Алексеич, глазеем в оба, сторожко», — усмехнулся Апраксин и продолжал читать: «Здесь же все изрядно милостию Божией, только несчастливый случай учинился за грехи мои, перво доктор Леин, а потом Кенихсен (который уже принял службу нашу) и Петелин утонули внезапно и так вместо радости плач, но будет воля Вышнего и судеб Его». Адмиралтеец перекрестился, вздохнул: «Покарал-таки Господь нечестивца немецку». «Зело берегись шпионов на Воронеже, а на Донское устье мочно никого приезжего не пускать, кроме своих матросов, ни крестьян, ни черкас».

Больше всего Апраксин переживал кончину Алексея Петелина, бомбардира, преображенца. Помнил его по Плещееву озеру, по Белому морю, путешествию с Великим посольством.

Вечером поминали его вместе со Склаевым.

— Жаль Лексея-то, и ожениться не успел, а вишь, косая его прибрала, — горевал Федосей. — Глядишь, другого земля терпит, а добрых людей Бог прибирает. Ладно немецку-то этого, ему поделом, а Лексея-то зря.

— Верно молвишь, и я про то толкую, саксонца-то Господь наказал поделом.

— Ведал ли об этом прохиндее государь?

С ответом Апраксин не задержался. «А что изволил ты, Государь, по милости своей писать о несчастливом случае, которому всемилостивый Бог соизволил быть и наказать смертию таких тебе, Государь, изрядных служителей и в том да будет Ево святая Воля. О Савве Рагузинском — он тебя, государь, видеть зело желает...

Раб твой государский Ф.А. под ноги челом бью».

Почтовые ямщики хлестали лошадей, везли окольными трактами по непролазной грязи гонцов с письмами и бумагами для государя.

Прочитав письмо от Апраксина, царь досадливо поморщился.

«Видать, не один Данилыч про стерву догадывался, а все молчали». Узнав из найденных при Кенигсене писем об измене, Петр в бессильной ярости разодрал в клочья слащавые послания кукуйской фаворитки, с корнем вырвал из сердца память о ней. «Паскуда она и стерва последняя, а ведь сколь веровал, грешным делом, жениться подумывал...»

В палатках вокруг Ниеншанца, или, как называли его солдаты по-прежнему — Канцы, третий день шла гульба, лилось вино, звенели песни.

Гулять гуляли, но прежде Петр послал в устье Невы на острова заставу под командой Меншикова.

— Возьми отборных солдат полсотни, образуй заставу. Петруха Апраксин рассказывает, шведы каждую весну об эту пору с моря приходят.

Караул выставили не зря. В разгар веселья в палатку Шереметева без спроса вошел запыхавшийся сержант:

— Велено доложить, государь, от поручика Меншикова. На взморье швед объявился.

Хмель еще не вошел в силу. Петр коротко бросал фразы:

— Поперву, поднять над Канцами шведский флаг. Никому не бродить в округе, полки под лесом держать, палатки свернуть, чтобы неприятель не узрел. Я сей же час пойду на розыск. Ежели швед будет сигнализировать пушками, отвечать таким же числом.

Два дня наблюдали из кустов за эскадрой адмирала Нумерса. На третий день, услышав ответные выстрелы из крепости, успокоенный адмирал отправил два корабля к Ниеншанцу. Они подошли к устью и бросили якоря, задул противный ветер.

Петр, казалось, только этого и ждал, собрал немедленно военный совет, развернул карту:

— Умысел мой таков. Сотни три преображенцев и семеновцев посадим на три десятка ботов. Ночи светлые, а шведы все равно храпеть будут. Половина ботов со мной пойдет на взморье, вдоль берега. Отрежем пути отхода. Ты, Данилыч, с остальными ботами насадишь сверху. Гляди за мной. Ранее, чем я не зайду с моря, не высывайся. Как узришь мои боты, атакуй враз. — Петр встал. — Шведов будем брать на абордаж,

кошки припасти надобно, крючья какие, гранаты. Сцепляйся с галиотом, а я сцеплюсь со шнявой, которая мористее.

Едва солнце скрылось за горизонтом, в полночь, светлыми сумерками, завязалась схватка.

На верхних палубах разгорелся жестокий бой. Полусонные шведы бросились выбирать якоря, другие хотели поднять паруса. Вдали на рейде поднялась тревога на эскадре вице-адмирала Нумерса. Там подняли паруса, но ветер стих, фортуна улыбалась русским...

Схватка была короткой, но кровавой. У шведов на обоих кораблях уцелела чертова дюжина, остальных перебили.

Убитых предали морю, пленных заперли в трюм. Последовала команда Петра:

— С якорей сниматься, паруса ставить!

Первым шел на восьмипушечном «Астрильде» Петр, за ним в кильватер десятипушечный «Гедан» под командой Меншикова.

Крепостные стены озарились залпом победного салюта в честь первого морского трофея.

Военный совет состоялся в тот же день. Капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова наградили орденами Святого Андрея Первозванного. «Кроме того, государь получил чин капитана-командора».

Петр радовался весьма и искал, с кем разделить радость.

В первую голову с князем-кесарем и адмиралтейцем. Два верных сподвижника, сотрапезника, старинных и старших приятеля. Так они и верховодили в двух самых близких ему местах: в Москве и Воронеже.

Первым откликнулся Федор Апраксин: «За писание твое Государево, которое получил сего мая в 21 день о преславной виктории, которую тебе, Государю, даровал Всемиловитый Бог против неприятеля в морском приходе к Шлотбургу премного челом бью и здравствую победою и возвращением твоим в добром здравьи. А как написано потеха была изрядная и слава Богу Всемогущему, что так устроилось».

Еще тебя, Государю, поздравляю купно преславною кавалериею Св. Апостола Андрея, которую ты заслужил через свои многие кровавые труды и дай всемиловитый Боже и впредь тебе, Государю, милость свою с приращением.

На Воронеже Божьей милостью строится без медления». Довольная усмешка скользнула по лицу царя. Он протянул письмо Меншикову.

— Гляди, Данилыч, Федор нас здравствует, на Воронеже все путем.

— У него завсегда порядок, хотя и проруха бывает. Скушно без него, однако, в нашей кумпании.

— Верно, ты сам-то не промешкай завтра с пушечным рядом.

Меншиков обиженно вытянул губу, но промолчал.

Солнечным майским днем грохотали пушки над безмолвными сосновыми борами, островами, болотами, перелесками. На острове Люст Елант посреди Невы закладывали первую крепость на Балтике, а с ней и город Петербург.

Строили крепость, рубили избы в новом городе, отбивались от шведов. Шереметевские полки теснили шведов в Ижорской земле. Сдавались одна за другой крепости в Яме, Копорве, Мариенбурге.

Радовал царь далеких приятелей, отписал Апраксину в Воронеж: «Итак, при помощи Божьей Ингрия в руках». Победы на суше хороши, но все время на уме держал главную цель войны.

На небольшом паруснике, шняке, ушел в Лодейное Поле, на Олонецкую верфь. Здесь в конце августа спустили на воду первенец, фрегат «Штандарт». Начали ставить мачты, поднимали стены, подгоняли такелаж. Царь в поте лица трудился от зари до зари.

Новой верфью заправлял Иван Татищев:

— Государь, все бы ладно, да фрегату осенью в море, а матроз-то ни единого.

Под руку попался заспанный Головин:

— Крюйс помалкивает, отпиши воеводе в Архангельский. Без мешкоты набрать из крестьян да холопов молодых рекрут, человек полтыщи. Пошлем на выучку в Голландию.

— Примут ли их там, государь?

— Крюйс должен все обладать. Нам-то нынче и на Воронеж и сюды на Балтику матроз, офицер потребен. Што ни корабль, добрая сотня...

Глубокой осенью «Штандарт» салютовал крепости Петра

и Павла. Вскоре исчезла с далекого взморья шведская эскадра, ушла зимовать к Выборгу. С неохотой уходил Нумерс, поглядывал на далекое Невское устье, не ведал, что ему ввек не суждено там уж бывать.

В утренних сумерках вышла в море шняка. Вглядывались в далекий, у горизонта, поросший лесом остров, который местные жители, чухонцы, прозвали Котлин.

Рядом с Петром на шканцах приросли к палубе Головин, Меншиков, артиллерист и инженер Василий Корчмин.

Судно продвигалось медленно, осторожно, с подобранными парусами. Что ждет его в незнакомой водной толще? Камни, отмели, другие каверзы?

На носу то и дело бросал лот Наум Сенявин, мерил глубину. Обошли остров со всех сторон. На севере остановились, путь преграждала коса, тянувшаяся далеко через залив к берегу.

— Стало быть, здесь швед не сунется, — обрадовался Петр. — На Котлине нынче же, до зимы, поставим заставу. Копать шанцы, ладить батарею.

На южной стороне фарватер был глубоким, судоходным, но посредине выступала отмель.

— Оно к месту, — тут же сообразил царь. — Данилыч, как море станет, по льду привезешь сюда лесины. — Петр кивнул на поросший лесом остров. — Срубишь ряжей, набьешь их камнями. Лед сойдет, ряжи сядут на мель. Над водой фундамент выйдет. На нем крепостцу без мешкоты соорудать с батареями. Ты, Василий, в ответе за них.

Меншиков ухмыльнулся, поглядывая на Головина, чесал затылок. «Дался ему этот Котлин».

В новую крепость на Неве доставили первую почту. Разбирая ее в новой, только что отстроенной избе, Петр отложил письма Апраксина. Когда заглянул Головин, протянул ему листы:

— Почитай, о чем адмиралтеец ведает, худо у него. Терпилий, наш добрый мастер, Богу душу отдал.

«...волею Божью плотниками стало зело скудно, — читал вслух Головин, — много больных, а и мертвых не нет. На Ус-

тье, Государь, дано было для починки 150 человек и из по нынешнее число 32 умерло, да 103 человека больных, а на работе 15. А больных плотников у Федосея Склаева 200, у Козенца да у Осипа Нея с 150 человек... А и сам лежу, тому уже 4 недели не вставал с постели».

— Вот так-то дела на Воронеже, а потребно ему еще и матроз да офицеров, да кораблей нехватка.

...По зимнему первопутку царь уехал в Воронеж. В Москве первым делом подписал указ: «Набрать на Москве и в городах из всяких чинов людей в матросскую службу тысячу человек... жалованья дано будет тем людям на платье по 2 рубля, да годового по 12 рублей человеку; да им же во время работы дано ж будет хлеб, соль, мясо и рыба».

В Воронеже обнялись по-родственному с Апраксиным. Глаза адмиралтейца повлажнели.

— Скушно мне теперича здесь, Петр Лексеич, без тебя-то. Женка покинула меня, осиротел я...

Петр вздохнул: «Тебя-то по Христовому, Божьему повелению, а меня лиходейка вокруг пальца обвела».

Вечером засиделись допоздна, и Петр под конец все-таки спросил:

— Как теперича-то подумываешь? Неужели вдовцом все остатние дни проведешь?

Апраксин вздохнул, но ответил твердо:

— Дело решенное, Петр Лексеич. Не к лицу мне судьбину дважды испытывать. Провекую, чай, и сам. У Петрухи и Андрюхи племяшей много, а без женки обтерпит. Служить стану отечеству по силе ума и велению сердца...

В отличие от прошлых посещений, Петр не сразу отправился на стапели, принялся что-то считать, потом вычерчивал на листе какие-то строения.

— Новые места на Неве оборонять надобно, — пояснял он Апраксину, — флота у нас нет, а шведы по весне, не миновать, явятся потерянное отвоевывать. Порешили мы крепостцу на фарватере в заливе соорудить. Нынче я Данилычу отправлю чертёжик того бастиона, время не ждет, каждый день на заметке.

Покончив с чертежами, Петр поехал с Апраксиным в Ступино, Тавров. На стапелях строилась добрая дюжина кораблей. Половину из них готовили к спуску на воду.

— Нынче заложим еще три корабля; покуда есть тому возможность, будем ладить корабли. Все равно придется воевать у турка Черное море.

По ходу проверял не только корабли, но и присматривался к тем, кто их строил. Апраксин не ждал вопросов.

— Федосей всему делу голова. Не токмо твои корабли ладит, за всем присматривает. Санька Кикин от него мало отстает. Гаврилка Меншиков, Пальчиков, все добрые корабельщики.

— Сам вижу. Иноземцы-то как?

— По делу. Най да Козенц примерны. Токмо Най домой просится.

Петр ухмыльнулся:

— Мы ему деньгу посулим, отпускать не стану.

Вернувшись в Воронеж, царь по привычке взялся за топор, орудовал на «Предистинации» бок о бок со Склаевым. Отдыхая, вынимал трубочку, а Федосей отворачивался, не переносил табачного дыма. Царь смеялся, обкуривал его:

— Нынче, Федосей, на Сяси, Олонце, Ладоге почитай два десятка кораблей для моря ладим. Но сии верфи далеки от моря. — Петр затянулся, выпустил дым в сторону. — Отобьемся от шведа, соорудим стапеля в устье Невы. Готовсь туда ехать.

— А здесь кто?

— Приноравливай замену. Покуда Гаврилка и Пальчиков. — Царь вспомнил главное: — Задумку имею бригантины ладить на новый манер.

Склаев загорелся, царь задел любимую струнку.

— В чем новизна, Петр Лексеич?

— Узрел я на Балтике особый бережок приморский. Сплошь в скалах, островках да заливах. Развернуться фрегату немочно, тесно, а шведа-то выбивать из тех мест будем все одно.

— Ну, ну?

— Айда в модель-камору.

По царской указке Апраксин прошлой зимой построил добротную избу. Собрали туда чертежи всех кораблей, модели судов, разных приспособлений. Заведовать поставили Склаева.

В избе Петр чиркал мелком по грифельной доске.

— Там надобно иметь суда юркие. Помнишь венецианскую галеру? — Склаев кивнул. — А мы сделаем поменее на треть. Ты и кумекай, цифирь прикладывай, чертежом обозначь.

— Почему государь?

— Да на парусах в узостях не развернешься. Но машты оставь, две-три, парусы все равно иметь будем. Пушек определи дюжину.

— Какой срок?

— К весне готовь чертежи и приезжай в Питербурх. Я тебя вызывать не стану. Апраксин все знает.

С адмиралтейцем Петр делился задумками вечерами, в застолье:

— Гляди, Федор, нынче Кикина я у тебя прихвачу, потом Склаева, Ная, Козенца. Флот подымать станем на Балтике.

— Здесь-то кто на стапелях останется?

— Хватит с тебя Меншикова, Верещагина, Пальчикова. Сам обучай, пришло толковых робят. Еще матрос сотни две-три заберу. Тож рекрутов набирай, вышколи, тебе здесь легче, обжился. Скоро Крюйс пришлет иноземных людишек корабельных, легче станет.

Накануне отъезда Петра адмиралтеец загрустил:

— Вольготно мне с тобой, Петр Лексеич, так бы с тобой и полетел. Куда ты, туда и я.

Петр расхохотался:

— Девица я, што ли, тебе?

— Невмочь, Петр Лексеич, скука порой одолевает. С тобой в деле и в потехе весело.

— Ишь ты. — Петр сбросил усмешку. — В эту кампанию, Федя, воевать будем у шведа Нарву, по морю двинемся. Там и твой братец с Шереметевым руку приложит. Флоту простор надобен. А ты у меня первый адмиралтеец, и на юге, и на севере за все в ответе. В эту кампанию потерпи, следующим летом призову в Питербурх, узришь новые верфи.

— Сам-то не забывай, наведайся...

Мартовское солнце припекало наезженную санную колею. К Ладоге тянулись сани с ошкуренными корабельными соснами, пилеными досками, кулями с пенькой, бочками со смолой. Глядя на них, Петр радовался: «Слава Богу, кажись, налаживается!»

На Сясьской верфи во льду стояли спущенные со стапелей четыре восемнадцатипушечных фрегата. Из палуб росли мачты. Сновали плотники, сколачивали станки для пушек, наращивали фальшборт. Еще осенью Петр назначил Татищева новгородским воеводой, но с верфи не отпускал.

— Лед сойдет, vedi фрегаты к устью, после езжай в Новгород. В ответе будешь за те верфи, на Ладого, Волхове, Сяси само собой.

На Лодейном Поле в Олонце любимец царя Иван Немцов встретил царя на стапелях.

Доморощенного мастера из двинских крестьян, сметливого самоучку-корабеля когда-то приметил архангельский воевода Федор Апраксин, отправил в Воронеж с таким же умельцем, братом. За год Немцовы здесь, на Сяси, выстроили две шнявы. Краснея, слушал Немцов похвалы Петра. На его стапелях строилась по царским чертежам шнява «Мункер». Неделю стучал царский топор на шняве.

Как-то на перекуре Немцов осмелел, глянул на царя вопрошающе. Петр кивнул головой: спрашивай, мол.

— Имя-то «Мункер» што обозначает, государь?

Царь затянулся, ухмыляясь.

— Ты, Иван, голландский разумеешь? Ну, сие ближе к французскому, мон кер, что значит мое сердце.

— Забавно, — разглаживая усы, засмеялся Немцов.

По ночам на Ладого грохотало, трещали льдины, озеро просыпалось от зимней спячки. Озерная вода тянулась вниз, к Неве, и дальше к морю.

Спешил к морю и царь. По берегам Невы, тут и там вразброс, лоснились на солнце десятки срубленных осенью новеньких изб.

Первый лед уже прошел, и царь на корабле переправился на остров. У крепости его ждали, переминаясь, Меншиков, Трубецкой, Бутурлин, Брюс.

— Ну, кажите ваши бастионы.

Крепость, пока еще не земляная, оказалась готовой.

— Повели, Данилыч, камень везти, одевать крепость прочно, навек.

На Котлин отправились на двухмачтовом паруснике. Вокруг острова теснились льдины, кое-как пробились к берегу, бросили якорь.

Напротив острова возвышалась над водой причудливая, массивная восьмигранная трехэтажная башня. В амбразурах торчали десятки орудийных стволов. Царю, как положено, салютовали береговые батареи и новая крепость на воде, Кроншлот. У самого уреза воды выстроились полки.

Царь не скрывал восхищения, дружески хлопнул Меншикова по плечу:

— Ну, Данилыч, молодец, превзошел мои ожидания.

Вызвали митрополита, освятили Кроншлот и, как водится, закатали пир на три дня.

Отъезжая к Нарве, Петр еще раз предупредил Меншикова:

— Глядите с Брюсом в оба. От Выборга к вам Мейдель вскорости нагрянет, не проспите, а с моря верняком эскадра с ним вкупе.

Давно ли Шереметев без оглядки, прищипывая коня, улепетывал от Нарвы? Три года — срок небольшой, и победителю, юному шведскому королю, все еще казалось, что мужицкое войско русского царя — «быдло», а не армия. Но все же где-то подспудно у Карла XII зародились опасения. В прошлую кампанию шведов потеснили в Лифляндии...

Приказы короля своим министрам всегда были точны и лаконичны.

— Генералу Мейделю штурмовать устье Невы, вернуть Ниеншанц и сровнять с землей то, что понастроил там царь Петр. Эскадре кораблей атаковать русских с моря. Заодно доставить подкрепление в Нарву.

В эту кампанию шведы и опоздали, и оплошали. Ранней весной полки окольного Петра Апраксина обложили Нарву со стороны суши.

Как только в море замаячила шведская эскадра, русские бомбардиры выкатили пушки на крутой берег Наровы. Едва первые шхуны появились на рейде, шквал ядер и картечи обрушился на них. Пришлось отойти. Шведский адмирал метался. На борту тысяча двести солдат, порох, припасы для крепости. Но немыслимо посылать шлюпки к устью на верную гибель.

В эти дни под Нарву царь привел семнадцать тысяч пехо-

ты. Узнав о шведской эскадре, не слезая с коня, сразу поскакал к морю. Окинул взглядом шведскую флотилию на рейде, в устье реки.

– Переправляй пушки на левый берег, – крикнул Апраксину. – Оседлаем устье с обоих берегов, шведы не сунутся.

К вечеру войска развернули батареи и окопались на берегах на случай десанта. Осмотрев укрепления, Петр собрался уезжать к далекой Нарве и напоследок бросил взгляд на море. Как раз в это время с севера задул шквалистый ветерок, развело волну. Вдали, от стоявшей на рейде шведской эскадры вдруг отделились две шхуны. «Так и есть, видимо, сорвало с якоря, а волны и ветер несут их к берегу».

Петр оглянулся на Апраксина:

– Крикни солдат с мушкетами. Сажай в лодки с офицерами – и айда брать шведа.

Между тем шхуны сдрейфовали к устью реки и приткнулись к отмели. На палубах растерянно суетились фигурки моряков. Солдаты в лодках гребли неумело, их то и дело накатом волн отбрасывало к берегу.

«До шхун рукой подать, а как их взять? Раз сели на мель, значит, футов пять-шесть глубины, не более». И вдруг его осенило: – «Кони!».

– Эй, – крикнул Петр подбежавшему рослому сержанту, – бери солдат себе под стать, с мушкетами, айда за мной!

Царь, ударив шпорами, направил лошадь к урезу воды, а оторопевший Апраксин поскакал за ним следом.

Спустя полчаса все было кончено. Не потеряв ни одного человека, конница пленила шведские корабли. «На тех обоих шхунах взяты в плен: 2 поручика, 1 шкипер, 1 аудитор, штурман, 25 матрос, 1 сержант, 75 человек солдат, флаг шведский, 100 мушкетов. Шведский вице-адмирал посылал корабли, отбили и корабли».

Обреченная Нарва отказалась капитулировать, но русским полкам понадобилось всего три четверти часа, чтобы лишь сокрушительным штурмом овладеть крепостью.

Шведский адмирал убрался несолоно хлебавши в Ревель, но решил еще раз испытать судьбу. Как-никак, а французскому наемнику положено отрабатывать свою барщину. Шведская эскадра двинулась к устью Невы. Там-то у русских нет флота...

И вдруг на горизонте замаячила какая-то странная башня, похожая на старинный замок. Внезапно она опоясалась зарницами вспышек, грохнули пушечные ракеты, вокруг шведских кораблей заплясали всплески воды. По левому борту в тот же миг полыхнули молнии из прибрежных кустов острова. Определенно, адмиралу не хотелось терять корабли и свою репутацию. И он поступил мудро. Эскадра без боя ушла в море.

Первая кампания на Балтике обернулась удачей.

В разгар осени на Олонецкой верфи дважды палили пушки. Спускали на воду четырнадцатипушечную шняву «Мункер», исполненную по проекту Петра, и первое детище Федора Салтыкова – фрегат о двадцати восьми пушках.

В Петербурге праздновали викторию над шведами, а из Воронежа сиротливо вопрошал Федор Апраксин: «Еще прошу, повели мне быть в октябре в Москве. Нужда моя такая (читая, царь хохотал от души): пиво на Воронеже все и ренское доходит, а без того осенью будет скучно, или, пожалуй, изволь к нам приехать и те наши нужды исправить».

Смех смехом, но великодержавный властелин с юных лет по себе знал силу Бахусова зелья для поднятия духа...

Глубокой осенью свиделись в Москве после долгой разлуки адмиралтеец и Крюйс. Вице-адмирал второй месяц томился в ожидании царя. Привез из Голландии добрую роту капитанов, поручиков, штурманов, боцманов. Апраксин обрадовался, хотел сразу отобрать офицеров для Азова, но Петр охладил его:

– Погодь, Федя, я сам этим займусь. У меня каждый шкипер на учете.

Вызывал по одному, цепко ощупывал взглядом, коротко расспрашивал, оценивал. Апраксин сидел в углу, прислушивался. Крюйс представлял всех:

– Капитан Питер Сиверс, капитан Витус Беринг, капитан Петр Бредаль. Поручик Джон Крюйс...

Петр вскинулся по-доброму:

– Сынка привез? Похвала тебе, пускай корни на Руси...

Апраксин про себя посмеивался: «Ай да Крюйс, сколь набрал в свой невод рыбешки, небось каждому посулил деньгу. Оно так и есть, супротив наших капитанов иховых вдвойне государь жалуется. За такие рубрики к дьяволу в пекло полезут».

Отпустив последнего боцмана, царь повелел Крюйсу:

– Поезжай без промедления в Петербург, принимай корабли и шквандру. Экипажи сколачивай, готовься к весне. Шведы беспрерывно до Котлина пожалуют. Крепи там оборону, Данилыч тебе укажет. – Тут же кинул Апраксину: – Днями поедем к тебе.

Вечером, по привычке, сошлись на родном подворье три брата. Старшего, Петра, царь тоже отпустил на побывку, к семье. Толковали о житье-бытье. В основном говорил Петр. Вспоминал подробно, как управлялся со шведами, смеялись, когда царь рассказывал, как на конях морские призы брал.

– Государь-то под Нарву и царевича Алексея прихватил, – вспомнил старший брат, – правда, он больше в шатре отсиживался, боязливый.

– Ровесник твоему Саньке, – вставил Федор. – Как у сына-ка-то ученье у Форварсона, в Сухаревой башне?

– Обвыкается, уж больно немеки кричат, баит.

– А на Кукуе-то Монсиха язык прикусила, – осклабился Андрей. – Не видать и не слышать ее.

– Слава Богу, Петр Лексеич отвадил ее, – поддержал Федор.

– Свято место пусто не бывает, – загадочно ухмыльнулся старший брат и заговорил вполголоса. – Объявилась подле Петра Лексеича чернобровая молодница из заморских кралей. Данилыч ее, слышно, у Шереметева перехватил.

Федор наморщил лоб:

– А я давеча наведалься в покои до Марфуши нашей, гляжу, подле Натальи Алексеевны незнаемая смазливая девка притуливается... – Апраксин хмыкнул. – Такая, пожалуй, ему по вкусу...

Шестое лето для адмиралтейца начиналось хлопотно. Ранней весной ожидался приезд царя. Как всегда, со свитой и вдобавок с иноземцами. На стапеле дневал и ночевал Склеяев, готовил к спуску восьмидесятипушечный корабль «Старый Орел». Строили его по чертежам царя, «корабельной архитектуре», как любил выражаться сам Петр.

– Такого кораблика на Руси еще не бывало, – с затаенной гордостью хвалился Апраксину Федосей. – Пожалуй, и у англичан десятка не наберется.

– Ведаю, ведаю, – добродушно ворчал, опершись на фальшборт, Апраксин, любовно окидывая громадину корпуса корабля-красавца. – Мне сказывали и Козенц, и Най, што сей корабль под стать иховым самым лучшим из королевского флота.

Безоблачная голубизна неба, апрельское солнце, щебетание птиц. Зеленеющее первотравье внизу, вокруг стапелей усиливали и без того радостное настроение в предвкушении предстоящего торжества.

Десятки кораблей спускал он на воду за эти годы, отводил к Азову, определял в строй. В каждом из них частица его работы, толика душевного тепла, отданного любимому делу.

Сам процесс строительства кораблей напоминал ему какой-то странный калейдоскоп множества сменяющих друг друга операций, в итоге этого длительного, подчас мучительного, действия рождалось на воде удивительное творение рук человеческих – красавец корабль, осененный парусами.

Долгие годы, начиная с Плещеева озера, где впервые, подхваченный парусами, ощутил дивное чувство стремительного движения по воде, потом в Архангельском, за границей, здесь, в Воронеже, он по капелькам впитывал увиденное, услышанное о корабельном строительстве. Что-то постигал своим умом, многое узнавал от Склеяева, Меншикова, Кикина, Верещагина. Длинными зимними вечерами слушал рассказы Ная, Козенца.

Англичане поведали, что линейные корабли, подобные стоящему на стапелях «Старому Орлу», в Европе начали мастерить всего полвека назад. Создавали их для войны, а военные моряки знали, что в мирском бою победит тот, кто быстро и ловко маневрирует. Поэтому прежде всего корабль должен быть крепким, резвым и послушным. Но трудно все предусмотреть, были и неудачи.

– Когда в Англии начали строить линейные корабли, – рассказывал Козенц, – один из первых, семидесятипушечный колосс, при первом же небольшом шторме, взойдя на гребни соседних волн, переломился пополам. Сотни людей погибли.

Чтобы корабль резво бегал под парусами, корпус должен быть узким, а для поворотливости, наоборот, с широкими обводами.

Сила военного корабля и в количестве мощных пушек. На малых судах большие пушки не поставишь, да и на деке тесно, не развернешь и не зарядишь тяжелое орудие. И важно, чтобы корабль не свалило при ветре, не кренило, чтоб имел хорошую остойчивость. Потому ежели и малая волна, а корабль кренит, то подветренным бортом черпнет он воду открытыми артиллерийскими портами и пойдет на дно. Задраивать порты тоже невыгодно, меньше пушек стреляет...

Немалое значение для мореходных качеств и маневренности имеют осадка корабля, паруса разные, обводы корпуса, форма носа и кормы.

Все эти премудрости объединяла корабельная архитектура. Многое здесь постигалось опытом и интуицией корабельного мастера, а зачастую двигались на ощупь.

Во всем этом сложном деле участвовал «по силе ума своего» адмиралтеец...

«Старого Орла» спускали на воду перед самой Пасхой. В Воронеж на торжества приехало много гостей, и гости все иноземные послы.

Английский, французский, голландский и датский послы обычно с нетерпением ждали приглашения царя в Воронеж. У представителей морских держав всегда особый интерес к морскому делу. Особое рвение проявлял вездесущий посланник английского короля Чарльз Витворт... Отслужив молебен после спуска «Старого Орла», справив торжество, Петр сам повел к Азову отделанные и готовые корабли. Царский штандарт он поднял на любимом детище, изящной и грозной «Предистинации». Апраксин провожал его в устье.

— Забот у тебя, как всегда по весне, невпроворот, — чеканил царь, — не мешкай с оснасткой для балтийских верфей. Пошли кого в Липцы, торопи с пушками. Ты же сам наладил там литье, теперича спуску не давай. Каждое лето не одна сотня орудий на корабли потребна.

— Как с послами быть, Петр Алексеич? Всюду нос суют.

— Пуцай глядят, не гони. Все одно шпионы шастают. А

так лишний раз государи их закумекают, верно генерал-адмирал? — Царь озорно подмигнул Головину.

— Оно так, государь, но и всякое худое донесут.

— Нам не привыкать, пускай пакостят, охоту у нас не отобьют.

И в самом деле, иноземные посланцы иногда описывали своим суверенам увиденное не без высокомерия.

Первое послание Витворт отправил государственному секретарю после отъезда царя. «Его Царское Величество отправилось к Азову 10 числа текущего месяца с 4 кораблями и 6 бригантинами... Адмирал останется в Воронеже, пока не получит известий от царя из Азова». Следом сообщил в Лондон о намерениях царя.

«После того он, Головин, особенно упомянул о желании царя добыть из Англии двух или трех корабельных мастеров для постройки кораблей на Балтийском море.

Я уже имел честь уведомить вас, что Царь страстный любитель кораблестроения. Он сам очень хороший мастер и в прошлом году выстроил корабль, который во всех отношениях ни в чем не уступает ни одному из кораблей его флота».

По возвращении в Москву Витворт составил обстоятельный доклад, который закончил припиской: «На реке Дон находится в готовности от 30 до 40 судов разной величины, но все они голландской постройки и из очень худого леса, все они годны больше для показа, чем для службы, а остальные находятся в таком дурном состоянии, что едва ли куда-нибудь годятся».

Взгляды Витворта разделял и голландский резидент Яков Ди-Биз, но имел свое мнение.

— Русские построили неважные корабли здесь, в Воронеже. Но учтите, это их первые опыты, а «Предистинация» достойна носить флаг любой европейской державы.

Витворт настаивал на своем:

— Согласен, коллега, но в общем царю не обойтись без мастеров наших в таком сложном деле.

«Опять заносится этот чванливый британец», — слушая Витворта, размышлял голландский резидент, скрывая легкое раздражение.

— Не умаляйте русских умельцев. Кумир царя Склаев уп-

равляется на стапелях не хуже мастера Козенца. Он построил «Предистинацию». Кстати, я случайно услышал, что царь Петр отправляет его в свою новую крепость Петербург строить корабли для нового флота на Балтике...

В конце лета Петр вместе со Склаевым урывками работал на левом берегу Невы. На наспех сколоченных стапелях вырастали корпуса новых бригаantin, сконструированных Склаевым. С легкой руки Петра эти галеры-бригантины называли скампавеями. Небольшой длины, метров тридцать, с тремя мачтами для парусов и дюжиной пар весел, они были вооружены пушками, вмещали больше сотни солдат для абордажа. Возле скампавей деловито суетился новоиспеченный штурман Иван Боцис. В прошлом году по протекции Крюйса царь принял на службу этого опытного капитана венецианского флота, выходца из Далмации.

– Ты в галерах согласишь больше всех, будешь начальствовать галерным флотом, – определил Петр задачи Боциса.

Покидая вечером верфи, Петр спешил в свой уютный домик на противоположном берегу реки. Там до поздней ночи просиживал над проектом новой верфи – «Адмиралтейского дома».

– Такой у нас не было, – показывал чертежи Склаеву, – попомни, как у голландцев? Будешь зараз строить по три десятка фрегатов.

Склаев удивленно разглядывал эскиз. «Будет где приложить умельство. Здесь не Воронеж, море под боком». В Петербурге, который пока был больше похож на разросшуюся по обоим берегам реки деревню, готовились к открытию новой верфи. Напротив острова, где стояли батареи Василия Корчмина, царь выбрал ровную полянку с пологим спуском к воде. На праздник закладки первого камня съезжались гости с Ладоги, Котлина. Прибыл и вызванный царем адмиралтеец.

Хмурая осень расщедрилась в торжественный день. Серое небо распогодилось, скупое осеннее солнце заиграло багрянцем в рощах на противоположном берегу Невы. Стреляли пушки Василия Корчмина, им отвечали батареи на левом берегу. За длинным, сколоченным прямо на берегу столом звуча-

ли заздравные тосты. Рядом с царем расположились Меншиков, Головин, Апраксин, Крюйс. Петр, как обычно, чуть не силой заставлял беспрерывно наливать и осушать бокалы, но между тостами не забывал и дела:

– Покуда здесь будем галеры строить, с них почнем. Они потребны сей день. Ты, Данилыч, как губернатор, бери под опеку все северные верфи. Федор-то далече, у него забот в Воронеже и Азове хватает. Дельные вещи – такелаж, паруса, припасы огневые – також все с Воронежа сюда тянем.

Головин слушал царя, отодвинул недопитый кубок.

– Все верно, государь, Федор Матвеевич флот Азовский сподобил, ему и подымать флот Балтийский.

– Погодит пускай маленько, кампанию, другую. Линейные корабли до ума доведет. Ты винцо-то попивай.

Часть пятая АДМИРАЛ И ГЕНЕРАЛ

Генерал — значит главный. Устанавливая в России эту приставку к званиям фельдмаршала и адмирала, Петр четко наделял людей, имевших этот чин, полномочиями на флоте и в армии.

Генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин не однажды задумывался, за какие заслуги, каким образом стал он генерал-фельдмаршалом. Произошло это в самом начале войны со Швецией. Переходили они вместе с царем к Новгороду и дальше к Нарве. После одного из шумных застолий в Новгороде и родился на свет указ о производстве его в генерал-фельдмаршалы. Он прежде и полком никогда по-настоящему не командовал, а в этом походе в подчинении у него и войск не было. Под стенами злополучной Нарвы он оказался самым старшим по званию, но фактически не у дел. Отъезжая в Новгород, царь взял и его с собой. И, быть может, к лучшему, а то, не дай-то Бог, попал бы в плен к шведам...

Состоя начальником Воинского морского приказа, старался хоть малую толику времени уделить флоту, но все никак не получалось. Заедали архиважные дела в Посольском приказе, Ямском, каждый день дьяки тащили вороха бумаг из Оружейной, Золотой, Серебряной палат. Грешным делом, выходил в море последний раз на «Крепости», когда провожали посольство. Давненько это было... Ныне государь поручил

ему новый Балтийский флот, вменил «господину адмиралу над него смотреть, яко вышнему правителю».

Поневоле приходилось знакомиться с кораблями. А они где? В море, у Котлина, тем паче сам государь туда пожелает.

Головин припоздал, царь опередил его, раньше вышел в море. Командир шнявы «Мункер» Наум Сенявин вторую неделю похмелялся каждое утро. Только что его произвели в боцманматы, а друзей-товарищей пруд пруди, с каждым надо отпраздновать. Но вчера вечером получил приказ царя готовить корабль к походу на Котлинский рейд.

Лед на Неве еще не прошел, шняву мотало туда-сюда, рвало с якорей, а государь каждый день теребил: «В море, в море». «Соскучилась, поди, душа морская по простору», — посмеивался про себя командир шнявы.

Первым на Котлинском рейде бросил якорь вице-адмирал Крюйс. Он поднял свой флаг на тридцатидвухпушечном фрегате «Олифант». На самой быстроходной шняве «Мункер» развевался царский штандарт капитан-командира Петра Михайлова.

Один за другим подходили фрегаты, ложились в дрейф.

А в устье Невы шаутбенахт Иван Боцис, командир галерной эскадры, отдавал почести генерал-адмиралу Головину. Встречал пушечной пальбой, игрой на флейтах, с барабанным боем, криками «ура» матросов на вантах.

Головин отдувался, неторопливо поднимаясь по трапу, озирался по сторонам. Такого этикета он не встречал.

— Сие, ваша светлость, — доложил Боцис, — на венецианский манер.

— Ну, как знаешь, — высказался довольный церемонией генерал-адмирал, — поднимай якоря, догоняй государя.

Запели дудки, загремели барабаны.

Галеры и бригантины стройной колонной потянулись из устья Невы.

Тем временем «Мункер» с отрядом фрегатов впервые ушел далеко. Кроншлот давно скрылся из виду. Моряков звал простор, соскучились по морю, свежему ветру, соленой волне. Вскоре на горизонте замаячили линейные корабли шведов.

– Дюжина с лишним, господин капитан-командор, – доложил Сенявин.

– Ну что ж, и то слава Богу, порезвились, – не отрываясь от подозрительной трубы, ответил царь. – А тягаться со шведами в открытом море еще рановато. Пушек корабельных мало. Поднять сигнал по линии: «Поворот, все вдруг, на обратный курс!».

Отряд возвратился на Котлинский рейд под прикрытие береговых батарей, сюда-то шведы не сунутся.

Две недели крейсировала русская эскадра на расстоянии дальности стрельбы береговых батарей.

Превосходящая вдвойне армада шведских кораблей так и не решилась приблизиться к Котлину.

Петр с Головиным ушли на «Мункере» в Петербург. Эскадра салютовала генерал-адмиралу в последний раз...

Лето выдалось беспокойное. Правда, позиции русской сухопутной армии под Киевом выглядели довольно прочными. Войска благодаря умелой тактике Меншикова избежали стычки с Карлом XII, выиграв тем самым время и укрепив боевую выучку пехоты и драгунских полков. Но тревожила непонятная позиция союзника Августа II. Пройдет всего два месяца, и он втайне от царя заключит предательское соглашение со шведами.

Посольскому же приказу забот прибавилось. Чтобы не оплошать в политике, надлежало знать достоверно и своевременно доносить царю о замыслах друзей и кознях недругов.

Головин спешил в Киев сообщить последние новости из Европы от Долгорукова и Матвеева, из Стамбула от Толстого, но, увы, до места не добрался, скоропостижно скончался по дороге.

В первых числах августа, едва узнав о кончине генерал-адмирала, царь первым делом обеспокоился о палатах Золотой и Серебряной. «Федор Алексеевич чистой совестью держал казну, берег каждую полушку. Кто у нас на Москве-то обретается взамен? Да нет никого. Тот пьет, тот гуляет, а третий токмо о мощне печется. А воров-то на каждом шагу тьма, хочь боярин, а хочь дьяк».

– Распорядился об отправке Федора Алексеевича, как я указал? – спросил он у Макарова, молодого своего секретаря,

и, получив утвердительный ответ, протянул письмо: – Сего же дня пошли нарочным на Воронеж к Апраксину. Сыскать его, где ни есть, и передать из рук в руки.

Макаров положил лист в папку и собрался уходить.

– Сам-то когда его чаял?

– В Петербурге прошлым годом, государь, и на Воронеже.

Макаров, как обычно, смотрел прямо, не отводил взгляда, за два года неплохо изучил характер царя. Но и сам приноравливался не всегда все показывать, например, как сейчас. С Апраксиным, единственным из вельмож, он состоял в переписке...

Письмо застало адмиралтейца где-то между Воронежем и Тавровом. Сообщив горестную весть, царь требовал немедленно выехать в Москву. «Все приказы, которые ведал генерал-адмирал, кроме посольского, пересмотри и в них дела и деньги запечатай до Указу».

Засветло, августовским вечером, адмиралтеец умчался в столицу. В Москве, никуда не заезжая, поехал на Монетный двор, проверил с дьяками все запоры, наложил сургучные печати. Утром опечатал Золотую и Серебряную палаты. Встретился с удрученным Гаврилой Головкиным. Тот успел разобратся в делах Посольского приказа. Вместе погоревали, помянули своего общего наставника.

– Великий был человек, беззлобный и без корысти.

– Отечеству служил не щадя живота, на благо токмо.

– Царство ему небесное во веки веков...

Царь всегда в минуты беды не терял присутствия духа, на первое место ставил дело. Так и следует поступать.

«Доношу, – писал Апраксин, – Вашему Величеству: письмо Ваше из Киева 2 числа сего месяца получил, в котором изволил мне объявить о смерти превосходительнейшего Г. Адмирала моего особливового благодетеля Федора Алексеевича, о котором сердечно болю и плачу.

Монетный двор запечатал, в Оружейном приказе запечатал, Ямской приказ запечатал. А одному мне всего не усмотреть, боюсь того, чтобы не растерять...»

Нахлынули новые заботы. Царь возложил на адмиралтейца всю церемонию похорон генерал-адмирала и генерал-фельдмаршала...

Печальная весть достигла и берегов Невы. На эскадре распорядился Крюйс, он и прежде исполнял воинские морские ритуалы. Балтийская эскадра отдавала последние почести своему адмиралу. Командир «Мункера» Наум Сенявин записал в корабельном журнале: «Августа в 18 день г. вице-адмирал получил ведомость, что г. адмирала Головина не стало; и в то число поднят был у вице-адмирала его адмиральский флаг с крестом, на грот-стеннге, с флагштока в половину. Потом из десяти пушек выстрелил, пушка за пушкою не часто. Потом опущен флаг в половину с флагштока на корме, также и на других кораблях...»

А война разворачивалась все шире. Царь был беспрерывно с войсками на Украине. После измены Августа II всю тяжесть военных действий несла на себе русская армия.

Шереметев после подавления смуты в Астрахани отправился в действующую армию. Меншиков искал случая сразиться со шведами, но так, чтобы непременно с успехом...

Накоротке, еще до похорон, на один день заскочил царь в Москву. Разговаривал с Апраксиным на ходу, спешил к Выborgу, со дня на день должна была начаться осада крепости.

— Готовсь, Федор, принимать все дела по Морскому приказу, Воронеж и Азов покуда на тебе остаются.

Потом царь повез Апраксина к Сухаревой башне. В Навигацкой школе никто не ждал царя. Учителя всполошились, бежали по классам, наводили порядок, ротные офицеры с заспаннми физиономиями раздавали подзатыльники, «дядьки» с хлыстами вытягивали по спинам перепуганных воспитанников. По классам гулял ветер, дрожали от холода и страха школяры, особенно те, кто из «низкого сословия».

— Вишь сам, бардак кругом, — сетовал царь, — однако ты сюда заглядывай. Основа флота здесь произрастает. Присмотришься, раскумекай. Весной пошлем школяров в Европу на корабли. Верное искусство токмо в море постигают.

...Отпевали генерал-фельдмаршала и генерал-адмирала в Успенском соборе при стечении всех московских генералов и бояр. Погребали под мерные, глухие раскаты артиллерийских залпов... Пышными были и поминки. Церемонией царь остался доволен, поздравил Апраксина с новым назначением.

«Min Herz Admiral! — обращался по старой доброй привычке царь к давнему приятелю и старшему товарищу, — письмо ваше вразумев ответствую первое, о печальной церемонии погребения (Его превосходительства Г. Адмирала бывшего) по необходимому определению. Второе о возвышении вашем на его градус в чем вам от сердца истинного при поздравлении желаю: да благословит Господь Бог вам быть в сей саржи (звании) к славе имени своего и пользе утесненных христиан...

...Из школы, как мы говорили, не отлагая посылать надлежит, понеже им молодых удобных лет потом возвратить будет невозможно. Только посылать не великое число, человек тринадцать и с ними комиссара Львова для надсмотру и определить, чтобы от февраля до октября всегда были на море, а прочие пять месяцев в учении навигации и прочих...»

Прошло немного времени, и вышел царский указ: «Адмиралтейца Федора Матвеевича Апраксина во всех его Государевых указах и в приказных делах писать Адмиралом и Президентом Адмиралтейства».

Никогда не старался Апраксин высказывать вперед, перебегать кому-либо дорогу, добросовестно трудился, старался делать все по совести, чтобы пержде всего не было стыдно перед самим собою. Теперь жизнь ставила его на ту ступень военной службы, где ты всегда на виду, где каждое слово твое воплощается в действие людей в морской форме. От того, насколько точно и верно отдана команда на корабле, зависят подчас судьбы и жизни сотен людей. И не только на войне. И в буднее время корабль постоянно живет в борьбе со стихией, коварной и часто непредсказуемой. Поэтому командиру в море ошибаться заказано...

Корнелий Крюйс ожидал третью кампанию с опаской. За зиму корабли пообветшали. Снег, мороз, оттепель, наледь разрушали дерево, заводили сырость и гниль. Приходилось на возке раз в неделю или две объезжать по сугробам вереницу вмерзших в невиский лед кораблей. Будоражил капитанов и боцманов, те тормозили матросов, гнали на корабли скалывать лед и сосульки, сбрасывать снег за борт.

— Вот погодите, — грозил он командирам, — весной прибует адмирал, он задаст вам перцу.

Как ни странно, новоиспеченный адмирал в Петербурге не

задержался. По санному пути, накинув поверх адмиральского мундира просторный тулуп, поехал в Лодейное Поле, на Олонецкую верфь.

Апраксин стал не только адмиралом, «вышним командиром» Балтийского флота, но и президентом Адмиралтейства. Какие корабли находились на плаву, в строю, он знал, но хотелось посмотреть, пощупать те, что будут завтра. Смотрел вперед.

В Олонце адмирала принимал Салтыков. Вначале растерялся, опешил, увидев на Апраксине адмиральский мундир. В далекую глушь доходили кое-какие слухи, но никто не знал толком о переменах начальства.

Поздоровавшись, Апраксин сразу предупредил Фильку:

– Задай корму лошадям да попонкой прикрой, пущай остынут. В ночь по морозцу поедem на Сясь.

По перенятой от царя привычке Апраксин сразу направился к верфи. На стапелях высились скелеты трех фрегатов, одной шнявы. У пристани стояла во льду почти готовая четырнадцатипушечная шнява.

– Фрегат «Флигель» сам кумекал? – начал разговор Апраксин.

– Сие так, господин адмирал. Я же его и строил.

– Добрый корабль, слышал я от государя. Дерев запасено на лето?

Салтыков немного замаялся:

– Так вроде для обшивки, мачтовых поделок хватит, токмо вот дубовых кривулей в обрез, недостаток.

«Видать, самотеком дело поставлено, – мелькнуло у Апраксина, – надо бы сюда Верещагина вытребовать, он толковый по деревьям».

– Слышал я, капитан, што фрегаты по Ладоге туго идут?

– Сие верно. Шнявы кое-где тоже чиркают килем по отмелям, а вот «Олифант» пришлось поднимать плотами.

Апраксин невольно вспомнил мелководье на Воронеже в Таврове. «Верно толковал Петр Лексеич, в Олонце токмо фрегаты, а большие корабли навряд ли мочно стоять...»

К Сяси добрались берегом с провожатым. Лед на Ладоге потрескивал. В дороге Апраксин, завернувшись в тулуп, дремал, пока не добрались до места.

Сясьская верфь строила нынче только шлюпки, буера и другие небольшие суда. В свое время место для нее выбрали неудачное, низменное. Весной стапеля наполовину уходили под воду.

Теперь неподалеку, ниже по течению, строили другую верфь – Новую Ладогу. Плотники заканчивали укладывать широкий помост для закладки первого фрегата.

Здесь распоряжался Иван Татищев. Он, правда, верховодил Новгородским приказом, но прикипел к строительству судов, сам вычерчивал бригантины и строил их. Присмотревшись, Апраксин обнаружил в нем доброго знатока лесного хозяйства.

– Возьмись-ка, Иван Юрьевич, за дерева корабельные. Нехватка великая у нас дуба в Олонце, да и Кикину его недостает в Петербурге. Ты-то места, дубравы, ведаешь где?

Татищев согласился, но сразу предупредил:

– Дуба здесь добротного много не сыщешь, надобно к Волге ближе. Однако знаю, кое-где клинушками прорастает дубрава. На первое время хватит.

– И то добро, – согласился Апраксин, – а мы сие обмозгуем. Как ты верно толкуешь, не миновать посылать рубить дубравы на Волге. Еще сказывают, красная сосна под Казанью...

К Петербургу Апраксин подъезжал при сплошном грохоте ломающегося льда на Неве. В солнечный день на берегах реки виднелись небольшие кучки любопытных баб, ребятишек, наблюдавших за ледоходом. Разглядывали они и корабли, стоявшие цепочкой на двух-трех якорях. Но громадные торосы, а то и целые плавучие ледяные поля легко разворачивали суда во все стороны.

Недалеко от Адмиралтейства, на берегу стоял Крюйс и, размахивая руками, кричал что-то в рупор на стоявшую неподалеку от берега шняву «Мункер». Апраксин вылез из саней и отправил Фильку готовить обед в дом Меншикова, где он обосновался.

Увидев Апраксина, Крюйс вразвалочку направился к нему и, здороваясь, приложил руку к шляпе.

– Наум Сенявин бахвалится, не отдает второй якорь, – пояснил вице-адмирал. – Сорвет с якоря, поздно будет.

Апраксин оглянулся: совсем рядом высились три громадные сосны, руками не обхватишь.

— А ты посоветуй за сосны прихватить канатами. Так надежней.

Крюйс досадливо махнул рукой:

— Кто другой прихватит, а Сенявин не станет. Я, говорит, не купчишка, срамиться не стану.

Беседуя, они пошли вдоль берега к Адмиралтейству. Крюйс доложил, что через неделю можно будет кораблям по одному вытягиваться на рейд Котлина, пока лед преграждает путь шведам.

— В прошлую кампанию мы Анкерштерна славно отвадили от Котлина, — как бы невзначай обронил Крюйс.

— Ведомо мне. Государь сказывал и Федосей Склеяев. Он в ту пору здесь в Адмиралтействе был.

Еще до приезда в Петербург Апраксин решил сразу не тревожить Крюйса, дать время корабельной эскадре привести себя в порядок.

Знал он, что на флоте, в море непростые отношения порой возникают между начальниками разных рангов. Особенно в адмиральских чинах. Не дай Бог, сойдутся на одном корабле старший и младший флагманы. Не поздоровится прежде всего командирам. Здесь в полной мере применима поговорка: «Паны дерутся, у холопов чубы трещат».

И потому Апраксин заранее предупредил Крюйса:

— Свой флаг я подниму на «Олифанте», а ты, Корнелий Иванович, подбери себе флагман по душе.

Так уж сложилось, что первым изготовил к походу свой корабль Наум Сенявин. Вслед за ним на невиской стремнине выстроилась еще семерка шняв. В конце апреля, салютуя крепости, во главе с «Мункером» двинулись они к морю, а 1 мая на рейде Котлина бросили якоря четыре фрегата под флагом Крюйса. Подходя к рейду, вице-адмирал придирчивым взглядом окидывал каждый корабль. Как всегда, опытный взгляд морского волка находил беспорядок. На одной шняве полоскал небрежно подобранный фор-марсель, на другой за борт соплями свисали с палубы концы, на третьей закрутился вокруг флагштока кормовой флаг. «Часовой бабочек ловит», — сердился про себя Крюйс. Не успели корабли стать на якорь, Крюйс собрал офицеров:

— Адмирал отпустил нам неделю, чтобы привести все в готовность, — резко сказал он командирам. Те вытянули шеи. Они впервые видели Крюйса в таком раздражении. — Потрудитесь послезавтра навести порядок не только на палубах, но и в кубриках, на пушечных деках, в трюмах...

Апраксин появился на Котлинском рейде, как и обещал, ровно через неделю.

— Яхта под адмиральским флагом. В кильватере следуют четыре бригантины с младшим флагманом, — доложили Крюйсу утром 9 мая.

Шнява, построенная на английский манер, ловко с-под ветра обогнула корабли на рейде и бросила якорь по корме «Олифанта». Было видно, как со шнявы быстро спустили шлюпку и она понеслась к «Олифанту». Крюйс внимательно проследил, как быстро исчез белый адмиральский флаг с гафеля шнявы. И едва шлюпка подошла к трапу «Олифанта», на нем взвился флаг старшего флагмана.

— Смотреть в оба за флагманом, — распорядился Крюйс и направился в каюту заканчивать завтрак. Только-только успел выпить любимый кофе, как в каюту постучали.

— На «Олифанте» сигнал: «Командирам и флагманам прибыть к адмиралу...»

Чередой швартовались шлюпки к трапу «Олифанта» и, высадив командиров, отходили за корму, цепляясь за потравленный канат, бакштов.

Один за другим входили в салон адмирала прибывшие и представлялись по-уставному:

— Вице-адмирал Крюйс здесь, шаутбенахт Боцис здесь. — За ними следовали капитан-командоры Рейс и Шелвтинг, капитаны Эдварт, Весель...

Изучающим взглядом встречал прибывающих новый флагман, приглашал садиться. «Токмо иностранцы, — мелькнула грустная мысль, — нет, а вот наконец-то и свой, доморощенный, Наум Сенявин».

Первая встреча с подчиненными была короткой. Адмирал начал с успехов, отметил заслуги:

— Прошлую кампанию флот наш с доблестью устоял противу шведа: не допустил неприятеля к Питербурху. В том ваша, господа, благодать. — Апраксин говорил размеренно, доб-

рожелательно. Почувствовали и собравшиеся справедливое уважение в его словах их ратного труда. — Неприятель многократно превосходит наш флот, особенно линейными кораблями, которых у нас нет ни единого. Но сие не означает, что нам позволительно отсиживаться за котлинскими пушками.

Апраксин подошел к карте:

— Для упреждения незапного удара неприятеля выставим дозор к весту от Котлина. Распогодится, осмотримся, бригаantinaми набег произведем в шхерах. Ежели не будет превосходства неприятеля, попытаем к базам передовым выйти, Нарва-то теперь наша.

Апраксин взял со стола лист:

— Составлена мною на первый раз инструкция командирам. — Он поискал глазами нужный абзац: — «При встрече с неприятелем поступать при этом, как доброму и честному офицеру, которому надлежит потом во всех своих действиях добрый ответ дать».

Внимательно следили командиры за каждым словом и жестом говорившего. В их жизнь входили новые правила и кодексы, которые не только определяли ритм военной службы, но и брали заботу о их судьбах.

— В подробностях получите сие наставление ныне же в моей канцелярии...

Адмирал задержал Боциса, подозвал к карте:

— Подбери доброго капитана, отряди бригаантин несколько, разведай до острова Гогланда, пошуруй шведов.

Светлыми сумерками снялись с якоря девять бригаантин под командой капитана Демьянова. К утру подошли к Гогланду, высадили десант. Сонные шведы не сопротивлялись, не ждали гостей, а те захватили «языка», пожгли склады, разные строения, вернулись без потерь.

— Ну вот и слава Богу, первая вылазка с фортуной, — обрадовался Апраксин. — Пуцай шведы прознают, кто теперь здесь хозяин.

Прошли еще сутки, и переполошенный неприятель дал о себе знать. Около полудня со шнявы, стоявшей мористее, раздался тревожный выстрел. С веста с распущенными парусами надвигалась шведская эскадра. На кораблях сыграли тревогу, выбрали быстро якоря, ставили паруса, выстраива-

лись в линию. Но шведы и на пушечный выстрел не подошли, отвернули. Видимо, увидели, что напасть врасплох не удалось.

К вечеру рейд покинул отряд капитан-командора Шельтинга: четыре фрегата, четыре шнявы, брандера уходили в дозор. Спустя сутки к ним присоединились четыре галеры Боциса. Шведы показались еще раз, но близко не подходили. В конце мая погода устоялась, задул ровный ветер, похоже, на долго. Апраксин повел эскадру к Нарве.

Перед уходом, как положено, послал весточку царю, в далекую Жолкву подо Львовом. В своей ставке Петр внимательно следил за движением войск Карла XII.

Первый раз за многие века российский флаг развевался на дальних рубежах.

По традиции, Апраксин в свободное время на якорной стоянке приглашал к обеду то вице-адмирала, то Боциса, то обоих вместе, а иногда командиров.

При первом же визите Крюйс, человек прямой и не льстивый, признался Апраксину:

— Ваш приезд к нам столько бодрости учинил, будто у нас в эскадре линейных кораблей прибавилось.

— Будет тебе, — рассмеялся Апраксин. — Ты мне лучше объясни, что за молодец при тебе состоит?

Во время визита на корабль Крюйса адмирал впервые увидел молодого, симпатичного чиновника, с которым тот общался довольно любезно. Говорили они по-голландски и по-немецки.

— О, это примечательный юноша, Андрей Остерман из Вестфалии.

— Немец?

— Да, его отец пастор, а старший брат в наставниках у царицы Прасковьи Федоровны. Он весьма любопытен, склонен к путешествиям, владеет латинским, французским, итальянским.

— Занятно, — удивился Апраксин, напомнил: — Сходи-ка в ночь, посмотри дозоры наши на взморье, чтоб шведы незапно не появились. Завтра будем уходить. Они-то небось проводили наши малые силы, могут и навалиться вдруг.

Но шведы, видно, или не успели узнать о походе к Нарве, или узнали слишком поздно, но все же в Стокгольме забеспо-

коились. «Что за русские корабли объявились в Нарве? Оттуда ведь рукой подать до Ревеля».

На Котлинском рейде стояла на якоре новенькая бригантина, поджидала почту из Петербурга.

Боцис доложил, что прибыла новопостроенная бригантина под командой Ивана Сенявина.

— Не брат ли Наума? — спросил Апраксин.

— Так и есть, ваше степенство. — Боцис всегда был почтителен.

— Ну вот, — рассмеялся Апраксин, — семейка завелась у меня в эскадре.

Адмирал получил первое поздравление от царя с Украины: «Поздравляю вашу милость со счастливым приходом на Ост-зее и первым распушением витт-флага, которые мы за своим благочестием видеть не сподобились, и понеже о Нарвы прямым фарватером-курсом еще никто из наших не был доселе, которые ныне при начале вашей команды учинено, в чем желаем от Бога, дабы вящим счастьем благословил, не точию на сем, но и на полуденном море».

Апраксин отложил письмо. «Вишь, как растрогался Петр Алексеич, ему это как снадобье на сердце, слава Богу. И про Азов не забывает. Как-то там Бекаман с турками управляет-ся?» Позвонил в колокольчик, вбежал вестовой.

— Вызвать вахтенного офицера. — На пороге вытянулся боцман. — Передать сигнал шаутбенахту Боцису: прибыть к флагману.

Флот на Балтике делал первые шаги, а среди офицеров уже появилась разногласица. Правда, по смехотворному поводу. Боциса величали по-разному. Одни называли третьего флагмана шаутбенахтом по-голландски, другие ариер-адмиралом — исковерканным англо-арабским званием, а кто-то просто контр-адмиралом. А все потому, что среди наемных командиров оказались и голландцы, и немцы, и англичане, и далматинцы. И еще много других. Например, норвежца Крюйса считали голландцем, как и датчанина Беринга...

Адмирал с Боцисом расположились у карты.

— Ты, Иван Федосеевич, в этих местах плавал, тебе, может, многое знакомо. Ты скажи, ты вот сюда, — Апраксин ткнул в шхеры, — к Борго, не проводывал?

Далматинец хитровато прищурился, черные глаза заискрились смешинкой:

— Как не был, доводилось, прошлую кампанию, ваше превосходительство, токмо вице-адмирал об этом не ведает.

— Што там выведаль?

— Покуда издали особых шанцев не видно, кое-где парусники купеческие.

Адмирал прочертил заскорюзлым ногтем линию поперек карты:

— Возьмешь бригантин с десяток или поболее, пойдешь в розыск в шхеры, от Биорка до меридиана Гогланда. Под ядра и картечь не суйся. Твоя цель выведать, где што у шведа.

Узнав, что Боцис готовится к походу, Крюйс недовольно морщился, шмыгал носом, но молчал. Первый раз галеры уходили в море без его ведома.

Три недели отряд Боциса рыскал в финских шхерах.

— Кораблей вражеских там нет, — доложил шаутбенахт, — но шведы рюют шанцы подле Борго, пушек туда навезли. По нас пальбу открыли. Под берегом транспорта разгружаются. Не иначе припасы из Швеции завозят.

Апраксин слушал, поглядывал на Боциса, переводил взгляд на карту.

— Весной пойдешь в набег к Борго, готовь свои бригантины.

Осень вступила в свои права, как обычно в эту пору, в заливе зарядили дожди, иногда вперемежку со снегом. Неожиданно, без предупреждения в Петербург приехал царь и в этот же день ушел на бригантине к Котлину, посмотреть обе эскадры, корабельную и галерную.

Хитро косил глазом на невозмутимого Апраксина: «Посмотрим, Федор, каков ты моряк на самом деле». Летом царь получил письмо от Крюйса. Вице-адмирал безмерно восхищался новым начальником: «Морское дело здесь в два года так унизилось, что чуть в конец не развалилось, токмо Его Превосходительство великий адмирал зело дивно поступает и своим премудрым разумом, то упалое дело ведал на лучшее учинить таким образом, что дивно есть и невозможно никому поверить».

На рейде царь перешел на «Мункер». По установленному

им порядку капитан-командор Петр Михайлов считался командиром «Мункера». Во всех списках он так и обозначался. В его отсутствие кораблем управлял поручик Гельм, когда тот болел, «Мункер» принимал под свою опеку Наум Сеньявин.

Обходя на шняве выстроившиеся в линию корабли, Петр впервые остался удовлетворен их внешним видом, порядком на палубах и в помещениях и вообще настроением людей. Сытые, довольные лица матросов говорили о многом. На «Дефаме» в артиллерийском деке царь поманил капрала:

– Заряжай пушку, отстреливайся.

Без заминки одни канониры побежали в кройт-камеру за картузом, другие тащили ядра, раскладывали фитили, откатывали орудие. Выстрел произвели неожиданно для остальных кораблей. На палубах забегали, поднимали запросные флаги. Довольный Петр поглаживал усики: «Кажись, никто не спит».

Обе эскадры снимались с якорей, уходили к Неве на зимнюю стоянку.

– Надо бы Котлин обустроить для зимней стоянки. Со шведом утихомиримся, и ты, Федор, начинай промерять глубины, ищи гавань.

Царь нет-нет да и подумывал о замирении с Карлом XII, но Европе это было просто не выгодно, а король и слышать не хотел о мире...

В Петербурге царь напомнил Апраксину о «школярах»:

– Сколь недорослей готово для отправки волонтерами?

Апраксин намеренно откладывал этот неприятный разговор.

– Бояре и князья упираются, как и прежде, Петр Алексеич, хоронят своих чад, жмутся. Десятка четыре набрал, своего племянша отсылаю, где-то по весне, а то летом отправим.

– Петрова сына старшего? – Петр неплохо знал семейные дела своих друзей-сподвижников.

– Его самого.

Адмирал в Петербурге воочию убедился, что офицеров, и особенно командиров, большая нехватка. Половина бригадин не имела командиров. Приходилось временами, чтобы послать корабль в море, брать командиров с ремонтирующихся судов или назначать командовать опытных боцманов.

В начале весны по санной дороге из Москвы выехала царская фамилия. Ехали царица Прасковья Федоровна, Наталья Федоровна, царевич, все царевны. Их сопровождали Ромодановский, Бутурлин, челядь и большой конвой. Петр решил понемногу осваивать будущую столицу, обживать Петербург, приучать к ней близких.

И теперь-то рядом море, его родная стихия. Как-то сказал Апраксину откровенно:

– Я, Федор Матвеевич, приучаю семейство мое к воде, чтобы не боялись впредь моря. Да и Петербург окружен водами.

Семья, не торопясь, окольными, безопасными дорогами добиралась к Ладогге, а нетерпеливый царь, бросив топор на верфи, глядел в бурливую, стремительную Неву, уносящую последние льдины в залив.

– Айда в море!

– Погоди, государь, – остановил его Апраксин, – чаю, царицы к Ладогге добрались. Встретить надобно, да и Котлин льдами закрыт.

Спустя неделю крепость и корабли на Неве салютовали флотилии яхт, спускавшихся от Шлиссельбурга. На передней развеялся царский штандарт. Вереница яхт доставила в город на Неве царскую семью, сопровождаемую Ромодановским, Бутурлиным и большой свитой. Постепенно Петербург входил в роль державной столицы.

Накануне на несколько дней прискакал из войск Меншиков.

Меншиков и Апраксин встретили царя у Малой Охты. Апраксин впервые видел близко входившую в силу фаворитку Петра Екатерину Алексеевну. Она еще не оправилась после первых родов, выглядела немного утомленной, но виду не подавала.

Поднявшись на борт, Меншиков предложил:

– Наталью Алексеевну разместим пока в хоромаш Ульяна Сеньявина, царицу Прасковью в моем доме. – О Екатерине умолчал, ей уже приготовили светелку в домике царя.

Однако царице не повезло. На следующий день губернаторский дом загорелся. Пришлось устраиваться у Брюса.

А взморье в устье Невы за эти дни очистилось ото льда, и Петр поспешил на Котлин. Вымпел капитан-командора раз-

вевался на «Мункере», за ним следовали «Думкрат» под флагом адмирала и «Олифант» под флагом Крюйса. За версту до Котлина путь преградили сплошные льды. Петр по льду со свитой пошел на остров. В Кроншлоте царя заметили и к встрече приготовились. Заранее заиграли трубачи, барабаны забили дробь, салютовали орудия Кроншлота и нового, Александровского, форта. Здесь все было обжито, в казармах пахло щами, блестели вымытые полы. Похвалил Петр и оборудованную заново Ивановскую батарею на острове, но полковника Толбухина предупредил:

– Нынче у Выборга шведы готовятся к походу. Наверняка подмогу похотят иметь с моря. Потому гостей непрощенных готов будь встретить достойно. Вместе с адмиралом обороняйте Неву и город.

На обратном пути Петр опять шлепал по лужам, скользил в полыньях, прыгал через трещины.

Нет-нет да мелькало в уме: «Что-то замыслил брат Карл, мириться не желает, двинется к нам. Токмо куда? Сюда, к Петербургу? Сие явно. А еще куда? К Москве? Но какими путями?..»

В это самое время шведского короля терзали сомнения. Армия топталась на месте, задерживала распутица и еще многое. Оказалось, что все дороги на восток перекрыты километровыми засеками, в пустых деревнях не было провизии и жителей. Они уходили сами и угоняли скот, сжигали сено...

Нелюдимый по натуре, Карл XII угрюмо молчал. Его генералы Рейншильд, Шлиппенбах, Лагернкрун разводили руками. Король никого не посвящал в свои планы. Три дороги, три судьбы, какая из них верная? Одна вела на север – Псков, Нарва, Петербург. Там у Выборга генерал Либекер с пятнадцатитысячным войском, на море армада кораблей адмирала Анкерштерна. Другая – через Смоленск и Вязьму к главной цели – Москве. Третья указывала обходной путь к цели, через Украину. Там его ждут сало и мед, друзья-казаки и Мазепа.

Выход помог найти генерал Мюленсфельс, немец на русской службе, перебежавший к шведам.

Он убедил короля в том, что русские так и не научились воевать по-настоящему, их можно одолеть без труда, народ, дескать, царю Петру не верит и не любит его, на Дону против

него восстали казаки атамана Булавина, бунтуют на Урале башкиры...

В конце концов король повел свои полки на восток, лелея мечту закончить поход в Москве. Увы, здесь он впервые просчитался, и дальше неудачи преследовали его уже до конца войны...

Пока шведы размышляли, царь отправил Меншикова в армию, а сам погрузился в работу на верфях, занялся устройством новой столицы.

В середине мая Боцис доложил о готовности следовать к Борго.

Апраксин проверил все и доложил Петру:

– Нынче приготовил в набег Боциса с отрядом скампавей и бригаنتين. На те суда посадил морских grenадер полтыщи.

Слушая Апраксина, Петр про себя радовался: «Слава Богу, образовались морские вои, не ждут неприятеля, сами наступают».

– Ну, ну, рассказывай. – Царь развернул карту.

– Поначалу к вечеру пойдут к шхерам и по-над берегом поднимутся к Боргу. Там суда какие попадутся шведские, сокрушат их, шведа побьют.

В эскадре Боциса командирами бригаنتين отправлялись два брата Сенявиных, Наум и Иван. Провожал их старший брат Ульян:

– Под пульки-то зря не лезьте. Друг дружку держитесь.

– Само собой, только кто же ее, дуру-то, углядит, шальная она.

Первый укол со стороны моря балтийцы шведам нанесли удачно. Никто не ожидал нападения русских бригаنتين.

Приноровился Наум Сенявин все примечательные события заносить в морской журнал.

«Май... В 6 день г. шауфбенахт отправлен с 9 скампавеями да 7 русскими бригантинами в местечко Борго, при котором походе и я сам был...

В 20 день пришли к Борго и вышли на берег версты за три и пошел первый батальон Луки Демьянова; второй подполковника Шмита; третий майора Микешина; четвертый братин, которые были на русских бригантинах. И как пришли к мосту, тогда пошел подполковник с морскими grenаде-

рами, у которых командовал Лука Демьянов, и в ту баталию на мосту...

В 11 день поутру рано переехали на ту сторону, на которой местечко... Пошли строем. Тогда шведы побежали, а мы пришли... И при том местечке сожгли 15 шкун...

О результатах рейда Апраксин докладывал на Котлинском рейде. Царь обстоятельно расспрашивал, одобрительно кивал головой, рассматривал карту:

— Гляди, Федор, отселе шхерами к Выборгу прямая дорога.

Апраксин усмехнулся краешками губ:

— Сие так, господин шаутбенахт. Запрошлым годом недосуг мне было. Слышал о неудаче под крепостью, а брать ее надобно с моря. — Адмирал перешел на доверительный тон: — Помнишь, Петр Алексеич, Азов-то воевали морем? Ты сам тогда сказал, любо тебе морем, паче близко.

— А ведь и верно, Федор. — Петр рассмеялся и вдруг перевел разговор: — У Крюйса какой-то чиновник прислуживает, кто таков, не ведаешь?

— Как не знать. Немец, Ондрейкой кличут, полдюжины иноземных языков ведает, пронырливый юноша.

— Передай Крюйсу, пуцай ко мне на «Мункер» с ним явится.

Так начиналась при Петре карьера Остермана.

...Июньское солнце стояло в зените, Меншиков прислал из армии весть Петру: «Карл с войсками перешел Березину».

Наконец-то прояснилось. Царь позвал Апраксина:

— Стало быть, брат Карл на Москву пошел. Изготовь шквадру. Пойдем к Нарве, оттуда в армию поеду. Возьмем с собой фамилию женскую. Море спокойное, пора им оморачиваться, покуда шведы мешкают.

Апраксин собрался уходить, но Петр остановил его жестом. Уезжая к основной армии, он не определил порядок. Здесь, на севере, Петербург и флот — главная ценность сегодня. Хотел было назначить командующим армейским корпусом в Ингрии боевого генерала Якова Брюса, он и в стычках многих бывал, и комендантом в Петербурге состоит, но тут пришло письмо из Астрахани от старшего брата Апраксина, который вместе с Шереметевым налаживал там жизнь после

бунта стрельцов, сидел надежным воеводой. Петр Апраксин всегда радел о деле, думал о своих полках, сроднился с офицерами и солдатами. Царь знал, что и его любят в полках. А Апраксин переживал, что вдруг его родные полки попадут в «чужие» руки. Поэтому настойчиво предлагал царю «полки мои, как драгунские, так и пехотные перепоручить командовать брату моему Федору Матвеевичу». Знал старший брат, что надежней Федора нет ему замены. Собственно эта настойчивая просьба закаленного и верного бойца определила, кому распорядиться войсками. К тому же видно было, как Федор Матвеевич напористо верховодил флотом, не осиживался, первым вступал в стычку со шведами.

— Ведаешь, пожалуй, один ты, сколь велик для меня смысл утвердиться на Балтике. Нынче здесь может решиться, быть или не быть флоту. Либекер вскорости нагрянет... Ты останешься главным командиром на суше и на море. Принимай немедленно под начало полки старшего брата своего...

Эскадра подняла паруса. Головным шел адмиральский «Думкрат», за ним Крюйс на «Олифанте», в середине под царским штандартом следовал «Мункер»...

Вышли в море с восходом солнца. Легкий бриз приятно освежал лицо. Петр боялся за старшую, Прасковью Федоровну, но оказалось напрасно. Она весь переход просидела в кресле под тентом, лишь иногда слегка вскрикивала, когда шнява кренилась, но то и дело просила квасу. Наталья Алексеевна не отходила от Екатерины. Временами они прогуливались по палубе. К концу плавания осмелели, стали подходить к фальшборту, ахали, заглядывая вниз. Кружилась голова, в груди что-то сжималось от страха... Во время первого короткого морского путешествия женщины познакомились с кораблем, морской жизнью, его хозяином. Знакомство и отношения людей на корабле имеют свои особенности. Здесь человек не может покинуть компанию, если она ему не по сердцу или если его обидели. Ему негде скрыться от неприятного или неинтересного собеседника.

Первой встречей Екатерина Алексеевна и Федор Матвеевич остались довольны. Екатерине понравились неторопливость в суждениях, обходительность и даже некоторая его застенчивость в разговоре. Апраксину пришлось по душе мяг-

кость в общении, неназойливость и простота новой симпатии царя...

К устью Нарвы подошли, когда солнце коснулось горизонта. Царь сошел на берег под раскаты пушечного салюта, на следующий день отпраздновал в кругу адмиралов свои именины.

– Завтра отъезжаю, Федор, смотри не зевай шведа, – прощаясь с Апраксиным, наставлял царь, – женскую половину сопроводи в Петербург и отправь под конвоем в Москву, Катериночке пора к малютке возвращаться...

– Все путем совершу, государь, к шведам я послал лазутчиков «языка» словить.

Направляясь к Москве, Карл XII решил покончить с городом на Неве. О нем постоянно напоминал первый канцлер, который возражал против немедленного движения к Москве.

– Ваше величество, разумней вначале овладеть нашими землями в Ингрии, – советовал осторожный Пипер, – захватить Петербург. А после этого двинуться на Москву.

Король уже решил по-своему.

– Корпус генерала Либекера сотрет с лица земли этот город, а эскадра Анкерштерна перебьет и потопит ветхие посудины Петра. На Балтике всегда властвовал шведский флаг.

Такого же мнения придерживался посол Витворт в донесении в Лондон: «Произвести самую влиятельную диверсию и действительно встревожить царя может только нападение шведов на Ингрию, потому что этой-то местностью, и особенно своим любимцем – Петербургом, царь дорожит более, чем какой бы то ни было частью своего государства...» И прибавлял, что в обороне города занято мало русских войск: если шведы налягут, то легко уничтожат Петербург и флот.

В эту кампанию адмиралу Апраксину поневоле пришлось выступать сразу в двух ипостасях – адмиралом и генералом. Свой флаг он держал на фрегате «Думкрат». После отъезда Петра он с эскадрой крейсировал западнее Котлина. Время шло, горизонт был чист, и на суше генерал Либекер помалкивал, а под Ревелем накапливал силы генерал Нильс Штремберг, но Апраксин не привык ждать ударов.

Разглядывая карту, высказал Крюйсу свой замысел:

– Вишь, будто клешнями нас обхватили Штремберг да Либекер, а Анкерштерн усищами пугает. Почнем-ка мы клешни обрубать, а первую как раз отсечем у Штремберга...

Лазутчики захватили в финских шхерах «языка», шведского капитана, который ехал на побывку в свою деревню. Он признался, что генерал Либекер намеревается через неделю наступать на Петербург.

– Оставайся на рейде, – приказал адмирал Крюйсу, – Либекер мешкает, переберусь-ка я на сушу, покуда на море спокойно, потревожу Штремберга. Ан все меньше потом забот станет. Но ты поймей, ежели появится Анкерштерн, встречай его на якорях, у него линейные корабли. Он сильнее покуда в море.

– Можете не беспокоиться, ваше превосходительство, прошлым годом я его угостил картечью, едва он убрался.

В Нарве адмирал, помня советы царя, первым делом посадил пехоту на лошадей. Сколачивал отряд опытный боец, полковник Монастырский. Прихватил легкие пушки. Разведкой руководил сам Апраксин. Ловкие охотники вернулись через два дня. Доложили:

– Швед лагерем стоит, не доходя Ревеля верст пятнадцать, на мызе Рекобер. Дымят костры, кашу варят, с девками балуют, пикетов особых не видать.

– Сие нам на потребу, – довольный, певуче произнес Апраксин, похвалил лихих grenадеров, выдал каждому по рублю и распорядился: – Теперь, полковник, дела за нашими ребятами. Мешкать не будем, выступим сегодня же вечером.

Молниеносного удара русских grenадеров шведы не ожидали. На рассвете часть солдат спешила, нанесла штыковой удар по центру, а лихая атака драгун с фланга опрокинула неприятеля навзничь. Генерал Штремберг едва сам унес ноги.

«Помощию Божию, – доносил царю Апраксин, – пехотный полк и с офицеры без остатку побили, а от рейторского полку разве что малое осталось».

– Слава Богу, одну клешню у шведа отсеки, – удовлетворенно сообщил адмирал Крюйсу, возвратившись к эскадре, – жди теперь гостей с моря. Как встречать гостей будешь, вице-адмирал?

Крюйс развернул карту:

— Нам ввязываться в морскую баталию с Анкерштерном пока не под силу. Встретим его, как и прежде, на якорях. Сей швед уже отведал нашей похлебki не раз, как я говорил.

— Согласен, нынче фортеции на острове знатные, вороги сюда не сунутся. Наверняка поохотятся на Питербурх поку-ситься.

В середине августа дозорные корабли подняли сигнал: «Вижу неприятеля на весте».

— Яко мошенники, которые в избу нагло вломились, но за-всегда готовы утекать без оглядки, — зло произнес Крюйс, считая вымпелы кораблей. — Двадцать два, — доложил он Ап-раксину.

Поглядывая на вице-адмирала, Апраксин размышлял: «Пожалуй, Крюйс в этих делах со шведами опыт имеет, отби-вался и прежде, совладает».

— Останешься командовать всем флотом и войсками на острове, — передал он свои полномочия Крюйсу, — а я пойду к Неве с Боцисом. Там небось швед объявится со дня на день.

Еще неделю назад разведчики из-под Выборга доложили: «Шведы двигаются по направлению к устью Тосны». День и ночь, укрываясь в лесах, сопровождали неприятеля русские лазутчики, так что Апраксин каждый день знал, где его про-тивник, и имел время на раздумья. «Видно, шведы замысли-ли обойти Питербурх. Сие и ладно. И неладно. Значит, нас по-баиваются, но желают хоть одной клешней захватить и взять измором».

Решал адмирал всегда обстоятельно. Первое приказание отдал Ивану Боцису:

— Поднимись в Неву с отрядом бригаantin и жди шве-да у Тосны. Не допусти переправы, а нет, так побей их славно.

Генералу Фразеру, начальнику драгунского полка, и пол-ковнику Бахметеву поставил задачу опустошить все запасы провизии в Ингрии, от Тосны до Ижоры.

— Прошелестите все местечки до Копорья. Запасайтесь, посылайте в Питербурх, остальной провиант сжигайте. Пу-щай у неприятеля животы подведет.

Все шло по плану, но нетерпеливый Боцис, прождав два дня, поднял сигнал: «Всем сниматься с якоря. Следовать за

мною» — и повел флотилию вверх по течению к Шлиссельбур-гу, решив, что шведы именно там будут переплавляться через Неву.

Строги воинские порядки, но Наум Сенявин и сосед, пору-чик Лоренц, решили послушаться непосредственного началь-ника. Наум случайно слышал наказ Апраксина Боцису: «Ждать шведов у Тосны». И Сенявин не ошибся. Едва в пол-день флотилия Боциса скрылась за излучиной, в вечерних су-мерках на противоположном берегу в кустах показались шве-ды. Словно поджидали, когда уйдут русские бригаantины. На рассвете Сенявин удивленно рассматривал вражеский берег.

— Никак, батарею и шанец соорудили, — сказал он Лорен-цу, — похоже, понтон ладят из бревен, переправу наводят по всей форме.

— Туго нам придется, — почесав затылок, проговорил Ло-ренц, — наши пушки малы, а цель для них велика. Борта у нас в одну доску, они же за бруствером укрыты.

— Куда денешься, — Наум в таких случаях не раздумы-вал, — кроме нас с тобой, некому шведа забить.

Едва шведы столкнули понтон в воду и начали грузить ло-шадей, перед ними появились две бригаantины. Началась пу-шечная дуэль. Поначалу удалось разбить ядрами понтон, с криками замертво падали в воду шведы. Но и неприятельская батарея стреляла почти в упор. На бригаantине Лоренца убило несколько солдат, появились пробоины, и поручик, махнув рукой, начал отходить вниз по Неве. Бригаantина Сенявина держалась еще полчаса, разбомбила вконец второй понтон. Прямой наводкой били по шведской батарее, но шведы надеж-но укрыли восемь пушек за бруствером из бревен и земли.

Насмерть бился Сенявин, сраженные ядрами, падали на палубу один за другим убитые и раненные матросы, бригаanti-на получила пробоины у самой воды. В конце концов при-шлось тоже отойти.

...Обычно сдержанный, матерно ругал адмирал оправды-вающегося Боциса, да время ушло, двенадцать тысяч шведов сумели переправиться на левый берег и двинулись в Ингрию, охватывая кольцом Петербург.

Либекер радовался, надеясь пополнить запасы еды: «Те-перь-то мои солдаты будут сыты». Уходя из Выборга, армия

захватила с собой лишь скудный паек. Рассчитывали пожить в местах, где провизии прежде было вдосталь. Но Апраксин опередил шведов.

«Я, — донес он царю, — послал Бахметева с казаками во все Копорские уезды, и ежели куда неприятель будет приближаться, чтоб провиант весь сжечь».

Несладко пришлось шведам, всюду перед ними плясали «петухи», пришлось затягивать пояса потуже.

Не все проходило гладко и в корпусе Апраксина. Начальник кавалерии чванливый Фразер плутал с драгунами у Ямбурга, вдали от неприятеля, случайно наткнулся на большой шведский обоз из Нарвы с провиантом.

Отправить бы трофеи в Петербург, где тоже было туго с провизией, так Фразер сжег все добро. Апраксин возмутился, а Фразер кривил губы, усмехался. У адмирала не было права заменить его, обратился к Петру. «Для того прошу вашего величества прислать в конницу доброго командира, а ежели не противно вашему величеству известного из русских». Как ни странно, вскоре нераспорядительность Фразера пришлось к стати.

Когда Либекер высадился на левом берегу Невы, Апраксин с тревогой ожидал, что он двинется на север блокировать и штурмовать Петербург. Но шведский генерал трусил. С голодным войском он устремился к побережью залива, питая надежду, что эскадра адмирала Анкерштерна разбила русских. Наконец-то вдали на рейде заполоскались знакомые шведские флаги.

За Либекером с эскадры прислали шлюпку.

— Адмирал приглашает вас отобедать, — передал офицер.

Либекер оглянулся: «Слава Богу, кроме адъютанта, никто не слышал».

В адмиральском салоне генерал прежде всего накиннулся на еду.

— Мои офицеры, не говоря о солдатах, второй день потребляют конину. К столу не подают вина. Русские выжгли все под чистую. Я надеялся, — насытившись, криво усмехнулся Либекер, — что королевский флот быстро расправится с русскими и появится у Петербурга.

— Я вижу, королевские мушкетеры и рейтары тоже не в

восторге от русских, — подкусил в свою очередь адмирал собеседника. — И все же, что будем делать, генерал?

— Ждать, — чмокая губами, допивал вино Либекер. — Постараемся выманить русских в поле — и там-то мы возьмем верх.

...К Апраксину доставили шведского квартирмейстера Вико, накормили голодного унтер-офицера.

— В войсках хлеба осталось на неделю, — выложил он без обиняков. — Солдаты и офицеры перешли на конину. Офицеры поговаривают, что генерал Либекер подумывает уйти из Ингрии.

Апраксин хитро прищурился: «Надобно ему помочь в этом». Послал за генералом Фразером.

— Ты мастак шведам корму показывать, — усмехаясь, начал с ним разговор адмирал, — так сделай теперь это нарочно. — Апраксин вынул из портфеля запечатанный пакет. — Подберись поближе к шведам ночью, разбей палатку где вдалеке, рухлядь разную разложи для виду и этот портфель с пакетом брось поперек. Когда шведы на тебя пойдут, постреляй для острстки и уходи поспешно. Разыграй отступление.

Все произошло, как было задумано. Не успели шведские рейтары доставить портфель с письмом Либекеру, как тот забил тревогу.

— Дважды выстрелить из пушки, вызвать немедля шлюпку с эскадры.

Потревоженный Анкерштерн слушал генерала.

— Мой адмирал, неприятное известие. — Он протянул собеседнику письмо. — Апраксин сообщает своему генералу Фразеру, что ему на подмогу идут из Нарвы шесть тысяч войск и с Ладоги еще семь тысяч пехоты и драгун.

Лицо Либекера покрылось испариной.

— Мне думается, у самого Апраксина тысяч двадцать, и если прибавить подмогу, у неприятеля будет тройное превосходство против моего голодного войска.

— Что же вы предлагаете?

— Вся надежда на вас, адмирал. Мне надо спасать войска. Я готов хоть сегодня начать погрузку на корабли.

Анкерштерн сердито кашлянул. «Эти генералы ни черта не смыслят в нашем деле».

– На виду у русской эскадры грузить десант безрассудно. Пока офицеры и солдаты будут усаживаться в шлюпки, русские бригадины навалятся на нас и всех потопят. Принять на борт двенадцать тысяч солдат потребуются неделя времени.

– Так что же делать?

Анкерштерн поманил Либекера к карте:

– Самое удобное место – Копорский залив. Там можно укрыться от шторма, и русские не обнаружат нас.

– Вы упомянули, адмирал, офицеров и солдат. А что же мне делать с лошадьми?

Анкерштерн зло зыркнул на Либекера:

– Пускай плывут к борту и поднимаются по штормтрапу. У меня, генерал, не конюшни, а боевые корабли.

В тот же день казачьи разъезды донесли Апраксину, что неприятель сворачивает лагерь и спешно двигается вдоль берега...

– Так и должно быть, знамо, попались на наживку, – потирал руки адмирал. – Наблюдайте за шведами на море, они скоро с якорей снимутся.

Через два дня шведская эскадра начала переходить в Копорский залив. Апраксин вызвал Фразера и Бахметева:

– Нынче мы в авантаже, надобно не упустить случай. Обложим Либекера на видимости. Когда он половину войск увезет, почнем его кусать. Шведы запаникуют, а там мы их и добьем. Малой кровью викторию добудем.

И здесь Апраксин переиграл шведского генерала. Когда большая половина шведов перебралась на корабли, началась паника. Охранение поняло свою обреченность и разбежалось по окрестным лесам.

Русские гренaдеры вломились в центр лагеря, крушили все на своем пути штыками. Впереди бежал поручик Наум Сенявин:

– Ура-а, братцы! Бей шведа!

Свою бригадину он поставил на ремонт и отпросился у Боциса «помять бока шведу». Во время атаки шальная пуля прострелила ему ногу, но поручик не покинул поле сражения, колот шпагой неприятеля направо и налево...

Дело довершили драгуны, ударили с фланга из перелеска. Сначала шведы отбивались отчаянно, потом одна половина

кинулась к переполненным шлюпкам, другая бросилась в лесную чащу. Атаке мешали тысячи трупов лошадей, убитых по приказу Либекера. А шведов полегло на копорском берегу больше тысячи, две сотни попали в плен.

– На море шведы обожглись, более не сунутся, – сказал Апраксин, глядя вслед поспешно снимающейся с якорей неприятельской эскадре. Авось и по сухопутью дороги им будут заказаны...

Из журнала Наума Сенявина: «Октябрь. В 16 день г. адмирал был под Сойкиною мызою для провожания генерала Либекера. Он, шведский генерал, уехал на флот свой, а на позициях оставил майора и с ним с лишком 1000 человек, которых мы шпагою взяли. Я на той баталии был у гренадерской роты за капитана и ранен в правую ногу. У нас на той баталии убито: подполковник Грос, майор Озеров, 6 человек капитанов и несколько солдат».

Год 1708-й выдался для русского оружия победным и на море и на суше. Радовался от души царь. Под его началом у деревни Лесной русские полки взяли верх над непобедимой армией Карла XII.

«Сия победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем». А в письме Апраксину царь откровенно признал, что нашим войскам помогла и укрыла в нужный момент русская, богатая лесами природа.

«Ежели бы не лес, то б оные выиграли, понеже их 6 тысяч больше было нас».

За победу при Лесной награждали скромной медалью «Достойному достойное».

Адмирала царь чествовал, впервые среди своих полководцев, именной медалью. Вызвал к себе гравера, набросал эскиз:

– Изобразишь на одной стороне персону адмирала Апраксина, с другой гравируй корабли флота, надпись такую отчеканишь. – Петр протянул граверу лист: – Читай!

«Адмирал Ф. М. Апраксин, храня сие, не спит, лучше смерть, а не неверность».

Как положено, медаль торжественно «обмывали». Одной

медалью дело не обошлось. «За храбрые поступки, учиненные в Ингрии и Естляндии против неприятеля, пожалован графом и чином действительного тайного советника». Третьим русским графом, вслед за Шереметевым и Меншиковым, стал Апраксин. В отличие от Шереметева и Меншикова, адмирал не выпрашивал милости материальные. Но накануне Рождества вышел указ «по высочайшему повелению положено производить ему, Апраксину, жалованье наравне с генерал-фельдмаршалом по 7000 рублей в год».

По табели о рангах генерал-фельдмаршал равнялся с генерал-адмиралом. В письмах царь называл Апраксина то адмиралом, то генералом.

Сам Федор Матвеевич предпочитал называться адмиралом. Но официально за ним до конца дней утвердилось звание генерал-адмирала.

Два года уклонялся Петр от генерального сражения со шведами. Несмотря на поражения на Балтике и под Лесной, Карл XII не отказался от похода на Москву. Да и подстрекали его окружающие льстецы, вроде фельдмаршала Реншильда.

Масла в тлеющие угольки тщеславия подлил переметнувшийся к шведам Иван Мазепа. Войска Карла блуждали и кружили по негостеприимной Украине и забрели далеко на юг. Карл благоволил к гетману, частенько они разъезжали на лошадах стремя в стремя, коротая время в беседах на латинском, которым недурно владел Мазепа.

Проезжали они неподалеку от села Коломака, и гетман вдруг брякнул:

– Ваше величество, отсюда до Азии рукой подать, не более восьми миль.

– Так ли это, гетман? – усомнился король, и Мазепу бросило в краску.

Чтобы сгладить конфуз, а быть может восприняв все всерьез, король подозвал генерал-квартирмейстера Гилленка.

– Разузнайте, как далеко по этой дороге до Азии.

– Ваше величество, до Азии тысячи миль.

Король недовольно скривил физиономию:

– Мазепа утверждает, что граница Азии недалеко. Мы должны добраться до нее, и потомки отметят, что мы достигли Азии. Немедля отправляйтесь и разведайте о всех путях...

Испуганный генерал знал нрав короля, отвел на привале Мазепу в сторону и укорял за опрометчивость.

– Хорошо, генерал, я исправлю свою оплошность и отворю королю от Азии...

На берегах Невы не знали о настроениях короля, но Петр всегда предусматривал худший вариант.

– Опасаюсь я за Воронеж больше всего. А ну, Карл двинется к Дону?

В разгар зимы, на масленицу, как и в прошлые времена, Царь выехал из Москвы в Воронеж в сопровождении Апраксина, Склаева, Наума Сенявина. В Москве Апраксин попал на свадьбу племянника. Женился старший сын Петра Александр. Отец отпросился у царя из Астрахани в отпуск.

– Куда ему, молоко на губах не обсохло, – ворчал на Александра Федор, – гляди, Петруха, сядет он тебе на шею, размысли о других детях. К тому же как женку молодую покинет? Ему в Европу нынче отправляться на ученье, до греха недалеко.

– Дело решенное, ваше сиятельство, – отделался шуткой Петр, – они обручены почитай уж год...

На воронежских верфях готовили к спуску «Старый дуб» и «Ластку». Новых кораблей не закладывали, готовились строить верфи у моря – в Азове и Таганроге. Убедились, что много сил и времени тратилось попусту на постройку судов в верховьях Дона. До сих пор не могли из-за весеннего безводья спустить на воду несколько кораблей в Таврове и Ступине. На верфях трудилось много молодых мастеров. Всех прежних мастеров давно перевели в Олонец, Новую Ладогу, в Ижору, петербургское Адмиралтейство. Как всегда, не хватало плотников, но появилась подмога – пленные шведы.

Петр сам повел корабли к Азову. Апраксина отправил в Петербург.

– Отошлешь из Москвы школяров. Жди моего указа. Поглядим, куда неприятель стопы направит. Ежели к Воронежу, не жди указа, поезжай полки готовить к обороне. Коли тревоги не будет, поезжай в Олонец. Как там дела у Гаврилы? При-

смотри за «Перновым», первенец наш многопушечный. Загляни в Новую Ладогу, в Сясь. Не упускай форты на Котлине. Само собой, эскадру держи в готовности, поглядывай за шведом.

В Москве собирали к отправке за границу недорослей именитых семей, около пятидесяти человек. С ними ехал наставником, «дядькой», князь Львов. Брат Петр еще не уехал в Астрахань, хотел проводить сына. Все вечера Федор коротал у брата, во время застолий вели длинные разговоры.

— Государь-то тебе, акромья титла, деревеньку-другую пожаловал?

— Покуда нет, — принахмурился Федор, может, и даст.

— Вона Шереметеву сколь вотчин пожаловал, за Ряпину мызу да за Астрахань, а мне кукишь.

— Не жалей, за государем не пропадет.

— Оно так, токмо обида берет. Жалованье-то худое, детишки растут, женка болезна. Александра за море посылать, где тыщи брать? — Петр с досады налил полный бокал вина, залпом выпил и продолжал изливать накопившееся: — Вона кругом все тащут. Шафирка и тот, слышь, мзду берет с иноземцев. А Данилыч? Все ему мало. Государь деревеньку дал на полторы сотни душе, ему мало, давай все двести. Ничем не брезгует. Ни яблоками, ни казацкими скакунами. — Петр осклабился. — Бориска-то фельдмаршал, а его задобрил коровами да быками трофейными да тут же просит замолвить словечко перед государем.

— Ты-то откель ведаешь? Быть не может.

Петр крутнул головой:

— Свой человек у меня в секретарях. Да куда там. Помню, занемог притворно в Астрахани он, Шереметев. А получив от Данилыча письмо, што ему пожаловано две тыщи с половиной дворов, вскочил, враз развеселился, плясал, будто и не болел ногами.

Федор Матвеевич слушал и припоминал кое-какие слухи в Петербурге. Иногда он захаживал к Склаеву, Кикину, гостил у Брюса, Крюйса, Боциса. Зимними вечерами засиживались допоздна, говорили о многом, но с опаской. Федора Матвеевича, правда, обычно не стеснялись, знали, что наговору не будет. На берега Невы еще не переехали московские приказы и палаты, придворная челядь и именитые бояре, среди ко-

торых всегда и кружили разные пересуды, а Петербург пока оставался в стороне от них.

— Так-то оно так, Петруша, токмо сыщешь ли нынче кого без греха?..

Отправляли недорослей ранним утром, по мартовскому морозцу, пока не развезло дороги окончательно.

— Поспешай до Вологды, а там указ есть у воеводы, как ехать, то ли на стругах, то ли подводами до Архангельского, — наказывал адмирал князю Львову, — за деньгами мотри да за дьяком.

В сторонке кучками, по семьям, гомонили отъезжающие. Слышались всхлипывания, кто-то утирал слезы.

— Гляди, Александр, — сказал на прощанье Апраксин племяннику, — учись делу морскому прилежно, как государь велел. Попомни не токмо о своей чести, но всей фамилии нашей, не посрами...

Вечером, не задерживаясь, Апраксин выехал из Москвы.

В Петербурге первым делом зашел в Адмиралтейство. Кикин изменился, важничал, расхаживая по верфи. Даже с Склаевым разговаривал свысока.

На стапелях обшивали бригантины, скампавеи, с краю расчищали место для помостов.

— Государь велел к осени уделывать для линейных кораблей, — пояснил Склаев и, кивнув в сторону отошедшего Кикина, вполголоса сказал. — Как бы, Федор Матвеевич, дерев дубовых для тех кораблей хватило. Куда-то уплывают они с ведома адмиралтейца.

Апраксин про себя подумал: «О деле печется Федосей, а за Кикиным, видимо, глаз нужен».

На Олонецкой верфи строился линейный корабль «Пернов», первый на Балтике. Царь решил все-таки для пробы построить один линкор в Олонце. Здесь же Апраксину представили англичанина Броуна. На вид несколько суховатый и надменный, мастер, по отзывам Меншикова, дело знал лучше всех иноземцев. Федора Салтыкова на месте не оказалось. Еще осенью он уехал в Европу. Царь поручил ему, не открывая цели поездки, присмотреться к возможности негласной покупки кораблей в Голландии, Англии, Франции...

На эскадре Крюйс искренне обрадовался приходу адмирала.

— Ваше превосходительство, — четко, по-служебному, доложил он, — вверенная мне шквadra состоит в полном порядке.

— Вижу, слава Богу, вице-адмирал, кораблики в порядке. Токмо не ведаю, готовы ли они к схватке с неприятелем?

— О-о, — загорелись глаза у Крюйса, — моим попечением каждую неделю производим экзерсии с пушечной пальбой. Анкерштерна пугаем, он не показывается, отстает у Гогланда. — Крюйс гостеприимно повел рукой: — Прошу к столу ваше превосходительство.

Вице-адмирал держал кока-голландца, и его угощения всегда вызывали аппетит у любившего хорошо и вкусно поесть Апраксина.

За столом выслушал новости, корабельные и петербургские, и сам рассказывал о Воронеже, поведал московские вести, а в конце обронил:

— Говоришь, Анкерштерн у Гогланда отстает? Так я тебе заботу привез, письмишки от шведских пленных. Отряды кого-нибудь и с оказией отправь эту почту Анкерштерну.

Исполняя приказ, Крюйс послал к шведскому адмиралу шняву «Фалк» под командой поручика Шмидта. Как и положено, при подходе к Гогланду «Фалк» поднял парламентерский флаг, подошел к шведскому флагману и передал мешок с письмами. Но адмирал Анкерштерн, под стать своему королю, не отличался благородством в соблюдении правил ведения войны. По приказу короля шведы прибывали тысячи раненых, жгли «мужиков ноги, обертая соломой, жен и детей», добивали «детей в зыбке». Анкерштерн шняву «Фалк» воровски захватил...

Узнав о захвате шнявы, Крюйс в ярости «колотил кулаками» по столу, написал гневное письмо Анкерштерну, но все понапрасну. Апраксин, услышав о случившемся, успокаивал Крюйса, но царю, как положено, доложил и добавил: «И ежели будет от неприятеля прислано какое судно к Кроншлоту, то взаимно удержано будет».

Печаль скоро развеяли добрыми вестями с Украины о Полтавской виктории. В битве отличились поручик Наум Сенявин и раненный в бою Федосей Склаев, произведенный царем в «морские капитаны».

Воздали должное и Петру. «В знак трудов своих, как в сию прославленную баталию, так и в прочих действиях понесенных, изволили принять чин шаутбенахта и то подтвердилось общим всех генералитета, министров, офицеров и солдат поздравлением». У входа в царский шатер на флагштоке взвился Андреевский флаг.

Первым в Петербурге о победе под Полтавой узнал Апраксин — от царя, который с радостью сообщал: «Ныне уже совершенно камень в оснащение Санкт-Петербурга положен». Вскоре в Петербурге объявились участники сражения. Среди них раненный в руку Федосей Склаев. Доложил Апраксину:

— Государь повелел мне готовить ступель для его, царского величества, корабля. Чертежи для одного со мною, рукою государя изложены.

Апраксин удивленно поднял брови:

— Когда государь успел-то сии цифири просчитать?

— Спускаясь по Дону, потом у Таганрога, да и в походном времени по ночам выкраивал час-другой. Поручил мне некоторые цифири проверить еще раз и довести до ума, что не успел.

— Ну, ну, трудись, Федосей, коли в подмогу кто нужен, скажи. Сам-то ведь с раной, управисься?

— Государь велел, исполню в срок.

Основное торжество по случаю победы над шведами готовились провести в Белокаменной. Но прежде отметили славленную победу на берегах Невы.

Первый раз расцветилось фейерверками хмурое небо Петербурга, победно громыли пушки. В память Полтавы царь заложил церковь Святого Сампсония, библейского героя. На другой день в Адмиралтействе закладывали пятидесяти-четырехпушечный линейный корабль. Такой мощной артиллерии ни один корабль на Балтике еще не имел. В Поденной записи Петра появились строки: «А декабря в 6 день в Санкт-Петербурге заложил сам государь корабль именем «Полтава» в память бывших трудов Полтавских».

В этот день на главной верфи флота не стучали топоры. Весь работный люд от «черного рабочего» до царя «веселился довольно»...

Царь уезжал в Москву, а утром как ни в чем не бывало, бодрый и жизнерадостный, принимал главного адмирала. Вчера они за столом переговорили о многом, но царь не успел сказать главного.

— На суше, Федор, почитай, с Карлом покончили. Нынче готовь войска и флот, по весне штурмовать Выборг станем, а следом и Кексгольм. Надобно шведа отвадить помалу из всей Финляндии. А там, гляди, ежели с нами не замирится, воевать станем морем Швецию... Войска десантировать станем.

— Государь, дозволю, а пехоту-то с пушками доставлять бригаantinaми будем?

Петр загадочно сощурился:

— Войска поведешь ты сам по льду, загодя, налегке. Как лед сойдет, мы с флотом пойдем с осадной артиллерией, провиантом. Покуда исподволь готовь полки.

Шаутбенахт датского флота Юст Юль оказался первым иноземным посланником в Москве в ранге морского офицера. Почему король Фридерик IV избрал для этой роли моряка, можно было только догадываться. Так или иначе, но это поднимало престиж России как нарождающейся морской державы. Раньше в Белокаменной бывали посланцами только сухопутные генералы...

Видимо, задумывался об этом и царь.

После рождественских праздников он, не без юмора, говорил канцлеру Головкину:

— От Юста мне прохода нет, днем и ночью тенью меня стережет, невмочь ему, секреты Фридерика мне хочет поведать. Да я и без него их знаю. А раз он моряк, пуцай флотом нашим на Балтике полюбуется, Европе поведает. Пригласи его в Петербург, пусть поглядит и как мы Выборг воевать станем. Чтобы ему не скучно было, за компанию саксонца, графа Фитцума, с ним отправь...

У Петра еще не было сильного флота, значит, и сражений на море надо было опасаться; но без взятия Выборга нечего было и думать об успешной войне со шведами.

После Полтавы Карл XII бежал к туркам, войну с Россией на суше он проиграл. Но о мире он и не думал, еще надеясь на свой могучий флот. Полсотни мощных линейных кораблей... Карл полагал, что царь не решится на войну на море. Силы у

него на Балтике один к пяти. Швеция надежно укрыта за морем, до нее сотни миль по воде.

Понимал это и царь. Воевать со Швецией придется, избегая пока схваток на море. Надо выдавливать шведа из Финского залива, взять Финляндию, выйти на Балтику. За Балтикой была Швеция, Стокгольм, там, на шведской земле, и решать исход войны.

А сейчас торчала заноза под боком новой столицы. Путь вперед преграждали мощные бастионы, казалось, неприступного Выборга. Однажды, три года назад, здесь, на суше, Петр потерпел неудачу. Теперь со стороны моря сторожила выходы шведская эскадра. Правда, зимовать она уходила к берегам Швеции.

Приморские европейские крепости можно было взять, только имея сильный флот. По военной стратегии корабли забирали крепость с моря, флот перевозил десант, который осаждал крепость, брал ее измором или штурмом.

После Крещения царь собрал в Петербурге военный совет: Апраксина, адмиралов Крюйса и Боциса, генералов Брюса и Берхгольца, бригадира Чернышева. Его план был прост и неординарен. Весь корпус собрать по частям на Котлине к середине марта. Брать с собой только сухари и фузеи¹, основное оружие солдат. Пушчонок с дюжину, легких, двухфунтовых.

Петр сначала поманил к карте сухопутных; обратился к Чернышеву:

— Ты, бригадир, пойдешь авангардом, за тобой генералы. Смотри сюда, Федор, обложишь крепость враз со всех сторон. Чтобы мышшь не проскочила. Ты в ответе за все.

Настала очередь адмиралов.

— Ты, Боцис, погрузишь остальные войска, всю провизию, боевой припас, осадную артиллерию. Двинешься разом за кромкой льда. — Петр кинул взгляд на Крюйса. — Следом с эскадрой ты двинешься, загородишь галерный флот со стороны моря. Я пойду с тобой на «Лизетте», поведу авангард. Возьмем брандеры. Ежели шведская эскадра встренет, азардировать станем, брать на abordаж, подрывать брандерами. К Выборгу ни один швед пройти не должен.

¹ Фузея — ружье, мушкет.

Адмиралы и инженеры переглядывались, переговаривались, изучали карты, подсчитывали, прикидывали. Пока что на бумаге...

Двадцать первого марта, морозным утром, первым ступил на лед Апраксин. Скинул шапку, перекрестился, взмахнул рукой:

— С Богом!

Один за другим выходили на заснеженную и замерзшую морскую равнину батальоны, полки. На ходу строились в колонны, грузили на подводы пушки. По протоптанной дороге потянулся обоз, кавалерия...

На берегу, кутаясь в овчинный тулуп, с подозрительной трубой в руках переходил с места на место Юст Юль. «Черти эти русские», — кричал он про себя, и вечером при лучине записал в свой дневник: «Войска выступили в самый ужасный мороз, какие бывают только в России; перешли они прямо через лед с орудиями и со всем обозом. Всякая другая европейская армия, наверное, погибла бы при подобном переходе. Но где предводителем является само счастье, там все удастся. Впрочем, русские выносливы, что для солдат другой нации невыполнимо».

Впереди тринадцатитысячного корпуса шла рота, протапывая дорогу, нащупывая полыньи и торосы. Первым впереди, наклонив голову, ступал адмирал и генерал. Рядом с ним, то и дело оглядываясь, бодро шагала бригада Чернышев. Генералы шли следом, во главе полков. Как положено, делали привалы, солдаты жгли костры, грелись, варили кашу, отдыхали в полудреме, привалившись друг к другу.

Через три дня добрались до суши на западном берегу залива. Хотя и силы вокруг, а все веселей шагала солдату, когда под ногами земная твердь.

Средневековый Выборгский замок — цитадель с каменной башней «Лангерман» — виднелся за десяток километров. На пятьдесят саженей вверх уходили неприступные стены, пятьдесят саженей в поперечине. Вокруг каменной крепости располагался новый город, обнесенный еще одной стеной, построенной при прежнем короле Густаве-Адольфе. Летом Выборг был неприступен, со всех сторон его окружала вода — Выборгский залив и огромное озеро Суомен-веден-селка.

Комендант крепости полковник Магнус Стиернстрале за долгие годы привык к размеренной жизни. Крепость надежно укрыта, ее защищают почти пять тысяч войск, полторы сотни орудий. Припасов хватает, каждую весну приходит контр-адмирал Нумерс, привозит пополнение для войск, провизию и все необходимое.

В крепости много жителей, но мало жилья. Для двух полков выстроили дома и казармы в предместье Хиетала.

Рассвет дня весеннего равноденствия застал шведов врасплох. В Хиеталу с трех сторон внезапно ворвались русские войска. Схватка была короткой, шведы бежали и укрылись в крепости.

В числе первых трофеев русские солдаты в замерзшем заливе пленили три военных судна. Апраксин смеялся:

— Вот нам и первый морской трофей, только взят по суше морскими солдатами.

Русские войска брали крепость в блокаду, обживались. В тот же день Апраксин с генералами обошел всю крепость, провел рекогносцировку, четко определил роли:

— Тебе, Берхгольц, отрезать крепость с востока, не допустить сюда Лебекера. Ты, Брюс, оседлаешь крепость с залива. Чернышев, начнешь осаду с пушками по фронту главной стены.

Апраксин развернул карту, показал Брюсу на самое узкое место залива — пролив Тронгзунд.

Карту нашли на захваченных шведских судах. Один из пленных, словоохотливый подкипер финн, среди многочисленных шхер и островков, усеявших Выборгский залив, показал судоходный фарватер.

— Так ты в сем горле, — адмирал очертил на листе кружок, — соорудишь батарею из пушчонок. Покуда парочку трехфунтовых поставь. Подойдет подмога, поставим корабельные.

Брюс удивленно поднял брови:

— Чего для в таком дальнем месте от крепости?

— А того для, генерал, ледок-то сойдет, шведы с эскадрой, не миновать, посядут. А здесь-то мы их и прихватим.

Ушло первое донесение царю: «...с караулом пехоты и кавалерии, через лед, морем с Котлина острова марш свой воспринял мимо Березовых островов». С этой же почтой Апраксин переслал царю захваченную у шведов карту.

Солдаты долбили промерзшую землю, с трудом выковыривали валуны и камни, строили шанцы. Укрепления сооружали не так, как хотелось. С высоченных бастioned шведы держали под обстрелом пушек все ближние подступы. Ядра легких осадных орудий до крепостных стен не долетали.

То и дело ржали изголодавшиеся кони. Пехота ежилась от холода, солдаты жгли костры, грелись, хмуро посматривая на высокие мрачные стены крепости и с тоской переводя взгляд на почерневший местами лед в заливе. «Когда-то кораблики приплывут?»

Сытые шведы в крепости посмеивались. Запасов у них хватит на целый год, пороху вдоволь. Полторы сотни пушек то и дело посылали смертельные гостинцы.

«Шанцами к неприятельским крепостям приближались ближе фузейной стрельбы, — доносил Апраксин в Петербург, — и трудим бомбами сколько можем, а пушки наши нам мало помогают, понеже зело мало и легки: когда мы начинаем стрелять, то неприятель противу одной из десяти стреляет».

Пехота доедала последние сухари, драгуны уныло отворачивались от выпученных голодных глаз лошадей, шурились на солнце, озирались на кромку талой воды у берега.

С крепостных стен временами доносился дружный хохот неприятеля. Комендант каждое утро подбадривал солдат, посматривая на залив:

— Скоро придет адмирал Ватранг с эскадрой. Русским будет конец.

...Над городом и Невой простиралось прозрачное, нежно бирюзовое весеннее, без единого облачка небо.

Река полностью очистилась от льда. Из каналов и протоков корабельный и галерный флот потянулся к морю. Галеры тащили на буксирах девять фрегатов и пять шняв. Суда выглядели нарядно, свежепокрашенные борта сверкали на солнце, трепетали флаги и выпелы. Тускло отсвечивали медью жерла орудий в открытых портах.

Следом за боевыми кораблями выстроились две сотни транспортов с провиантом, осадными пушками, порохом.

Флот двинулся на помощь армии, но природа уготовила ему тяжкие испытания, грозившие смертельной опасностью.

Все было заранее просчитано и оговорено, Петр сам проверял готовность каждого корабля, наставлял флагманов и капитанов на случай встречи с превосходящим по силе неприятелем:

— Транспорты с припасами защитят галеры, уходить им борзо, без мешкоты. Фрегаты прикроют огнем атаку бригаантин. Неприятеля брать только на abordаж и подрывать брандерами.

Авангардом и всей эскадрой командовал Крюйс, замыкал колонну и командовал арьергардом Петр. Свой флаг он держал на «Лизетте».

Командиров для кораблей в этот поход не хватало, пришлось отозвать Склаева с постройки «Полтавы». Петр объяснил ему сам:

— Капитанов нынче наперечет. Принимай «Мункер», пойдем к Выборгу. На борт возьми посланников, адмирала Юста и графа Фитцума. Покажи им сноровку флотскую.

До Котлина колонна добиралась четверо суток разводьями. Впереди на несколько миль вода была чистой, дальше все тонуло в тумане. Крюйс послал для «проведывания неприятеля» шнявы «Дегас» и «Феникс».

— Дождаться их не станем, — решил Петр, — пока море чистое, пойдем к Выборгу.

Утром вперед ушел отряд бригаантин Наума Сенявина с транспортами на буксире, следом такой же караван повел друг Наума, поручик Ипат Муханов.

Погода вроде бы установилась, но после полудня ветер сначала затих, потом потянул с запада. Медленно разворачивались громадные ледяные поля, надвигаясь на корабли.

Возвратились из разведки шнявы, доложили: «Шведов в море нет».

Петр на «Лизетте» ушел к Березовым островам искать проход.

Оказалось, путь к Выборгу пока начисто закрыт льдами. Флот стал на якоря, но льды днем и ночью докучали, затирали суда. Небольшие галеры, транспорта, карбасы плотно захватило в ледовый плен, якоря не держали, рвало якорные канаты. Ветер то и дело менял направление.

Петр дал знать Апраксину, чтобы он держался, а сам на «Лизетте» сходил в Петербург. Начал на всякий случай готовить помощь по сухопутью.

Через два дня ветер наконец-то переменялся, но опять не к добру, задул с востока, ледяные поля погнало на запад, в открытое море. Вместе с ними потащило сотни затертых льдами галер, транспортов, карбасов. Всю ночь оттуда палили из ружей, пускали ракеты. Просили о помощи.

На рассвете Петр пришел на шлюпке к вице-адмиралу. Крюйс степенно допивал утренний чай.

— Кончай гонять чай, — прикрикнул он на флагмана, забыв о субординации, — командуй «Думкрату» и галиоту бомбардирскому поднимать паруса. Выручать суда и людишек надобно. Карбасы на живую нитку слажены, да и галеры, чаю, тоже не железные. Пушай крушат льды с разбегу, якорями разбивают, пушки малые бросают на канатах.

Поначалу пришлось туго и фрегату, и галиоту. Набрав ход с попутным ветром, врезались в ледяные поля, трескали борта, крошился лед перед форштевнями. Бросали на канатах трехфунтовые пушки. Кое-как пробились к галерам, подали буксиры, зацепились якорями; и галеры между собой перекинули канаты, подали их на транспорта, карбасы. Понемногу льды расходились, ветер отгонял их далеко на запад. Четыре транспорта таки раздавило льдами и унесло в море. Стихия споспешествовала неприятелю.

Поступила депеша от Апраксина. Петр вызвал Крюйса:

— Читай.

— «Провианту, государь, у нас остается почитай за нет, от девятого числа разве с нуждою будет дня на четыре», — с заминками прочитал вице-адмирал.

— Остаешься главным с фрегатами, иду к Выборгу.

На «Мункер» неожиданно прибыл Петр. Как положено, Склаев поднял флаг контр-адмирала.

— Снимайся с якоря, идем к Выборгу. Апраксин вешки набросал по форватеру. Крюйс останется прикрывать нас с моря от шведов. Разбуди датского адмирала, пушай знает наших.

...На самой высокой башне радовались шведы:

— Ура! Идет наша эскадра!

Действительно, вдали показалась колонна кораблей с шведскими флагами. Корабли палили из пушек, но оказалось, они салютовали русским войскам. Предусмотрительный шаутбенахт Петр Михайлов решил схитрить, поднять шведские флаги: «А вдруг на берегу шведы с пушками?»

Апраксин не выдержал, по-родственному обнял Петра:

— Хлеба у нас, господин шаутбенахт, на один день, а пороуху на два дня осталось.

— Все за кормой, генерал-адмирал, принимай пять тыщ войску, мортиры, припасы. Да поживей, нам уйти надобно без мешкоты, пока Ватранг не нагрязнул.

Постепенно в залив втянулись все корабли, транспорта, карбасы. Петр в тот же день на «Мункере» вместе с Апраксиным и Боцисом осмотрели акваторию залива. Петр похвалил адмирала за батарею.

— В шхерах Ватранг с кораблями не пройдет, а вот Тронгзунд для него подходит. — Петр прикинул расстояние до ближайших островов. — Залив перегороди транспортами. У нас их много. Ты, Иван, — обернулся он к Боцису, — отбери полдюжины самых худых и притопи их поперек пролива. Шведам запрем морские ворота наглухо. Останешься здесь с галерами и бригаantinaми. Стереги море.

На следующий день установили против крепости тяжелые мортиры. По старой бомбардирской привычке Петр сам навел одну из них на крепостные стены, пробанил ствол, зарядил пушку, перекрестился.

— С Богом, — зарядил фитиль.

Ухнула пушка, с тяжелым гулом двухпудовое ядро ударило в саженную стену цитадели. Полетели осколки, обнажая вековой пласт каменной кладки.

Флот только-только успел выйти из Выборгского залива, а на горизонте замаячили паруса. Спешила на выручку крепости шведская эскадра. Восемь линейных кораблей, пять фрегат, еще шесть судов под флагом вице-адмирала Ватранга, шестьсот с лишним орудийных стволов готовы были помочь Выборгу, но шведы опоздали. Не удалось даже ударить «по хвостам» неприятеля, русские на этот раз опередили умудренных моряков. Путь на север, к Выборгу, для Ватранга оказался заказан. В единственном проходе торчали из воды мач-

ты и корпуса затопленных транспортов, а с обеих берегов негостеприимно чернели грозные жерла орудий...

На борту кораблей эскадры шведского генерала тысяча солдат, боевые припасы, провизия. Наконец сотни тяжелых корабельных орудий, а он бессилен помочь осажденному Выборгу.

В крепости довольно скоро поняли свою обреченность да и слыхали и знали по Ниеншанцу, Нотебургу, Нарве, что русские своего добьются. Всего месяц сопротивлялись шведы и выкинули белое полотнище, и на грозной башне «Лангерман» навечно водрузился флаг российский.

Накануне под Выборг пожаловал царь. Сам принял капитуляцию у храброго шведского полковника Стиенстрале, достались немалые трофеи. Одних пушек полторы сотни.

На мундире Апраксина засияла звезда Святого Апостола Андрея Первозванного. Жаловали и других. Храброго бригадира Григория Чернышева назначили комендантом Выборга.

Торжественный обед в честь победителей открыл Петр:

– Отныне, после взятия Выборга, окончательная безопасность Санкт-Петербургу обеспечена.

Апраксин после первых тостов, пока не захмелел, спросил:

– Теперича, Петр Алексеич, Финляндию воевать станем?

Петр на миг задумался.

– Погоди, Федя, Надобно поначалу Кексгольм прибрать к рукам, Эстляндию да Ревель...

Не преминул высказаться о завершившейся кампании и датский контр-адмирал: «По воле Провидения, морской поход, предпринятый царем, увенчался двойным успехом, окончившись счастливо как для флота, так и для армии. Если принять во внимание: 1. Что царский флот приступил в плавание в такое время года, когда все море еще покрыто плавучим льдом; 2. Что во всем флоте не было человека, знакомого с фарватером, который представляет большие опасности для плавания и изобилует камнями; 3. Что большая часть судов построена из ели, а иные и без единого гвоздя и вообще не пригодны для морского плавания; 4. Что управление этими карбасами было поручено простым крестьянам и солдатам, едва умевшим грести, то остается изумляться смелости русских.

Можно весьма кстати привести слова Курция: «Отвага переходит в славу». Царю можно повторить то, что Цицерон сказал Юлию Цезарю: «Многим ты обязан доблести, но еще больше счастьем».

Возвращаясь в Петербург, Апраксин по заведенной привычке, не заходя домой, заглянул в Военный морской приказ. С тех пор как принял дела по новому ведомству, он завел строгий порядок. Все бумаги, от которых частенько зависело своевременное исполнение важных дел, он в этом не раз убеждался, докладывал ему секретарь канцелярии Андрей Паренаго. Письма подавались в двух папках, казенные и личные.

В этот раз, подавая папки, Паренаго, как всегда в таких случаях, доверительно сказал:

– Весточка из Голландии, от племянничка.

Недавно Андрей Матвеев сообщил ему, что волонтеры в Амстердаме загуливают, мотают деньги, вскользь упомянул про Александра. Сейчас, сообщая, что отправляется в Англию, племянник намекнул на нехватку денег. «Так оно и есть, – вздохнул адмирал, – не иначе промотался». И взялся за перо. «Как там в Библии сказано? Наставь юношу в начале пути, и он не свернет с него до конца дней своих».

«Исполни волю монаршую, приложи труд и практикуйся дальше, от Гогланда до Англии практика не велика. Непрестанно Ц.В. изволит упоминать, ежели кто из вас не обучится морского плаванья на кораблях, хотя и с пасом приедет, почтен не будет, лучше не ездить. Для Бога прошу, – зывал дядя, – неленостно обучайся, чтобы мы возмогли тебя видеть в добром порядке, а не в бесчестии».

После обеда ноги сами собой направились в Адмиралтейство. У пристани англичанин Ричард Броун прихорашивал линейный корабль.

– Хорошая конструкция, – похвалил корабль Склеяев, – не зорно кое-что перенять.

– Ты-то его в глаза не захваливай, – посоветовал Апраксин, – он и без похвалы себя превозносит.

– Есть малость, – усмехнулся Склеяев, – но дело он, из прочих иноземцев, знает превосходно.

Вдвоем они прошли вдоль пристани к шняве «Лизетт».

Строил ее Склаев по чертежам Петра и гордился совершенством формы корабля.

— Пожалуй «Лизетка» обгонит «Мункер», неделю назад пробовали ее вдоль реки, лихо идет на волну, лавирует складно. — Склаев вдруг захохотал. — Надо же такую красавицу чучелом обозвать.

Апраксин тоже от души посмеялся, вспомнив, что царь назвал шняву по имени своей любимой собачки, из которой в свое время, по ее кончине, приказал изготовить чучело...

Из Адмиралтейства Апраксин на небольшом одномачтовом паруснике, верее, сходил на верфь в Новую Ладогу, а оттуда в Олонец.

С покрасневшими от бессонницы глазами Гаврила Меншиков прихорашивал новый линейный корабль.

— Государь уже окрестил его «Пернов», — сообщил он Апраксину.

— Ведомо мне, не токмо твой детинец, еще два крестника, таких же на пятьдесят пушек, в Адмиралтействе стоят наготове, «Выборг» и «Рига».

Царь распорядился назвать первые линейные корабли именами крепостей, взятых у шведов в эту кампанию.

Осенью адмирал крейсировал на новом флагмане «Рига». Эскадра ходила к Выборгу, до меридиана Гогланда, шведов не обнаружили.

— Видать, Ватранг удила закусил, — посмеивался Апраксин, обращаясь к Крюйсу, — на будущее лето небось злее станет. Нынче у него последнюю базу в Ревеле отняли.

— Как ни крути, а ему теперь к нам незаметно не подобраться, — согласился Крюйс, — на Котлине можно присматривать стоянку.

— Погоди, чай, объявится, о том государь уже хлопочет.

Как обычно, флот ушел на зиму в устье Невы, в ее многочисленные протоки и рукава.

Накануне Рождества у генерал-адмирала собралась компания: Крюйс, Боцис, Петр, Шереметев, приехавший из армии, Брюс. Веселье затеял Федор Матвеевич. Во-первых, праздновали «графское звание» братьев Апраксиных. В этом же году царь пожаловал в графы и старшего Петра. Потом нашелся повод обмыть царские подарки за взятие Выборга —

шпагу, усыпанную алмазами, и золотой стакан. Трижды заставили владельца опорожнить стакан с водкой...

Балагурили о разном, но часто заговаривали о предстоящей войне с турками.

— Слышь-ка, из Стамбула Толстой пишет, Нуман-пашу Карла подкупает, а Карле деньгу французы выдали, — не спеша рассказывал умудренный Шереметев. — Султан хорохорится, с крымским ханом вместе грозятся напасть в одночасье.

— Государь-то их не боится, а Карла, видать, позабыл, кто Полтаву воевал, — мурлыкал запяневший Брюс.

— Так-то оно так, — согласился Апраксин, — токмо ежели воевать, по-умному надобно.

— Как же? — заинтересовался Шереметев.

— А как присоветовал в свое время патриарх Досифей, Борис Петрович. Я то помню. Воевать турка надобно через Крым. Один рог в наших руках, Таганий. Другой в Очакове, там ты крепостцы недалеко воевал, тоже рядом. Рога обломал, пойдем на хана. Возьмем Крым, кораблики помогут с Азова, считай, Черное море у нас под пяткой.

Шереметев встрепенулся:

— И то дело говоришь, ан государь по-другому толкует.

— Как же?

— Шафирка да Рагузинский, твой приятель, все уши прожужжали ему, надобно, мол, иттить прямо к Царьграду. Там и валашские князья, и Кантемир, славяне под турком, ждут царя не дождутся.

— Опасно сие, места незнакомые, чем войска кормить, далече от баз-то в чужой стороне, — озабоченно потирал подбородок Апраксин.

— И я к тому же ему молвил. Слухать не желает, ты ево знаешь. Порешил — отрубил.

Султан объявил о войне в самое Рождество, через месяц Москва ответила тем же. Петр, не мешкая, вызвал Апраксина:

— Заедешь в Воронеж и Тавров, спускай на воду все, что сможешь, плыви к Азову. Будешь там верховодом на флоте и во всем крае.

Указ об этом вышел давно: «1710 год, февраля 6 дня. В. Г. указал город Азов с принадлежащими городами, всякими делами ведать адмиралу, генералу и губернатору азовскому и тайному советнику и президенту адмиралтейства графу Федору Матвеевичу Апраксину с товарищи, и те дела из разряду отослать в приказ адмиралтейских дел, а в Азов к Ивану Толстому о том послать его В. Г. грамоту».

Апраксин покачал головой: «Опять морока, разве поспеешь?»

– Возьмешь Крюйса, капитанов Беринга, Шельтинга, других сноровистых. Весной почнешь действовать против турок водою и сухим путем, как говорено и как Бог велит...

Перед отъездом Апраксина в Адмиралтействе появился Федор Салтыков. Один адмирал знал, что царь направляет его инкогнито за границу закупать корабли для флота...

За плотно прикрытой дверью Апраксин по-отечески вразумлял:

– Мотри, тезка, великое дело тебе государь вручил. Остерегайся мошенников, деньгой казенной не швыряйся. Ежели худо станет, отпиши. – Положил руку на плечо. – Поезжай с Богом.

Расставаясь, ни тот ни другой не предполагали, что судьба больше не сведет их вместе...

Прибыв в Тавров, Апраксин ужаснулся. Наступила пора половодья, а блоки стапелей с построенными кораблями сиротливо торчали на берегу в десятках метров от уреза воды.

– Нынче Дон-батюшка осерчал, не хочет пускать кораблики в море, – разводил руками адмиралтейский мастер.

Апраксин чесал затылок: «Чем воевать с турком? Прошлым годом старые кораблики сожгли, а новых не станется».

Как гигантские истуканы, замерли на берегу восьми-десятипушечные корабли. Жаль было угробленного времени, денег и сил.

– Что поделаешь, – насупившись, отводил душу Апраксин в разговоре с Крюйсом, – не все в нашей воле. Хотя государь и гневается на меня, но совесть моя чиста.

Неторопливо прохаживались они вдоль пристани, где ошвартовались две новые шнявы, шесть скампавей. Поодаль, на стремнине, покачивались на якорях два недостроенных линейных корабля.

– Отъеду я в Таганрог, – продолжил Апраксин, – там кораблики настропалю, к Азову подамся. Кубанские татары, не дай Бог, нахлынут. Впрочем, там комендант надежный, полтавский генерал Келин. Комплектуй кораблики и спускайся к морю. Не ровен час, турки объявятся.

Две недели Крюйс с капитанами собирали экипажи из рекрутов. Разводили испуганных новобранцев по палубам, боцмана линьками загоняли их на ванты, заставляли карабкаться на салинги и марсы, разбегаться по реям. Тряслись руки, дрожали колени. Кто-то падал, зашибался. На якорях, в тихой заводи кое-что получалось.

Пока держалась вешняя вода, Крюйс повел небольшой отряд к Азову. В июне на рейде Таганрога Апраксин с тоской осматривал суда.

– Срам какой-то, – бурчал он, – с дюжиной таких корабликов токмо и обороняться от турок, отстоять завоеванное.

– Не плошай, господин адмирал, – успокаивал Крюйс, – у нас в резерве лихие казаки на лодках. Дай мне побольше мушкетов.

Апраксин уехал в Азов, а Крюйс выслал в дозор две бригадины и десяток казацких лодок...

После полудня 2 июля разомлевшего от жары Крюйса поднял с койки раскат пушечных сигналов с корабля. На его палубе стоял прибывший накануне Апраксин.

В гавань неслись казацкие гички, поодаль, не спеша, под веслами, с обвисшими парусами, втягивались бригадины. Вдали на взморье, лениво шевеля парусами, медленно, один за другим, выплывали турецкие корабли.

– Тридцать два вымпела. – Апраксин протянул подозрную трубу Крюйсу. – Собрались-таки, окаянные, супротив нас. Полторы дюжины линейных кораблей и дюжина галер. – Апраксин окинул взглядом небосвод: голубая лазурь без единого облачка. – Авось Господь Бог поможет. Ветра покуда не предвидится.

Две недели безветрия прошли относительно спокойно. Турки явно не спешили, выжидали, но казаки не выдержали. Заметив как-то утром отбившуюся турецкую фелюгу, бесшумно выскочили из засады в камышах, захватили первую добычу.

Турецкий капудан-паша все же решился проверить русскую оборону. На рассвете его галеры подкрались к внешнему рейду Таганрога. Продвигались ощупью, фарватера турки не знали.

Но Апраксин давно наблюдал за каждым движением неприятеля. Утром посвежело, наконец-то потянуло с верховьев Дона.

— Вызвать командиров, — распорядился Апраксин.

Прямо на палубе, у трапа, начался короткий совет.

Спустя полчаса навстречу туркам, набирая ход, двинулся пятидесятипушечный корабль под командой Крюйса и с ним три шнявы. Турецкие галеры не стали испытывать судьбу. Развернулись на обратный курс, удрали в море. Отошли к горизонту. Капудан-паша продолжал выжидать, осторожничал. Еще неизвестно, сколько вымпелов в Азове. Вдруг ударят с тыла. Пока же у него одна цель — попытаться задержать русских у Таганрога. Турецкая эскадра подошла ближе к берегу, с кораблей спускали шлюпки, готовили десант. Цепко следили за малейшими движениями противника сигнальные матросы, вахтенные офицеры на русских кораблях. Апраксин предупреждал каждый маневр неприятеля, замаскировал на берегу войска, батареи.

Не успели турки ступить на берег, шквал картечи обрушился на них из укрытых кустарником пушек. Выскочила пехота с примкнутыми штыками, ударили лихие казаки.

Поспешили янычары на корабли, оставляя убитых. Эскадра турок отошла в море.

Апраксин, наблюдая за их маневром, кивнул Крюйсу:

— Бери пять вымпелов и припугни турок. Токмо далеко не суйся, но дай им знать нашу прежнюю хватку.

Турецкая эскадра, не ввязываясь в бой, ушла далеко за горизонт, и неделю турки не приближались к берегам.

Неожиданно рано утром Апраксина разбудила пушечная стрельба. Выскочив на палубу, он нахмурился. Издали, распустив паруса, медленно приближалась турецкая эскадра. Пушки палили непрерывно, но ядра не вспенивали воду.

— Холостыми палат, — хмуро проговорил Апраксин, — не к добру это.

Отделившись от эскадры, в гавань медленно, выкинув бе-

лый флаг, входила турецкая галера под вымпелом капудан-паши.

Подобрав полы халата, ловко поднялся по трапу капудан-паша. Лоснившееся от загара лицо турецкого флагмана сияло открытой улыбкой. Казалось, он спешит кинуться в объятия своего недавнего врага... «С чего бы это?» — недобро заглодело вдруг внутри у Апраксина.

— Мой достопочтенный адмирал, — после взаимных приветствий начал без обиняков гость разговор через толмача. Он вынул сверток бумаги и протянул Апраксину. — Только что я получил фирман. Наш султан и ваш царь заключили мир. Война закончена без пролития крови. — С лица турка не сходила улыбка, но в глазах светилось затаенное торжество. Он вдруг поднял обе руки и обвел ими вокруг, кивнул на побережье, повернулся в сторону далекого Азова. — Теперь и навсегда все это принадлежит высокочтимому султану.

Недоумевающий Апраксин развернул лист. Как в тумане вчитывался он в полученное известие. «Возвратить туркам Азов, уничтожить крепости в Таганроге, Каменном затоне, Самаре, уничтожить все корабли флота...»

Подняв голову, смотрел пустым взором мимо улыбающегося капудан-паши. «Што стряслось-то? Одним махом все труды насмарку? Ножом по живому телу! Кровушки-то сколько пролито, живота положено!» Протянул фирман турку.

— Мне не ведомо сие. Покуда от государя указ не поступит, действий никаких предпринимать не стану. — Кивнул головой, разговор, мол, окончен.

Согнав улыбку, так же ловко подхватив полы халата, капудан-паша быстро спустился по трапу, явно недовольный приемом.

Глядя вслед удаляющейся шлюпке, Апраксин вдруг подумал о Петре: «Воевал бы у моря, как Досифей завещал. А то ринулся очертя голову в омут. — Запершило в горле, закашлялся. — А ежели сие все правда?...»

На это раз, обыкновенно осторожный, царь промахнулся, забыв поговорку: «Не ставь неприятеля овцою, ставь его волком».

Битва с турками в излучине Прута могла бы привести и к успеху русских войск. Но, не зная всех сил неприятеля и опа-

саясь разгрома, Петр не стал рисковать. К тому же он больше прислушивался к Шафирову и Екатерине Алексеевне, чем к генералам.

По мирному договору царское войско покинуло место битвы с оружием, развернутыми знаменами. Под грохот барабанов... Как и водится у азиатов, турки взяли заложников: Шафирова и сына фельдмаршала, генерала Шереметева, чтобы заставить царя до конца выполнить обязательства. Царь, покинув армию, отправился с женой в Варшаву, а Апраксину послал весточку, где изливал душу: «Хотя я николи б хотел к вам писать о такой материи, о которой принужден ныне есмь, однако ж, понеже так воля Божия благоволила, и грехи христианские не допустили... и тако тот смертный пир сим окончился, которое хотя и не беж печали есть, лишиться сих мест, где столько труда и убытков положено, но однако ж чаю сим лишением другой стороне великое подкрепление, которое несравнительною прибылью нам есть».

Письмо несколько успокоило душу: Петр, сглаживая свои промашки, старался, приглушить их конкретным делом, вселить надежду в Апраксина.

— Мудро государь рассуждает, — сказал тот Крюйсу, — теperича у нас единая забота, шведа побить до конца, флот Балтийский крепить. Давай-ка, вице-адмирал, поторапливайся, уводи кораблики, которые можно, да поезжай на эскадру в Петербург.

С болью в сердце уничтожали они корабли — разбирали, сжигали, некоторые добротные, как «Предистинация», «Ластка», продавали туркам за десятки тысяч червонцев.

Добротные галеры Крюйс повел по Дону в Черкассы.

После нового года Апраксин передал туркам Азов, спустя месяц взорвал крепость Таганрог...

Неохотно покидал азовскую сторону адмирал. Десяток с лишним лет благоустривал он здешние места для пользы отечеству. В дорогу отправился без спешки, ехал, подремывая в крытом возке. Одно, что подгоняло по зимнику, так это мартовское солнце. Поэтому приходилось вставать спозаранок, выезжать затемно.

В Москве заехал к сестре Марфе Матвеевне и удивился тишине в царских покоях. Оказалось, что вся царская фамилия недели полторы как уехала в Петербург на бракосочетание царя с Екатериной Алексеевной. Немного подосадовал, что пропустил такое немаловажное для сановника его ранга событие, а также возможность развеяться после почти годового отсутствия в Петербурге.

Брата Петра тоже не было в Москве, второй год губернаторствовал в Казани. Поехал в Навигацкую школу на Сухаревку. Прошел с главным инспектором по классам, казарме, где размещались школяры. На всем: облупившихся стенах, холодных помещениях, износившейся форме школяров, довольно бледных и худеньких их лицах — лежала печать недостатка.

— На рублик в месяц не разбежишься, ваше превосходительство, — то ли оправдывался, то ли жаловался инспектор.

«Да еще воруют половину», — усмехнулся про себя Апраксин и распорядился вызвать Андрея Хрущева из второй роты, свойственника по покойнице жене. В прошлом году он определил его в школу, навещал всякий раз, бывая в Москве.

Пятнадцатилетний крепыш без смущения представился по форме. Адмирал все десять лет, как похоронил жену, не прерывал связи с ее родственниками, помогал как мог.

Апраксин не терпел покровительства сам и разговаривал с Андреем коротко, без церемоний, а в конце сказал:

— Ну, братец, я слышал, ты преуспеваешь в науках, готовсь экзаменоваться в гардемарины, и айда на корабли в моря...

«Не позабыть бы кого из Приказа прислать сюда ревизию провести», — размышлял адмирал, покидая школу. «Подсказать как бы Петру Алексеевичу, хозяин здесь добрый надобен да школяров поближе бы к морю держать».

Не задерживаясь, в тот же день отправился в Петербург, который наконец-то обретал статус столицы. Давненько не был он здесь.

За минувший год северная столица сильно переменялась. Тут и там из сугробов торчали каменные фундаменты, места, где прежде стояли избы, высились каменные стены...

В своей избе неподалеку от Адмиралтейства он появился в

вечерних сумерках. В комнатах забегали. Козьма гонял дворовых, кухарку, истопников, шумел, топал ногами.

Первым поздним вечером к нему нагрянул Ульян Сенявин, начальник конторы по строению города. Три года, как царь отставил его от морского дела и назначил на новое место, заметив сообразительность, хватку и расторопность в строительном ремесле.

Апраксин смачно хрустел солеными лимонами после первых чарок и слушал рассказ гостя о свадьбе царя.

— В церкви-то шаферами государь избрал Кикина, братца Наума, Муханова, Кочета, всех моряков. А на пиру бок о бок с ним Скляев, Крюйс, Мишуков да братцы мои Сенявины восседали.

Апраксин слушал молча, вздыхал, потом вдруг перестал:

— Чего для строят все из каменьев?

— Государь повелел отныне на проспектах дома класть токмо каменные. Избы подалее, в слободе, для мужиков.

— Занятно, камень-то где взять?

— Везут камень, на каждую подводу подать наложена. Камень-то вечен. Все строятся, Федор Матвеевич. Вона Данилыч дворец под крышу подвел, Шереметев, Кикин и тот себе палаты грохает. Тебе тоже пора обзаводиться.

— Денег много надобно.

Ульян засмеялся:

— Тебе ли о деньгах плакаться. Вотчины торгуешь, жалование идет. — Ульян внезапно перегнулся через стол: — Хошь в компанию к Данилычу? Вложи деньгу, прибыль высокая. Хлебушек в Петербург торговать. Я замолвлю словечко Данилычу, сам имею доход.

— Замолви, пожалуй. Домину-то строить каменную...

В кампанию 1712 года царь впервые не поехал в Воронеж. Теперь делать ему там было нечего. Всех рабочих и мастеровых переводили на северные верфи, в Архангельский. Заводы, мастерские, кузни, весь деланный лес перевозили туда же. Разбирали суда на стапелях...

Каждое утро Апраксин затемно приходил на Адмиралтей-

скую верфь и редко успевал опередить царя. На стапеле сверкала свежевыкрашенными бортами «Полтава», и царь, забываясь в работе, готовил корабль к спуску. В этот год летние месяцы Петр проводил у моря и на кораблях. Видимо, хотел заглушить неприятные воспоминания прошлого года на сухопутье.

Выслушав по приезде Апраксина, подвел его к карте:

— Нынче у нас единая дорога к морю, ее будем мостить. Шведа нам не одолеть, покуда наше войско на его землю не ступит. Без флота сие немислимо... Швед покуда нас мощнее, в эту кампанию соберем силы, корабли спустим со стапелей. Салтыков обещался прислать купленные. Для шхер построим сотни две скамповей. — Петр провел рукой по карте. — Попытаешь осенью оттеснить шведа от Выборга. На будущий год двинем берегом к Аландам, а там до Карла рукой подать.

Апраксин слушал, изумленно покачивал головой. «Ну и Петр Лексеич, видать, сняло у него печаль с души».

— Сие ладно, господин шаутбенахт.

— То не все, генерал-адмирал. Принимай под свою руку Эстляндию, Ингерманландию и Карелию. Командовать будешь всем флотом Балтики и войском...

Едва сошел лед, не дожидаясь готовности эскадры Крюйса, Петр с Апраксиным ушли на «Лизетте» к Выборгу, проверили крепость...

Вернулись к Котлину, ошвартовались на шлюпке к новой пристани. Вокруг торчали сваи, строилась гавань. Апраксин опять удивился.

— Из губерний в этом году три тыщи человек сюда придут, фортеции и жилье строить, — пояснил не без гордости Петр.

— Кому жилье-то? — спросил Апраксин.

— Жителям города, — усмехнулся Петр. — Будем, Федор, сюда, окромя работных людей, селить шляхту, корабельных офицеров, людей купецких да ремесленных. Флоту базы надобны, гавань, верфи.

— Крюйсу приспело в море отправляться, — доложил Апраксин, — нынче думаю ему с эскадрой определить крейсирование на меридиане Выборга и далее к Ревелю. Пора обезопасить наши коммуникации.

– Добро, – согласился Петр, – командуй, распоряжайся самолично.

На взморье виднелась эскадра Крюйса, она ушла далеко на запад, на горизонте паруса сливались с грядой курчавых облаков.

– Нынче шведа не видать, – продолжал Апраксин, – ежели так пойдет, к осени пустим Боциса, пущай их пошпыняет, каперов разгонит.

– Не позабудь, приходи к Петербургу, «Полтаву» будем сталкивать на воду...

В солнечный полдень 15 июня Петр с Апраксиным поднялись на верхний дек «Полтавы», прикрепили к фалам на корме Андреевский флаг. Заглянули в кают-компанию. Вокруг длинного, от борта к борту, стола с белой скатертью сновали вестовые матросы, расставляли приборы, штофы с вином и водкой, закусками...

На верхней палубе остался Склаев с командой такелажников, боцманом и матросами. Все произошло быстро, четко... Осмотревшись, Петр по отмашке Апраксина перекрестился и крикнул:

– С Богом! Руби канаты! Бей подпоры!

Почти враз раздался характерный треск топоров, упали разрубленные канаты. В тот же миг одновременно полетели подпоры, а Петр взмахнул мушкетом и выбил основной, подпорный, клин из-под кия.

Машина на стапелях заметно вздрогнула, чуть качнувшись, нехотя, дюйм за дюймом двинулась к урезу воды, задымился слип...

Потом на палубу поднялась с Петром вся свита, начались торжества на корабле и на берегу. Первый тост произнес Петр:

– Первенцу нашему линейного флота Балтийского семь футов под килем и ветра полные парусы.

На другой день пришло письмо из Лондона. Салтыков купил первые три пятидесятипушечных корабля и повел их в Копенгаген.

– Покуда здесь все ладно, – повеселел Петр, – токмо в Померании жалится Меншиков, туда отъеду. – И неожиданно распорядился: – Готовь «Лизетту», на море, слава Богу, пого-

да, пройдемся с Катеринушкой до Нарвы, – засмеялся, – замест свадебного вояжа.

Впервые Апраксин сопровождал Екатерину Алексеевну как царственную особу, царицу. С якоря снялись на восходе солнца. Погода выдалась как на заказ. Весь день сияло солнце на безоблачном бирюзовом небосводе, отражаясь в белесых, бескрайних водах. Легкий ветерок с востока подгонял шняву, наполняя паруса, ласкал лицо. И всю дорогу над парусами кричали, резвились, то взмывая вверх, то планируя к воде, белоснежные чайки. На шканцах, под сенью парусов накрыли стол, и весь путь не умолкал веселый смех, шутки сыпались одна за другой, и мало кто, кроме командира и Апраксина, подумывал о возможных неприятностях. Хотя берег и был под боком, они то и дело вскидывали подозрительные трубы, шарили по горизонту, заглядывали на батарейные палубы, где у заряженных орудий несли вахту канониры. «Береженого Бог бережет».

Морское путешествие сблизило царицу и Апраксина. Много нового узнала о верном помощнике своего мужа Екатерина, проникся симпатией к ней и нестареющий генерал-адмирал.

Солнце уходило за горизонт, когда Апраксин на шлюпке доставил царскую чету на берег, где их ждал конвой.

Здесь пути супругов разошлись. Царица с неразлучной Натальей Алексеевной отправилась берегом в Петербург, Петр отбыл к армии, в далекую Померанию...

Через неделю после спуска «Полтавы» первым в стычку со шведами вступил Крюйс. На рассвете с салинга флагманского корабля закричал матрос:

– Три паруса на весте!

Привычным галсом, свободно, будто в своих водах шли курсом сближения ост-норд-ост три шведских фрегата. Крюйс поднял красный флаг: «Атаковать неприятеля!» – и устремился на шведов. Корабль, фрегат, шнява против трех фрегатов. Силы примерно равные, но следом спешили на помощь четыре русские бригантины. Спасло шведов от погони вроде бы везение – ветер переменялся и русским пришлось лавировать против ветра. Так доложил Крюйс...

В августе от Котлина ушла эскадра Ивана Боциса, двадцать три вымпела. У Красной Горки сразу пленили четырех-

пушечный бот. За Выборгским заливом, в шхерах, взяли на abordаж еще шняву и два бота. Шведы потеряли тридцать три пушки, две сотни пленных и убитых.

Русских морских солдат полегло тридцать два... Боцис после доклада ругал Крюйса, мол, сдрейфил, упустил неприятеля.

В те же дни Апраксин выступил из Выборга с Ингерманландским корпусом на запад... В шхерах, вдоль берега, двигались галеры и скампаваи. А шведы не думали сражаться, войска Либекера быстро ретировались за бурную, с обрывистым берегом реку, но сожгли все мосты за собой.

Порывистый и нетерпеливый генерал Михаил Голицын наседа на Апраксина, рвался с ходу атаковать шведов. Апраксин его одергивал:

– Не торопись, генерал, мою морскую пехоту под шведские пули подставлять, солдата беречь надобно. Без одного мы с тобой ничто.

Начались проливные осенние дожди, повеяло холодом. Апраксин отвел войска на зимние квартиры к Выборгу.

Из далекой Померании царь с досадой делился с Апраксиным промахами союзников на море. «...датский флот не так действует против шведов, как про него сказывали, ибо ныне транспорт шведский пропустили в 10 000 человек, а шведы только тремя кораблями их сильнее были... господа датчане, имея ревность не по разуму... не дождався нас в бой вступили и баталию потеряли».

Лишь на исходе зимы вернулся Петр из Померании и сразу собрал моряков.

Успех кампании 1713 года зависел от действий флота. Апраксин, Крюйс, Боцис склонились над картой:

– Генеральная задача, – Петр размашисто провел ладонью по карте, – вышибить шведов из Финляндии, она есть матка Карла. Выйдем к Аландам, там до Стокгольма доберемся. Приспела нам пора шведу показать флот российский. Гляди, адмирал, – поманил Петр, – с галерным флотом и войском пойдешь вдоль берега, штурмуешь Гельсингфорс, далее к Гангеуду и Або. Всюду галерам и бригантинам десантировать пехоту морскую, подвозить припасы и провиант. Когда будешь с войском, Боциса флагманом оставишь.

Адмиралы слушали, вникали, запоминали, а Петр, кивнув Крюйсу, продолжал:

– Тебе с корабельной эскадрой занять позицию на меридиане Гельсингфорса, прикроешь нас на берегу от шведской эскадры. Действуй без мешкоты, гони неприятеля, силы у вас равные. – Петр лукаво улыбнулся, глянув на Боциса. – Слышал я, в прошлую кампанию ты сплоховал, упустил шведа.

Крюйс недовольно засопел. Сверкнул глазами:

– То есть навет, государь, невежливость и глупость.

– Будя, Крюйс, не забижайся, – примирительно сказал Петр, – при случае потолкуем, за рюмкой.

Никто не предполагал, что разбираться придется поиному...

В конце апреля Петербург пришел в движение. Готовились к выходу 200 галер, скампавей, бригаنتين, шестнадцать тысяч войск.

Апраксин старался поспеть всюду, присмотреть за флотом, проверить войска, наладить работу на верфях в Адмиралтействе, наведаться на Котлин. Урывками заезжал в канцелярию. Чиновники редко принимали приказы на слух, им подай бумагу. Личную почту секретарь докладывал без промедления. Пришло письмо от племянника. Распечатывая конверт, Апраксин почему-то вспомнил о старшем брате. «Опять вдовцом остался бедолага, да и детки без матки». Год назад скончалась вторая жена Петра, княгиня Куракина, восемнадцати лет от роду, скоропостижно, при родах. «Хоть дитя не померло», – вздохнул Федор Матвеевич, читая письмо.

Александр хвалился практикой в Англии, но умудренный адмирал его несколько осадил в ответе: «О счастливом вашем возвращении из Лондона уведомился с немалою радостью... практикуйся непрестанно, чтобы волю монаршую исполнить, а особливо без того возвращения себя в отечество не ожидай, донеже познаешь науку морскую от кия до вымпела, как надлежит искусному морскому человеку, и не имей в том на меня для моей причины надежды», – советовал дядя как истинный моряк и предупреждал как заботливый родитель.

В первых числах мая галерный флот в двести вымпелов под флагом генерал-адмирала Апраксина поднял якоря. Авангардом головной колонны командовал контр-адмирал

Петр Михайлов, как велел именовать себя царь, а арьергардом шаутбенахт (также контр-адмирал) Иван Боцис.

Первый бросок десант произвел в Гельсингфорс, овладел им, но вскоре пришлось отступить. Шведы всю зиму готовились к бою, и русских встретил яростный шквал огня. Но бригадир Чернышев с ходу бросил в атаку морскую пехоту, шведы не выдержали и отошли.

Петр заскучал на берегу, его тянуло на корабли:

— Управляйся, Федор, с войсками, штурмуй Гельсингфорс, я на эскадру, до Котлина подамся.

Очистив от неприятеля тыл и овладев Борго, Апраксин вновь подтянул войска к Гельсингфорсу, а Боцис двинулся с моря к шхерам. На следующий день с юга, от острова Гогланд, донеслась канонада.

— Никак, Крюйс со шведами столкнулся, — потягивая трубочку, усмехнулся Боцис, — не дает ему контр-адмирал дрыхнуть...

Шведы откатились на запад, без боя сдали Гельсингфорс. Флот получил надежную базу на финском берегу.

Крюйс, не желая расставаться со своей размеренной, спокойной жизнью, упорно отваживал царя от участия в морской кампании.

Петр оскорбился:

— Восемнадцать лет, — ответил он Крюйсу, — как служу моему государству и в скольких баталиях, акциях был, николи не отлучался, азардировал повсюду. Однако ж, поскольку ты не хочешь, Бог с тобой, чтоб не быть причиной к нерадению, оставляю тебя. У меня дел невпроворот, но гляди, наши бригадины и войска бьются в Финляндии. Там эскадра вице-адмирала Лилье. Иди в море, ищи и тереби шведов, не допускай их к берегу.

Крюйс облегченно вздохнул, но его ждали большие испытания.

В полдень 10 июля крейсера пушкой известили флагмана: «Вижу неприятеля!» Только бы и атаковать шведов, но Крюйс почему-то лег в дрейф, вызвал младших флагманов, капитан-командора Шельтинга и Рейса. Посоветовавшись немудрено, решили: гнаться за неприятелем до ночи, а потом, если других известий о неприятеле не будет, идти в Ревель.

Ночи стояли светлые, эскадра сблизились со шведами на дистанцию огня, но ветер стих, нашел туман. Крюйс не подавал никакой команды...

Наум Сенявин целый день метался по шканцам с борта на борт. Не мог разгадать намерения флагмана. «Чего он канителится, не дает сигнал к атаке?»

С рассветом туман рассеялся, взошло солнце — и прямо по курсу открылся неприятель. С флагманского корабля донесся выстрел. Сенявин вскинул подзорную трубу. Все три флагмана подняли красные флаги — сигнал погони. «Слава Богу, наконец-то гнать неприятеля!»

— Отрепетовать красный флаг! — скомандовал он. — Бараны наверх, дробь!

Матросы отдраивали артиллерийские порты, откидывали найтовы у пушек, из крюйт-каморы тащили картузы, снаряды...

Передние корабли «Выборг» и «Полтава» вот-вот догонят неприятеля, но шведы внезапно отвернули «все вдруг» влево...

На море каждый маневр корабля имеет смысл и причину. Опытный моряк Крюйс должен был этот маневр разгадать и принять решение, но он беспечно шел напролом, позабыв, что, кроме неприятеля, само море таит в себе смертельную опасность.

«С чего это повернули? — подумал не спускавший глаз с неприятельских кораблей Сенявин. — Неспроста, видно, уходят от своего берега. Неужели банка?»

— Лево руля! — крикнул Сенявин рулевому. — Держать два румба левее по компасу!

Через несколько минут корабли шведов легли на прежний галс.

— Так и есть! — невольно вскрикнул Сенявин.

Передний «Выборг» вздрогнул и остановился как вкопанный. Верхушку паруса по инерции понесло вперед, так, что отломилась фор-брам-стеняга¹. Идущая следом «Рига» вдруг начала лихорадочно убавлять паруса и тут же приткнулась на мель. Неприятельские корабли на отходе дали как бы в насмешку залп. Одно ядро угодило в «Ригу», попало в крюйт-ка-

¹ Фор-брам-стеняга — верхнее дерево (стеняга) у фок-мачты.

мору, оттуда повалило облако пороховой пыли, по палубе в панике заматались фигурки. Красный флаг атаки флагман спустил.

Строй кораблей смешался, один «Рандольф» Сенявина продолжал погоню, но в одиночку это становилось рискованным...

До поздней ночи возились с тремя потерпевшими кораблями, «Ригу» кое-как стащили с мели, «Выборг» сел плотно, начался шторм, и к вечеру он переломился. В пределах видимости появилась шведская эскадра, с нее на радостях палили из пушек, издевались над незадачливыми русскими...

Петр на «Мункере» догнал эскадру Боциса в Гельсингфорсе. Гавань Петру понравилась. Он еще не знал о происшествии с Крюйсом.

— Здесь будем галеры, скампаеи и бригантины на зиму ставить, — обратился он к Апраксину. — Неча их в Петербург гонять. Шведы далеко ушли?

— Маячат временами у горизонта, — усмехнулся Апраксин. — Проведали мы от рыбаков, что вице-адмирал Лилье стоит с кораблями на якорях у Гангеуда. Крепко укрепились, видно.

Петр прикинул по карте:

— Далее шведам отступать некуда. Последний рубеж. За ним земля шведская. Здесь они насмерть будут стоять. Пойдем шхерами, разведаем.

На оконечности полуострова плотной цепочкой выстроилась шведская эскадра, шестьсот орудий. Дважды пытался прорваться Боцис — сплошная стена огня преграждала путь.

Петр повернулся к Боцису:

— Силы неравные, на abordаж их не возьмешь, неча людей понапрасну губить. — Царь, взяв трубу, всматривался в даль.

— Подбери мне молодцов хватких, пойду на шлюпке вечером шхерами к шведам. Погляжу, что к чему.

— Господин контр-адмирал, я отвечаю за вашу жизнь, сие риск необоснованный, — нахмурился Боцис.

— Волков бояться, в лес не ходить. Исполниай, как сказано.

Все выглядел у шведов зоркий глаз контр-адмирала, и не только разведаль, но и определил задачу флоту на следующую кампанию.

Корабли возвратились в Петербург и ушли в Ревель. Предстояло разобраться в обстановке.

Дело шло к зиме, все флагманы и капитаны собрались в Петербурге. Царь ознакомился с летней катастрофой. Погиб новый линейный корабль, неприятель ушел безнаказанно из-под носа. Определить виновных предстояло суду из десяти человек — лейтенантов, капитанов, контр-адмиралов. Председателем суда царь назначил Апраксина.

По делу привлекались вице-адмирал Крюйс, капитан-командор Рейс, капитан-командор Шельтинг, капитан Дегрюйтер. Разбирательство заняло больше месяца. Виновные оправдывались, кивали и даже клеветали друг на друга. Судьи терпеливо, беспристрастно определили степень виновности каждого.

Крюйс старался выговорить себя, ссылаясь на устав, практику морской жизни. Крюйсу припомнили и прошлую кампанию, «что не чинил погони за неприятелем». Апеллировал Крюйс и к Петру, оправдывался, козырял примерами морской истории, которую знал неплохо. Но царь не без юмора давал язвительные ответы на все примеры, а в конце напомнил: «Азардировать не велят, не советуют, а деньги брать и не служить, стыдно».

В полемической схватке с контр-адмиралом вице-адмирал Крюйс явно потерпел поражение.

В конце концов вина и Крюйса, и остальных подсудимых была доказана. Мере наказания судьи определили довольно суровую. «Вице-адмирала Корнелиуса Крюйса за его преступления и неисполнение своей должности... наказать смертью.

Капитан-командора Шельтинга, который достоин был жестокого наказания, но понеже на то ордера не имел, того ради от жестокого наказания избавляется, но осуждается быть в молодых капитанах.

Капитан-командора Рейса за неисполнение его должности... расстрелять.

Капитана Дегрюйтора за незнание его дела выбить из сей земли без абшиту¹ с позором».

Петр смягчил кару первым двум обвиняемым.

¹ Без абшиту — то есть с позором, без проводов.

После суда царь имел долгий разговор с Апраксиным, в конце сказал:

— Суд сей не токмо должен наказать виновных, но и послужить другим иноземным служакам для острастки.

— Все по закону и правде, государь.

Петр вдруг усмехнулся:

— Ты-то, чаю, ныне судьей был, а ведаешь ли, князь Василий следствие ведет по Меншикову воровству?

Апраксин густо покраснел:

— Ведаю, государь, бес попутал в свое время, но, ей-ей, ни копейки себе не взял.

— Ну, ну, поглядим, что комиссары скажут. Кто из нас не грешен...

«Кто барствует, тот и царствует». Старинная поговорка живуча и по сей день и, видимо, не скоро утратит свой смысл.

Во все времена вокруг властителей собирались те, кто любил поживиться, используя право распоряжаться судьбами людей.

Охотников обычно много, и всегда между ними идет борьба не на жизнь, а на смерть.

В недавнем прошлом верх брали то Милославские, то Нарышкины. Попеременно летели головы у тех и других.

С приходом к власти Петра именитых людей, бояр, окольничих, потеснили у трона люди «подлого» происхождения, подобно Меншикову, или не столь знатные из малоимущих дворян.

Родовитое боярство: Долгорукие, Голицыны, Толстые, Музины-Пушкины, затаило злобную обиду и при случае старалось нанести удар. Поводов для этого было немало, но стукнуть хотелось по сильнее, потому выжидали только удобный момент.

Многие «князи из грязи» не знали меры в своем обогащении. Страсть к стяжательству — непреходящая черта характера Данилыча — проявлялась всюду, где он служил. До поры до времени он ловко отводил все наветы недругов. Но стоило ему отлучиться на полтора года в Померанию, как противники перешли в наступление. Во главе их стояли князья Долгорукие. Особенно расположен был царь к Якову Долгорукому после

его побега из шведского плена на захваченной шхуне два года назад. Одному из Долгоруких, князю Василию Владимировичу, и поручил царь расследовать махинации своего любимца, дело пахло миллионом.

Оказалось, что светлейший князь хапал везде, всюду и по многу.

Но Меншиков был далеко не одинок. Среди других наиболее охочим обогатиться воровским путем оказался адмирал-теец Кикин. Кроме совместных с Меншиковым денежных махинаций, он запускал руку в казну, воровал из бездонной кладовой кораблестроения материалы, брал взятки. Его новый дворец соперничал с меншиковским. По ходу следствия царь пока отстранил его от должности. В подрядных махинациях Меншикова оказались замешанными канцлер Головкин, Ульян Сениявин, Апраксин.

Давно чувствовал неприязнь со стороны именитых князей Федор Матвеевич за свою дружбу с Данилычем; как-то даже пожаловался ему, что их «злоба родилась, что я своим исканием привязался к вам». Апраксин, пожалуй, не преувеличивал. Знатные люди не могли простить адмиралу дружеских отношений с бывшим «пирожником» и только ждали случая свести счеты.

К счастью, оказалось, что сам адмирал не взял из сомнительной прибыли ни гроша...

В прежние времена Меншиков частенько отводил от себя царский гнев, являя безудержную отвагу на поле брани, но теперь он вдруг занедужил не ко времени... А предстоящая кампания на море оказалась переломной в ходе войны...

Пять лет минуло со дня Полтавской битвы, где Карл XII чудом избежал плена. И все же короля пленили в прошлом году, только не русские, а янычары, после жестокого боя в Бендерах. Друзья-союзники вдруг перессорились, и дело дошло до драки.

Теперь королевские указы поступали в Швецию с большим опозданием. Узнав о поражении в Финляндии, Карл XII забеспокоился. Если маткой овладеет царь, судьба Швеции будет решена.

Понимали и в Стокгольме, что ставки в предстоящих сражениях на море будут велики, именно они определяют исход войны в целом.

На совете флагманов флота докладывал адмирал Густав Ватранг:

— В прошлую кампанию мы припозднились. Нам, к сожалению, не привелось разгромить эскадру царя Петра. Хотя шансы у нас были, русские неважные моряки, не знают фарватеров, сажают свои корабли на камни, сжигают их. — Ватранг закашлялся и подошел к карте. — Однако русский царь опередил нас гребными суднами, которые сильны в шхерах. Наша задача в предстоящей кампании выманить галеры в море и уничтожить их. А потом покончить с корабельным флотом. Потому не будем медлить.

В отличие от прошлых кампаний, ранней весной, когда еще по северной Балтике плыли ледяные поля, из Карлскроны и Стокгольма вышли шведские эскадры. В конце апреля они соединились у мыса Гангут. Три шведских адмирала, опытные военные моряки Ватранг, Лилье, Эреншёльд возглавили армаду из шестнадцати линейных кораблей. Почти девятьсот корабельных орудийных стволов сосредоточил королевский флот у Гангута с целью преподать русским урок на море.

Минул месяц, пошел другой, шведы притомились, они не знали намерений царя...

На вечерней заре к Апраксину прибежал посыльный: «Государь велел к нему быть!»

В поздних сумерках Апраксин вошел без доклада. Петр что-то чиркал на конторке, с шумом бросил перо, потянулся.

— Вот что, Федор, хочу сказать, — Петр кивнул на табуретку, сам сел рядом. — Нам со шведом в открытом море связываться нет смысла. Кораблей прибавилось, но в большом комплекте экипажи на них. Командиры, сам видишь, сырые, лоцманов добрых раз-два, и обчелся, к тому и ландкарты все еще не заимели.

Как всегда осмотрительный, Апраксин поддержал:

— Шведы в этом деле многоопытнее нас, спору нет. Мы по кораблям к ним приблизились вполосину, а по выучке не догнали. Корабельная наука многосложная, враз не дается.

— Ты не думай, что, ежели незапно столкнемся в море, заробею. Ни в коем разе. Азардовать будем, в abordаж мы осилим шведа. — Царь на мгновение замолчал и вспомнил о главном. — Так я к чему. Главную баталию давать будем в шхерах, завлекать туда Ватранга. А там сила наша опять же в abordаже, пехота же еще навыков не имеет добрых. Потому распорядись, покуда в море не вышли, напервое изготовить оружие для abordажа, древки с крючьями, лестницы с зацепами, топоры с длинными топорищами. Другое. Поручикам да сержантам подучить надобно своих подопечных бою abordажному.

Апраксин слушал и радовался: «Мои мысли Петр Алексеич читает...»

Военный совет собрался перед выступлением в поход. Адмиральский салон «Святой Екатерины» едва вместил всех прибывших. Впервые Петр собрал вместе капитанов корабельного и галерного флота и армейских офицеров.

— Две руки у меня, армия да флот, в единении их сила, — проговорил Петр и подошел к развернутой на переборке карте. — Кампания решить должна, быть ли нашему флоту и армии у неприятеля в его коренной земле, дабы склонить к миру. Потому напрячь надобно матроз и солдат к виктории. — Провел рукой по карте. — Галерный флот с войсками пойдет к Гельсингфорсу и далее вдоль берега к Гангуту. Корабельная эскадра прикроет галеры с моря до шхер. После чего пойдем в Ревель. Адмирал Апраксин из Гангута повестит меня в Ревель о неприятелях, и будем действовать по обстоятельствам.

Первым задал вопрос капитан-командор Змаевич:

— Каков ордер следования на походе?

— Корабельную эскадру сам поведу, ордер получишь в походной канцелярии. Для галерного флота ордер определит его главный командующий, адмирал Апраксин. — Ощупывая взглядом, подмигнул сидевшим в первом ряду седым генералам, закаленным бойцам Михаилу Голицыну, Ивану Бутурлину, молодому бригадиру Якову Волкову.

В начале мая с якорей снялась эскадра кораблей, прикрывая гребной флот со стороны моря. Когда авангард Апраксина подошел к Березовым островам, у Котлина снимались с якорей последние бригантины.

Проводив галерный флот до Выборга, эскадра отсалютовала генерал-адмиралу и направилась к Ревелю. Там эскадра пополнилась тремя линкорами, пришедшими из Архангельского, и пятью, купленными за границей.

В полдень 17 июня ударила сигнальная пушка. Вдали на горизонте показались шведские корабли. Флагман поднял сигнал: «Начать буксировку!» Команда поступила вовремя. Успели за ночь выйти на рейд.

На рассвете вице-адмирал Лилье, командир шведского отряда, изумленно осматривал внешний рейд у ревельской бухты.

Завидев шведов, русские корабли сыграли тревогу, начали сниматься с якорей.

— Шестнадцать линейных кораблей, четыре фрегата, десяток бригантин. Такой подарок нам не по зубам. Но откуда у Петра объявился флот?

Лилье подозвал капитана.

— Подымайте сигнал: «Следовать за мной! Курс норд-норд-вест». Идем к Гангуту.

Шведский адмирал сдрейфил, но он не подозревал, что в ревельской бухте половина русской эскадры была бутафорской. Восемь линейных кораблей, которые пришли из Архангельского, и купленные за границей, были пустыми кораблями, без пушек, наполовину без офицеров и матросов...

Пока Ватранг выяснял соотношение двух корабельных эскадр, к Гангуту приближалась сила, которая сыграет решающую роль.

В дни летнего солнцестояния галерный флот Апраксина обосновался в Твереминской бухте. Вдали, у мыса Гангут, растянувшись цепочкой, угрожающе чернели громады линейных кораблей.

— Слава Богу, — перекрестился Апраксин, сняв шляпу и вытерев пот со лба, — хоть здесь упредили шведа, и то ладно. — Он вскинул подзорную трубу, подозвал Змаевича: — Значит, так, капитан-командор, скампавеями нам здесь покуда не пробиться. Потому себя надобно обезопасить. Соорудим батарею на берегу, сюда шведы по мелководью не сунутся. Пошлем государю эстафету, надобно кораблям помочь. Не худо бы диверсию против Ватранга совершить, отвлечь его,

а мы на скампавеях прорвемся. Снаряжай добрых матросов на шлюпку, пойдем с тобой шхерами, своими очами все узрим.

Уточнив дислокацию шведов, в тот же вечер Апраксин отправил с бригантиной донесение в Ревель. Сообщил состав эскадры шведов, донес о сооружении батарей на Гангуте, просил отвлечь Ватранга...

Бригантина ушла, а у Гангута шведский адмирал спокойно взирал на галерный флот и играл в карты со своими адмиралами.

— Русские галеры у нас в мышеловке...

Не раз промерил Апраксин за две недели все скрытые фарватеры в шхерах, наметил маршруты для скампавей, установил пушки напротив шведской эскадры. Даже послал привет шведскому адмиралу: отвезли шведов, плененных в сражениях на берегу.

«В 7 день, поутру, — записал адъютант в журнал генерал-адмирала, — шведских арестантов один пастор да 153 человека урядников и солдат, отправлены к неприятельскому флоту с капитаном Лукою Демьяновым, и приказано оному капитану при прибытии... учинить сигнал с шлюпки из единой пушки.

В 8 день вышеописанный капитан, передав пленных, возвратился к флоту...»

— Пускай шведский адмирал в ус не дует, — хитро щурился Апраксин, поглядывая на зеркальную поверхность залива. У него постепенно созрел новый замысел.

Свой план он и высказал вечером за ужином Змаевичу и прибывшим с войсками генералам Голицыну, Бутурлину и Головину.

— Размыслил я, что ныне-то штиль полный нам на руку. Ватранг, подобно ленивому коту на солнцепеке, не шевелит парусами. — Апраксин задорно посмотрел на собеседников. — Мы на скампавеях мимо его пробьемся, нам бы токмо щель найти или уйти в море подалее. Отпишу-ка о сем государю. А прежде схожу к Гангуту, досмотр учиню.

Журнал генерал-адмирала отметил: «В 14-й день г. адмирал с гг. генералами ездил на шлюпке для осмотра неприятельского флота, и перед полуднем, прежде возвращения их

ко флоту, прибыл на скампавее из Ревеля с письмом от Ц. В. капитан-командор Сиверс, с ним инженер-майор Люберас и несколько штурманов».

– Государь послал промерить фарватер для кораблей эскадры, – доложил Сиверс. – Он подумывает о подмоге вам.

– Сие приятно, – вздохнул Апраксин, – но токмо когда случится? Время-то уходит, как бы шведы не очухались.

Вызвал капитан-поручика Пашкова:

– Вечеру на бригаantine пойдешь в Ревель с эстафетой государю. На словах передашь, что нынче войсками весь берег до Гангута оседлан, как бы швед не надумал десантировать.

Море велико, в одном краю штилит, а в другом штормит. У Ревеля больше недели дул северный противняк. Пришла бригантина от Апраксина. Прочитав донесение, Петр выслушал капитан-поручика.

– Не спит адмирал, блюдет неприятеля, – похвалил царь Апраксина. – Ветер стихнет, пойдем и мы к Гангуту. – И тут же приказал Бредалю готовить фрегат «Святой Павел».

В море вышли в середине июля. На подходе к Гангуту Петр сразу прикинул диспозицию шведской эскадры.

– Крепко уперся Ватранг, от шхер половину моря перегородил, – пошутил он, выслушав доклад Апраксина. – Задумка твоя верная, обойти шведа в штиль, что еще придумал?

Сначала прошли шхерами вдоль бухты. Всюду на берегу работали солдаты, рыли окопы, траншеи, на мысу уже стояла батарея.

– На случай, ежели шведы задумают нас десантировать, – пояснил Апраксин.

– Верно, адмирал, нам отсиживаться здесь опасно, будто в мышеловке. Задует ветер, Ватранг с эскадрой навалится, запрет и перестреляет нас из пушек. У него сила в артиллерии.

Петр зашагал по берегу, прыгая через валуны, к мысу. По пути изучал проходы в шхерах, присматривался к береговому ландшафту, советовался с Апраксиным.

Вдали, впрыток к шхерам, растянувшись цепочкой, лежала в дрейфе шведская эскадра.

Возвращаясь назад, Петр задумчиво остановился у перешейки. Он тянулся от бухты к противоположному берегу полуострова, кое-где блестели озера.

– Сколь велик перешеек?

– Не мерял, господин шаутбенахт, – развел Апраксин руками.

Царь зашагал на запад от восточного берега; вымеряя сажени, он вспоминал Нюхчу: «Там мы тащили фрегаты».

Как обычно, опередил всех, за ним едва поспевали Апраксин, Змаевич и свита...

У кромки западного берега, вытирая пот, Петр оглядывал залив, узкие проходы в шхерах. Виднеющееся вдали море...

– Нут-ко скажи, адмирал, сколь долго добирались мы от Нюхчи до Ладоги?

Апраксин пожал плечами, прикидывая. Далеко он был в то время, в Азове.

– Сколь помню, с месяц.

– Верно, так там полторы сотни верст, а здесь две, стало быть, за два дни сможем перетащить малые скампавеи.

– Как так?

– А вот сей же час сыскивай среди солдат сотни три плотников, тащи топоры с галер, руби кругляк, вокруг его навалом. Стели гать. Переволоку будем ладить денно и ночью...

Вечером «командировано для делания мостов от полка по 100 человек с майором Преображенским».

Шведы зашевелились. Утром к Ватрангу привели двух рыбаков, адмирал сам их допрашивал.

– Так ты говоришь, русские начали рубить лес и строить дорогу на перешейке? – Адмирал достал кошелек, положил на стол монету: – Хочешь еще заработать?

– Люди из Тверемине поговаривают, что у русских объявился их царь.

Ватранг задумался: «Неспроста прибыл царь, у него в Ревеле эскадра».

Спустя полчаса с адмиральского корабля ударила пушка. Ватранг вызвал младших флагманов.

Флагман радушно оглядел своих адмиралов.

– Вы, Эреншёльд, завтра утром возьмите шесть галер и три шверборта, обойдите Гангут и заприте русских у переволоки. Ваша сотня пушек скажет свое слово.

Второй флагман вопросительно посмотрел на Ватранга.

– Не исключено, эскадра из Ревеля придет на помощь гале-

рам. Как увидите неприятеля, Лиле, дайте мне знать. Но мы не будем ждать. Галеры столпились, словно беспомощные котята, мы атакуем их и разобьем бомбардирами и пушками...

Недооценивал опытный, убежденный сединой шведский адмирал своего соперника, российского адмирала...

В Тверемине собрался военный совет. По старшинству открыл совет адмирал:

– Ватранг выжидать не станет. Не сегодня-завтра соберется с умом, навалится на нас, пушками сомнет.

– Что предлагаешь? – спросил Петр.

– Как прежде говорил: выждать штиль, прорваться морем. Завтра поутру отрядим вперед Змаевича, два десятка скампавей. Будет удача, за ним пойдешь ты, Лефорт.

На рассвете перед выходом в море Петру встревоженно доложил Апраксин:

– С переволоки прибежали солдаты, которые помост ладят. Против берега объявились шведы, с десятков кораблей.

Петр досадливо крикнул:

– Ну так и есть, Ватранг обложить решил нас, яко медведя в берлоге. – Тяжело вздохнул: – Пушай плотники стучают, а мы по твоей задумке поступим.

– С Богом, господин шаутбенахт, – благословил адмирал, – починай.

Утренняя дымка нехотя рассеивалась, открывая морскую даль. Весла тревожили зеркальную гладь залива, вымпел сник, обвился вокруг мачты, с востока пробивались первые лучи солнца, разгоняя туман.

Петр шел на галере Змаевича, шарил по горизонту подозрительной трубой, вдруг глянул на капитан-командора и захохотал. Часть шведских кораблей отошла далеко в море. Цепочка блокады разорвалась.

– Тишь да гладь – божья благодать. – Он протянул трубу Змаевичу. – Гляди, шведы нам ворота отворили.

Змаевич, кажется, начал понимать замысел Петра.

– Шведы не могут сдвинуться с места, – проговорил Змаевич.

– Верно, командор, сейчас у нас превосходство в маневре и пушки их не страшны. Обходи шведов, огибай полуостров к тому отряду у переволоки, запрешь ему выход.

Шведы восторжествовали, загрохотали пушки шведских кораблей, но было поздно. Дальше события следовали по плану Апраксина. «Когда г. генерал-адмирал усмотрел, что наши первые 20 скампавей прошли, тогда дан указ бригадиру Лефорту, капитанам Дежимону и Грису, чтоб они на 15 скампавей за первыми следовали. И по тому указу оные исполняли». Пятнадцать скампавей Лефорта устремились проторенной дорогой.

Шведы между тем спустили шлюпки и начали медленно разворачивать исполинские корабли в сторону моря. Но Ватранг упустил время и не успел. Апраксин воспользовался очередной ошибкой неприятеля. Флигель-адъютант исправно вел запись в журнале генерал-адмирала. «И... неприятель... трудился, корабли снова буксировал. К тому ж начался быть малый ветер, что более неприятелю дало способ; и шли к нашим скампавеям, и из пушек довольно стреляли. Однако ж наши, не смотря на то, шли на гребле зело порядочно. В шхеры вошли и с первыми случились благополучно».

Если бы сражение случилось спустя месяц, конечно, все маневры неприятеля укрылись бы от глаз Апраксина, но сейчас в море, несмотря на полуночное время, обстановка просматривалась даже без подозрительной трубы.

Шведы оплошали еще раз. Ватранг отошел мористее, освобождая прибрежный фарватер.

Адмирал кинул мимолетный взгляд на восток. Там уже забрезжила алая полоска рассвета.

– Поднять синий флаг! С Богом, братцы! Навались!

Почти семь десятков скампавей ринулись на прорыв.

«Наш генерал-адмирал положил, что со всем гребным флотом пробиться сквозь неприятеля... В 4-м часу пополудни пошли все скампавей одна за другой: в авангарде шел г. Вейд, за ним следовал г. генерал-адмирал, потом арьергард генерал князь Голицын. И когда неприятель наши скампавей усмотрел... стреляли из пушек жестоко... Однако ж... наши скампавей прошли счастливо и так безвредно. Что только одна скампавей стала на камень...»

Вся гребная флотилия Апраксина в полдень 27 июля 1714 года стояла перед входом в Рилакс-Фиорд. Эскадра контр-адмирала Эреншёльда: фрегат, девять галер с сотней

пушек и тысячью солдат на борту, оказалась наглухо заблокированной. Апраксин осмотрелся и принял решение: «Г. генерал-адмирал учредил флот к бою последующим образом: от авангардии, под командою г. шаутбенахта корабельного и генерала г. Вейда, с правой стороны для абординирования неприятельских галер на 9 скампавеях помянутый г. генерал Вейд и капитан-командор Змаевич; с левой стороны столькими же скампавеями генерал-адъютант Ягужинский... Было направлено предложение к командующему... шведскою эскадрою шаутбенахту Эреншёльду, чтоб... отдался без пролития крови».

Эреншёльду пришлось выслушивать русского парламента генерал-адъютанта Ягужинского:

– Главнокомандующий адмирал Апраксин предлагает вам капитулировать, чтобы избежать потери крови.

Для Эреншёльда такой исход событий казался оскорбительным.

– Адмиралы его королевского величества еще ни перед кем не спускали флаг. «На этот раз русские получают предметный урок», – не сомневался шведский контр-адмирал и был по-своему прав, надеясь на превосходство в пушках. По крайней мере, он предполагал с успехом отбить атаку русских галер.

Наступил решающий этап сражения. «Г. генерал-адмирал дал сигнал авангардии нашей оною атаковать... Атака началась 2-го часа пополудни и продолжалась... до 5-го часа... Хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нами, однако ж по зело жестоком сопротивлении перво галеры, одна по одной. А потом и фрегат флаги опустили... Того ж числа, кой час она баталия окончилась, без всякого медления г. генерал-адмирал учинил сигнал идти со всеми судами... к Гангуту, дабы неприятель не мог в том месте флотом своим заступить...»

Адмирал Ватранг не стал испытывать судьбу еще раз. Эскадра в тот же день снялась с якорей. Настала пора думать об обороне. Русский флот нацелился на берега Швеции...

– Воистину, нельзя описать мужество наших как начальных, так и рядовых – восхищался Петр после боя. – Все, братцы, бывало, – сказал Петр, рассматривая шпагу шведского ад-

мирала. – Брал я шпагу у генерала и фельдмаршала, а вот адмирала флота в полон впервые приглашаю. Дай Бог не последнего!

В тот же день он повелел объявить о славной победе всей России.

«Всемогущий Господь Бог Россию прославить изволил, ибо по много дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благоволил, бывшею викториею вас поздравляем, извольте немедленно напечатать и с сим посланным довольное число отпустить в Москве и по губерниям».

Спустя неделю Андреевский стяг флагмана флота Апраксина реял у Аландских островов. Финляндия была побеждена. А еще через месяц адмирал отправился к берегам Швеции и высадил первый десант на ее берегу у города Умео.

В Стокгольме панически заматались советники короля, никто не ожидал такого внезапного поворота событий. На исконную землю короля Карла XII ступила нога русского солдата...

В Стокгольме горевали, а Петербург праздновал морскую викторию. «Государь желал почитать Гангутское сражение наравне с Полтавским».

По Неве тянулся караван плененных шведских кораблей. Салютовали пушки Петропавловской крепости, гремели литавры. По Троицкой площади плелись, пригнув головы, Эреншёльд с офицерами и 500 шведских моряков.

Моряки на кораблях, солдаты в палатках, народ на площадях справляли общее торжество.

Сенат тоже чествовал победителей. «Князь-кесарь Ромодановский встретил Петра как слугу России и, принявши от него рапорт и рекомендательное письмо генерал-адмирала, возвел в чин вице-адмирала, которым, как кровной заслугой, дорожил он более, нежели титулом Царским».

Делу время, потехе час. Наступили будни. Флот готовился к зимовке. На стапелях, где возможно, ладили навесы над остовами кораблей. В конторах фискалы проверяли, куда идут казенные деньги.

Канцелярия князя Василия Долгорукого потребовала от Меншикова отчета в расходовании миллиона рублей.

За махинации с подрядами на хлеб царь взыскал со светлейшего сполна. С тех, кто был замешан в этом деле, Головкина, Ульяна Сенявина, Кикина, тоже взыскали все деньги и штрафы. Кикина царь лишил всех должностей, званий, регалий и выслал в Москву.

С Апраксиным состоялся особый, суровый разговор.

— С коих пор имя свое позоришь? — спросил царь.

— Сам не ведаю, государь, — в замешательстве краснел Апраксин. В последнее время он все чаще обращался к царю по титулу. — Каюсь в грехах своих, истинно не за корыстью, а токмо думалось, благое дело, — будто исповедовался Федор Матвеевич.

— Сам вижу по розыску, ты ни полушки не взял. — Петр вздохнул. — Помнишь, сказывал ты, «с кем поведешься, у того и наберешься». Поостерегся бы эту шельму, Данилыча, не к добру с ним якшаться. К морскому нашему делу прирос ты корнями, не мелочись. Нам с тобой еще немало забот, покуда на море обеими ногами не подопремся...

Победный гром русских пушек у Гангута докатился до берегов Англии. В Лондоне забеспокоились. На престол там вступил новый король Георг I. Веками на Британских островах интересы английской короны строго охраняли лорды Адмиралтейства.

На исходе зимы 1715 года первый лорд Адмиралтейства готовил к отправке на Балтику эскадры адмирала Норриса.

— Вы первым устаиваетесь чести пронести флаг флота его величества в порты России. Помните, официальное поручение вашей миссии — оградить наших купцов от шведских каперов. Вторая цель не менее существенна. Русский флот имеет десятки вымпелов, как доносит Мэкензи из Петербурга. Кроме кораблей, они имеют сотни галер для высадки войск в Швеции. Но мы не можем допустить, чтобы царь Петр безнаказанно распоряжался на Балтике. Будьте готовы исполнить свой долг, если этого потребуют интересы Англии...

Готовился к встрече с англичанами и Петр. Финский залив еще сковывал лед, а из Ревеля на перехват шведских каперов отправились три фрегата лихого капитана Бредаля.

Всего за неделю он захватил трех вооруженных пиратов. Видимо, в отместку за Гангут шведская эскадра пыталась разбомбить корабли и порт в Ревеле. Три часа бомбардировки не имели успеха. Ответный огонь заставил шведов отступить.

В разгар лета в бухте бросили якоря две эскадры. Корабельная, из 30 вымпелов, под флагом Петра, галерная, с четырьмя полками, под флагом Апраксина. Скоро роли переменились. Галерную эскадру с войсками для высадки в Померании возглавил царь.

— Принимай корабельную эскадру, крейсируй у входа в залив, оберегайся шведов, — приказал он Апраксину, — я пройду к Либаве.

Шведы затаились, ушли к своим берегам, а ревельский рейд принимал сотню купеческих судов. Их конвоировали англичане адмирала Норриса и голландцы шаутбенахта Дефета. Вместе с ними привел три линкора из Англии капитан-поручик Наум Сенявин...

Голландский флагман салютовал Апраксину тринадцатью выстрелами, Норрис, равный по званию, промолчал. В тот же вечер оба иноземных адмирала нанесли визит царю, накануне возвратившемуся с моря. Потом начались взаимные посещения флагманов, встречи по поводу и просто так. Между четырьмя адмиралами установились вполне приятельские отношения. Способствовало этому и постоянное присутствие на флагманском «Ингерманланде» супруги царя Екатерины Алексеевны.

На прощальном ужине Петр подарил Норрису свой портрет, обрамленный алмазами, другим адмиралам бриллиантовые перстни. Апраксин обменялся с флагманами по-свойски ящиками доброго вина. После возвращения в Петербург по завершении кампании на море он посетил бал, который в честь своих именин давал Меншиков. Как всегда, вино лилось рекою, все сильно захмелели, но больше всех отличился именинник, оказавшись под столом и потеряв иностранный орден с бриллиантами. На другой день поднялась суматоха, князь объявил премию в 200 рублей тому, кто найдет потерю.

К хлебосольному Апраксину обычно съезжались снимать хмельное напряжение не только адмиралы, генералы, сенаторы.

Канцлер Головкин рассмешил присутствующих:

— Светлейший-то обвел вокруг пальца человека из австении. Он ему кавалерию отыскал, а князюшка токмо сто девяносто рубликами отблагодарил, червонец прикарманил...

Перед Рождеством к Апраксину наведалься по старой дружбе Корнелий Крюйс, царь простил его.

— Я на государя тоже не в обиде, — признался вице-адмирал.

Переехал из Москвы и Кикин, с дозволения царя, правда, без возвращения на службу. Снедаемый честолюбием, он за тайл злобную обиду.

Пришло печальное письмо из Англии. Племянник сообщил о скорой кончине Федора Салтыкова. «По справедливости ли Господь Бог к себе лучших прибирает, а поганцев оставляет жизнь осквернять?» — вздыхал Апраксин. В последний день уходящего года отдала Богу душу любимая сестра, вдова царица Марфа Матвеевна. Похоронили ее уже на Крещение в крепости церкви Петра и Павла...

Совсем не ожидал царской милости генерал-адмирал, ни одним словом не обмолвился, но вскоре после похорон Петр объявил ему:

— У Марфы нет наследников, жалую тебя всеми ее вотчинами, службой сие заработал...

Поминал сестру Апраксин с человеком, который знал ее с юных лет, с Андреем Матвеевым. Недавно царь отозвал его из-за границы. В Петербурге была основана Морская академия. При встрече сказал Матвееву:

— Обучай гардемарин, будешь начальствовать академией. Ты един среди наших ученых...

Война со Швецией окончательно переместилась на море. Менялись и планы войны.

Петр готовился к отъезду в Макленбург, там находился двадцатитысячный корпус для десанта в Южную Швецию. Как обычно, задачи флоту царь излагал генерал-адмиралу:

— Отправишь эскадру Сиверса в Копенгаген, двадцать вымпелов. Сам с галерным флотом жди в Аландах моего сигнала. Ударим вместе, я с юга, ты через Балтику с севера. Возьмем Карла в клещи.

Три месяца ждал приказа адмирал, но царь долго молчал, а потом с негодованием сообщил Апраксину: «Бог ведает, что за мученье с ними, самое надобное время упускают и как будто чужое дело делают».

Все это время «союзники» мутили воду, отговаривались, отмалчивались до осенних штормов. В конце концов датский король испугался русских войск больше, чем шведских, и, подстрекаемый англичанами, отказался от совместных действий...

В Петербурге при первой же встрече царь порадовал Апраксина:

— Повидал твоего племянника старшего, славный малый, толковый шкипер выйдет.

Апраксин в душе порадовался: «Слава Богу, труды не пропали задаром, проросло семя морское...»

А между тем в отношениях с Карлом XII наметились изменения. Пятнадцатилетняя война истощила обе стороны. Петр давно предлагал начать переговоры о мире. Но раньше король и слушать об этом не хотел. По возвращении из Турции его настроения изменились. После поражения под Гангутом, появления русских войск на шведском берегу у шведов действительно «шея стала мягче гнутца»...

Петр спешил в Европу — изыскивать пути к миру и попутно прояснить ситуацию с исчезновением в конце прошлого года царевича Алексея...

Флоту предписывалось крейсировать на дальних рубежах, охраняя подступы к русским берегам. Апраксин в свою очередь предложил:

— Дозволь, государь, прошлую кампанию кораблики наши ракушками обросли, надо бы швецким повестить о нас.

— Что задумал?

— Ежели сподобится где, берега потревожить.

— Добро, но в морскую баталию пока не ввязывайся.

В начале июня генерал-адмирал поднял флаг на шестидесятивосьмипушечном линкоре «Москва». В кильватер ему, растянувшись на несколько миль, выстроились два десятка таких же красавцев. На всякий случай прихватили десант морской пехоты, девять тысяч человек. Эскадра крейсировала от Аланд далеко на юг, к острову Готланд. Неприятель не

показывался, видимо, недавний урок пошел впрок. Апраксину приглянулся Готланд, он впервые обошел его со всех сторон. Добрая сотня километров в длину, полсотни в поперечнике, высокие обрывистые берега, холмистые дали, проросшие сосняком. У приглубого берега в устье реки удобное место для десанта. К тому же и пехотинцы засиделись.

— На берегу мирных жильцов не тревожить, — наставлял флагман бравого усатого полковника, ежели есть офицеры, солдаты, полоните. Попадается живность, скотина, гоните к берегу, наши матросы месяц сухарями пользуются.

Все прошло без заминки, высадка была бескровной, с берега доносились лишь редкие выстрелы, а добыча оказалась неплохой — десятки пленных, — а захваченный провиант целый день перевозили на корабли, грузили талями на палубу живую скотину. В матросских кубриках запахло мясными щами...

Три месяца полновластным хозяином бороздила русская эскадра седую Балтику от Ревеля до датских проливов. А шведские моряки в эту, да и в последующие кампании, ничем себя не проявили. Только однажды попалась и сдалась в плен без единого выстрела двадцатичетырехпушечная шнява.

В Петербурге Апраксина приятно удивило письмо Екатерины Алексеевны. «Здравствуй, кум, — писала императрица из-за границы, сообщая разные безделицы, и подписалась: и Твоя кума».

«Вот мы и породнились», — смеялся Апраксин. А скоро друзьям и знакомым генерал-адмирала нашлась причина повеселиться на берегу. Отмечали новую служебную вежу — назначение президентом Адмиралтейств-коллегии.

Следующий год обозначился на Балтике мирной передышкой. На Аландах начались переговоры со шведами. И будто нарочно, ко времени. Многие генералы оказались притянутыми к следствию по делу царевича Алексея...

Игру в прятки с царевичем по закоулкам Европы выиграл-таки Петр Толстой.

В последний день января 1718 года крытый возок с Алексеем заскользил, не останавливаясь, в Преображенское.

Розыск сразу взял в свои руки царь и предупредил сына: «...ежели что утаено будет, то лишен живота будешь». Через три дня, во время первого же свидания, царевич назвал Петру своих сообщников. Первым из Петербурга в Москву, «за крепким караулом и в наложенных цепях, и на ноги железом», доставили Кикина. Его же первым и колесовали в Москве.

Попутно вскрылась суздальская история о похождениях Евдокии Лопухиной, сосланной в монастырь под караул. Мучительно закончил свою жизнь начальник караула майор Степан Глебов, признавшийся в блудном сожителстве с первой женой царя, — его посадили на кол. Царевич назвал более полусотни фамилий, среди них Петра Апраксина. Его тоже «в железах» повезли в Москву, а Федор Матвеевич предался горестным думам. Однако Петра оговорили понапрасну. Тайная канцелярия розыск вела с пристрастием, но, как написал после освобождения Петр брату, установлена была «моя правда и невинность». А позже отметил, что, возвратившись в Петербург, «брата моего Федора Матвеевича от такой великой о мне печали застал еле жива».

Подлинную картину заговора удалось восстановить лишь после показаний возлюбленной царевича, Ефросинии. Следствие переместилось в Петербург.

Окончательное следствие выявило, что царевич многое скрывал, был далек от раскаянья и чистосердечного признания.

Царь вручил решение судьбы сына на рассмотрение «вернолюбезным господам министрам, Сенату и стану воинскому и гражданскому». В июне 1718 года в новую столицу на Неве для суда над царевичем по вызову царя приехали сенаторы, вельможи, высшие офицеры, духовные иерархи. Сурово и однозначно звучал их приговор: «Смерти достоин». Под приговором первой стояла подпись Меншикова, вторая Апраксина Федора...

В тот год, на исходе осени, поплатилась головой еще одна царственная особа. Шальная пуля сразила в Норвегии Карла XII. Престол заняла его сестра, Ульрика-Элеонора. Швеция повернулась лицом к Англии — там ее спасение, ни о каком мире с Россией не могло быть уже и речи...

На Котлин и в Ревель потянулись по зимнику обозы с порохом, провиантом. Флот готовился к большому походу.

– Токмо устрашением на море и берегах его склонить к миру мочно, – встревоженно делился Петр с генерал-адмиралом. – Веселовский из Лондона доносит, лорды во сне видят не токмо добытое нашей кровью отнять, но и зарятся на Смоленск и Киев.

– Готовим флот, государь, нынче по весне два десятка скампавей спускаем, фрегаты, корабли достраиваем.

– Добро, Федор Матвеевич, тут тебе еще дельце одно предстоит, девку Гамильтонову судить будешь. – Адмирал поморщился, но царь недовольно вскинул брови, полушутя заметил: – Более некому, ты у нас един неприкасаемый по части баб, остальные сплошь греховодники. Толстой сыск закончил, тебе приговорить токмо.

– Девка-то молодая, губить жалко.

– Приговаривай по указу, за детоубийство.

Апраксин тяжело вздохнул, откланялся...

История эта началась прошлой осенью. При Екатерине I фрейлиной состояла Мария Гамильтон, или, как ее звали придворные, Гамильтонова девка. Предки ее, из шотландцев, осели в России еще при Иване Грозном. Красавица когда-то привлекла внимание Петра, который «усмотрел в ней такие дарования, на которые не мог не смотреть с вожделением». На очередной флирт супруга царя Екатерина взирала, как обычно, сквозь пальцы. Поговаривали, что волочил за ней Меншиков, но получил отбой. Потом Мария связалась с денщиком Петра Орловым. И, как случайно выяснилось, дважды от него понесла и обоих рожденных младенцев умертвила...

Мартовским солнечным днем Апраксин, как всегда, собрался в Адмиралтейств-коллегию, но флигель-адъютант доложил, что прибыла фрейлина императрицы.

– Ее величество просит вас безотлагательно к себе.

Екатерина встретила с улыбкой:

– Здравствуй, кум.

Апраксин поклонился, поцеловал ручку. С первых же слов понял причину вызова: «О Гамильтоновой девке просить

будет». На просьбу императрицы о смягчении приговора ответил почтительно, но твердо:

– Государыня, мы под законом Божиим и державным все равны, отступать от него непозволительно...

Приговор состоялся на следующий день: «...за такое ее душегубство, в чем она повинилась, казнить смертию».

Умоляла царица мужа простить грешницу.

– Чей закон, Катериனுшка, выше, мой или Бога? – спросил царь.

– Бог нам судья.

– Так Бог и велит ее не миловать, а казнить...

На раскидистых ветвях деревьев, окружающих Троицкую площадь, гомонили сотни прилетевших грачей. Солнечные лучи подтапливали замерзшие ночью лужицы. Мешая талый снег с грязью, вокруг помоста топтались люди. Такое зрелище нельзя упустить. Царь самолично казнил девицу, не хотел, чтобы кто своими грязными руками касался тела некогда близкой женщины.

Последний раз, стоя на коленях, молила истерзанная Мария о пощаде. Царь поцеловал ее:

– Не могу, без порушения государева и божеского закона. Прими казнь, и верю, что Бог простит тебя в грехах твоих.

Взмахнул топором, поднял за волосы мертвую голову, поцеловал ее и бросил на землю.

Май 1710 года начался удачно. Капитан-поручик Александр Апраксин за пять дней взял восемь призов, о чем немедленно донес генерал-адмиралу: «Со своим фрегатом «Лансдоу» от 8 до 13 числа взял восемь призов. Шкипера спрашивал – наши корабли не ведают, что тамо при Данциге готовы для рюйса три корабля – один в 60 и два по тридцать пушек, из которых на одном брейд-вымпел и за противным ветром не вышли».

Почитав донесение, царь похвалил:

– Твое семя Апраксино восходит доброй порослью, мню, Наум их не упустит, он там сторожко крейсирует.

Наум Сенявин и не упустил. Между Эзелем и Готландом светлой полночью началась погоня. Четыре линейных корабля и шнява устремились в погоню за тремя шведскими кораб-

лями. Погоня была долгой, битва напряженной, победа блистательной. Сенявин пленил линкор, фрегат, бригантину во главе с капитан-командором Врангелем.

— Славная виктория, добрый почин русскому флоту учинил капитан-командор, — поздравил царь Сенявина.

На Аландах собрался военный совет, Петр сурово произнес:

— Сестра Ульрика замирения не ищет, на помощь аглицкую уповает. Нам мир люб, однако бесполезного мира не учиним. — Повернулся к Меншикову: — Читай.

Тот встал, поправил съехавший на глаза парик.

— Генерал-адмиралу Апраксину повелеваем: флоту, раздельно, в две эскадры, в две сотни вымпелов, двадцать шесть тысяч морских солдат высадить на берег неприятеля искать оного на его же земле. — Меншиков на минуту остановился и продолжал: — Повелеваем мирных людишек не токмо в плен не брать, но не грабить их и ничем не досаждать, постращать, но внушить им, что сенат их не склонен к миру, а потому пришли мы-де единственно для того, чтобы желаемого замирения достигнуть можно было.

Петр добавил жестко:

— Храмы ихние не касать под страхом смерти.

Царь задержал Апраксина:

— К шведам поведешь флот самолично. Мне недужится, задержусь на Лемланде, обустрою базу, кораблями распоряжусь, тебя прикрою.

— Дозволь, господин вице-адмирал, к Стокгольму посунуться, королевский замок потревожить.

— Раненько, Федор, рискованно. Нынче разведай фарватеры, берега, сколь войска. В следующую кампанию нагрянем. Я к тебе инженеров и навигаторов переправлю...

Галерный флот под флагом генерал-адмирала направился к Стокгольму, а царь послал к датским проливам поручика Николая Головина.

— Пойдешь к датским проливам. — «Времечко-то летит, давно ли его батюшка первым флагманом был», — глядя на офицера, размышлял Петр. — Там аглицкая эскадра. Передашь адмиралу Норрису, старому знакомцу, мою эстафету. Пускай поведает, чего для на Балтику пожаловал.

Головин отправился на фрегате «Самсон» в сопровождении линкора и пинка¹.

— Следом пойдут фрегаты и корабли на видимости, — предупредил Петр капитана Конона Зотова. — Держи ухо остро, аглицкие, ведомо, лисы.

Норрис принял посланца почтительно, невозмутимо ответил царю: «Я прибыл для оказания покровительства купечеству нашему». Как часто бывало, лицемерили англичане. У него в столе лежал секретный приказ лорда Стенгопа: «Предпринять все, что в Ваших силах, чтобы уничтожить русский флот».

Английский адмирал раздумывал, как ему сподручнее исполнить приказ из Лондона, а русский адмирал с флотом действовал в трех десятках километров от Стокгольма. По пути, на островах, уничтожали медеплавильные и другие заводы, захватывали пушки, купеческие суда; на берега пролива высаживали тысячные отряды пехоты; казачьи сотни достигали предместьев шведской столицы. Всюду Апраксин посылал боцманов промерять фарватеры, составлять планы и карты. Отряд полковника Барятинского вступил в бой и обратил в бегство семнадцатитысячный корпус принца Кассельского. Отряд командора Змаевича при поддержке оружейного огня с галер также высадился на берег, сжег замок графа Вердена.

— У крепости под Стокгольмом стоит эскадра, пять линкоров и пять прамов, поперек фарватера суда затоплены, железные цепи протянуты, — доложил Змаевич флагману.

— И то ладно, — сказал Апраксин, — теперь сюда наведем-ся не вслепую.

К северу Апраксин послал второй отряд галер, генерала Ласси. И там всюду шведы в панике отступали.

В эти дни к Норрису полетел отчаянный призыв британского посла в Швеции. «Самое главное, перехватить царя и не дать ему достичь Ревеля. Перережьте ему путь отступления! Бог да благословит Вас. Джон Норрис. Каждый англичанин будет Вам обязан, если Вы сможете уничтожить царский флот, что, я не сомневаюсь, Вы сделаете».

¹ П и н к — двухмачтовый бот.

Норрис наконец-то соединился со шведской эскадрой, но было поздно.

Выслушав доклад Апраксина, царь расцеловал его:

– Покойный брат Карла Москву воевать хотел, ая вышло – русские Стокгольм за грудки трясут.

Генерал-адмирал слушал царя, а думал о будущем:

– Аглицкие-то вряд ли отстанут, господин вице-адмирал, будущим годом ждем их в гости.

– Встретим их хлебом-солью, – Петра не оставляло хорошее настроение, – хлебом абордажным, солью картечною.

С приходом весны обнажилась земля, растаял лед в Финском заливе. Природа сбрасывала зимнее покрывало. Выявились и скрытые раньше замыслы английских политиков. Король Георг I заключил союз со Швецией против России. Тут же отшатнулись от России Пруссия и Дания, хмурился император в Вене, затаились в Варшаве.

– Проклятые обманщики, – в сердцах чертыхался Петр, – ну, погодите, дайте срок.

Вместе с Апраксиным и генералом Михаилом Голицыным обсуждали план на лето. Зимой сорвался задуманный Петром поход казаков по льду Ботнического залива к берегам Швеции. Зима выдалась теплая, лед оказался тонким.

– Нынче, адмирал, распоряжайся всем флотом самолично. Я буду на Котлине, займусь обороной. Ежели крайняя нужда, повести. Генеральная задумка прежняя, держать шведов в страхе и на море, и на берегах. Ты, князь, – кивнул царь Голицыну, – пойдешь на Аланды с галерами и войском. В море не рыскай. Ежели шведы посунутся, заманивай их в шхеры, абордируй. Ты у Гангута был, стреляный воробей.

Едва ревелльская бухта очистилась ото льда, на внешний рейд вытянулась семерка линейных кораблей и фрегат. Эскадра капитан-командора Гофа изготовилась для поиска к берегам Швеции. Апраксин напомнил задачу командору:

– Первое, пошли фрегат к проливам. Там ему крейсировать. Завидит англичан, мигом к тебе, потом сюда эстафетой.

Сам пройдешь от Борнхольма к северу, вдоль бережка. Присмотри пустынные бухты для стоянки нашей эскадры. Всех шведских купцов осматривай. Ежели с пушками, бери в приз. Иноземцев особенно не трогай, но заподозришь – проверяй. Выявишь пушки, ружья, порох – заарестуй. Остальное по инструкции. С Богом, отправляйся!

Месяц кипел аврал в Ревеле. На входных мысах устанавливали дополнительные пушки, оставшиеся корабли заняли пристрелянные позиции. На случай высадки десанта небольшой гарнизон усилили местными жителями, раздали им ружья.

В последний майский день у входа в ревелльскую бухту замаячили паруса англо-шведской эскадры, десятки вымпелов под командой Норриса. На юте английский флагман в подзорную трубу внимательно разглядывал бухту.

На входных мысах появились новые укрепления, на них, конечно, орудия. В глубине бухты правильным полукругом замерли в ожидании боя корабли. Они наверняка распределили цели.

Вдали по берегу скакали вооруженные всадники, виднелись орудийные повозки. Несомненно, русские неплохо подготовились к встрече. Из глубины бухты к флагману направилась шлюпка. На корме стоял парламентер, размахивая белым флагом.

Русский офицер доставил письмо адмирала Апраксина.

– «Зачем пришли? – недовольно, выпятив губу, слушал перевод Норрис. – Такое ваше приближение к оборонам здешних мест принадлежащим, не иначе, как за явный знак неприятства от нас принято быть может и мы принуждены будем в подлежащей осторожности того себя содержать».

Английский адмирал посчитал ниже своего достоинства отвечать русскому адмиралу:

– Передайте адмиралу, я буду сноситься только с царем.

Получив ответ, Апраксин возмутился:

– Не по чину берет Норрис. Письмо сие не распечатывать, возвратить автору.

В конце концов англичанин сообщил, что прислан, мол, посредничать в переговорах России со Швецией.

– Хорош посредничек, – ухмыльнулся Апраксин, – прихватил тыщу пушек. Ответствуй, – кивнул адъютанту. – Ежели король аглицкий желает государю добра, пущай шлет посланника, хоть и самого Норриса, но с грамотой. И без пушек, в Петербург.

Ответа Апраксин не дождался, ночью его разбудили.

– Над островом Нарген дым и огонь, неприятель снимается с якорей.

Спустя два часа паруса незваных гостей растаяли на западе в предраассветной дымке...

Оказалось, что Норрис поспешил к Стокгольму, там началась паника, русские казаки, посланные Голицыным, навели ужас в окрестностях Умео...

И там Норрис опоздал, ударил «по хвостам». Выполнив задачу, войска погрузились на галеры и отошли к Аландам. Здесь Голицын оставил дозоры и, опасаясь эскадры Норриса, отставался в Гельсингфорсе. Петр узнал, что шведская эскадра «обижает» наши дозорные галеры.

– Будет отстаиваться в гавани, – упрекнул он Голицына, – поднимай якоря, спеши к Аландам, надобно шведов отвадить навсегда. Как договорились, завлекай в шхеры и азардуй. Не позабудь абордажные лестницы.

Удача сопутствует смелым. Князь Голицын помнил напутствие царя. При встрече у острова Гренгам с превосходящей по силе шведской эскадрой не оплошал. Во-первых, завлек неприятеля в шхеры. При первых попытках развернуться, навести пушки шведские корабли сели на камни, а тут-то морская пехота взяла шведов на абордаж. Трофеи – четыре фрегата и четыреста пленных – привел генерал Голицын к устью Невы.

Сражения у Гренгама и Гангута удивительно совпали по датам – день в день – 27 июля, так и вошли в скрижали истории...

Тридцатого августа 1721 года Россия и Швеция подписали «вечный истинный и ненарушаемый мир на земле и на воде».

«Николи наша Россия такого мира не получала», – с облегчением вздохнул Петр.

На площадях трубили трубачи, палили корабельные и полковые пушки на Троицкой площади. На улицы выкатили

кадки с вином и пивом, начались многодневные и многолюдные торжества в Петербурге, Москве, по всей России.

Петр жаловал генералов и адмиралов. Апраксин уже имел высший флотский чин, ему одному присвоили носить в море особый кайзер-флаг. Давно прощенный Крюйс стал адмиралом, Меншиков и Сиверс – вице-адмиралами. Первый чин шаяубенахта из русских капитанов получил Наум Сенявин...

Не остался без внимания подданных верховный иерарх виктории. Девять сенаторов, среди них Апраксин, просили царя принять титул «Отца Отечества, Императора и Великого».

После этого Апраксин поздравил императора с новым флотским чином. Создатель флота «в знак понесенных своих трудов принял от генерал-адмирала и других флагманов чин полного адмирала».

Петр ответил кратко:

– Конец сей войны таким миром получен не чем иным, токмо флотом...

На площадях для народа били фонтаны из красного и белого вина, вечером по городу сверкала иллюминация и вспыхивали фейерверки, берега Невы сплошь светились огнями. В полдень загрохотала тысяча орудий.

Любил царь веселиться, иногда и просто без причины, от души. Теперь повод был неординарный. Два десятка лет непрерывных схваток с неприятелем, смерть товарищей, риск, напряжение сил, испытание стойкости. Теперь уж гулять так гулять. Началось веселье на берегах Невы, закончилось в Белокаменной...

Часть шестая С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

руженик всегда найдет применение и приложение своим способностям, как говаривал Апраксин, «по силе ума своего».

В военной службе карьера неотъемлемая часть жизни человека. Здесь тоже, чего греха таить, не обходится и без кривых дорог, мздоимства и подношений, торговли должностями. Не брезговали этим в те времена боярин Шеин и фельдмаршал Шереметев, гноятся эти «язвы» в армии и по сию пору.

Апраксин всегда шел прямой дорогой, никого не «забижал», не отпихивал, не перебегал кому-либо дорогу и никогда не завидовал чужой славе. Ратный труд поднимал его по ступенькам службы соразмерно воинскому мастерству, исполнению воинского долга, личной храбрости и отваге на суше и в море. А море, как известно, таит в себе ежеминутно смертельную опасность и в мирные дни, когда не свистят пули...

Разными путями добывался достаток. Одни занимались открытым разбоем на дорогах, и не только «подлые» люди, а и именитые, как князь Одоевский. Другие мошенничали, третьи брали мзду, часто без предела. За всем не уследишь, но Петр по мере сил всегда пресекал зло. «Откуда деньги?» — был для него важный вопрос.

Немилосердно карал царь мздоимцев. Без колебаний от-

правил на эшафот князя Матвея Гагарина, казнил за подобные провинности других, не жалел и близких людей...

Не раз Яков Долгорукий пытался бросить тень на генерал-адмирала, старался обличить его в «незаконных поступках», но все понапрасну, взятки тот не брал, деньги в казне не воровал.

Федор Апраксин жил на свое жалованье, доходы от наследственных вотчин и деньги, которые дарил ему царь. Немалые суммы поступали за счет захваченных у неприятеля кораблей, судов, так называемые призовые деньги. Иная посудина стоила не один десяток тысяч рублей.

Деньги Апраксин не складывал в мошну. Построил добротный дом, жил открыто, а «гостеприимство его было беспредельно». Так о хлебосольном адмирале повествует современник: «Дом его в два этажа находился там, где теперь Зимний Дворец; большой сад извивался по берегу Невы до нынешнего Адмиралтейского бульвара. Убранство комнат соответствовало обширности здания: везде видны были штофные обои, столы с насечками из кости или разноцветного дерева, с вызолоченными ножками, кресла и стулья с высокими спинками, обитые рытым бархатом. Всякий день в четыре часа пополудни ставились у него для полдника, летом в аллеях или беседках сада, зимою в обширных галереях дома, столы одни с холодными кушаньями, сахарными закусками и плодами на серебряном вызолоченном сервизе, другие с винами разного рода. Апраксин, отдохнув после обеда, приходил в залу, где его ждали собравшиеся гости. При звуках духовой музыки, расположенной в разных концах сада или галереях, гости садились за столы, и начиналась пирушка. Одни уходили, другие приходили; слуги переменили блюда и особенно бутылки. Беседа продолжалась до десяти часов вечера».

Апраксин имел особый дар угощать. Редко, кто уходил от него не навеселе.

Но такие вечера выпадали нечасто. В войну генерал-адмирал редко бывал в Петербурге. Да и теперь пропадал в заботах. Каждый день видели его в экипажах, Адмиралтействе, Новой Ладоге, Олонце, Галерной гавани. При всем том, заметил современник, на службе «любит трезвость, входит во все нужды подчиненных, но при этом не дает никому преимущества. Откровенность — его любимица».

Не оставался он равнодушен к людям, помогал ближним. Пестовал многочисленных племянников, покровительствовал Александру Петровичу и свойственнику Андрею Хрущову на флотской стезе. Лелеял своего младшего племянника, своего тезку Федора Андреевича, не забывал и племянниц, не говоря о братьях, которым всегда приходил на помощь...

Смолкли пушки на Балтике. Артиллерийский салют перекатами разносился над бескрайней дельтой Волги. Тысячи встревоженных птиц закрыли полнеба. Началась «персидская» кампания...

— Ишь их, — хохотал Петр, — надо же, тьма какая. А все, генерал-адмирал, твой кайзер-флаг причиною.

На гафеле флагманского струга впервые трепетал «королевский» стяг российского адмирала. Спустя полвека таким флагом пожалуют Григория Потемкина.

Апраксин переходил с борта на борт, посматривал, как один за другим на астраханском рейде снимаются с якорей суда флотилии.

Двести пятьдесят вымпелов повел в «низовой» поход генерал-адмирал.

Адмирал Петр Михайлов командовал авангардом. Стоя на корме, смотрел на уплывающую вдаль пристань. Среди разношерстной толпы провожающих особняком, в белом шелковом платье, стояла Екатерина Алексеевна.

«Слава Богу, от баб наконец-то избавились», — облегченно вздохнул Апраксин. За три недели плаванья от Москвы беспрерывный женский пересуд, который был в услужение Петру, порядком надоед генерал-адмиралу. «Взял моду на корабли с бабами таскаться...»

Обычно беспокойный «седой» Каспий встретил мореходов приветливо. Море заштило, палило солнце, небо без единого облачка, только чайки, покрикивая, кружились над зеркальной гладью. Размерно двигались весла. Струги скользили бесшумно, не сбивала волна, не свистел ветер.

Апраксин разомлел в полудреме под тентом на корме. К обеду к нему перебрался командир авангарда.

— Так-то, господин адмирал, благость Божия, — расплылся

в улыбке флагман. — Будто в райской жизни, не припомню такого времечка. Словно и не на войну следуем, Петр Алексеевич.

В устье Терека, на астраханском рейде, отпраздновали годовщину Гангута и Гренгама.

Через неделю армия двинулась на юг, вдоль побережья, к Дербенту, флотилия пошла морем с пушками и припасами...

В Дербент войска вступили через месяц без единого выстрела. Мусульманские жители встретили их внешне дружелюбно, гостеприимно. Правда, однажды поздно вечером Апраксин вышел погулять по городу. Один, без охраны. С гор веяло прохладой, на небе сияла полная луна, стройные кипарисы тянулись рядами вдоль крепостных стен к предгорьям и исчезали во мраке.

Из темного проулка выскочил «правовверный», в лунном свете сверкнул кинжал. Но генерал-адмирал силу не потерял. Чуть отшатнулся, перехватил железной хваткой руку, кинжал выпал.

— Эх ты, — укоризненно сказал он, — российского генерал-адмирала паршивым ножичком чиркнуть хотел.

И все же: «Марш хотя сей недалек, только зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров».

Петр сказал на «генеральной консилии»:

— Провиант кончается, грабить жителей непотребно.

Первым высказался Апраксин:

— По делу, господин адмирал, войско продвинулось знатно. Для начала достаточно. Осень на носу. Море штормить починает.

Порешили «идти назад, понеже провианту на месяц».

Через неделю море взбунтовалось. Неподалеку от острова Чечень шторм прихватил отряд судов с провиантом из Астрахани. Погибли почти все припасы. Флотилия спешно грузила войска, пушки, южнее, на берегу возводили крепость «Святой крест», в ней оставался гарнизон. Капитан-лейтенант Федор Соймонов начал готовить флотилию с десантом войск к дальнему походу на южный берег Каспия. Петр давал последние наставления Соймонову и полковнику Шипову:

— Генерально пойдешь к Решту. Там у персов укрепления слабые. Овладеешь крепостью, осмотришь,крепишься. По весне двинем войска на Баку, там и кончим войну с шахом...

На Балтике боевые пушечные канонады сменились салютами корабельных орудий при появлении на Котлинском рейде царского штандарта или кайзер-флага генерал-адмирала. Апраксин без усталости сновал между Котлином и Адмиралтейством, Петербургом и верфями на Ладогге. На взморье соорудилась мощная крепость, росли форты вокруг Котлина. Со стапелей сходили корабли, закладывались новые. Всюду на верфи Апраксин брал с собой нового главного кораблестроителя, обер-сарваера Михаила Собакина, старинного знакомого по Плещееву озеру. Часто заглядывали к нему в гости Склеяев, Гаврила Меншиков, Сенявины...

Неуемная страсть Петра к морю обременила новыми заботами. Еще в Каспийском походе император обронил фразу:

— Отсель, слышал я, к Индии путь долгий, через хребты неодолимые, и пешком там не пройдешь. Нам бы морем Индии достигнуть, торговлю с ней почать, к выгоде державы.

Теперь Петр загорелся идеей послать экспедицию в Индийский океан, к Мадагаскару. Апраксин присмотрел корабли, Петр определил начальника, принятого на службу шведа, вице-адмирала Даниила Вильстера.

Весной Апраксин подписал указ: «Е. И. В. указал в известную экспедицию корабли «Девоншир», «Эсперанс» и гукор «Кроншлот» приуготовить вооружением и нагрузкою, как скоро возможно...»

Экспедиция готовилась скрытно, а на Котлинском рейде Балтийский флот чествовал «дедушку русского флота», ботик, привезенный из Москвы. Распоряжался парадом Апраксин.

Августа 11-го, года 1723 между Котлином и Кроншлотом дугой выстроилась эскадра из боевых кораблей Балтийского флота. Только что прошел небольшой дождь, небо прояснилось, солнечные лучи озарили рейд. Свежий ветер с залива пошвыстывал в вантах, на которых в парадной форме стояли матросы, трепетали на стеньгах флажки расцвечивания.

Заиграли трубы, загрели литавры, раздалась барабанная дробь. От стенки военной гавани отошел караван из трех шлюпок, которые сопровождали ботик к эскадре кораблей. В ботике разместились: генерал-адмирал Апраксин, справа на почетном месте, адмирал Петр I — на руле, вице-адмирал Меншиков стоял на носу за лоцмана, на веслах сидели четыре ад-

мирала во главе с Сенявиным. Замерли в торжественном строю прихорошенные корабли эскадры. Апраксин бросал придиричвые взгляды на них, улыбался краешком губ. Каждый салютовал пушками, бил поход, приспускал флаг при прохождении ботика. Матросы на вантах громогласным «Ура!» приветствовали «дедушку русского флота». Салютом трех тысяч пушечных выстрелов сопровождали боевые «внуки» старого «деда», пока он обходил весь строй эскадры...

После на кораблях и на берегу в больших палатках начался праздничный пир в честь виновника торжества. В царской палатке, рядом с Петром и Екатериной, сидел Апраксин, другие флагманы, корабельных дел мастера, иноземные послы.

Петр встал, поднял бокал, протянул руку к открытой шторе:

— Смотрите, как дедушку ноне внучата веселят и поздравляют! Здравствуй, дедушка! Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят; время покажет, явятся ли они перед Стамбулом!

В ответ грянуло дружное «Виват!».

Все чаще штормила Балтика, напоминая о наступившей осени. Флот уходил на зимние стоянки, подбирали и снимали паруса, разоружали мачты. В Ревеле день и ночь готовили корабли к походу на Мадагаскар. Прежние корабли оказались ветхими, их заменили.

Апраксин, докладывая Петру, качал головой, думал, «авось повременит с походом».

— Государь, зима на носу, на Балтике шторма бушуют.

— Не плачься, адмирал, — протянул ему бумагу. — Вычитай мою грамоту.

— «Грамота королю мадагаскарскому, 1723 год ноябрь 9, — читал вслух Апраксин, — Божьей милостью Мы Петр I Император и самодержец всероссийский...»

В середине декабря на рейде Рогервика, в 30 милях от Ревеля, Апраксин провожал в дальний вояж «Амстердам» и «Декронде». 20 декабря в 4 часа пополудни на «Амстердаме» дважды ударила пушка. Корабли пошли в поход, ветер был зюйд-ост...

Из донесения командира Ревельского порта Апраксину: «8 января пополудни в 4-м часу прибыли паки к Ревельскому порту. «Амстердам» весьма течь имеет и в великие штормы за тою течью быть на море невозможно».

Корабли на траверзе Ливавы прихватил жестокий шторм. У «Амстердама» разошлась обшивка в носу, воду качали всеми насосами, а она прибывала. Вильстер повернул обратно, подошел к берегу, начал ремонт: фрегат накренили, чтобы оголить днище, и опять беда, не рассчитали балласт для крена, и корабль повалился на бок, лег бортом на мелководье.

Получив доклад, Петр страшно гневался, хотел послать другой корабль. Потом согласился с мнением генерал-адмирала. Апраксин облегченно вздохнул, срочно послал эстафету в Ревель: «Его Императорское Величество указал намеченную вашу экспедицию удержать до другого благополучного времени, понеже то время было намеченное за противными несчастьями прошло».

— Оно, может, сие и к добру, — успокаивал Петра Апраксин, — утопили бы наши кораблики в океане вместе с людишками и червонцами, одна погибель.

Петр рассмеялся.

— Ладно, погибель, обмишуриться могли б. Гаврила разведал, короля-то нет единого на Мадагаскаре, князьков там дюжина, между собой свару чинят. — Петр прищурился, размышляя о другом, затаенном. — Нынче я в Москву отъезжаю. Присмотри, кого послать бы к океану Великому, еще Соймонов о том толковать на Каспии. Пора настала проводить сошлась ли Америка с Азией, да и путь к Индии оттуда сподобней...

Из Москвы, после коронации Екатерины, император вернулся веселым. Обговорили подходящих моряков в Камчатскую экспедицию. Петр делился впечатлениями:

— Нагляделся я в Белокаменной на купчишек наших, серые они, упускают капитал супротив иноземцев, те рвутся к нам за товаром, свой везут, монету наживают.

— Ведомо мне то, государь, по Архангельскому. Подобных Бажениным не сыскать покуда.

— Наши люди ни во что сами не пойдут, Федор, ежели их не приневолить. — Петр взял со стола бумагу, — надумал я

кумпанию собрать коммерсантов для торговлишки с Гишпанией.

— Сие доброе.

— Подбирай кораблики, шкиперов. Капитанов на Великий океан сыскал?

— Более сподобен, мне думается, капитан Головин, восемь годков в Голландии отплавал, полсвета обошел.

— Сынок Федора Алексеевича, царство ему небесное? — перебил Петр.

— Он самый, командир отменный, сам выпрашивается в вояж.

— Призови его ко мне. Еще кто?

— Чириков Алексей, лейтенант, к нему в помощники пойдут.

— Помню, экзаменовал его, толковый гардемарин был в академии.

Вскоре состоялась встреча с капитаном третьего ранга Николаем Головиным.

Головина Петр знал чуть ли не с пеленок, крестил его в свое время, разговор начал без обиняков:

— Намереваюсь отправить тебя с вояжем на Великий океан.

— Государь великий, готов хоть сейчас плыть к океану.

— Дурень, — усмехнулся Петр, прежде чем плыть, до него доехать надобно.

— Как так? — недоумевал Головин. — На кораблях ходят, а не ездят.

— Толкую тебе, на телегах с обозом поедешь на Великий океан, изладишь там суда, поплывешь проведывать, сошлась ли Америка с Азией.

— Винюсь, государь, не достоин я такой чести. По мне в море кораблем нынче готов идти, но телегами не привык командовать. Уволь, пожалуй.

«Хоть стервец не юлит, как иные», — усмехнулся Петр.

— Ступай с Богом на корабли.

Мрачные тучи заволокли небо до горизонта и вторую неделю неслись одна за другой непрерывной чередой со стороны залива.

Пронизывающий ветер гнал в Неву воду. Волны колотились о мостки Адмиралтейства, раскачивая спущенные на воду корабли.

Генерал-адмирал с тревогой всматривался в ночную темень. «Как-то там Петр Алексеевич? Непоседа, неделю назад умчался на Ладогу...» Вечером следующего дня Петр возвратился, утром Апраксин был у него с докладом.

В вестибюле дворца адъютант вполголоса сообщил, что император никого не принимает. В приоткрытую дверь виднелись фигуры прислуги, денщиков, ходивших на цыпочках...

Пошел слух, что император, возвратившись внезапно домой, не застал жену, она уехала к Виллиму Монсу, своему камергеру...

Монса арестовали, допрашивал его вскоре сам царь. Суд был негласный, короткий, приговор жесткий: «смерти достоин за мздоимство».

На следующий день после казни Монса император вызвал генерал-адмирала.

На похудевшем, бледном лице блуждала странная улыбка.

— Все ли корабли в гавани? Нет ли в отлучке?

— Как всегда, государь, весь комплект, — не понял усмешки Апраксин.

Петр странно захохотал:

— Хоть у тебя нетчиков нет. — Внезапно согнал улыбку: — Начальником вояжа кого предлагаешь?

Апраксин вздохнул тяжело:

— Мы, государь, в коллегии судили, рядили, более всех Беринг подойдет. Бывалый, в Ост-Индии плавал, сам согласный, море любит. Так толкуют и Сиверс, и Наум Сенявин, и сам Головин.

Петр, не долго подумав, согласился:

— Пиши указ, инструкцию я самолично сочиню.

Апраксин собрался уходить, Петр остановил его жестом.

— погоди, сядь.

Лицо его вдруг перекосилось, заиграли желваки, он захохотал из угла в угол, видимо, сдерживая себя. Остановившись перед Апраксиным, глухо проговорил:

— Тебе одному поведаю. — Сдвинул брови, резко обозначились складки на лбу и в углах рта. — Курву на груди пригрел.

Апраксин незаметно вздохнул, опустил глаза: «Курвой-то она, Петр Лексеич, отродясь была».

Петр так же внезапно преобразился, лицо озарилось вымученной улыбкой:

— Ну, слава Богу, будто исповедовался. Тебе-то, Федя, вольготно. Не греховодник ты, будто ангел посреди нас. Ну, будя, ступай с Богом, готовь Беринга.

После Рождества Петр уже не выходил из дома. Недуг приковал его к постели. С Екатериной встречался редко, Меншикова уже полгода не допускал к себе, еще раньше отстранил его от Военной коллегии. Принимал немногих. Но с Апраксиным виделся почти каждый день, часто спрашивал, как готовят экспедицию.

— Не забудь к Берингу корабельного мастера отрядить, там бот строить предстоит, да штурмана, который бывал в Нордовой Америке, может, Лужина сыскать.

Шестого января наконец-то закончил инструкцию:

— Взгляни, Федор, сие сочинение.

Апраксин читал не торопясь, временами отрывался, о чем-то думал.

— По моему мнению, Петр Лексеич, — в последнее время он обращался к нему, как и раньше, — все к месту...

Четырнадцатого января, вечером, Апраксин явился с запиской о предстоящей кампании. Петр сидел в кресле, укрытый до пояса шалью, кивнул, читай, мол.

— «В нынешнем семьсот двадцать пятом году коликое число из Кронштадта и из Ревеля кораблей, и фрегатов, и галер в кампанию вооружить и кому флагманами на них быть и до которого места в вояж отправить повелено будет?»

Кончив читать, Апраксин протянул докладную.

— Вооружай пяток линейных да пару фрегатов из новых, — Петр чиркнул по бумаге, — ходить из Ревеля до Кронштадта по заливу, флагманами возьми Сиверса да Вильстера.

Спустя два дня, также вечером, Петр сам вызвал генерал-адмирала. На этот раз он уже полулежал в постели. Изможденное лицо говорило о бессонной ночи.

Увидев Апраксина в дверях, Петр оживился, приподнял-

ся на подушках, слабо махнул рукой Екатерине — «оставь, мол, нас».

— Присядь, сам видишь, худое здоровье заставило меня дома сидеть. А вспомнил я опять, о чем мыслил давно, ты знаешь, да другие мешали. О дороге через Ледовитый океан в Китай и Индию.

Петр поморщился от боли, Апраксин закаплялся, сердце защемило, шагнул к постели.

— Как не вспомнить, Петр Алексеич, ходили мы-то с Архангельского к Ледовитому океану-морю, дышали там ветром.

Петр взял со столика карту.

— На сей морской карте, Федя, проложен путь, и я слышал, што проход возможен. — Петр положил карту, помолчал, собираясь с мыслями. — Ограда отечество от неприятеля, надлежит находить славу государству через науку и искусство. Так не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берега американские?

Петр откинулся на подушки, прикрыл глаза, видимо, длинная речь утомила его.

— Што с экспедицией, Федор?

— Все по делу, на той неделе первый отряд поведет Алексей Чириков.

— В добрый путь ему, жаль, я сам невмочь. Завидую я ему, океан повидает. — Грустно усмехнулся. — Слаб человек, Федя, жизнь наша брeнная, един океан вековечен... — Он вдруг приподнялся, притянул Апраксина за рукав к себе. — Тяжко мне, Федя, нет никого рядом, своего человека, один ты у меня остался верный подданный, добрый приятель.

Федор Матвеевич вдруг нутром впервые почувствовал неотвратимость беды. «А ну, как более не свидимся на этом свете?»

— Всякому человеку, Петр Алексеич, перст Божий судьбу указывает. Мне благодетель Всевышний определил через твоего родителя, царство ему небесное, Алексея Михайловича, с тобой породниться с молодых лет. В том моя благодарность Господу Богу. — Обычно медлительный в разговорах Федор Матвеевич теперь спешил, говорил, едва не захлебываясь. — От тебя с той поры набирался ума-разума, познавал

много неизведанного. Через тебя поохотился к морскому делу, корабельному строению. В том благодать жизни своей зрю.

Петр слушал полузакрыв глаза, скупая улыбка мелькнула на измученном лице.

— Спаси Бог, Федя, от тебя единого слушаю такое, более других во флотском деле мыслишь. Об одном молю тебя, не дай в разорение детище мое, флот российский...

Двадцать четвертого января Апраксин проводил первый отряд экспедиции к Великому океану. Вел отряд его любимец Алексей Чириков, рядом с ним переминался гардемарин Петр Чаплин, которого тоже выбрал Апраксин. Представлял первопроходцев Витус Беринг.

Генерал-адмирал усадил моряков, разговор предстоял обстоятельный.

— Государю ныне недужится, — покашливая, начал Апраксин, — сам он хотел бы вас напутствовать, — адмирал перевел дыхание, — да видать не судьба. — Помолчал, взял с конторки бумагу. — Сию инструкцию государь император самолично для вашего вояжа присочинил. Апраксин протянул лист Берингу. — Вам список с нее вручаю. — Читай.

— «Первое, надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами, — разбирал с расстановкой, чуть запинаясь, Беринг. — Другое. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля — часть Америки. Третье. И для того искать, где она сошлась с Америкой...»

Дни Петра были сочтены, и это понимали все близкие к трону люди, а некоторые старались, поелику возможно, извлечь выгоду для себя.

Екатерина на коленях вымолила прощение Меншикову, и он временами входил, молча смиренно стоял поодаль от смертного одра. А про себя соображал: «Площадь-то не следует в роковые минуты».

Отправив экспедицию, Апраксин как старейший сенатор каждый день с утра до вечера проводил в доме императора, да

собственно весь состав Сената дневал и ночевал в покоях Петра I. Приближались минуты кончины, а значит, и приход нового владельца трона. В последние дни резко обострилась тлевшая прежде размолвка среди вельмож. Родовитая знать: Долгорукие, Голицыны, Репнины, желали передать трон одиннадцатилетнему Петру Алексеевичу, внуку императора, их поддержал и Петр Апраксин, президент Юстиц-коллегии. Именитые люди из новых: Меншиков, Ягужинский, Остерман, сподвижники Петра Толстой, Головкин, Федор Апраксин стояли за воцарение Екатерины.

На стороне первых было право, другие чувствовали за спиной силу.

Поглядывая на сенаторов, дремавших в креслах, шепотом переговаривающихся сановников, Апраксин нет-нет да и подумывал: «Все вы, однако ж, печетесь о чем угодно, токмо не о державе...»

В последний день из-за дверей спальни уже не доносились протяжные стоны умирающего.

А в дальних покоях обсуждали преемника императора. Продолжал размышлять и Федор Матвеевич, искоса поглядывая на брата. Тот придерживался старинных канонов. «Ежели станет Екатерина, так она худо-бедно дела поведет покуда по воле Петра Алексеевича, а ну внук, дите на трон влезет, кто его разумом наставлять станет?»

По праву старейшего Апраксин пригласил кабинет-секретаря Макарова и спросил, имеется ли какое-либо завещание императора или другие распоряжения.

— Таковых документов нет, — однозначно ответил Макаров.

Размышления и разногласия прервал шум за окнами. На дворцовой площади звучала дробь барабанов, там строились гвардейские полки. Выглянув в окно, глава Военной коллегии Репнин нахмурился:

— Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?

Сторонник Меншикова, ярый противник Репнина, гвардии подполковник Иван Бутурлин вызывающе ответил:

— Я скомандовал прийти им сюда по воле императрицы, коей все повинуются, в том числе и ты.

«Свара не ко времени», — встревоженно подумал Апраксин и решительно встал:

— Господа Сенат, поелику государыня Екатерина Алексеевна волею императора нашего коронована императрицею и присяга принесена ей нами и всем народом, полагаю провозгласить ее императрицею и самодержицею всея Руси...

Все как-то разом замолчали, никто не возражал... Тем временем «в начале шестого часа пополудни 28 января глухие стоны замолкли и последний вздох страдальца вылетел...».

Весна 1725 года только-только начиналась, мартовское солнце тускло отсвечивало от куполов церкви и собора Петропавловской крепости. Порывы ветра доносили с залива запахи подтаивающего льда. Трепетали приспущенные флаги кораблей, стоявших у достроечной стенки Санкт-Петербургского Адмиралтейства. Неслышно шелестели траурные ленты склоненных знамен гвардейских полков. В скорбном молчании замерли полковые каре на крепостной площади.

В Петропавловском соборе отпевали императора. Из распахнутых настежь дверей собора доносился громовой, с надрывом голос Феофана Прокоповича. Тяжело переживал утрату Феофан.

Близкий товарищ и советник Петра в делах просвещения, он был надежным помощником его в борьбе с церковной и боярской косностью.

— Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!

Слезы душили Феофана, громкий плач присутствующих прерывал проповедь.

Неслись редкие облака, гонимые ветром с залива, и будто парил в них ангел со склоненной головой, пытаясь взлететь с острия шпиля собора.

Поднимая слезящиеся глаза к высокому куполу нового храма, генерал-адмирал едва сдерживал спазмы, теснившие его грудь. Многое пришлось пережить за последние полтора месяца. Больно ударило горе — внезапная кончина племянника, капитана третьего ранга Александра Апраксина. Лекари

даже не успели разобраться в страшной болезни, которая за полторы недели скрутила любимого родича. Сейчас, прощаясь с императором, Федор Матвеевич изредка окидывал взглядом тех людей, кто взял в свои руки власть, с кем теперь придется повседневно сталкиваться. Меншиков, Толстой, Ягужинский, Голицын, Головкины, Долгорукие, Остерман... Со всеми находился в ладах президент Адмиралтейств-коллегии, но между многими из них уже вспыхнули давно тлеющие распри. «Меншикову не люб Ягужинский, его он побаивается, главным неприятелем чтит Толстого, а те возненавидели светлейшего...»

Гулкие возгласы Феофана Прокоповича прервали размышления.

«Оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам. Какову он Россию сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любимая и будет; сделал врагам страшною, страшна и будет; сделал на весь мир славною, славна и быти не перестанет...»

«А теперь-то Петра Алексеевича не стало, что-то будет?» — успел тоскливо подумать Апраксин, и тут же, все заглушая, сотни барабанов ударили дробь, гроыхнул залп прощального салюта крепостных орудий...

Новоявленная императрица накануне похорон супруга объявила: «Мы желаем все дела, зачатые трудами императора, с помощью Божиею совершать». Одно дело — слова, другое — действительность. Екатерина «...была слаба, роскошна во всем пространстве сего названия, вельможи были честолюбивы и жадны. А из сего произошло, упражняясь в повседневных пиршествах и роскошах, оставили всю власть вельможам, из которых вскоре взял верх князь Меншиков». И в самом деле, Меншиков брал верх с каждым днем. Спустя три недели, разгоряченный вином, Ягужинский на всенощной в соборе, обращаясь к гробу с телом Петра, в сердцах сказал: «Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять шпагу, чего я над собою отроду никогда не видал». Слух дошел до светлейшего, пошли скандалы и раздоры среди вельмож, и надолго. Про дела сановники поневоле позабыли, начался дележ власти...

Наступила весна, как и предписано было Петром, эскадры вооружались к плаванию. Флот еще жил по законам, писаным и не писаным правилам. Гигантский маховик обновления Руси, запущенный могучим гением, еще не успел заметно сбавить обороты. Но в государственном механизме уже слышны были скрипы, постепенно тормозившие его движение.

Впервые президент Адмиралтейств-коллегии докладывал новоявленному владельцу трона, к тому же в юбке, о флотских делах. «Кума кумой, а корону надела, так враз переменялась», — входя в кабинет, подумал Апраксин. По заведенному порядку прежде всего он доложил о всех предстоящих плаваниях эскадры из Ревеля и Кронштадта, утвержденных Петром. Флагманов император всегда определял накануне навигации. Екатерина из списка адмиралов выбрала Вильстера и Сандерса. Апраксин поморщился, но промолчал. Ни тот ни другой не говорили как следует по-русски. Захлопнув папку, он проговорил:

— Дозволь, государыня, по Сенату донести.

Екатерина добродушно улыбнулась, сказала по-домашнему, просто:

— Изволь, Федор Матвеевич.

— Александр Данилович не по чину ведет себя, заносчив стал, покрикивает на сенаторов, будто на кучеров, — начал напрямую, не торопясь адмирал. — Надо бы, государыня, одернуть его, приневолить держаться согласно своему долгу, в границах равенства с прочими сенаторами, а не выхваляться. Эдак удержу на него не будет.

Екатерина, выслушав Апраксина, рассмеялась:

— Прост же ты, Федор Матвеевич, ежели думаешь, будто я позволю Меншикову пользоваться хоть единой капелькой моей власти. Приговорю ему, успокойся...

Скоро состоялся и приговор: Екатерина восстановила Меншикова в должности президента Военной коллегии, списала с него миллионный долг перед казной...

Немало хлопот вызвала экспедиция в Испанию. Загрузили корабли и два фрегата добротными товарами. Апраксин на стенке напутствовал капитана третьего ранга Кошелева:

– Мотри, капитан, первый ты российский флаг в Гишпанию несешь, не посрами державу. Благослови тебя Бог.

Генерал-адмирал спешил в Кронштадт, сам решил вести эскадру в море. Прежде чем отправиться, доложил на коллегии:

– Ее императорское величество быть при мне флагманами назначила Вильстера и Сандерса, ни тот ни другой российского языка не знают, извольте переводчика определить.

Теперь на флоте считали каждую копейку, казна не выдавала денег, корабли почти не закладывали, штаты сокращали.

Кайзер-флаг адмирал поднял на линкоре «Святой Александр». Едва начали сниматься с якорей, обнаружился непорядок. Над рейдом со всех кораблей неслись крики, ругань, нельзя было слышать команды. Апраксин поманил генерал-адъютанта, мичмана Петра Лаврова:

– Ступай в походную канцелярию к Паренаго, набросай приказ, на многих кораблях непорядки, кричат матросы кому не лень, уши заложило, сам зришь. Един командира или офицера голос должен быть на корабле, черновик мне принесешь...

Один за другим вытягивались корабли с рейда, пятнадцать линейных кораблей, фрегаты занимали свои места в ордере. Апраксин переходил от борта к борту, раздраженно скидывал трубу. «Совсем распустились командиры. Паруса не обтянуты, такелаж разболтан, строй не держат, сигналы флагмана выполняют медленно, кое-как...»

Стали на якоря у Красной Горки, и началось невероятное – без разрешения флагманов на берег отправились шлюпки с капитанами, зачастили в гости друг к другу, так же поступали и их помощники, корабль оставляли на неопытных офицеров. Апраксин собрал командиров, пропесочил...

Три месяца крейсировала эскадра в море. Иногда вдали просматривались паруса английских, датских, шведских фрегатов. Обнаружив русскую эскадру, ложились на обратный курс, уходили за горизонт.

В плавании вскрылись неурядицы. Апраксин вновь собрал капитанов. В салоне сошлись почти одни иностранцы. Снисходительно слушали адмирала. Раньше Петр сурово карал за малейший проступок, деньги ведь им платили немалые. Теперь то власть переменилась, императрица не русская.

– Во время экзерсисов в ордер баталии себя поставить не можете! – распекал командиров адмирал, а сам чувствовал, слабеют нити управления. «Почуяли, стервецы, рыба с головы гниет», – чертыхался про себя адмирал.

Осенью, вернувшись в Кронштадт, в приказе по итогам плавания напомнил командирам прорехи: «Мало, что не все корабли непорядочно и своему командиру флагману не следовали; даже в боевом строю некоторые капитаны шли не так, как по морскому искусству довлеет», взыскал с нерадивых, раздал «фитили»...

В Петербурге стояли у стенки нагруженные товарами фрегаты и гукор, ожидали распоряжения Адмиралтейств-коллегии.

В Адмиралтействе достраивался стопушечный линейный корабль «Петр I и II», сооруженный по чертежам Петра I. Главным строителем был Федосей Склаев. Слегка сгорбленную его фигуру адмирал распознал издали. Вместе зашагали по мосткам на палубу. В пустынных артиллерийских деках гулко отражались звуки шагов.

– Лебединая песня Петра Алексеевича, – грустно проговорил Федосей, поглаживая свежеструганные переборки.

Вечером, как часто бывало, Апраксин пригласил к себе Склаева. Вспомнили минувшее, судачили о настоящем.

– Данилыч-то остервенился вовсе, – как бы жалуясь, сказал Склаев, – идет мимо, не замечает. Носится, хватает все без разбору, все ему мало. У Собакина на верфи тащит без спроса и дуб, и сосну, гвозди и железо, не гнушается. Государыне-то все ведомо.

– А пошто ей? Было время в одной постели с ним валялась, – ухмыльнулся Апраксин.

– И нынче любовников завела. Сказывал Гаврила. О том весь Петербург толкует, не скроешь.

– На доклад по делу не пробьешься. Дорвалась. Неделями в загуле. Ночью веселится, днем дрыхнет...

Меншиков, мечтая стать полновластным властелином, убедил Екатерину создать вместо Сената Верховный тайный совет. Ему подчинили армию и флот, «чужестранные» дела.

Вместе с Апраксиным в Совет вошел и герцог Гольштинский, муж Анны Петровны, дочери Петра I и Екатерины. Герцог претендовал на землю Шлезвиг в Европе. Кроме него, к ней примерялись Англия и Дания.

Весной 1726 года канцлер Головкин предупредил Апраксина:

— Из Лондона доносят, лорды посылают эскадру к нам, прощупать силу.

— Пускай идут, потягаемся, — ответил Апраксин, но на душе стало беспокойно.

За четыре месяца казна не додала флоту полмиллиона рублей. Две недели толкался Апраксин во дворце, пока добился приема.

— Государыня, нынче кампания опасная предстоит, английские и датские эскадры ожидаются по известным причинам. На кораблях вполтину паруса обветшали, а то и сгнили, порохового зелья на треть запаса в магазинах, офицерам и матросам жалование не плачено.

— Ну, так ты спроси у князя, что надо.

— Деньги надобны, государыня, а их нет в казне.

— Стало быть, подати не собрали. Ежели появятся, все тебе будет.

Адмирал не привык толочь воду в ступе, откланялся, а сам подумал: «Графов новых заводил, вотчины раздаешь ни про што, а воям копейки не сыщешь».

Вернувшись в коллегия, вызвал Крюкса:

— Корнелий Иванович, сочти, какие на сей день у нас расходы неотложные.

— Ваше превосходительство, без того знаю, тыщи две на круг.

— Призови ко мне кriegс-комиссара, пускай бумаги оформит, я свои две тыщи флоту жалую. Не помирать же с голоду матросам.

В конце мая прискакал нарочный из Ревеля, привез эстафету: «У входа на рейд лавируют под парусами двадцать два корабля под английским флагом».

Собрался Верховный тайный совет. Апраксин доложил все, как есть.

— Эскадры к баталиям не изготовлены. Пороха вполтину

нет, провизии на треть, — загибал пальцы, — половине офицеров жалование за два месяца не плачено.

По мере того как Апраксин говорил, физиономии у всех вытягивались. Но Меншиков, как всегда, нашел выход:

— Выходи, генерал-адмирал, на рейд, покажись покуда на вид, что ты живой, а там разберемся.

— Мишурой хочешь отделаться, князь? — нахмурился Апраксин.

— Так государыня порешила, — вилял хвостом князь.

— Вся надежда на Кронштадт, Кроншлот и цитадель, — твердо сказал Апраксин. — Сие я на себя возьму.

В тот же день Апраксин ушел инспектировать Кронштадт. Итоги оказались неутешительными. «Нашел крепость в великой неисправности, — доносил он императрице, — а именно: батареи пушками не удовлетворены и во многих местах не готовы».

На борту «Святой Екатерины» собрался совет флагманов.

— У семи нянек дитя без глазу, — возмутился адмирал. — Моряки сами по себе на море, солдаты на берегу. Сколь раз князь сюда ездит, а толку нет. — Адмирал взглянул на Сиверса: — Бери, Петр Иванович, тыщу солдат, две сотни пушек, оборудуй военную гавань. Тебе, Наум Акимыч, — кинул взгляд на Сенявина, — вручаю цитадель с тыщью солдат и пушками. Сего же дня принимайтесь за дело. Не ровен час, встретим адмирала Роджера. Кончишь дела в цитадели, Наум Акимыч, перебирайся ко мне на корабль.

Вскоре к англичанам присоединилась датская эскадра из семи кораблей. Морские державы прощупывали на прочность морскую мощь России. На всякий случай английский король прислал письмо, что его флот прислан «не ради какой ссоры или несоюзнства», но только из желания сохранить мир, а то, мол, угроза есть от российского флота...

Прочитав письмо, Апраксин рассмеялся и доложил Екатерине:

— Слава Богу, государыня, что заморские гости помнят еще поступь благодетеля нашего, отца-императора. Пускай страшатся. Нам-то не след с ними связываться. Я нынче выведу эскадру за Котлин. Обойдемся экзерсисиями. На худой конец крепостными орудиями отобьемся, там у нас почитай тыща

стволов, не впервой, шведа в свое время отвадили. В Ревель я послал эстафету, також эскадру по тревоге поднять, а пушки на берегу снарядить и держать в готовности, — добавил, — а ты аглицким отпиши, не указ они нам, за себя постоим.

В разгар лета на взморье показались два английских корабля. Апраксин выждал, когда они подойдут поближе, подзвал командира:

— Пугни их холостыми, одним деком правого борта.

Спустя несколько минут борт «Святой Екатерины» сверкнул огнем, окутался голубыми клубами. Дым еще не рассеялся, а марсовый матрос озорно крикнул:

— Корабли на весте ворочают в обратный курс!

— То-то, — ухмыльнулся Апраксин, — пошли, Наум Акимыч, обедать...

С началом осенних штормов, не сделав ни одного выстрела, английские и датские корабли удалились с миром...

Адмирал покидал «Святую Екатерину» перед заходом солнца. По уставу, как только светило скроется за горизонтом, корабль спускает флаг и зажигает якорные огни.

Так случилось, что шнява с Апраксиным отвалила за борт в тот момент, когда труба заиграла вечернюю зарю. Первому адмиралу корабль салютовал пушками. Вместе с кайзер-флагом медленно опускался корабельный Андреевский флаг. Эскадра навсегда прощалась со своим главным флагманом.

Долго стоял на юте Федор Матвеевич, вглядываясь в сумрачную даль, где таяли, призывно манили к себе родные огоньки кораблей...

«Почитай тридцать годков флотского бытия из шести с половиной десятков живота, по совести достаточно», — пришло вдруг на ум...

Следующую кампанию флот не покидал своих стоянок, эскадры в море не выходили по причине крупных недоимок средств, отпускаемых на содержание кораблей. Впрочем, было сделано исключение по печальному поводу. Летом, в день своего семидесятилетия скончался адмирал Корнелий Крюйс. Тело его отправили кораблем, как он завещал, на родину, в Амстердам.

На море царил штиль, а на берегах Невы шквалы следовали один за другим и постоянно штормило.

В начале мая скончалась Екатерина. В день кончины Меншикову как-то удалось подписать у нее санкцию на арест и ссылку врагов, своих бывших союзников — генерала Девиера и графа Толстого.

На престоле воцарился двенадцатилетний Петр II, а Меншиков на второй день после кончины Екатерины становится адмиралом и вскоре генералиссимусом. Его звезда достигла зенита, он обручил свою шестнадцатилетнюю дочь Марию с императором-мальчиком. Не проходит и месяца, как князь заболел и слег в постель.

Из тени появился на сцене хитрый, изворотливый вице-канцлер Андрей Остерман. Он полностью избавил Петра II от влияния Меншикова, и в начале сентября всесильный князь с семьей, лишенный всего и вся, отправляется в далекую ссылку.

Давно ждут своего часа Долгорукие. Молодой князь Иван Долгорукий становится неразлучным и незаменимым другом Петра II. Время проходит в попойках, увеселениях, охоте, разврате.

Зимой двор покидал берега Невы, перебирался в Москву: предстояла коронация Петра II.

У Апраксина состоялся разговор с Наумом Сениявиным. Его произвели в вице-адмиралы. Летом он отвозил в Киль герцога Гольштинского с Анной Петровной.

— Ты, Наум Акимыч, прошлой зимой на Воронеж ездил, читал я твой доклад. Пора определяться с кораблями.

— Канители там много, ваше превосходительство, я токмо Тавров осмотрел. Надобно другие верфи проверить, — доложил Сениявин.

После нового года президент Адмиралтейств-коллегии Апраксин начал собираться в дорогу. Ему положено было быть в свите императора. За себя он оставлял вице-президента Сиверса. Дело вице-адмирал знал, службу правил отменно, правда, был тяжел на подъем, неуживчив...

— Доглядывай, Петр Иванович, за эскадрами, Кронштадтом. Ты-то попустрей меня. В Ревеле обустроивай гавань, не забывай про верфи. В море, видать, сызнова кораблики не по-

плывут, деньги нет. Решай все сам, но доноси. Ведомости отсылай в адмиралтейскую контору.

...Давно прошла коронация, наступила весна, а малолетний император не покидал Москву. Окрестные леса привлекали охотника, да и разгуляться было где с Иваном Долгоруким, не то, что в Петербурге, где все на виду. А тут еще любвеобильная тетка Елизавета не прочь была заловить племянника в амурные сети. Вместе с императором засиделся и его двор.

Апраксин десяток лет не был в Москве. Чего греха таить, тянуло его в последние годы в родные пенаты. Прежде всего поклонился праху своих родителей в Златоустовском монастыре, начал просматривать дела Московского адмиралтейства, отправил комиссию к Воронежу.

– Просмотрите все верфи от Ступина до Черкасс. Гниют там без присмотра наши кораблики. Никому о них нет заботы. Опишите все, как есть, надобно, что возможно, разобрать, пустить в дело...

Отписал Сиверсу: вооружить и иметь в готовности два фрегата, мало ли, потребоваться могут.

С берегов Невы пришло письмо с горькой вестью от племянника Алексея, юнкера: скончался брат Петр Матвеевич. Панихиду отслужили, как обыкновенно, в церкви Иоанна Златоуста...

Горестное настроение развеяла добрая весть с далеких берегов Великого океана. Экспедиция прибыла на Камчатку, начала строить судно для поисков в неизведанных землях.

«Слава Богу, исполняется завет Петра Алексеевича», – радовался Апраксин, чувствуя небольшую толику и своего участия в этих событиях.

...В те самые дни бот «Святой Гавриил» под командой Беринга и Чирикова отправился в первое плавание, «1728 года июля 13 дня вышли с Божиею помощью в море собственно ручно данному указанию между севером и востоком...».

В разгар лета поступил срочный запрос из Петербурга. В Гольштинии скончалась Анна Петровна, просили разрешения послать два фрегата – появилась новая забота.

«Пожалуй, для такого дела Бредаль лучше всех подходит», – подумал Апраксин, вызвал адъютанта и секретаря, приказал составить указание Адмиралтейств-коллегии.

– Бумагу-то пиши не откладывая, – поторопил секретаря Паренаго, а лейтенанту Лаврову приказал: – Ты не канитель, изыщи нарочного, сей же день отправь в Петербург...

В преклонные годы людям свойственно размышлять о пройденном пути. Одни испытывают при этом затаенную печаль от груза греховных деяний своих, другие чувство горечи от несбывшихся надежд, третьи ждут последнего часа с легким сердцем, довольные прожитым веком и сотворенным ими на благо людей.

Последнее время Федору Матвеевичу нет-нет да и давали о себе знать прожитые годы, часто пошаливало сердце, но он старался этого не показывать и, как положено моряку, без нытья и стенания воспринимать судьбу...

24 октября 1728 года в Петербурге Адмиралтейств-коллегия рассматривала очередное представление своего президента и постановила: «Слушано Е. С. генерал-адмирала, которым объявляет, что он о посылке к разлому строящихся в Воронеже до 1710 г. кораблей вице-адмирала Сенявина с коллежским мнением согласен».

По совпадению ли, на следующий день в Москве генерал-адмирал Апраксин отдал несколько распоряжений генеральс-адъютанту лейтенанту Петру Лаврову и секретарю Походной канцелярии Андрею Паренаго. Первое указание касалось адъютанта.

– Завтра никого не принимать, я занят. Ежели какие бумаги есть, давай на подпись.

Второе адресовалось секретарю.

– Назавтра же, Андрей, поутру приезжай ко мне, захвати бумагу гербовую да все принадлежности, коих в моем кабинете нет, перья наточи отменно.

День выдался ясный, тихий. Когда Паренаго расположился, Апраксин, сидя напротив в кресле, начал не спеша диктовать:

– «Во имя Отца и Сына и святого Духа. Аминь. Рабски прошу Ваше Императорское величество дабы Всемилостивейшим моим Государем, а Вашего Величества дедом Петром Великим Императором и самодержцем Всероссийским и служ-

бы, которые я исполнял по силе ума моего, радостным сердцем и чистою совестью, повелеть по сему моему вольному заветанию ненарушимо исполнить. И оставшихся моих осиротелых брата и племянников в милости не оставить...»

Долго перечислял Федор Матвеевич всех близких и дальних родственников, друзей. Заветал им свои вотчины, имущество, кому ценности, кому деньги. Потом прервался, встал, взял у секретаря листы, перечитав, вздохнул и сказал:

– Продолжай, пожалуй. – И, расхаживая по кабинету, поглядывал на листок в руках, кого бы не позабыть:

– «Свойственникам моим от флота Капитану Андрею Федорову сыну и брату его родному Петру Хрущовым, да двоюродному брату их Капитану-лейтенанту Семену Иванову сыну Хрущову же... Гвардии Капитану-Лейтенанту Степану Федорову сыну Апраксину... В Златоустов монастырь, где лежат кости родителей моих... да человеку моему ж Козьме Грибоедову пожаловать по сто рублей и по высокой ко мне милости дать им свободу и дать пашпорты. А прочим моим людям пожаловать награждение годовые оклады в два и по высокой своей милости учинить свободных и пожаловать им всем свободные пашпорты».

Никого не оставил без внимания адмирал. Вспомнил о многих монастырях, всех петербургских и других церквях, благодетелях и верных простых людях, просил дать им волю.

Тщательно сверил Апраксин все записанное с памятью, облегченно произнес:

– Заверяй, Андрей, как положено.

«Учинено в Москве октября 26 1728 года, – старательно выводил секретарь, – писал секретарь Андрей Паренаго, у подлинного по листам подписанного генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин сему руку приложил...»

Ровно через две недели 10 ноября Федор Матвеевич тихо скончался... Московский обыватель узнал об этом из очередного номера «Ведомостей». «1728 году Ноября 10 дня преставился раб Божий, Генерал-Адмирал, Государственного Верховного Тайного Совета Министр, Действительный Тайный Советник, Президент Государственной Адмиралтейской Коллегии, Генерал-Губернатор княжества Эстляндского, кавалер обоих Российских орденов граф Федор Матвеевич Апраксин».

Северную столицу оповестили о грустном событии 19 ноября «Санкт-петербургские ведомости». В том же номере газета сообщила о прибытии из Гааги графа Головкина и его намерении отъехать в Москву на похороны графа Апраксина...

В последний путь генерал-адмирала провожали 12 декабря, процессия растянулась на версту.

Шествие открывали все в черном фуртёры, литаврички, трубачи. Ехали верхом попарно адъютанты, шли полки, между ними везли пушки. Сверкали на алых подушках ордена святых апостолов Андрея и Александра. При эскorte гардемарин обер-офицеры несли знамена: Гербовое, Радостное, Красное, Печальное, флаги – Адмиральский, Императорский. Одр с гробом везла шестерка лошадей, шесть балдахины держали шесть майоров, концы шнуров от него шесть подполковников, покров – шесть полковников. Следом шли близкие, флагманы флота, факельщики с зажженными факелами, по триста факельщиков с каждой стороны.

Похоронили Федора Матвеевича в ограде Златоустовского монастыря...

Покинул свет последний и, пожалуй, единственный сподвижник Петра Великого, верный и надежный помощник во всех делах и свершениях, близкий ему по духу, бок о бок прошедший с ним всю жизнь. Не было подобного ему среди окружения императора ни по родственным узам, ни по бескорыстии служения, ни по деятельному претворению его замыслов. При этом нередко, один из немногих, он оспаривал сомнительные решения Петра I. Однажды после Ништадтского мира публично высказался в сердцах: «Когда я как адмирал спорю с Вашим Величеством, по званию флагманом, я никогда не могу уступить, но коль скоро Вы предстаёте царем, я свое место знаю...»

Сообщая о похоронах генерал-адмирала, «Санкт-петербургские ведомости» поместили строкой ниже примечательную новость: «В прошлую субботу заложено здесь на Галерном дворе 15 новых галер. В Адмиралтействе строятся воинские корабли также с великим прилежанием».

Флот еще продолжал жить по заветам своего флагмана...

Два века спустя потомки перекопали весь погост с монастырем, затоптали святые реликвии.

По странной иронии судьбы, как раз напротив этого места ныне расположено Морское ведомство. В его стенах создают новые корабли, атомоходы надводные, подводные. А сто лет назад их коллеги и собраты в Петербурге создали броненосец «Генерал-адмирал Апраксин»...

Ведают ли нынешние адмиралы, вглядываясь в проулок, о заповедном для русских моряков месте, лежащем перед их взором? Сомнительно, ибо оно безымянно. А ведь над ним до сих пор витает дух генерал-адмирала... Но недалеовидные нынешние властители пренебрегли заветами Петра I. Теперь, как горько заметил современный военачальник, «мы с печалью наблюдаем умирающий флот России...».

Самыми ценными остаются в истории свидетельства и мнения очевидцев ушедших времен, подтвержденные архивными источниками. Столетие спустя после ухода Апраксина бывалый моряк, боевой адмирал «лазаревской школы» Ефимий Путятин напомнил слова современника об этом адмирале: «Благодаря удивительным природным способностям и огромной памяти он достиг достаточного искусства в морском деле и поразительно поддерживает авторитет свой как генерал-адмирал на посту при своевольном правлении». И можно прибавить слова самого Апраксина: совершал это «по силе ума своего, радостным сердцем и с чистой совестью».

Дай Бог каждому так пройти по жизни.

КОММЕНТАРИИ

ФИРСОВ Иван Иванович (родился в 1926 году в Ростове-на-Дону) – современный русский писатель, капитан первого ранга в отставке. Окончил военно-морскую школу, Высшее военно-морское училище и Высшие специальные офицерские классы. Служил штурманом на крейсере и эсминцах, помощником командира сторожевого корабля; закончил службу в Главном штабе Военно-морского флота.

Публикуется с 1959 года. Истории русского флота и русским флотоводцам посвящены многие его книги: «Паруса над колыбелью» (Ярославль, 1986), «Полвека под парусами» (М., 1988), «Колумбы русские» (М., 1996), «Сенявин» (М., 1997), «Лазарев» (М., 1998) и др.

Роман «С чистой совестью» печатается впервые.

С. 9. Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605–1680) – русский дипломат, воевода, управлял Посольским и другими приказами; в 1667–1671 гг. руководил внешней политикой России. В 1672 г. постригся в монастырь.

Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь с 1645 г., сын царя Михаила Федоровича.

С. 11. Почетному миру с Польшей... – имеется в виду Андрусовский мир 1667 г.

С. 12. Море Хвалынское (Хвалиское) – древнерусское название Каспийского моря.

Федор Иоаннович (1557–1598) – последний русский царь из рода Рюриковичей (с 1584 г.), сын Ивана IV. Уйдя от власти, он предоставил управление страной Борису Годунову.

С. 17. Покров – 1 (14) октября, в праздник Пресвятой Богородицы.

Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682) – окольничий при дворе Алексея Михайловича, ближний и доверенный его человек. Был образован, написал несколько литературных работ. После смерти Алексея Михайловича был в опале, с воцарением Петра вызволен из ссылки.

ки в Пустозерске. Убит во время стрелецкого бунта на глазах царской семьи.

С. 20. *Судьба играет человеком...* – цитата из песни «Шумел, горел пожар московский», которая является переделкой стихотворения Н.С. Соколова «Он» (1850).

С. 23. *Иван V Алексеевич* (1666–1696) – русский царь, сын царя Алексея Михайловича. Провозглашен царем в 1682 г. вместе с младшим братом Петром I, но до 1689 г. правила за них царевна Софья, после ее свержения Петр I.

Земский собор – высшее сословно-представительное учреждение в России в XVI–XVII вв. В него входили члены Освященного собора, Боярской думы, «государева двора», выборные от провинциального дворянства и горожане.

С. 26. *Голицын Василий Васильевич* (1643–1714) – князь, фаворит царевны Софьи. В 1676–1689 гг. возглавлял Посольский и др. приказы; глава Крымских походов 1687, 1689 гг. В 1689 г. сослан Петром I.

Хованский Иван Андреевич (?–1682) – видный деятель в правление Софьи. В 1666 г. был воеводой в Новгороде. В борьбе за власть взял сторону Милославских, стал начальником стрельцов. Был прозван «тараруем» (болтун, балясник, пустовраль). Поддерживал раскольников. Был обвинен в замысле против царской семьи и казнен.

Долгоруков Юрий Алексеевич (?–1682) – боярин, воевода, участник русско-польской войны 1654–1667 гг., опекун царя Федора Алексеевича, убит во время московского восстания.

С. 29. *Шакловитый Федор Леонтьевич* (?–1689) – известный сообщник царевны Софьи, управлял Стрелецким приказом. За подстрекательство стрельцов к бунту против Петра и Нарышкиных казнен.

С. 31. *Зотов Никита Моисеевич* (?–1718) – учитель Петра I с его пяти лет. В 1680 г. был отправлен в Крым для переговоров и заключения мира в Бахчисарае. Позднее состоял начальником походной канцелярии царя.

С. 34. *Астролябия* – угломерный прибор, служивший до XVIII в. для определения широт и долгот в астрономии, а также при землемерных работах.

С. 36. *Разин Степан Тимофеевич* (ок.1630–1671) – предводитель крестьянской войны в 1670–1671 гг., донской атаман. В 1667 г. повел казаков на Волгу и Яик, в 1668–1669 гг. по Каспийскому морю в Персию.

С. 37. *Апраксин Петр Матвеевич* (1659–1728) – сподвижник Петра I. В 1705 г. астраханский губернатор, с 1708 г. казанский; с 1717 г. сенатор. Отличился в ряде сражений со шведами в 1702–1704 гг. В 1722 г. стал президентом Юстиц-коллегии. В этом же году Петр I возвел его и его брата Андрея Матвеевича в графское достоинство.

С. 39. *Голицын Борис Алексеевич* (1654–1714) – князь, дядька-воспитатель Петра I. В 1697–1698 гг. один из руководителей правительства, инициатор возведения Петра на престол, участник Азовских походов.

С. 41. *Лефорт Франц Яковлевич* (1656–1699) – с 19 лет в России

при дворе Петра I. Будучи храбрецом, весельчаком, человеком острого, подвижного ума, завоевал привязанность Петра, пользовался большим влиянием при дворе. Впоследствии получил чин генерала, адмирала, возглавлял посольство за границу.

С. 61. *Ромодановский Федор Юрьевич* (ок.1640–1717) – начальник Преображенского приказа. Позже Петр I оставлял его правителем, князем-кесарем в свое отсутствие в столице во время Азовских походов и Великого посольства.

...на Казанскую... – праздник 8 (21) июля – установлен в честь явления иконы Богоматери в Казани в 1579 г.

С. 65. *Олег* (?–912) – первый исторически достоверный князь Киевской Руси. В 907 г. он совершил поход в Византию. Игорь (?–945) – великий князь киевский с 912 г. В 941–944 гг. совершил походы в Византию, с которой заключил договор.

С. 66. *Александр Ярославич* (1220–1263) – второй сын великого князя Ярослава Всеволодовича. Победил шведов в Невской битве в 1240 г., за что прозван Невским. Был зван новгородцами для борьбы с немцами. Освободил Псков и в Ливонии на Чудском озере 5 апреля 1242 г. разбил тевтонцев (Ледовое побоище).

С. 72. *Благовещение* – праздник в воспоминание благовести Пресвятой Деве 25 марта (7 апреля).

С. 75. *Федор Алексеевич* (1661–1682) – русский царь с 1676 г., при нем правили различные группы бояр.

С. 77. *Вознесение* – один из двенадцатых праздников на сороковой день после Пасхи.

С. 79. *Парсуна* – (искаж. слова «персона») живописный портрет в конце XVI–XVII вв.

С. 85. *Гордон Петр Иванович* (Патрик) (1635–1699) – выходец из Шотландии, служил в шведской и польской армиях. В 1661 г. в России; участвовал в Украинских и Крымских походах, в 1696 г. в Азовском походе. Дослужился до генерала и контр-адмирала.

С. 92. *Юрьев день* – (26 ноября ст.ст.) в России в XV–XVI вв. крестьянин мог перейти от одного боярина к другому. По Судебнику 1497 г. срок перехода был за неделю до 26 ноября и неделя после.

Святки – с 25 декабря (7 января) по 6 (19) января, то есть длились 12 дней, сопровождалась гаданием, пением, плясками.

Крещение Господне – один из двенадцатых православных праздников, отмечаемый 6 (19) января.

С. 95. *Долгорукий Михаил Юрьевич* (?–1682) – сын Ю. А. Долгорукого, боярин, примкнул к Нарышкиным, убит во время стрелецкого бунта.

С. 98. *Успенье* – праздник в честь преставления Божьей Матери, 15 (28) августа.

С. 99. *В Европе то который год сеча продолжается Людовика супротив Вильяма Оранского.* – Первая Нидерландская война продолжалась с 1672 по 1678 г.; Вторая – с 1689 по 1697 г. На стороне Людовика XIV сражались Англия и Швеция, на стороне Нидерландов – Испания и

Бранденбург. Вторая Нидерландская война возникла из-за вмешательства Людовика в спор о правах на Пфальц.

Вильгельм III Оранский (1650–1702) – шатгальтер (правитель) Нидерландов с 1674 г.; с 1689 г. английский король. Призван на английский престол в результате государственного переворота. В 1688 правил вместе с женой Марией II Стюарт.

С. 102. Бутурлин Иван Иванович (1661–1738) – генерал-аншеф, участник русско-шведской войны. В 1703 г. был пленен, в 1710 г. обменян на шведского генерал-майора. В 1711 г. командовал войсками, охраняя Украину от татар. Участвовал в сражении при Гангуте и др.

С. 104. Кикин Александр Васильевич (?–1718) – сподвижник Петра I. В 1697 г. с Великим посольством посетил Голландию, где учился кораблестроению. Работал на Воронежских и Олонекских верфях. В 1715 г. был обвинен во взяточничестве, отстранен от всех дел, сослан в Москву. Через год Петр I вернул его в Петербург, но обиды и соперничества с А. Д. Меншиковым привели Кикина к сближению с царевичем Алексеем. По его делу был арестован и казнен.

С. 106. ...свою Монсиху... – Анна Ивановна Монс, фаворитка Петра I, дочь вино торговца из Немецкой слободы в Москве.

С. 123. Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728) – граф, один из видных сотрудников Петра I. Воевода в Двинском крае. Был хорошо образован, знал иностранные языки; в 1691–1693 гг. посол в Голландии и при австрийском дворе, в 1707–1708 гг. в Лондоне, с 1719 г. сенатор, президент Юстиц-коллегии.

С. 126. Капер – частновладельческое судно, занимавшееся с ведома своего правительства преследованием и захватом торговых судов противника и из нейтральных стран, перевозящих грузы для воюющей страны.

С. 129. ...праздник Иордани... – Иордань – название проруби в водоеме, сделанное к крестьянскому празднику Крещения для совершения обряда водосвятия.

С. 138. Украинцев Емельян Игнатьевич (?–1718) – думский советник. С 1668 г. не раз ездил в посольство в Польшу, Швецию, Данию, Голландию. В 1677 г. посол в Варшаве. Участник Крымских походов.

С. 146. ...полки большие и передовые, правой и левой руки. – Московская армия ходила в поход обычно пятью полками: большой полк, правая рука, передовой, сторожевой и левая рука. Возглавлялись полки воеводами, которые назывались: большими (или первыми), другими (или вторыми), третьими.

С. 148. В предновогодний день, 30 августа... – в России новолетие начиналось с 1 сентября, от сотворения мира. Лишь в 1699 г. указами от 19 и 20 декабря Петр I ввел в стране новое летосчисление, от Рождества Христова, то есть с 1 января, как во многих европейских странах.

С. 152. Грумант – древнерусское название архипелага Шпицберген.

С. 157. ...праздник Рождества Богородицы... – 8 (21) сентября.

С. 162. Никон (Минов Никита) (1605–1681) – русский патриарх с 1652 г. Его церковные реформы вызвали раскол в церкви и разрыв с царем. В 1666–1667 гг. Собор снял с него сан патриарха, он был сослан.

С. 169. ...Авакум со товарищи на костре за ту веру животы положили. – Авакум (1610–1681) – протопоп, расколоучитель XVII в., один из первых ревнителей старины. В 1653 г. посажен в острог, сослан в Тобольск. После недолгого пребывания в Москве в 1663 г. был вновь сослан, расстрижен и проклят. 15 лет просидел в земляной тюрьме в Пустозерске. Написал «Житие» и другие сочинения. Сожжен по царскому указу.

С. 193. Вinius Андрей Андреевич (1641–1717) – сын голландского купца, родился и крещен в Москве. Переводчик и дьяк в Посольском приказе, позже заведовал Аптекарским приказом и почтовой службой. Подготовил для Петра I проект об учреждении флота в России. В 1703 г. попал в немилость к царю, бежал за границу, но вернулся.

С. 205. Поташ – щелочная соль, вывариваемая из древесной и травяной золы.

С. 214. Пфальцская война – война за Пфальцское наследство 1688–1697 гг. между Францией и Аугсбургской лигой (Голландия, Испания, Швеция, Бавария, Пфальц, Саксония, Англия), заключенной с целью приостановить террористические захваты Франции, началась с вторжения Франции в Пфальц и закончилась Рисвикским миром 1697 г.

С. 219. ...вспоминая Патрик Гордон... – Гордон оставил после себя дневник, охватывающий всю его жизнь до 1698 г. Оригинал на английском языке дошел не весь. Публиковался в журналах и издан отдельно в переводе на русский (Дневник генерала П. Гордона. Ч. 1. М., 1892).

С. 228. На этот раз поход удался на славу. – В русско-турецкую войну 1686–1700 гг. состоялись два Азовских похода русской армии и флота в 1695–1696 гг., в результате в 1696 г. был взят Азов.

С. 229. Шеин Алексей Семенович (1662–1700) – участник Крымских походов. В Азовском походе командовал сухопутными войсками. В 1696 г. ему первому было присвоено звание генералиссимуса.

Головин Федор Алексеевич (1650–1706) – граф, ближайший сподвижник Петра I, с 1699 г. генерал-адмирал, с 1700 г. генерал-фельдмаршал, с 1699 г. руководил российской внешней политикой, участник Великого посольства.

С. 243. Великое посольство – состоялось в 1697–1698 гг. в Западную Европу (Кенигсберг, Курляндия, Голландия, Англия, Вена) для создания антитурецкого военного союза, а также для приглашения специалистов на русскую службу и для закупки вооружения. Руководил Петр I, «великими послами» были Ф. Лефорт, Ф. Головин, П. Возницын. Великое посольство подготовило почву для борьбы за Прибалтику.

С. 256. Крюйс Корнелий Иванович (1657–1727) – адмирал. Приглашен в Россию Петром I в 1697 г. В 1700 г. участвовал в организации флота в Воронеже и Архангельске. Участвовал в войне против шведов. С 1713 г. в опале, в ссылке в Казани. В 1719 г. вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

С. 273. Возницын Прокопий Богданович – русский дипломат, выполнял дипломатические поручения при царях Алексее Михайловиче,

Федоре Алексеевиче и Петре I. Был членом Великого посольства, заключил мирный договор с Турцией в 1699 г.

...цесарь Леопольд... – Леопольд I (165–1705) – римский германский император.

С. 281. *Карл XII* (1682–1718) – король Швеции с 1697 г., полководец. В Северной войне одержал ряд крупных побед, но вторжение в Россию в 1708 г. завершилось его поражением в Полтавском сражении (1709), после чего он бежал в Турцию. Вернулся лишь в 1715 г., через три года был убит во время похода в Норвегию.

С. 284. ...на мясопустную неделю... – по православному церковному уставу мясное заговенье, когда запрещена мясная пища, приходится на канун масленицы, за 56 дней до Пасхи (мясопустье).

С. 290. *Шафиров Петр Павлович* (1669–1739) – известный дипломат; начав службу в Посольском приказе в 1691 г., позже стал канцлером. Сопровождал Петра I в походах, участвовал в заключении многих важных договоров. С 1717 г. вице-президент Коллегии иностранных дел. По поручению Петра I написал «Рассуждения о причинах Свейской войны».

С. 301. *Шереметев Борис Петрович* (1652–1719) – сподвижник Петра I. В 1695 г. вместе с Мазепой удачно воевал против турок. В Северной войне из-под Нарвы его конница бежала; в 1702 г. он разбил шведов при Гумельсгофе, завоевал Ингрию, в 1703 г. взял Нотебург и Ниеншанц, занял Копорье, Ямбург, осадил Дерпт. Участвовал в Прутском походе, в Полтавской битве. Фельдмаршал, участник суда над царевичем Алексеем.

...борьбы за Испанское наследство... – война европейских династий за испанское наследство началась в 1701 г. и закончилась Утрехтским миром (1713) и Раштаттским миром (1714). В результате ее усилилось английское морское и колониальное могущество.

С. 301. ...Петр заключал союз с Данией и Саксонией... – Северный союз, антишведская коалиция, возник в 1699 г. Распался в начале Северной войны, после Полтавской битвы возобновлен с участием Пруссии.

С. 306. *Репнин Аникита Иванович* (1668–1726) – генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I, участник Северной войны. В 1724–1725 гг. президент Военной коллегии.

С. 315. ...школу Навигацкую... – Навигацких и математических наук школа основана Петром I 14 января 1701 г. в Москве; с 1752 г. это Морской шляхетский кадетский корпус, с 1771 г. переведен в Кронштадт.

С. 325. *Голицын Михаил Михайлович* (1675–1730) – участник сражения при Нарве, прославился в сражениях при Добром и Полтаве. В 1714–1721 гг. возглавлял войска в Финляндии.

С. 338. *Сенявин Наум Акимович* (?–1738) – вице-адмирал. Род Сенявиных был тесно связан с рождением и развитием русского флота. При Петре I служили во флоте Ульян Акимович, Иван Акимович и Наум Акимович Сенявины. Николай Иванович Сенявин был главным командиром Кронштадтского порта в 70-х гг. XVIII в., а адмирал Сенявин Дмитрий Николаевич прославил русский флот в конце XVIII – начале XIX вв.

ряж (режь) – бревенчатая решетка под строенье, плотину, для береговых укреплений.

С. 342. *Брюс Яков Вилимович* (1670–1735) – сподвижник Петра I, сенатор, президент Берг-и Мануфактур-коллегии с 1717 г., фельдмаршал. Ведал типографией, его именем назван гражданский календарь 1709–1715 гг. (Брюсов календарь).

С. 345. *Сиверс Питер* (Петр Иванович) (1674–1740) – датчанин. На русской службе руководил постройкой Ревельского порта, стал его начальником; командир Кронштадтского порта, позже вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

Беринг Витус Ионассен (1681–1741) – знаменитый мореплавател, датчанин по происхождению. В 1725–1730 гг. и 1733–1741 гг. руководил 1-й и 2-й Камчатскими экспедициями.

Бредаль Петр Петрович (?–1756) – норвежец, на русской службе с 1703 г. В 1715 г. крейсировал на Балтике, где пленил несколько шведских кораблей. С 1733 г. командир порта в Архангельске.

С. 346. ...чернобровая молодица из заморских краев... – Марта, дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского, при взятии Мариенбурга попала в плен, была в услужении у Шереметева, потом Меншикова. В 1705 г. ее увидел Петр I и более с ней не расставался. Они обвенчались в 1712 г., и она стала Екатериной Алексеевной (1684–1727).

С. 354. *Макаров Алексей Васильевич* (1674/1675–1750) – тайный кабинет-секретарь Петра I; в его ведении были все секретные бумаги. Он сопровождал Петра I повсюду, благодаря приближенности к царю был очень влиятелен, имел репутацию делового и справедливого человека.

С. 355. *Головкин Гаврила Иванович* (1660–1734) – родственник царицы Натальи Кирилловны, с 1709 г. государственный канцлер, с 1717 г. президент Коллегии иностранных дел.

С. 363. *Остерман Андрей Иванович* (Генрих Иоганн) (1686–1747) – знаменитый русский дипломат, в России с 1704 г., советник Петра I, сопровождал его в Прутском походе. Ему принадлежит заслуга в заключении выгодных договоров. С 1721 г. барон, вице-президент Коллегии иностранных дел.

С. 369. ...атамана Булавина... – крестьянско-казацкое восстание возглавил донской казак Кондратий Афанасьевич Булавин (ок. 1660–1708). Оно началось в 1707 г. на Дону, в Левобережной и Слободской Украине и в Среднем Поволжье.

С. 379. ...у деревни Лесной... – В сражении у Лесной, юго-восточнее Могилева, войска Петра I 28 сентября (9 октября) 1708 г. разгромили шведский корпус.

С. 380. *Мазепа Иван Степанович* (1644–1709) – гетман Украины в 1687–1708 гг., перешел на сторону шведов, в 1709 г. бежал вместе с Карлом XII.

С. 385. ...о победе под Полтавой... – Полтавское сражение состоялось 26 июня (8 июля) 1709 г. После разгрома шведского войска под Полтавой остатки его сдались в плен у Переволочны. Под Полтавой произошел перелом в войне.

С. 387. *Чернышев Григорий Петрович* (1672–1745) – граф, военачальник, сподвижник Петра I. В Северной войне участвовал в крупных сражениях, отличился под Полтавой. С 1718 г. член Адмиралтейств-коллегии, сенатор. Позже губернатор в Азовской, Лифляндской и Московской губерниях.

С. 401. *...заклучили мир...* – По Прутскому мирному договору, заключенному 12 июля 1711 г. после неудачи Прутского похода, Россия возвратила Турции Азов и обязалась уничтожить Таганрог. Турция должна была выслать Карла XII.

С. 417. *Змаевич Матвей Христофорович* – адмирал. В 1714 г. принял активное участие в битве при Гангуте, оказал важные услуги Петру I в инженерном и судостроительном деле. В 1721 г. строил галерную гавань в Петербурге. Впоследствии предан суду за растрату.

С. 424. *Ягужинский Павел Иванович* (1683–1736) – выходец из Польши, выполнял дипломатические поручения. С 1722 г. генерал-прокурор Сената.

С. 425. *...о славной победе...* – У Гангута (полуострова Ханко-финск. название) русский галерный флот под командованием Петра I 27 июля (7 августа) 1714 г. разгромил шведскую эскадру контр-адмирала Н. Эреншельда и захватил 10 кораблей. Это первая крупная победа русского флота.

С. 429. *...с исчезновением... царевича Алексея...* – царевич Алексей Петрович (1690–1718) в 1716 г. бежал за границу, в Вену, затем переехал в Неаполитанский замок, где его и застал посланный Петром I П. Толстой и Н. Румянцев. Толстой сумел уговорить царевича вернуться в Россию.

С. 430. *На Аландах начались переговоры...* – На Аландских островах состоялся конгресс (1718), на котором переговоры о мире вначале шли успешно для России, но после смерти Карла XII они были прерваны.

Толстой Петр Андреевич (1645–1729) – граф, посол в Османской империи в 1702–1714 гг. С 1718 г. начальник Тайной розыскных дел канцелярии, президент Коммерц-коллегии. Особое доверие Петра I приобрел после того, как вернул в Россию царевича Алексея. В 1727 г. сослан на Соловки.

С. 432. *...Гамильтонова девка...* – Мария Даниловна Хаментова, камер-фрейлина, была любовницей Петра I, а затем царского денщика И. М. Орлова. Казнена в 1719 г.

С. 434. *Головин Николай Федорович* (?–1745) – адмирал; в 1705 г. был отправлен Петром I в Англию и Голландию, 8 лет служил в английском флоте. С 1725 г. посланник в Швеции, с 1733 г. президент Адмиралтейств-коллегии.

С. 438. *Гренгам* – около острова Гренгам русский галерный флот М. М. Голицына разбил шведскую эскадру вице-адмирала Шеблата 27 июля (7 августа) 1720 г.

...подписали... мир... – Ништадтский мир 30 августа (12 сентября) 1721 г. завершил Северную войну. Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии и других территорий, Россия обязалась уплатить денежную компенсацию и возвратить Финляндию.

С. 442. *...«персидская» кампания...* – поход русской армии и флота под Азербайджан и Дагестан, которые были присоединены к России (в 30-х гг. XVIII в. возвращены Ирану).

С. 443. *Соймонов Федор Иванович* (1692–1780) – русский гидрограф. В 1719–1720 гг. и 1724–1727 гг. исследовал Каспийское море. В 1731 г. издал атлас Каспийского моря, в 1734 – Балтийского моря. В 1757–1763 гг. сибирский губернатор. Основные труды по экономике и географии Сибири. Написал «Историю Петра».

С. 447. *Чириков Алексей Ильич* (1703–1748) – русский мореплаватель. В 1725–1730 гг. и в 1733–1743 гг. помощник В. Беринга в 1-й и 2-й Камчатских экспедициях. В 1741 г. исследовал северо-западное побережье Северной Америки, открыл ряд островов Алеутской гряды.

С. 449. *...Меншикова... отстранил... от Военной коллегии.* – Комиссия, расследовавшая злоупотребления Меншикова, представила Петру факты такого его взяточничества и захвата казенной собственности, что царь сместил его с должности президента Военной коллегии. Следствие по делу Меншикова велось до смерти Петра I, прекратилось при Екатерине.

С. 453. *Прокопович Феофан* (1681–1736) – государственный и церковный деятель, писатель, сподвижник Петра I, глава Ученой дружины.

С. 457. *Верховный тайный совет* – создан Екатериной I как совещательный орган, существовал в 1726–1730 гг., фактически решал важнейшие государственные вопросы. Был распущен императрицей Анной Иоанновной.

С. 458. *Анна Петровна* (1708–1728) – дочь Петра и Екатерины Алексеевны, была замужем за внуком шведского короля Карла IX, герцогом Карлом-Фридрихом Гольштейн-Готторпским.

Герцог претендовал на землю Шлезвиг в Европе. – Герцогство Шлезвиг и герцогство Гольштейн объединились в XIV в. под властью графов Гольштейн, а с середины XV в. были в персональной унии с Данией. Послевоенные отношения России с Данией были сложными, и Россия использовала для давления на Данию притязания гольштинского герцога на захваченный ею Шлезвиг.

С. 461. *Девьер* (Дивьер, Девьер) Антон Мануилович – сын португальского еврея, был юнгой на корабле под командой Петра I, позже генерал-адъютантом Петра, который ценил его организаторские способности. Был первым генерал-полицмейстером Петербурга; сенатор, граф. В 1727 г. Меншиков отправил его в ссылку в Якутскую область, там он помогал снаряжению экспедиции Беринга. Вернувшись из ссылки, вновь стал генерал-полицмейстером Петербурга.

С. 462. *Елизавета Петровна* (1709–1761) – дочь Петра I и Екатерины Алексеевны, с 1741 г. – императрица России.

Монс Виллим Иванович (1688–1724) – участник сражений у Лесной и Полтавы; был личным адъютантом Петра I, с 1716 г. камер-юнкер, с 1724 г. камергер. В 1724 г. арестован и казнен.

С. 461. *Петр II* (1715–1730) – российский император с 1727 г., сын царевича Алексея Петровича.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1661 год

*27 ноября*¹ – родился Федор Матвеевич Апраксин.

1692–1693 годы

Апраксин в звании стольника был с царем Петром I в Архангельске. Назначен воеводою двинским и губернатором Архангельска. Руководил постройкою первого торгового корабля и его снаряжением на Соломбале.

1695 год

Ф. М. Апраксин – поручик Семеновского полка.

1697 год

Апраксин надзирал за судостроением в Воронеже.

1699 год

Апраксин принимал участие в Керченском походе.

1700 год

18 февраля – Ф. М. Апраксин пожалован званием адмиралтейца. Стал начальником Адмиралтейского приказа. Возвел Таганрог и гавань Азов.

1702 год

Апраксин находился в плавании в Азовском море, производил исследование фарватеров.

1706 год

Апраксин заведовал судостроением в Воронеже; управлял Оружейным, Ямским приказами и Монетным двором в Москве.

1707 год

22 февраля – Ф. М. Апраксин становится адмиралом и президентом Адмиралтейства.

1708 год

Апраксин руководил флотом. Командовал сухопутными войсками в Ингрии; одержал победы над шведскими войсками у Ракобора и в Копорском заливе. Получил чин действительного тайного советника. Возведен в графское достоинство, стал генерал-адмиралом русского флота.

¹ Все даты указаны по старому стилю.

1709 год

Пребывал в Воронеже. Преобразовывал Азовский флот. Вступил в должность губернатора азовского.

1710 год

Ф. М. Апраксин руководил войсками, осаждавшими Выборг. За его взятие получил орден Св. Апостола Андрея Первозванного и золотую шпагу с бриллиантами.

1711 год

Апраксин руководил Азовским флотом.

1712–1713 годы

Ф. М. Апраксин руководил сухопутными войсками в походе в Финляндию, участвовал во взятии Гельсингфорса и победе над шведскими войсками при Пелкине.

1714 год

27 июля – Апраксин руководил галерным флотом, участвуя в победном морском сражении при Гангуте.

Ходил с флотом в Ботнический залив.

1715–1716 годы

Апраксин командовал корабельным флотом, плавал по Финскому заливу, действовал против шведов.

1717 год

Апраксин крейсировал в Балтийском море. Произвел высадку на остров Готланд.

15 декабря – назначен президентом Адмиралтейств-коллегии.

1718 год

Апраксин крейсировал в Финляндии. Находился под судом за злоупотребления по подрядам, подвергся денежным взысканиям. Участвовал в розыске по делу царевича Алексея.

1719 год

Апраксин сопровождал Петру I в поездке на Олонецкие минеральные воды.

Руководил галерным флотом, который высадил десант на берег Швеции.

1721 год

22 октября – по случаю заключения Ништадтского мира Ф. М. Апраксин награжден кайзер-флагом. Назначен эстляндским губернатором.

1722 год

Апраксин участвовал в Персидском походе, руководил морскими силами на Каспийском море.

1723–1726 годы

Ф. М. Апраксин командовал Балтийским флотом. Награжден орденом Св. Александра Невского.

1728 год

10 ноября – смерть Ф. М. Апраксина в Москве.